

Археологические вести

— 45 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

45
(2024)

Saint Petersburg
2024

Археологические вести

45
(2024)

Санкт-Петербург
2024

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов,
член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба,
А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин,
Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

Н. В. Хвощинская, М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашуба

Издательская группа: Е. В. Новгородских (редактор), Е. О. Стоянов (переводы)

Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. — Вып. 45 /
[Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2024. — 176 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В выпуск 45 журнала «Археологические вести» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В работах, входящих в раздел «Новые открытия и исследования», рассматриваются археологические материалы разных эпох: палеолита, раннего Средневековья, Нового времени. Раздел «Погребения на поселениях» посвящен вопросам интерпретации необычных захоронений эпохи бронзы. Авторы работ по истории науки продолжают архивные изыскания, проливая свет на неизвестные современным ученым страницы археологии. Также в выпуске публикуется отчет ученого секретаря ИИМК РАН о работе института в 2023 г.

Issue 45 of the Archaeological News journal includes articles devoted to the latest research in the field of archaeology, history and culture. The works included in the section “New Discoveries and Studies” examine archaeological materials from different eras: the Paleolithic, the early Middle Ages, and the New Age. The section “Burials at Settlements” is devoted to the issues of interpretation of unusual burials of the Bronze Age. The authors of works on the history of science continue archival research, shedding light on pages of archaeology unknown to modern scientists. The issue also publishes a report by the Scientific Secretary of the IHMC RAS on the work of the institute in 2023.

Первая и четвертая страницы обложки — смоленские булавки, фото Т. В. Столяровой, Г. О. Моисеенкова,
Н. А. Кренке

First and forth pages of cover — Smolensk pins, photo by T. V. Stolyarova, G. O. Moiseenkov, N. A. Krenke

Содержание

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 85-летию Вадима Сергеевича Бочкарёва	7
К 80-летию Вадима Андреевича Алёкшина	8
К юбилею Натальи Александровны Лазаревской	9

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>В. Е. Щелинский, В. В. Титов.</i> Местонахождения среднего палеолита Протока 1 и Протока 2 в Западном Предкавказье	11
<i>Е. С. Ткач, А. А. Малютина.</i> Изделия каменного века из кости и рога с территории Калининградской области по опубликованным данным	21
<i>Н. А. Кренке.</i> «Смоленские» булавки из раскопок В. В. Седова на городище Воищина	41
<i>К. В. Горлов, В. Ю. Соболев.</i> Новые находки монет петровского времени на территории Санкт-Петербурга первой половины XVIII в.	46

ПОГРЕБЕНИЯ НА ПОСЕЛЕНИЯХ

<i>Н. А. Берсенева.</i> Феномен погребений на поселениях	72
<i>Н. А. Берсенева.</i> Подходы к интерпретации погребений на поселениях Северной Евразии в российской и зарубежной археологии (эпоха палеометалла)	73
<i>М. А. Изотова.</i> Танавский грунтовый могильник позднего бронзового века в Нижнем Поволжье	82
<i>И. А. Файзуллин.</i> Захоронения людей на поселениях позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья	97
<i>Т. В. Саранулкина, В. П. Власов, В. А. Тихомиров.</i> Погребение людей и собак в хозяйственной яме кизил-кобинского поселения Сарандинакино-2 в Юго-Западном Крыму	108

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко, А. Н. Ткачёв.</i> К истории изучения конского снаряжения из меотских памятников Прикубанья	118
<i>М. В. Медведева.</i> Анийские письма Н. Я. Марра из документального наследия В. А. Миханковой	127
<i>Н. Я. Марр.</i> Письма В. Р. Розену (<i>комментарии В. А. Миханковой, подготовка к публикации и дополнения к комментариям М. В. Медведевой</i>)	130
<i>И. Л. Тихонов, А. С. Уваров</i> в Санкт-Петербурге: учеба и служба (по материалам петербургских архивов)	141
<i>Н. А. Павличенко, О. В. Григорьева, В. А. Горнчаровский.</i> «...Нам нужно больше, гораздо больше надписей, и все-таки сыты не будем»: материалы о проекте создания Русского археологического института в Афинах (из архивных собраний Санкт-Петербурга)	150

ХРОНИКА

<i>М. Т. Кашуба, В. П. Власов.</i> Междисциплинарный научный симпозиум «Монуменальность и монументальная скульптура эпохи палеометалла и раннего железного века в горно-степном поясе Евразии»	164
Институт истории материальной культуры РАН в 2023 г. (<i>Е. С. Ткач</i>)	168
Список сокращений	173

Contents

OUR HEROES OF THE DAY

To the 85 th anniversary of Vadim Sergeevich Bochkarev	7
To the 80 th anniversary of Vadim Andreevich Alekshin	8
To the jubilee of Natalia Alexandrovna Lazarevskaya	9

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>V. E. Shchelinsky, V. V. Titov.</i> The Middle Palaeolithic sites Protoka 1 and Protoka 2 in the Western Fore-Caucasus	11
<i>E. S. Tkach, A. A. Malyutina.</i> Bone and antler stone age artifacts of the Kaliningrad district based on published data	21
<i>N. A. Krenke.</i> The “Smolensk” pins from V. V. Sedov’s excavations at the Voishchina settlement	41
<i>K. V. Gorlov, V. Yu. Sobolev.</i> New finds of coins of the time of Peter the Great on the territory of St. Petersburg of the first half of the 18 th century	46

BURIALS AT SETTLEMENTS

<i>N. A. Berseneva.</i> The phenomenon of burials at settlements	72
<i>N. A. Berseneva.</i> Approaches to the interpretation of burials at settlements of the Northern Eurasia in Russian and foreign archaeology (the Palaeometallic Era)	73
<i>M. A. Izotova.</i> Tanavsky burial ground of the Late Bronze Age in the Lower Volga region	82
<i>I. A. Fayzullin.</i> Human burials at the Late Bronze Age settlements on the territory of the Orenburg Urals	97
<i>T. V. Sarapulkina, V. P. Vlasov, V. A. Tikhomirov.</i> The burial of humans and dogs in the household pit of the Kizil-Koba culture settlement Sarandinakino-2 in the South-Western Crimea	108

HISTORY OF SCIENCE

<i>N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko, A. N. Tkachyov.</i> To the History of the Study of Horse Equipment from the Maeotian Sites of the Kuban Region	118
<i>M. V. Medvedeva.</i> N. Ya. Marr’s Anian letters from the documentary heritage of V. A. Mikhankova	127
<i>N. Ya. Marr.</i> Letters to V. R. Rosen (<i>comments by V. A. Mikhankova, preparation for publication and additions to comments by M. V. Medvedeva</i>)	130
<i>I. L. Tikhonov.</i> A. S. Uvarov in St. Petersburg: studies and service (on the materials of the St. Petersburg archives).....	141
<i>N. A. Pavlichenko, O. V. Grigorieva, V. A. Goroncharovsky.</i> “...We need more, much more inscriptions, and still, we will not be fed up”: documents on the project of the establishment of the Russian Archaeological Institute in Athens (from the archival collections of St. Petersburg)	150

CHRONICLE

<i>M. T. Kashuba, V. P. Vlasov.</i> Interdisciplinary scientific symposium “Monumentality and monumental sculpture of the Paleometal and Early Iron Age in the mountain-steppe belt of Eurasia”	164
Institute for the History of the Material Culture of the Russian Academy of Sciences in 2023 (<i>E. S. Tkach</i>)	168
List of abbreviations	173

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 85-летию Вадима Сергеевича Бочкарёва

26 сентября 2024 г. исполнилось 85 лет Вадиму Сергеевичу Бочкарёву — крупнейшему отечественному исследователю эпохи палеометалла Европы, имя которого широко известно в европейской и мировой археологии.

Свой путь в науке Вадим Сергеевич начал со студенческой скамьи, когда, обучаясь на историко-филологическом факультете Ростовского государственного университета, он проводил археологические раскопки курганов эпохи бронзы в Ростовской области. Затем — аспирантура ЛГУ, а после ее завершения — плодотворная работа в 1966–1967 гг. в археологических экспедициях АН СССР и АН УССР. С 1968 г. Вадим Сергеевич — в штате ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН, где работает и по сей день. В том же 1968 г. увидела свет его фундаментальная работа по знаменитому Бородинскому кладу, которая сразу вывела молодого исследователя в ранг крупных специалистов бронзового века Восточной Европы. И началась долгая плодотворная научная жизнь.

Область научных интересов Вадима Сергеевича весьма разнообразна: археология Восточной Европы энеолита и бронзового века, вопросы древнейшей металлургии Старого света, а также проблемы культурогенеза. Особое место в научной деятельности Вадима Сергеевича занимают разработки в сфере теории и методологии археологической науки. В этой области исследований он по праву стал ведущим отечественным специалистом.

В 1977–1992 гг. Вадим Сергеевич возглавлял крупнейшую в России Кубанскую новоостроечную экспедицию, сотрудники которой развернули масштабные исследования курганных могильников и поселений эпохи бронзы и железного века в Краснодарском крае и Адыгее. На основе обобщения археологических материалов, добытых в течение многолетних раскопок на Кубани, Вадим Сергеевич создал периодизацию древних культур Предкавказья, что явилось существенным вкладом ученого в решение дискуссионных проблем кавказской археологии.

Вадим Сергеевич Бочкарёв. 2022 г.
Vadim Sergeevich Bochkarev. 2022

Вадим Сергеевич являлся одним из самых активных участников философского (методологического) семинара ЛОИА АН СССР. Его научные труды получили высокую оценку специалистов. К настоящему времени им написаны десятки фундаментальных трудов, несколько монографий, он является одним из наиболее цитируемых авторов в отечественной археологии эпохи палеометалла.

Педагогическая деятельность Вадима Сергеевича без преувеличения может быть признана выдающейся. Сейчас в ИИМК трудятся несколько поколений его учеников, воспитанных и подготовленных им с большой заботой. Эти исследователи уже внесли значительный вклад в археологическую науку самых разных направлений.

Ученики, друзья, коллеги сердечно поздравляют дорогого Вадима Сергеевича с юбилеем, желают ему крепкого здоровья и новых творческих свершений.

К 80-летию Вадима Андреевича Алёкшина

16 октября 2024 г. отпраздновал свой юбилей Вадим Андреевич Алёкшин — известный отечественный специалист по археологии неолита — бронзового века Центральной Азии.

Многие десятилетия научного пути и научно-организационной работы Вадима Андреевича неразрывно связаны с ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН. Весной 1964 г. студентом кафедры археологии ЛГУ он принял участие в работах Каракумского отряда ЛОИА АН СССР на городище Намазга-депе под руководством В. М. Массона, ставшего научным руководителем его кандидатской диссертации, успешно защищенной весной 1977 г. С осени 1975 г. Вадим Андреевич — в штате ЛОИА. В институте он всегда находился в центре научно-организационной работы: в 1978–1990 гг. был ученым секретарем отдела археологии Средней Азии и Кавказа, с 1998 по 2003 г. являлся заместителем директора ИИМК РАН по научной работе, с апреля 2003 г. по октябрь 2018 г. возглавлял отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

Перу В. А. Алёкшина принадлежит широко цитируемая разработка по методике социологической интерпретации древних захоронений; одной из востребованных работ и сегодня остается монография 1986 г. (подготовленная по кандидатской диссертации), посвященная реконструкции общественных отношений древнеземледельческих племен Центральной Азии и Ближнего Востока в неолите, энеолите и бронзовом веке. Предложенные В. А. Алёкшиным понятия «стандартный погребальный обряд» и «стандартный набор погребального инвентаря» прочно вошли в археологическую науку. Изучение погребальных обрядов палеолита — эпохи бронзы с точки зрения методологии, методики, интерпретации привело его к общему определению похоронного ритуала как феномена традиционной культуры. Среди трудов Вадима Андреевича выделяются работы по проблемам индоевропеистики. Стоит отметить и его многочисленные

Вадим Андреевич Алёкшин. 2022 г.
Vadim Andreevich Alekshin. 2022

историографические труды, благодаря которым пишется история отдела.

Вадим Андреевич много времени уделяет редакторской работе. Помимо работы в редколлегиях «Археологических вестей» (1992–2004 гг.), «Записок ИИМК РАН» (с 2006 г. по настоящее время), «Записок Восточного отделения Российского археологического общества» (с 2015 г. по настоящее время) он регулярно входит в состав редколлегий материалов конференций и сборников научных статей, выпускаемых отделом. Много сил отдано Вадимом Андреевичем и многолетней преподавательской работе — курсам лекций «Археология Средней Азии», «Археология Древнего Востока», «Древнейшие цивилизации» и др.

Коллектив ИИМК РАН сердечно поздравляет Вадима Андреевича с замечательным юбилеем, желает ему крепкого здоровья, успехов и новых научных достижений.

К юбилею Натальи Александровны Лазаревской

13 октября 2024 г. отметила юбилей научный сотрудник НА ИИМК РАН Наталья Александровна Лазаревская. Еще будучи студенткой кафедры археологии исторического факультета Ленинградского университета, в 1975 г. она пришла на работу в институт. В 1978 г. Н. А. Лазаревская стала старшим лаборантом Сибирской археологической экспедиции ЛОИА, где успешно выполняла большой объем работ, связанных в основном с реставрацией и камеральной обработкой находок.

В конце 1991 г. Наталья Александровна перешла в фотоархив (ныне фотографический отдел НА ИИМК РАН), быстро освоила архивное дело и стала незаменимым сотрудником. В архиве она занимается обработкой фондов, научным описанием коллекций, учетом материалов и другими видами архивной работы. Наталья Александровна участвует в грантах архива, в подготовке выставок архивных документов на различных музейных площадках, выступает с докладами на конференциях. Научные публикации Н. А. Лазаревской охватывают широкий спектр тем от собственно археологии до истории науки, включая обширные обзоры архивных материалов.

В течение многих лет Наталья Александровна в качестве секретаря отдела полевых исследований ИИМК РАН скрупулезно рецензирует полевые отчеты, всегда доброжелательно и компетентно консультирует сотрудников по вопросам получения Открытых листов и подготовки отчетов.

На протяжении почти полувека работы в ИИМК РАН Н. А. Лазаревская неизменно проводит лето в поле. Она участвовала в археологических экспедициях в Средней Азии, в Украине и на Северо-Западе России, но главным для нее местом полевых работ все эти годы остается Сибирь. С середины 1970-х гг. Н. А. Лазаревская трудилась в составе Саяно-Тувинской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН) — самой большой в то время спасательной экспедиции в Советском Союзе, которая исследо-

Наталья Александровна Лазаревская. 2015 г.
Natalia Aleksandrovna Lazarevskaya. 2015

вала памятники на территории проектируемого водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС. Сначала она участвовала в раскопках на городище Бажын-Аллак, которыми руководил А. Я. Щетенко. В 1977 г. находилась в группе Вл. А. Семёнова (в составе отряда С. Н. Астахова) на раскопках поселения на реке Кантегир (притоке Енисея). В том же году в ходе разведок с Вл. А. Семёновым Наталья Александровна стала первооткрывателем знаменитой стоянки Тоора-Даш, которая является уникальным многослойным памятником,

датируемым от неолита до современности. В 2007 и 2008 гг. она принимала самое активное участие в международном проекте по изучению крепости Пор-Бажын. С 2009 г. и по сей день каждое лето Наталья Александровна в составе Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН проводит исследования в разных районах Республики Тыва: 2009 и 2010 гг. — раскопки элитных курганов уюкской культуры на могильнике Кош-Пей; 2011–2016 гг. — работы по трассе проектируемой железной дороги Ээрбек — Баян-Кол; 2017–2024 гг. — в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС и Южной Туве (Овюр). Везде она руководила

раскопами, осуществляла фиксацию, помогала в написании научных отчетов и т. д., в чем в полной мере проявлялись ее высокие профессиональные качества.

Коллеги ценят Н. А. Лазаревскую не только за ответственность, ум и трудолюбие. Всем хорошо известны ее доброта, искреннее расположение и неизменная отзывчивость. К Наталье Александровне всегда можно обратиться за помощью, получить ценный совет и квалифицированную консультацию. От всей души поздравляем ее с 70-летием, желаем крепкого здоровья, благополучия и новых научных открытий!

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Местонахождения среднего палеолита Протока 1 и Протока 2 в Западном Предкавказье¹

В. Е. Щелинский, В. В. Титов²

Аннотация. В статье приводятся и предварительно интерпретируются данные о двух стратифицированных среднепалеолитических местонахождениях — Протока 1 и Протока 2, недавно открытых В. Е. Щелинским на Таманском полуострове.

Ключевые слова: средний палеолит, МИС 5е, местонахождения Протока 1 и Протока 2, хазарский фаунистический комплекс, Западное Предкавказье, Таманский полуостров.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-45-11-20

Введение

В Западном Предкавказье в настоящее время выявлены и хорошо исследованы многочисленные стоянки нижнего палеолита, датируемые ранним и средним плейстоценом (Щелинский, 2021; 2023; Щелинский, Гайдаленок, 2022). Однако более поздние палеолитические стоянки на этой территории до последнего времени были неизвестны.

В связи с этим заслуживают внимания два новых среднепалеолитических местонахождения — Протока 1 и Протока 2, недавно открытые В. Е. Щелинским на Таманском полуострове. Оба местонахождения пока только зафиксированы, и раскопки их еще не производились. Однако уже сейчас ясно, что они стратифицированные и имеют довольно выраженные культуросодержащие слои с каменными изделиями и костями плейстоценовых млекопитающих.

В статье приводятся и предварительно интерпретируются имеющиеся на сегодняшний день геологические, палеонтологические и археологические данные об этих местонахождениях.

Местонахождение Протока 1

Местонахождение Протока 1 расположено на Таманском полуострове на берегу Азовского моря, в 350 м к северу от пос. За Родину (Темрюкский район Краснодарского края), в устьевой части на правом берегу Синей балки (рис. 1).

Геология. Культуросодержащий слой местонахождения связан с отложениями древней балочной террасы высотой у тылового шва около 20 м. Эти отложения надстраивают сверху хорошо известную и детально изученную толщу нижнеплейстоценовых отложений, в которой залегает культуросодержащий слой раннеашельской стоянки Кермек (рис. 2, А) (Тесаков и др., 2019; Щелинский, 2021).

Последовательность отложений террасы и подстилающих их более древних литологических слоев выглядит следующим образом (снизу вверх) (рис. 2, А, Б).

1. Глина коричневато-темно-серая, плотная, тугопластичная, бесструктурная, с включением неокатанного щебня и крупных кусков доломита. Верхний контакт четкий. Видимая мощность >1 м.

2. Пачка переслаивающихся щебнисто-галечных прослоев и прослоев песка с раковинами пресноводных и слабосолоноватоводных моллюсков. Щебнисто-галечные прослои с нечеткими контурами, рыже-коричневые, буроватые,

¹ Щелинским В. Е. исследование выполнено по теме государственного задания «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012). Титовым В. В. — по теме государственного задания Южного научного центра РАН (№ гр. проекта 122011900166-9).

² Щелинский В. Е. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, РФ; e-mail: shchelinsky@yandex.ru. Титов В. В. — Южный научный центр РАН; г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: vvtitov@yandex.ru.

© Щелинский В. Е., Титов В. В., 2024

Рис. 1. Расположение среднепалеолитических местонахождений Протока 1 (1) и Протока 2 (2) на Азовском побережье Таманского полуострова. Вид с северо-востока

Fig. 1. Location of the Middle Palaeolithic sites Protoka 1 (1) and Protoka 2 (2) on the Sea of Azov coast of the Taman Peninsula. View from the northeast

с песчаным светло-серым заполнителем. В заполнителе песок кварцево-полимиктовый, с содержанием ильменита. Размеры обломочного материала — от 0,2–0,3 до 20,0 см, неокатанный материал преобладает над слабоокатанным и окатанным. По составу материал из разных осадочных пород: мергель, песчаник, сидерит, окварцованный доломит, алевролит. Много крупных и мелких окатышей коричневатой-серой глины. Прослойки и прослойки песка также с нечеткими контурами, прерывистые, с разным уклоном, толщиной от 10–15 до 25–30 см, песок светло-серый, кварцево-полимиктовый, слюдистый, с небольшим содержанием гравия и окатышами коричневатой-серой глины. Верхний контакт четкий. Мощность 1 м.

3. Песок пестроцветный рыжеватой-белесый, прослойками и по трещинам ржаво-бурый, горизонтально — и косослоистый, сравнительно однородный, с тонкими прослойками желвачков железистых конкреций и окатанных обломков доломита диаметром до 3–5 см. Прослеживаются отдельные тонкие прослойки желтого цвета, напоминающие серу. Верхний контакт четкий, с эрозийными карманами. Мощность 1,7 м (к востоку мощность увеличивается до нескольких метров).

Слои 1–3 дислоцированы и наклонены на восток под углом 50°.

4. Галечник плотный, слоистый, с бурый и желтовато-коричневым дресвяно-суглинистым заполнителем, содержит включения тонких про-

слоев дресвы и желтоватого песка с неясными контурами. Обломочный материал в основном плохо окатанный, размеры обломков от 1–2 до 20 см, представлен преимущественно доломитами и сидеритами, отмечены редкие мелкие гальки кварца и окатыши глинистого материала голубовато-серого цвета. Контакт с вышележащим слоем постепенный. Мощность 0,5 м.

5. Глина плотная, пестроцветная, в основном коричневатой-сизая, легкая, слоистая, в небольшой степени макропористая из-за усыхания, по отдельным трещинам прослеживается ожелезнение, с включениями линз и прерывистых прослоев слабо окатанных обломков известковистых пород размером от 2–3 до 10–15 см, дресвы, серого песка и плотной коричневатой-серой глины. Внизу объем обломочного материала увеличивается. Состав обломков тот же, что в нижележащем слое. Контакт с вышележащим слоем постепенный. Мощность 1,4 м.

6. Суглинок палево-бурый, макропористый, с редкой дресвой известковистых пород, с большим количеством карбонатных стяжений типа «белоглазки», стяжения преимущественно мелкие, диаметром до 1,5 см, реже до 5,0–8,0 см, суглинок нечетко слоистый, к подошве отмечены отдельные линзы брекчированного темно-серого суглинка. Переход к вышележащему слою постепенный, фиксируется по изменению цвета породы. Мощность 1,5 м.

7. Почвенно-растительный слой — суглинок темно-серый, макропористый, образует вертикальные отдельности, с редкими включениями дресвы из известковистых пород, а также мелких карбонатных стяжений. Мощность 0,9 м.

Описанный разрез четко разделяется на две разновозрастные части. Нижнюю часть образуют дислоцированные нижнеплейстоценовые слои грязевулканического (слой 1), пляжевого (слой 2) и прибрежно-морского генезиса (слой 3). При этом слой 2 является культуросодержащим слоем упоминавшейся раннеашельской стоянки Кермек, датируемой по совокупности биоистратиграфических, палеомагнитных и палинологических данных концом гелазия и интервалом 2,1–2,0 млн лет назад (Тесаков и др., 2019; Щелинский, 2021).

Нижняя пачка слоев служит цоколем верхней части отложений разреза, включающей в себя слои 4–7, имеющие, по-видимому, аллювиально-дельтовое происхождение (за исключением слоя современной почвы). Примечательно, что залегают эти слои на эродированной поверхности нижней пачки отложений с резким несогласием

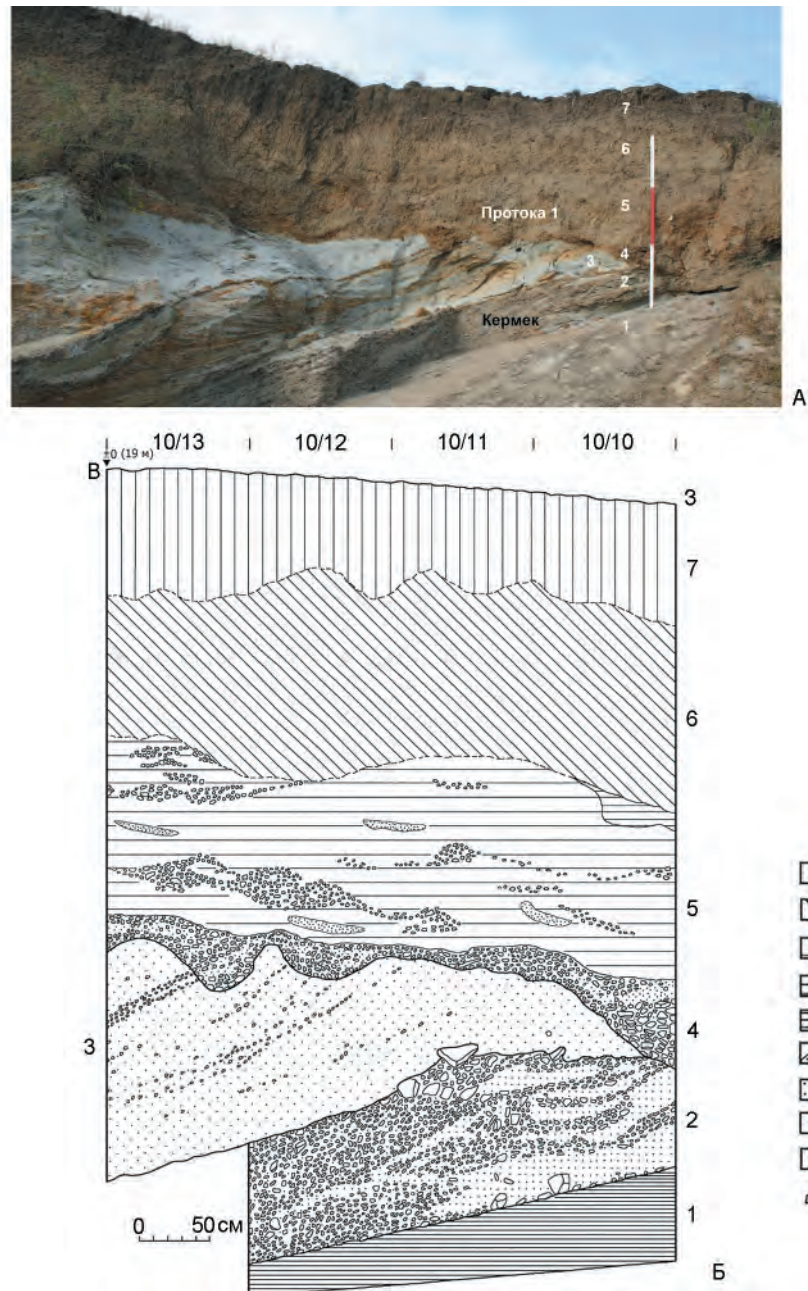

Рис. 2. Среднепалеолитическое местонахождение Протока 1. Разрез отложений с культуросодержащим слоем: А — фотография разреза, вид с севера (1-7 — литологические слои; 5 — культуросодержащий слой); Б — рисунок разреза (1-7 — литологические слои; 5 — культуросодержащий слой (а — современная почва; б — суглинок палево-бурый; в — глина коричневатого-серая с линзами и прослоями песка и обломочного материала; з — глина коричневатого-серая; д — грязевулканическая, коричневатого-темно-серая с обломочным материалом, коричневатого-бурая; е — линзы желто-серого песка; ж — песок серый; з — песок белый; и — песок светло-серый; к — щебень, гальки и глыбы доломита))

Fig. 2. The Middle Palaeolithic site Protoka 1. Section of sediments with culture-containing layer: А — photograph of the section, view from the north (1-7 — lithological layers; 5 — culture-containing layer); Б — drawing of the section (1-7 — lithological layers; 5 — culture-containing layer (а — modern soil; б — pale-brown loam; в — brownish-grey clay with lenses and interlayers of sand and clastic material; з — brownish-grey clay; д — mud volcanic, brownish-dark grey with clastic material, brownish-brown; е — lenses of yellow-grey sand; ж — grey sand; з — white sand; и — light grey sand; к — crushed stone, pebbles and blocks of dolomite))

и почти горизонтально. Культуросодержащим слоем местонахождения является литологический слой 5, представленный плотной слоистой пестроцветной глиной с линзами обломочного материала и песка.

Возраст культуросодержащего слоя местонахождения, как и всей включающей его верхней пачки отложений, пока точно не установлен. В целом эта пачка отложений относится к III осадочной толще недавно предложенной стратиграфической схемы плейстоцена северо-восточной части Таманского полуострова, датруемой средним-поздним плейстоценом (*Тесаков и др.*, 2019). Сузить этот широкий хронологический диапазон датировки культуросодержащего слоя местонахождения позволяют оценка его геоморфологической позиции и определение найденных в нем остатков фауны крупных млекопитающих.

Как было отмечено, пачка отложений с культуросодержащим слоем имеет субаквальный генезис и располагается довольно высоко над современным уровнем моря. Учитывая это, можно предполагать, что она синхронна с максимальной стадией обширной позднеплейстоценовой карангатской трансгрессии Черного моря (Понта), коррелируемой с МИС 5e и микулинским межледниковьем на Русской равнине. Не исключен также и более ранний возраст этой пачки отложений — позднесреднеплейстоценовый, соответствующий времени ашейской трансгрессии Черного моря и МИС 7. Фауна млекопитающих из культуросодержащего слоя местонахождения не противоречит этому предположению.

Фауна. Наличие в верхней пачке отложений местонахождения костных остатков крупных млекопитающих впервые было установлено В. И. Жегалло. Из нее он определил кости *Mammuthus primigenius* (ранняя форма), *Equus* sp. и *Canis* sp. Находки были отнесены к хазарскому фаунистическому комплексу и датированы средним плейстоценом (*Несмеянов*, 1999. С. 58). Нами в культуросодержащем слое местонахождения также были найдены костные остатки представителей хазарского фаунистического комплекса — нижняя челюсть широкопалой лошади (*Equus latipes*) и, на осыпи под культуросодержащим слоем, фаланга бизона (*Bison* sp.). Следует отметить, что время существования хазарской териофауны включает как конец среднего плейстоцена (МИС 7-6), так и начало позднего плейстоцена (МИС 5) (*Застрожных и др.*, 2018).

Каменные изделия. На местонахождении найдено всего шесть каменных изделий среднепалеолитического облика (рис. 3). При этом три были извлечены из культуросодержащего слоя, три других собраны на осыпи непосредственно под обнажением культуросодержащего слоя.

В составе находок четыре отщепы, нуклеус и орудие. Все они изготовлены из местного доломита, первичные отдельности которого имели форму неокатанных обломков. Изделия совершенно неокатанные, хотя происходят из слоя субаквального происхождения и покрыты серовато-коричневой патиной.

Отщепы. Три из них, длиной 4,4–8,2 см, бесформенные, с разнонаправленной огранкой, корковой (2 экз.) и гладкой ударной площадкой (рис. 3, 1, 3, 4). Один отщеп, длиной 9,0 см, леваллуазский, удлинённой формы, со встречной продольной огранкой (рис. 3, 2). Оба конца этого отщепа отломаны.

Нуклеус (рис. 3, 5) (5,0 × 5,2 × 2,5 см) плоский, ортогонального скалывания, с обработанными ударными площадками, сильно сработанный.

Орудие (рис. 3, 6) является хорошо выраженным обушковым двусторонне обработанным ножом. Размеры его 8,0 × 4,8 × 0,8 см, тип исходной заготовки неясен. Нож овально-трапециевидной формы, с плосковыпуклым поперечным сечением, полуторалезвийный. Его основное лезвие выпуклое, обработано краевыми сколами с заломами на концах, короткое лезвие на скосе обушка вогнутое, оформлено одним снятием, дистальный конец на месте схождения лезвий неострый, узкий с закругленной кромкой, обушок почти прямой и обработан отвесными снятиями, пятка слегка выпуклая, обработанная и плавно смыкается с обушком, верхняя сторона обработана краевыми снятиями, нижняя сторона сплошь оббита уплощающими сколами.

Малочисленность находок затрудняет их интерпретацию. Однако складывается впечатление, что они относятся к среднепалеолитической каменной индустрии со слабо выраженной леваллуазской технологией первичного расщепления и наличием двусторонне обработанных орудий, в частности двусторонне обработанных обушковых ножей.

Местонахождение Протока 2

Местонахождение Протока 2 расположено в 500 м к юго-западу от местонахождения Протока 1 на левом берегу балки Синей, в 400 м от ее устья (рис. 1).

Геология. Местонахождение было открыто благодаря обследованию песчаного карьера

Рис. 3. Среднепалеолитическое местонахождение Протока 1. Изделия из доломита: 1, 3, 4 — отщепы; 2 — удлиненный отщеп; 5 — нуклеус; 6 — обушковый двусторонне обработанный нож. Масштаб: а — для 1-5; б — для 6
Fig. 3. The Middle Palaeolithic site Protoka 1. Products from dolomite: 1, 3, 4 — flakes; 2 — elongated flake; 5 — core; 6 — double-sided shank. Scale: a — for 1-5; б — for 6

(рис. 1; 4, А). В южной стенке его и был обнаружен слой, содержащий кости крупных млекопитающих и каменные изделия (рис. 4, Б).

Карьером вскрыты отложения, образующие нижнюю часть пологого левобережного склона (террасы) балки Синей высотой около 20 м над ее днищем.

На месте находок фауны млекопитающих и каменных изделий была сделана расчистка, позволившая выяснить стратиграфию включающих их отложений.

В расчистке наблюдаются следующие отложения (снизу вверх) (рис. 4, Б, В).

1. Белесые и желтоватые однородные пески киммерийского яруса среднего плиоцена. Верхний контакт резкий, с эрозионными карманами. Мощность >8 м. Эти пески разрабатываются карьером.

2. Пачка переслаивающихся желтовато-коричневых, палевых и светло-серых глин, супесей, песка и мелкого обломочного материала. Прослой в основном горизонтальные, толщиной до 10–20 см, в основании до 30–35 см, границы между ними не всегда отчетливые. Обломочный материал представлен преимущественно дресвой и слабо окатанным мелким щебнем, главным образом доломитов, редко встречаются мелкие хорошо окатанные гальки других пород. В прослоях обломочного материала обильны железисто-карбонатные конкреции и раковины (целые и фрагменты) моллюсков киммерийского яруса Понта. Мощность >3 м.

Культуросодержащий слой местонахождения связан с этой пачкой отложений. Им является самый нижний прослой мелкого щебня с желтовато-коричневым песчано-гравийным заполнителем, залегающий на размытой поверхности киммерийских песков. Толщина его неравномерная и колеблется от 10 до 30–35 см.

Отложения, включающие в себя культуросодержащий слой местонахождения, несомненно, являются аллювиально-дельтовыми. Структура этих отложений ясно указывает на существование во время их накопления на месте нынешней Синей балки небольшой реки (вероятно, одной из протоков пра-Кубани). При этом выраженный песчаный характер отложений с ритмичным чередованием песчано-супесчаных прослоев и прослоев мелкообломочного материала свидетельствует также о близости крупного водного бассейна, в который впадала река, и периодических изменениях уровня этого бассейна.

Возраст этих отложений и залегающего в них культуросодержащего слоя местонахождения

Протока 2 пока точно не установлен. Однако, учитывая их довольно высокое гипсометрическое положение, можно предполагать, что они, как и сходные с ними по расположению аллювиально-дельтовые культуросодержащие отложения местонахождения Протока 1, не моложе максимальной стадии карангатской трансгрессии Черного моря (МИС 5е).

Фауна. Непосредственно из культуросодержащего слоя местонахождения были извлечены костные остатки, включая зубы, промежуточного мамонта (*Mammuthus intermedius*), плейстоценового осла (*Equus hydruntinus*) и степного бизона (*Bison priscus*). Это типичные млекопитающие хазарского фаунистического комплекса Восточной Европы конца среднего — начала позднего плейстоцена, обитавшие в условиях степи и байрочных лесов. Показательно присутствие среди млекопитающих *Equus hydruntinus*. Этот вид наиболее широко был распространен в начале позднего плейстоцена. Таким образом, фауна местонахождения может указывать на его раннепозднеплейстоценовый возраст.

Каменные изделия. Археологический материал местонахождения состоит из пяти каменных изделий (рис. 5). Два из них были обнаружены в культуросодержащем слое, три найдены на осыпи под обнажением этого слоя. Все изделия неокатанные и хорошей сохранности. Четыре предмета изготовлены из доломита, один — из светло-серого просвечивающего кремня. Изделия из доломита имеют желтовато-светло-коричневую патину, кремневое почти непатинизированное.

Состав находок: три отщепы, нуклеус и орудие.

Отщепы все леваллуазские, то есть были сколоты с подготовленных к расщеплению нуклеусов. Два из них целые. Один, длиной 7,7 см, — симметричный, удлиненно-овальной формы, огранка его встречающаяся продольная, ударная площадка фасетированная (рис. 5, 5). Второй, длиной 5,2 см, — подовальной формы, с фасетированной ударной площадкой и разнонаправленной огранкой (рис. 5, 3). Сломанный отщеп также имеет фасетированную ударную площадку и разнонаправленную огранку (рис. 5, 2).

Нуклеус (рис. 5, 1) длиной 6,0 см, плоскостного однонаправленного расщепления.

Орудие представляет собой маленькое диагональное скребло (1,7 × 2,7 × 0,5 см), изготовленное из простого отщепы кремня (рис. 5, 4).

Описанные изделия, несомненно, относятся к каменной индустрии среднего палеолита. Одна-

Рис. 4. Среднепалеолитическое местонахождение Протока 2: А — расположение местонахождения, показано стрелкой, вид с севера; Б — толщина отложений (1, 2 — литологические слои, стрелкой показан фрагмент бивня мамонта в культуросодержащем слое, вид с северо-запада); В — толщина отложений (1, 2 — литологические слои, стрелкой показан культуросодержащий слой, вид с севера)

Fig. 4. The Middle Palaeolithic site Protoka 2: A — location of the site, shown by the arrow, view from the north; B — sediment strata (1, 2 — lithological layers, the arrow shows a fragment of mammoth tusk in the culture-containing layer, view from the northwest); B — sediment strata (1, 2 — lithological layers, the arrow shows culture-containing layer, view from the north)

Рис. 5. Среднепалеолитическое местонахождение Протока 2. Каменные изделия: 1 — нуклеус; 2, 3, 5 — леваллуазские отщепы; 4 — диагональное скребло. 1-3, 5 — доломит; 4 — кремнь. Масштаб: а — для 1-3; б — для 4, 5

Fig. 5. The Middle Palaeolithic site Protoka 2. Stone products: 1 — core; 2, 3, 5 — Levallois flake; 4 — diagonal scraper. 1-3, 5 — dolomite; 4 — flint. Scale: a — for 1-3; b — for 4, 5

ко что это за индустрия пока неясно из-за малочисленности археологического материала. Вместе с тем хорошо видно, что одной из отличительных черт ее является выраженная леваллуазская технология первичного расщепления камня.

Выводы и заключение

Местонахождения Протока 1 и 2 являются самыми северными и внегорными памятниками среднего палеолита Кавказского региона. В этом отношении они имеют исключительно важное значение для изучения особенностей развития культуры и культурной динамики в среднем палеолите как этого региона, так и граничащих с ним Русской равнины и Крыма.

Имеющиеся фактические данные об этих местонахождениях позволяют сделать следующие предварительные выводы.

1. Оба местонахождения располагаются на берегах балки (вероятно, протоки пра-Кубани), выходящей к морю, и представляют собой остатки кратковременных пляжево-пойменных стоянок.

2. Геоморфологические и геостратиграфические условия местонахождений во многом сходны, что может указывать на их синхронность или близкий возраст.

3. Учитывая сравнительно высокое гипсометрическое положение местонахождений, можно коррелировать их с максимальной стадией развития позднесреднеплейстоценовой (ашейской) или раннепозднеплейстоценовой (карангатской) трансгрессии Черного моря (Понга). Более вероятной представляется синхронность их с максимальной стадией карангатской трансгрессии и, соответственно, с МИС 5е и микулинским межледниковьем на Русской равнине.

4. Костные остатки из этих местонахождений относятся к хазарскому фаунистическому комплексу, включающему *Mammuthus intermedius*, *Equus latipes*, *Equus hydruntinus*, *Bison priscus*, характерному для второй половины среднего и начала позднего плейстоцена. Присутствие среди костных остатков *E. hydruntinus* ограничивает возраст местонахождений началом позднего плейстоцена.

5. Каменные изделия местонахождений в нынешних их объемах и составах заметно различаются и выглядят как два разных технико-типологических комплекса. Так, изделия местонахождения Протока 1 показывают слабое развитие ле-

валлуазской технологии в первичной обработке камня и наличие практики изготовления двусторонне обработанных обушковых ножей (ашельская традиция?). Изделия местонахождения Протока 2, напротив, свидетельствуют о хорошо развитой леваллуазской технологии. Двусторонне обработанные орудия среди них отсутствуют (леваллуа-мустьерская традиция?).

6. Прямыми аналогами комплексов каменных изделий местонахождений Протока 1 и 2 являются каменные индустрии многослойных среднепалеолитических стоянок Ильская 1 и 2 в Закубанских предгорьях Северо-Западного Кавказа, имеющих возраст в пределах МИС 5. Однако сопоставление их с конкретными каменными индустриями этих стоянок пока невозможно из-за малочисленности археологических материалов новых местонахождений.

7. Среднепалеолитические местонахождения Протока 1 и 2, по-видимому, близки по возрасту хорошо датированным среднепалеолитическим стоянкам Кабази II в Крыму (МИС 5d (*Chabai*, 2005)) и Сухая Мечетка на юго-востоке Русской равнины (МИС 5с (*Очередной и др.*, 2023)). Однако в культурном отношении они, возможно, отличаются от этих стоянок. Причиной их культурных различий мог являться прежде всего палеогеографический фактор, а именно наличие водной преграды между Кавказским регионом и Русской равниной, а также Крымом в виде обширной карангатской и гирканской трансгрессий Черного и Каспийского морей (Понто-Каспия) и Маньчского пролива, существовавших на протяжении почти всего этапа МИС 5 (в интервале ~131–74 тыс. лет назад) (*Курбанов и др.*, 2019; *Янина и др.*, 2023; *Янина*, 2014). Вполне очевидно, что культурные связи между этими обособленными территориями в этот весьма длительный период времени отсутствовали, и каменные индустрии среднего палеолита Кавказского региона развивались независимо, без существенного влияния традиций среднего палеолита Восточной и Центральной Европы.

8. Для твердого обоснования сделанных выводов необходимы полноценные раскопки и дальнейшие комплексные исследования этих новых памятников среднего палеолита Западного Предкавказья и их сравнительный анализ с памятниками того же периода на сопредельных территориях.

- Застрожных и др.*, 2018 — *Застрожных А. С., Данукалова Г. А., Головачев М. В., Титов В. В., Тесаков А. С., Симакова А. Н., Осипова Е. М., Трофимова С. С., Зиновьев Е. В., Курманов Р. Г.* Сингильские отложения в схеме квартера Нижневолжского региона: новые данные // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2018. Т. 26, вып. 6. С. 80–120.
- Курбанов и др.*, 2019 — *Курбанов Р. Н., Янина Т. А., Мюррей Э. С., Семиколенных Д. В., Свистунов М. И., Штыркова Е. И.* Возраст карангатской трансгрессии (поздний плейстоцен) Черного моря // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 6. С. 29–40.
- Несмеянов*, 1999 — *Несмеянов С. А.* Геоморфологические аспекты палеоэкологии горного палеолита (на примере Западного Кавказа). М.: Научный мир, 1999. 392 с.
- Очередной и др.*, 2023 — *Очередной А. К., Янина Т. А., Курбанов Р. Н., Ремизов С. О.* Новые данные о стратиграфии и палеогеографии стоянки Сухая Мечетка // Материалы Всерос. конф. «Каспий в плейстоцене и голоцене: эволюция природной среды и человек» / Отв. ред. Т. А. Янина и др. М.: Географический факультет МГУ; Изд-во «Перо», 2023. С. 142–144.
- Тесаков и др.*, 2019 — *Тесаков А. С., Гайдаленок О. В., Соколов С. А., Фролов П. Д., Трифонов В. Г., Симакова А. Н., Латышев А. В., Титов В. В., Щелинский В. Е.* Тектоника плейстоценовых отложений северо-восточной части Таманского полуострова, Южное Приазовье // Геотектоника. 2019. № 5. С. 12–35.
- Щелинский*, 2021 — *Щелинский В. Е.* Ранний ашель Западного Предкавказья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. 132 с.
- Щелинский*, 2023 — *Щелинский В. Е.* Ашельское местонахождение Мыс Каменный на Таманском полуострове в контексте изучения нижнего палеолита Кавказского региона // Записки ИИМК РАН. 2023. № 28. С. 102–118.
- Щелинский, Гайдаленок*, 2022 — *Щелинский В. Е., Гайдаленок О. В.* Пересыпь. Новая раннеашельская стоянка в Западном Предкавказье на Таманском полуострове (предварительные данные) // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2022. № 1. С. 5–27.
- Янина и др.*, 2023 — *Янина Т. А., Сорокин В. М., Бердникова А. А.* Гирканский этап в позднплейстоценовой истории Понто-Каспия // Био- и геособытия в истории Земли. Этапность эволюции и стратиграфическая корреляция: Материалы LXIX сессии Палеонтологического общества при РАН / Ред. А. Ю. Розанов и др. СПб.: Картфабрика ВСЕГЕИ, 2023. С. 187–188.
- Chabai*, 2005 — *Chabai V. P.* Kabazi II: stratigraphy and archaeological sequence // Kabazi II: Last Interglacial occupation, environment and subsistence / Eds. V. P. Chabai et al. Simferopol; Cologne: Shlyakh, 2005. P. 1–24.
- Yanina*, 2014 — *Yanina T. A.* The Ponto-Caspian region: Environmental consequences of climate change during the late Pleistocene // Quaternary International. 2014. Vol. 345. P. 88–99.

The Middle Palaeolithic sites Protoka 1 and Protoka 2 in the Western Fore-Caucasus

V. E. Shchelinsky, V. V. Titov³

Keywords: Middle Palaeolithic, Last Interglacial, Protoka 1 and Protoka 2 sites, Khazar faunal complex, Western Fore-Caucasus, Taman Peninsula

The article presents and preliminarily interprets data on two stratified Middle Palaeolithic sites — Protoka 1 and Protoka 2, recently discovered by V. E. Shchelinsky on the Taman Peninsula. These sites have not been excavated yet. The culture-containing layers of both sites are associated with alluvial-deltaic deposits of a river terrace about 20 m high. Preliminarily, they correlate with the maximum stage of the Karangatian transgression of the Black Sea and are dated to the MIS 5e (the Last Interglacial). The fauna of the sites, represented by *Mammuthus intermedius*, *Equus latipes*, *Equus hydruntinus* and *Bison priscus*, belongs to the Khazar faunal complex, which existed in Eastern Europe in the second half of the Middle — early Late Pleistocene. Despite their small numbers, the stonework at the sites differs markedly. At the Protoka 1 site, they show a weak development of Levalloisian technology in primary stone working and the presence of the practice of making double-edged shank knives (an Acheulean tradition?). On the contrary, the items from the Protoka 2 site show a well-developed Levalloisian technology. There are no bilaterally worked tools among them (Levallois-Moustier tradition?).

³ Vyacheslav E. Shchelinsky — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: shchelinsky@yandex.ru. Vadim V. Titov — Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Rostov-on-Don, Russia; e-mail: vvtitov@yandex.ru.

Изделия каменного века из кости и рога с территории Калининградской области по опубликованным данным¹

Е. С. Ткач, А. А. Малютина²

Аннотация. Территория Восточной Пруссии, ныне частично относящаяся к Калининградской области, изучается уже более 100 лет. До Второй мировой войны большая часть найденных артефактов была передана в Музей Пруссии, коллекции которого на данный момент утрачены. Анализ выявленных тогда артефактов, в том числе изделий из кости и рога, позволяет изучить ранние этапы заселения региона в каменном веке. В исследовании нами собраны и проанализированы 129 изделий и/или их заготовок из кости и рога, для 88 из них есть изображения. В основном предметы выявлены в качестве случайных находок и имеют лишь общие описания. На основании классификации этих изделий с привлечением результатов радиоуглеродного анализа и сопоставления с аналогичными артефактами с соседних территорий удалось выявить несколько этапов заселения региона: от финального палеолита (культуры с черешковыми наконечниками стрел) и мезолита (влияние традиций культур кунда и маглемозе) до неолита (цедмарская культура).

Ключевые слова: юго-восточное побережье Балтики, Калининградская область, изделия из кости и рога, финальный палеолит, мезолит, неолит, классификация.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-45-21-40

Введение

Территория Калининградской области (часть бывшей Восточной Пруссии), богато насыщенная торфяниками, является одной из наиболее перспективных для изучения артефактов каменного века, выполненных из твердых органических материалов (кости, рога, зубов). Частично материалы неолитического периода (IV тыс. до н. э., цедмарская культура) введены в научный оборот в публикациях В. И. Тимофеева (ЛОИА/ИИМК РАН, С.-Петербург). Находки более древних эта-

пов заселения региона опубликованы в различных статьях и монографиях довоенного времени. В научной литературе отсутствуют обобщающие работы по этой тематике. Сейчас снова возрос интерес к этой категории артефактов, что связано как с разработкой новых классификационных и типологических схем, так и с получением результатов по прямому радиоуглеродному датированию артефактов (AMS). Целью данного исследования является составление единой классификации изделий финального палеолита — неолита Калининградской области по доступным архивным и опубликованным данным, а также рассмотрение классификации этих изделий в контексте культур каменного века Прибалтики и Центральной Европы.

Источниковая база

К настоящему времени в Калининградской области не выявлены постоянные или кратковременные стоянки, расположенные в торфяниковых отложениях, относящиеся ко времени финального палеолита — мезолита (для неолитического периода изучены три памятника цедмарской культуры). Единственными упомянутыми

¹ Статья подготовлена Ткач Е. С. при финансовой поддержке РФФИ (проект № 23-78-01172 «На границе двух миров: культурные традиции Центральной и Восточной Европы в позднем каменном веке Калининградской области»), Малютиной А. А. — в рамках выполнения государственного задания по теме «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012).

² Ткач Е. С., Малютина А. А. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, РФ; e-mail: evgeniia.tkach@gmail.com, kostylanya@yandex.ru.

© Ткач Е. С., Малютина А. А., 2024

в литературе являются раскопки М. Эберта 1920-х гг. в Озёрском районе (Тимофеев, 2003. С. 8). В распоряжении исследователей есть лишь случайные находки, выявленные в основном в ходе мелиоративных работ в довоенное время. Большая часть этих материалов была передана в Музей Пруссии, коллекции которого утеряны в ходе Второй мировой войны. В связи с этим неоценимым источником информации становятся публикации, сделанные немецкими исследователями в 1930-е — начале 1940-х гг.

Первые обобщающие работы по истории и археологии Восточной Пруссии появились во второй половине 1920-х гг. — это труды М. Эберта (Ebert, 1927), В. Гаэрте (Gaerte, 1929). В книге М. Эберта упомянуты изделия из рога северного оленя, отнесенные автором к финальному палеолиту. Однако им отдельно выделены предметы мезолитического периода из кости и рога, выявленные в озерах, реках, торфяниковых отложениях (Ebert, 1927. S. 248), а также отмечена концентрация изделий в районах Мазурского поозерья (Северо-Восток Польши) и Гумбиннена (Гусевский район Калининградской области). Автор предпринял попытку разделить костяные зубчатые гарпуны и наконечники на сделанные в анцилловый и литориновый периоды, привлекая в качестве аналогий материалы как с запада — Франции, так и с востока — Финляндии.

Не менее важной представляется работа В. Гаэрте 1929 г. — «Доистория Восточной Пруссии» (Тимофеев, 2003. С. 6). Анализируемые автором материалы были отнесены к финальному палеолиту (концу ледникового периода, 13–10 тыс. лет назад) и мезолиту (среднему каменному веку, 10–7 тыс. лет назад). Отдельно исследователем выделялась литориновая стадия (7–4 тыс. лет назад) и неолитический период (младший каменный век, 4–2 тыс. лет назад). В этой публикации окончательно утвердился термин «костно-гарпунный век», под которым и подразумевался мезолитический период истории региона. В своей типологии изделий из кости и рога В. Гаэрте опирался на уже известные материалы культуры маглемозе в Дании. Отметим, что впервые для изучаемой территории автором была предпринята попытка интерпретации использования этих изделий в каменном веке (Gaerte, 1929. S. 7–17).

Общие данные о каменном веке Восточной Пруссии представлены в работах К. Энгеля (Engel, 1935) и К. Энгеля и В. Ля Бома (Engel, La-Baume, 1937). По их мнению, большая часть территории Восточной Пруссии была заселена племенами

«культуры костяных орудий», которая на востоке смыкалась с культурой кунда. В то же время на юго-востоке региона (на Виштынецкой возвышенности) распространение получила «культура кремневых пластин», или свидеро-тарденуазская (Ibid. S. 23, karte 2).

Немаловажное значение для определения хронологии изделий из твердых органических материалов имеют работы по палеогеографии Х. Гросса второй половины 1930-х — начала 1940-х гг. Основой для его археологических типологий послужили результаты спорово-пыльцевого анализа торфяниковых толщ в местах обнаружения артефактов (критический обзор см.: Тимофеев, 2003. С. 10). Результаты исследований этого автора подтвердили правомерность типологического разделения по хронологическим периодам финального палеолита — мезолита. В небольших заметках Х. Гросса присутствуют изображения найденных артефактов, что является неоценимым подспорьем при отсутствии самих предметов (Groß H., 1938b. S. 83–85).

Систематизация находок изделий из кости и рога, выполненная на основе коллекции Музея Пруссии с учетом вышеприведенных публикаций, представлена в работе Х. Боне-Фишера (Bohne-Fischer, 1941). В монографии Э. Штурма (Šturms, 1970) также приведены типологии изделий из кости и рога, но уже на основании более глубокого изучения, в сравнении с близлежащими регионами; к финальному палеолиту отнесены несколько этапов свидерской культуры, для мезолитического периода выделены материалы кундской, свидерской и тарденуазской культур.

Изделия из кости и рога, выявленные на территории Калининградской области, часто рассматривались исследователями для построения классификаций и типологий археологических материалов, полученных на территории стран Балтии. Например, они использованы в имеющей ключевое значение монографии Г. Кларка (Clark, 1936) по мезолитическим поселениям Северной Европы. Представленные в этой книге типология и хронология до сих пор широко применяются исследователями с некоторыми уточнениями и доработками. На основании уже существующей типологии Г. Кларка Т. Галинским была выстроена классификация костяных гарпунов и острий для материалов, полученных на территории Польши (Galiński, 2013).

Типологии, предложенные польскими учеными, заслуживают отдельного упоминания. С. Козловски выделяет изделия, изготовленные

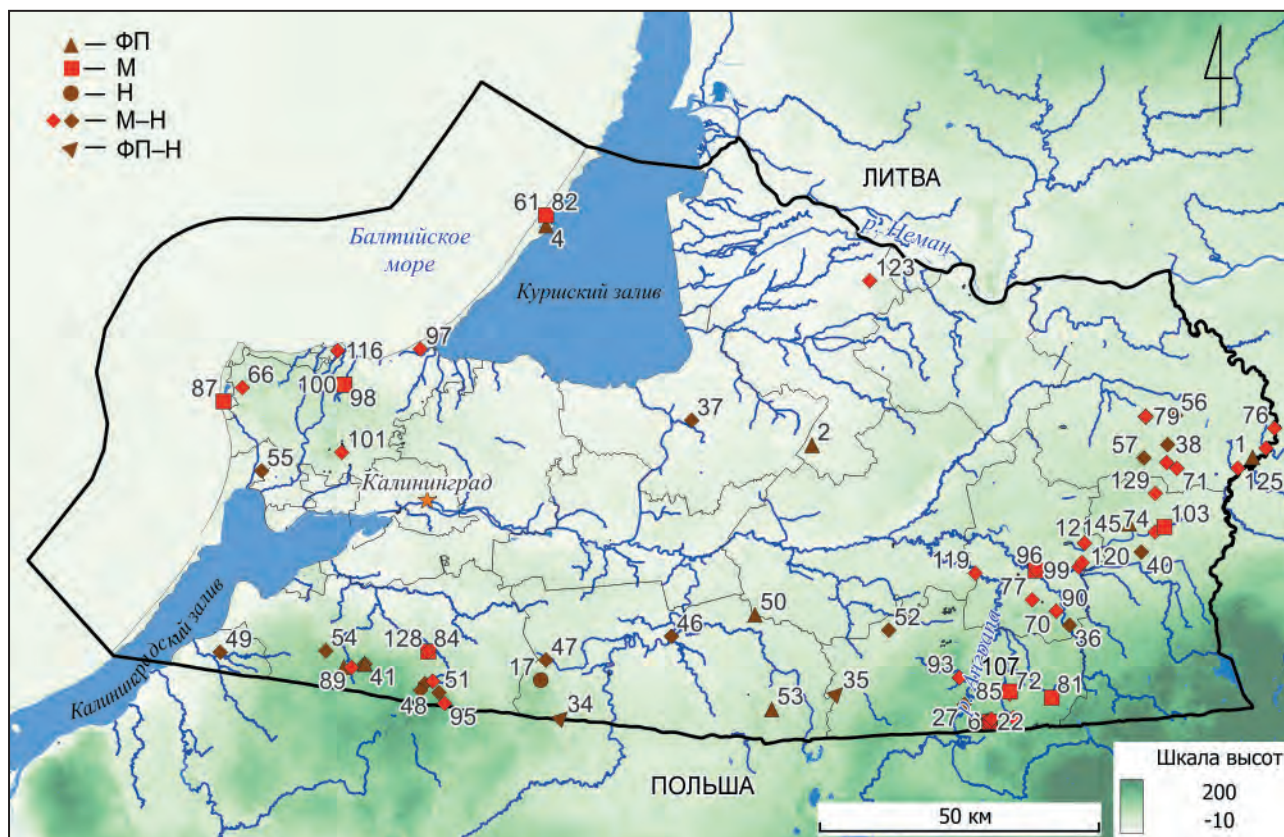

Рис. 1. Распространение изделий из кости и рога на территории Калининградской области (номера соответствуют таблице и рисункам). Условные обозначения: коричневый цвет — рог; красный цвет — кость; ФП — финальный палеолит, М — мезолит, Н — неолит, М-Н — мезолит-неолит, ФП-Н — финальный палеолит — неолит

Fig. 1. Distribution of bone and antler artifacts from the Kaliningrad district based on published data (numbers correspond to tables and figures). Symbols: brown — horn; red — bone; ФП — Final Paleolithic; М — Mesolithic; Н — Neolithic; М-Н — Mesolithic-Neolithic; ФП-Н — Final Paleolithic — Neolithic

из рога северного оленя финального палеолита (свидерская культура), а также две группы среди костяных изделий мезолитического периода: гарпуны с зубцами (чаще встречаются в Западной и Центральной Европе) и вкладышевые орудия (наиболее распространены в Восточной Европе) (Kozłowski, 1969. S. 148).

Материалы Восточной Пруссии также анализировались в работах по археологии каменного века иных регионов, например, Р. Индреко (Indreko, 1964).

В этой статье нами собраны и обобщены данные по опубликованным в довоенные годы изделиям из кости и рога, которые были отнесены авторами к периодам финального палеолита — мезолита (рис. 1). Также приведены те находки из цедмарского торфяника, которые ранее, согласно определениям Х. Гросса, относились к периодам мезолита-неолита. Для большинства описываемых материалов имеются аналогии на па-

мятниках современной Северной Европы, стран Балтии и Беларуси, что позволяет соотнести их с теми или иными устойчивыми категориями инвентаря из твердых органических материалов.

Предложенная классификация изделий из кости и рога включает в себя разделение по категориям на предметы вооружения и орудия труда. Отдельно выделяются отходы производства и заготовки. Такие технико-морфологические и функциональные схемы деления изделий из твердых органических материалов используются для материалов мезолита-неолита лесной зоны Восточной Европы (Жилин, 2001; 2021; Мalyuti-na, 2023).

Предметы из рога (табл., 1–57)

Всего в Калининградской области по публикациям довоенных лет выявлены 57 предметов из рога. Для 33 артефактов имеются изображения, на основе которых мы попытались провести

реконструкцию технологии их изготовления (от выбора сырья до тех или иных очевидных специальных элементов обработки), описать морфологические особенности.

Достоверно определяются четыре предмета из рога северного оленя с прорезанными пазами (рис. 2, 1–4). Отмеченные на старых изображениях (или упомянутые в текстах) пазы могли являться разделочными, технологическими. Не исключена и подправка отростков рога.

Семь роговых предметов из 33, для которых имеются изображения (рис. 2, 5–11), сложно соотносить с той или иной категорией. Это могли быть как проколки, тесла, так и отходы производства орудий. Поиск аналогий по литературным источникам также не принес результатов.

Среди предметов из рога благородного оленя выделяются находки с сохранившейся частью черепной коробки (рис. 2, 12) и розеткой рога (рис. 2, 13, 14, 16, 17). Первая группа — это отходы производства Т-образных топоров. В базальной части ствола отчетливо просматривается надрезанный паз, по которому производилось отламывание необходимого фрагмента от основания (рис. 2, 12, 13, возможно 14). Подобные отходы производства широко представлены на памятниках с целыми Т-образными топорами (см.: *Gumiński, 2011; Вашинов и др., 2020*). Вторая группа с большой долей вероятности является заготовками Т-образных топоров (по надрезанному пазу отделен третий, медиальный, отросток, отломан дистальный конец, но не произведено отделение от базальной части (рис. 2, 16, 17)). Выявлены они среди материалов поселений Цедмар (А, В, D) и относятся, согласно современным представлениям, к IV тыс. до н. э.

К орудиям могут быть отнесены два артефакта из рога благородного оленя с асимметрично скошенным лезвием на одном конце (рис. 2, 18, 19). Оба изделия выявлены в культурных напластовках цедмарской культуры.

Вторая устойчивая категория орудий — это роговые топоры/тесла, представленные несколькими типами (рис. 3). Первый тип (2 экз.) — Т-образные топоры, имеющие один асимметрично скошенный конец и сверленное отверстие посередине (рис. 3, 20, 21). Второй — Т-образные топоры так называемого цедмарского типа, имеющие один асимметрично скошенный конец и медиальную плоскость без отверстия под крепление (3 экз.) (рис. 3, 23–25). Третий — роговые изделия с отверстием (рис. 3, 26–32), смещенным

к одному концу (обушку) и расположенным продольно или поперек к отверстию симметрично (5 экз.) или асимметрично (2 экз.) скошенным лезвием (рис. 3, 22, 26, 31). Типологических схем, описывающих данные массивные рубящие предметы, много, как и вариантов их функциональной интерпретации (топоры, тесла, кирки, мотыги) (см. некоторые: *Pratsch, 2011; Orłowska, Osipowicz, 2017; Vashanau et al., 2020*). Также имеется один профилированный топор с просверленным ближе к обуху отверстием (рис. 3, 32). Данный предмет, по морфологическим особенностям, вероятно, не относится к каменному веку. Рубящие роговые орудия первого и второго типов обнаружены на стоянках культуры Цедмар.

К предметам неизвестного назначения (жезл, *bâton de commandement?*) относится изделие из рога благородного оленя со скошенным широким окончанием, оформленным на базальной части рога, и просверленным там же отверстием (рис. 3, 33). Медиальный отросток, очевидно, был удален по надрезанным пазам, а дистальный конец рога отломан. Изделие выявлено среди находок из цедмарского торфяника.

Предметы из кости (табл., 58–129)

Всего в литературе упомянуты 72 предмета из кости, для 55 из них есть изображения. Перед тем как перейти к характеристике находок, приведем те, которые, как мы полагаем, не являются изделиями.

Таких предметов всего девять (рис. 4, 58–66). Среди них один предмет, вероятно, может быть изделием (рис. 4, 61), но по имеющемуся изображению уверенно утверждать это нельзя. Шесть костяных фрагментов (рис. 4, 58–60, 62, 63, 66), очевидно, не являются специально видоизмененными человеком, среди них одна предчелюстная кость (рис. 4, 58) и одна фаланга (рис. 4, 62); точная видовая идентификация по животным, к части скелетов которых они могут относиться, затруднена. Два предмета также, вероятно, кости без обработки (рис. 4, 64, 65), несмотря на присутствие на одном из них отверстия, которое может быть естественным (рис. 4, 65).

Орудия труда

Проколки. Типологически выделяются три изделия (рис. 4, 67–69), заготовками для которых послужили фрагменты раскалывания трубчатых костей. На одном конце хорошо просматривается выделенное острие. В аналогичной технике

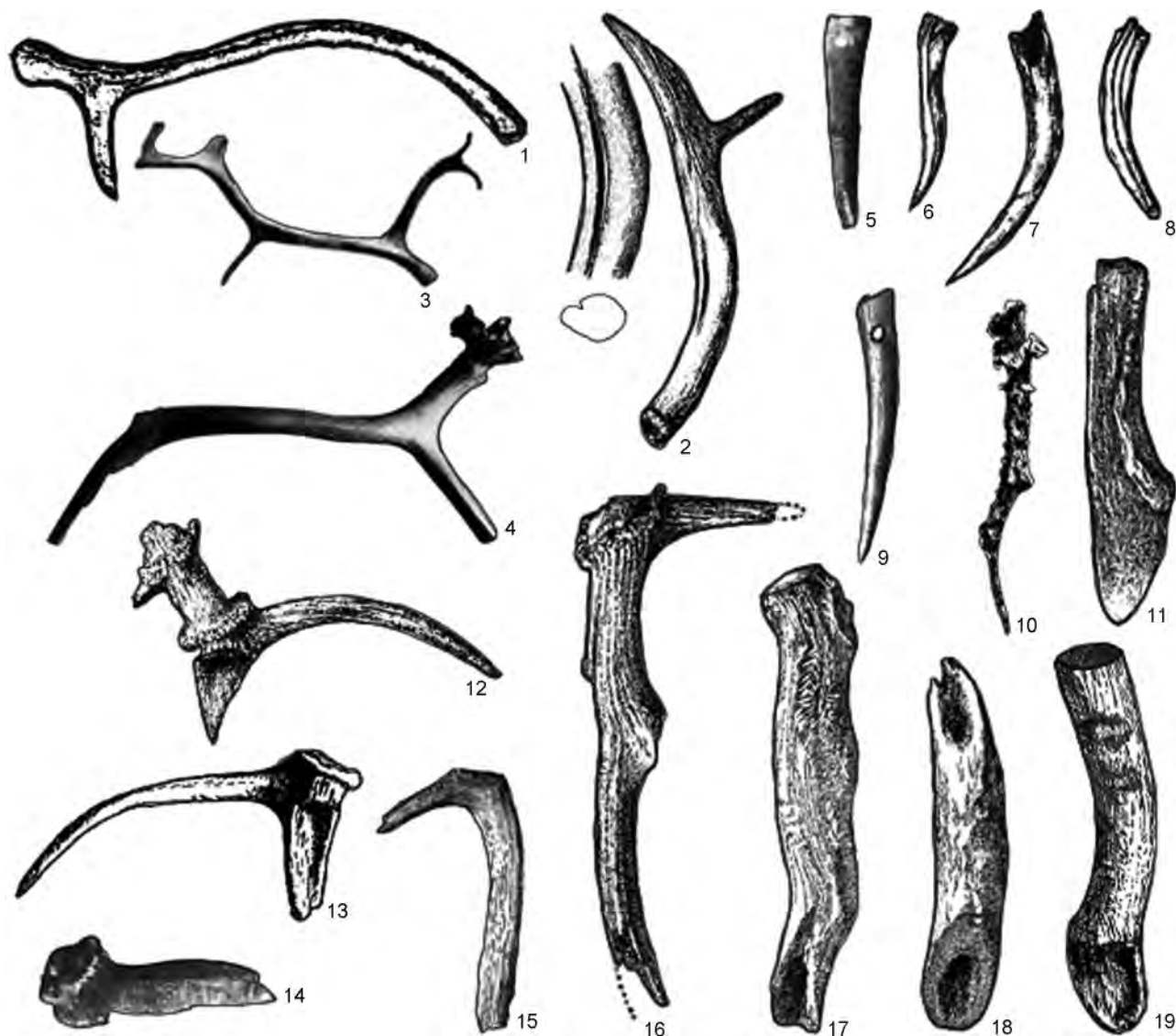

Рис. 2. Предметы из рога с территории Калининградской области по опубликованным данным (номера позиций на рис. 2–5 соответствуют таблице). Без масштаба

Fig. 2. Antler artifacts from the Kaliningrad district based on published data (position numbers in the figures 2–5 correspond to table). No scale

изготавливались проколки, обнаруженные в неолитических слоях памятника Швянтойи (Luik, Piličiauskienė, 2016). Подобные предметы обнаружены и среди материалов цедмарских стоянок.

Еще одна категория орудий, представленная одним изделием, — игла (рис. 4, 70), выполненная, очевидно, из длинной трубчатой кости с прорезанным отверстием в широкой части.

Три предмета могут быть отнесены к категории орудий с асимметрично скошенным лезвием — теслам (рис. 4, 71–73). Два из них (рис. 4, 72, 73), вероятно, можно объединить в один тип орудий,

изготовленных из крупных трубчатых костей с сохранением одного эпифиза. Как правило, у тесел такого типа в торцевой части эпифиза имеется отверстие для фиксации на рукояти/древке, а использоваться они могли для работы как по дереву, так и по грунту (van Gijn, 2005). Третий предмет, скорее всего, можно выделить во второй тип орудий из кости с асимметрично скошенным лезвием (рис. 4, 71). Примечательно, что изделие орнаментировано перекрестными насечками и имеет скругленное лезвие (сработанное?). Аналогичное орнаментированное изделие известно в Северной Польше (Płonka et al., 2023. Fig. 2, 3).

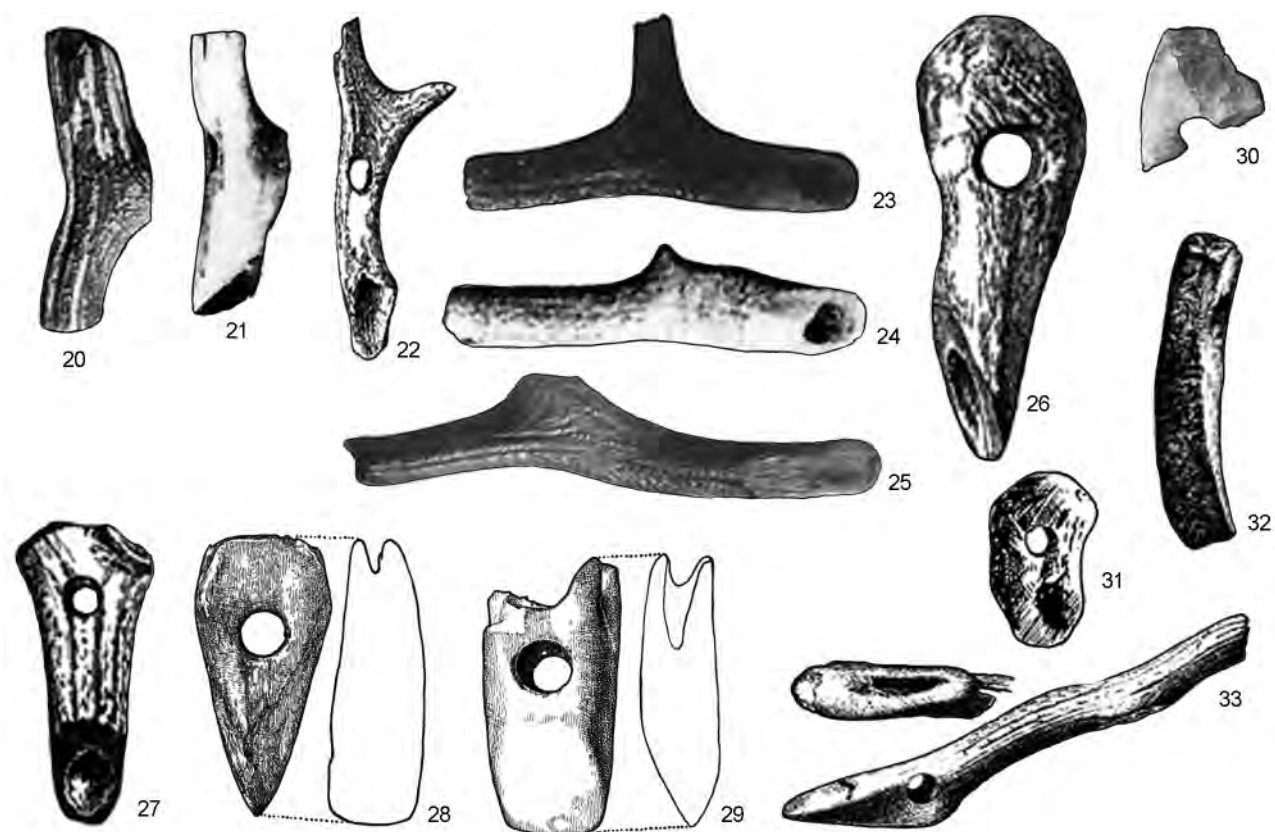

Рис. 3. Предметы из рога Калининградской области по опубликованным данным. Без масштаба

Fig. 3. Antler artifacts from the Kaliningrad district based on published data. No scale

Предметы вооружения (по классификации М. Г. Жилина (Жилин, 2001; 2021))

Кинжалы. Всего достоверно определяются 7 экз. (рис. 4, 74–80). Для всех изделий этой категории характерно наличие рукояти в виде частично сохранившегося эпифиза или специально оформленного навершия. На противоположном конце заточено симметрично сужающееся острие-лезвие. Заготовками, судя по всему, служили фрагменты раскалывания длинных трубчатых костей.

Зубчатые наконечники. Три изделия (рис. 5, 81–83) можно отнести к категории колющих наконечников стрел с зубцами по одному краю. Два из них относятся к одному типу наконечников с частыми зубцами по одному краю стержня и симметрично сужающимися насадами (рис. 5, 81, 82). Третий предмет — короткий и широкий наконечник с двумя слабо выраженными зубцами по одному краю (рис. 5, 83); насад плоский, частично утрачен.

Наконечники гарпунов (4 экз.) представлены разными типами (рис. 5, 84–87). Первый — целый наконечник с частыми зубцами по одному краю и обратным зубцом у насада (рис. 5, 84). Второй тип

наконечника гарпуна сохранился фрагментарно (рис. 5, 85) — на стержне один выступающий загнутый зубец с вырезанным односторонним выступом под насад. Третий тип представлен целым экземпляром и имеет один зубец под острием с вырезанным односторонним выступом под насад (рис. 5, 86). Последний наконечник гарпуна (четвертый тип) также небольшой, с одним зубцом под острием с симметрично вырезанным насадом (рис. 5, 87).

Единственным экземпляром представлен *наконечник остроги* с одним зубцом под острием и прямым насадом (рис. 5, 88).

Наконечники стрел, 24 экз. В этой группе можно выделить следующие типы.

Тип 1. Вкладышевые колюще-режущие наконечники (5 экз.; рис. 5, 89–93). Согласно опубликованным данным, изделия были обнаружены совместно с кремневыми вкладышами. Два наконечника — двусторонние (рис. 5, 92, 93).

Тип 2. Игольчатые наконечники с разным сечением стержней и выделенными насадами (4 экз.; рис. 5, 94–97). Один наконечник орнаментирован (рис. 5, 94).

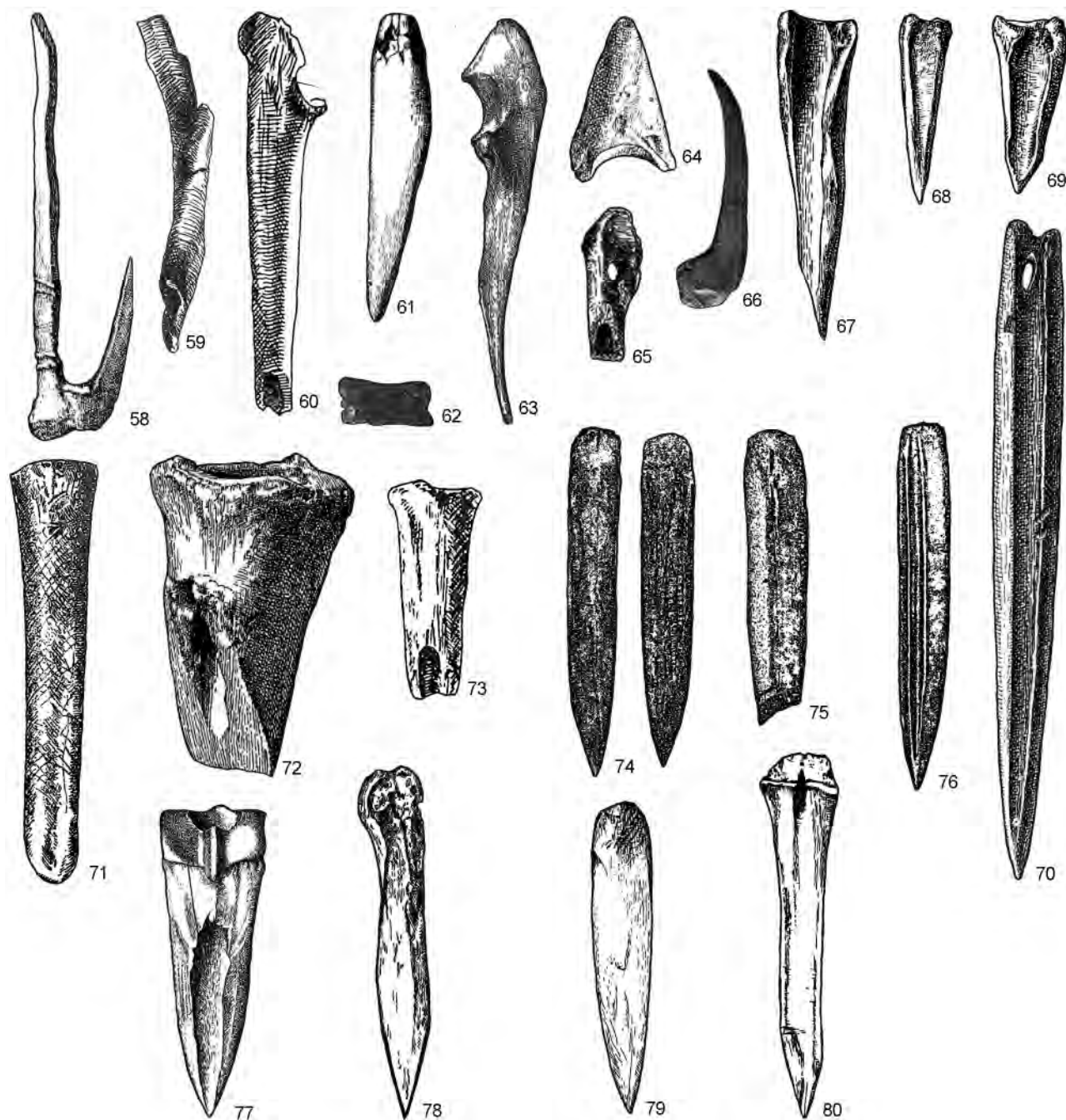

Рис. 4. Предметы из кости Калининградской области по опубликованным данным. Без масштаба
 Fig. 4. Bone artifacts from the Kaliningrad district based on published data. No scale

Тип 3. Наконечники стрел колющие с утолщенной головкой («шигирские») (3 экз.; рис. 5, 98–100), один из которых представлен фрагментом насада (рис. 5, 100), поэтому его отнесение к данному типу лишь предположительное.

Тип 4. Весловидные наконечники (3 экз.; рис. 5, 101–103) с различными вариантами оформления пера на разных по длине и сечению

стержнях, переходящих плавно или четко в выделенный насад.

Тип 5. Небольшие биконические наконечники с округлым или подовальным в сечении стержнем, плавно переходящим в насад (5 экз.; рис. 5, 104–108). Один наконечник имеет симметричный перехват перед переходом в насад (рис. 5, 107).

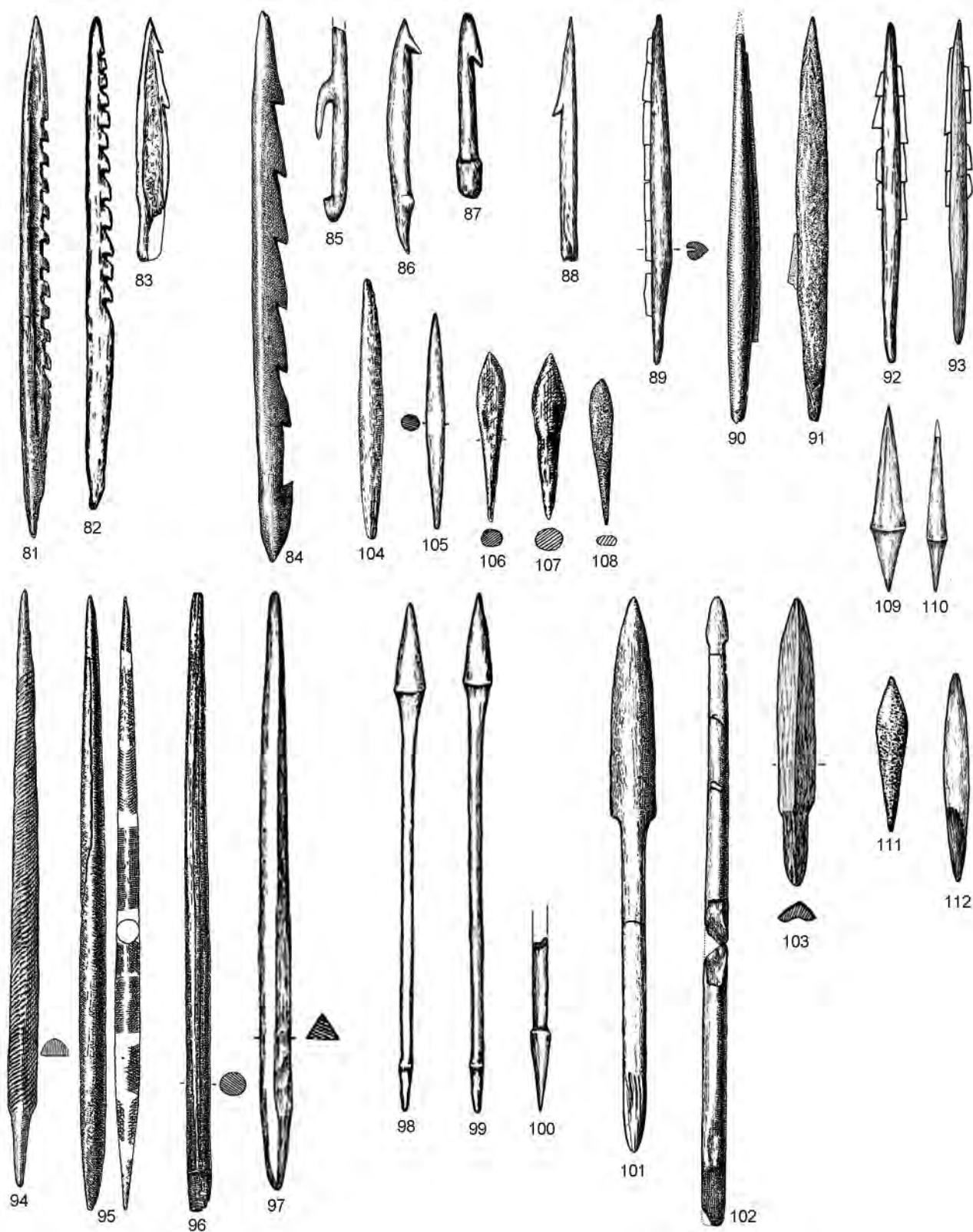

Рис. 5. Предметы вооружения из кости Калининградской области по опубликованным данным. Без масштаба
 Fig. 5. Bone weapons from the Kaliningrad district based on published data. No scale

Тип 6. Небольшие биконические наконечники с кантиком по стержню, уплощенные в сечении (2 экз.; рис. 5, 109, 110).

Два наконечника сложно соотносить с тем или иным типом, так как не представлено сечение (рис. 5, 111, 112).

Хронология

Найденные в Калининградской области предметы из кости и рога относятся к различным этапам каменного века региона. Согласно предложенной классификации, можно выделить несколько хронологических пластов.

Финальный палеолит. Изделия из рога северного оленя могут быть отнесены к древнейшему периоду — финальному палеолиту. Для двух находок получены радиоуглеродные AMS-даты. Изделие из пос. Высокое Славского района (Popelken) (№ 2) датируется 12115 ± 55 BP, изделие, выявленное рядом с пос. Добровольск (Grenzfelde) (№ 1) — 11580 ± 50 BP (Philippsen et al., 2019). Аналогичные предметы встречены, например, на территории Литвы, в ее прибрежной части (Rimkus, Girininkas, 2021).

Мезолит. Большинство заготовок из рога благородного оленя выявлены в материалах, полученных К. Штади при раскопках поселений Цедмар (А, В, D) в Озёрском районе. До исследований В. И. Тимофеева в 1970-х гг. хронология выявленных артефактов была довольно широка — от мезолита до начала эпохи бронзы. Основанием для такой трактовки служили результаты палинологических исследований Х. Гросса. Однако уже во второй половине XX в. удалось определить их неолитический возраст (Тимофеев, 1998).

Отметим, что все исследователи, которые работали с коллекциями цедмарских стоянок, отмечали низкую профессиональную подготовку их открывателя — К. Штади, что породило смешанность коллекций между собой. Вероятно, этим можно объяснить полученную мезолитическую дату для изделия из рога с просверленным отверстием и скошенным лезвием неизвестного назначения (*жезл, bâton de commandement*?) (№ 33) — 7155 ± 45 BP (Philippsen et al., 2019). К. Штади обнаружил всего 11 стоянок в районе цедмарского торфяника, и не исключено, что на некоторых из них есть и мезолитические слои, однако не на памятниках Цедмар А и D.

Аналогичные по форме жезлы, только орнаментированные, также присутствуют среди материалов Польши (Płonka, 2003). Согласно результатам AMS-датирования, их появление в Северной

Польше относится к периоду 8765–8500 cal BC, то есть к переходу от пребориального к бориальному периоду, а именно к культуре маглемозе (Płonka et al., 2023. P. 43).

Также к мезолитическому периоду может быть отнесена часть рубящих орудий с отверстием — третий тип (например, № 31). Аналогичные предметы из рога (топоры/тесла) обнаружены среди материалов прибрежной части Литвы и датируются в интервале 6000–4700 cal BC (Rimkus, 2022. P. 39). Схожие изделия также выявлены на территории Беларуси (Vashanau et al., 2020), Польши, Германии (Groß D. et al., 2020; Meadows et al., 2020). Отметим, что данный тип предметов с отверстием встречается не только в мезолите, но и в раннем неолите, в связи с чем более точная хронологическая идентификация возможна только после прямого AMS-датирования артефактов.

Среди изделий из кости к мезолитическому периоду можно отнести следующие предметы.

Наконечник гарпуна с частыми зубцами по одному краю и обратным зубцом у насада (№ 84) имеет аналогии среди материалов кундской традиции Восточной Европы (Vankina, 1999. Fig. III; Загорска, 2001. Рис. 1, 7).

Зубчатые наконечники (№ 81, 82). Согласно классификации Г. Кларка, они представлены двумя типами: типом 6, который соотносится с распространением носителей кундской традиции, а также типом 11. Аналогичные изделия выявлены среди острий Лубанской котловины Латвии и датируются VII–VI тыс. до н. э. (Vankina, 1999. Fig. XIII–XV).

Наконечники стрел, представленные разными типами (№ 89–100). Прежде всего, колющими с утолщенной головкой («шигирскими») (№ 98–100), характерными для кундской традиции (Жилин, 2021. Рис. 17). Игловидные наконечники с разным сечением стержней и выделенными насадами (представлены двумя типами: 21 А и 21 В по Г. Кларку) (№ 94–97). Хотя хронология данных изделий довольно широка, большинство из них соотносится с мезолитическим периодом — VII–VI тыс. до н. э. (Vankina, 1999. P. 285, 286). Часть весловидных наконечников также может быть датирована этим хронологическим интервалом (Загорска, 2001. Рис. 1, 6).

Как к мезолитическому, так и к неолитическому периоду могут относиться вкладышевые колюще-режущие наконечники (№ 89–93) (Manninen et al., 2021; Лозовский, 2001).

Неолит. Часть материалов из рога благородного оленя (Т-образные топоры и их заготовки)

(№ 12–17, 20–22) может быть соотнесена с материалами цедмарского торфяника (Цедмар А, D), так как предметы сходны с найденными в 1970-х гг. изделиями из рога. В отдельную категорию следует выделить так называемый цедмарский тип топоров, в котором отсутствует отверстие (№ 23–25).

Несмотря на то что в целом Т-образные топоры широко распространены в мезолитическом периоде, их появление на территории Юго-Восточной Прибалтики приходится на период раннего неолита (*Lübke et al.*, 2024). Схожие топоры и заготовки выявлены среди материалов цедмарской культуры в Северо-Восточной Польше (*Gumiński*, 2011) и датируются первой половиной — серединой IV тыс. до н. э., что подтверждается прямыми AMS-датами.

Среди изделий из кости к неолитическому периоду могут быть отнесены небольшие биконические наконечники с кантиком по стержню, выявленные в Озёрском районе среди материалов цедмарского торфяника (№ 109, 110). Аналогии им прослеживаются среди материалов Лубанской котловины (*Vankina*, 1999. Р. 288). Это верно и для иных биконических наконечников (тип 1, по Г. Кларку) (*Ibid.* Fig. LXXIII).

Выявленные кинжалы (№ 74–80) имеют аналогии среди неолитических материалов в Лубанской котловине (IV–III тыс. до н. э.).

Некоторые категории предметов встречаются как среди мезолитических, так и среди неолитических материалов, иногда затрагивая бронзовый век: остроги (тип 5, по Г. Кларку) (V–II тыс. до н. э. (*Ibid.* Р. 285)) (№ 88), часть зубчатых наконечников (№ 83), проколки (№ 67–69), игла (№ 70), тесла (№ 71–73).

Обсуждение

Всего по опубликованным данным в Калининградской области выявлено 129 изделий и/или их заготовок из кости и рога, для 88 из них имеются изображения. Для трех изделий (двух — из рога северного оленя, одного — из рога благородного оленя) (№ 1, 2, 33) получены радиоуглеродные AMS-даты. На основании сопоставления с аналогичными находками с территории стран Балтии и Польши представляется возможным выстроить относительную хронологию заселения региона в каменном веке.

Начальный этап связан с финальным палеолитом — культурами с черешковыми наконечниками стрел, которые относятся к концу плейстоцена. Этот вывод подтверждается также наличием стоянок в Краснознаменском районе, которые

могут быть сопоставлены с аренсбургской традицией по кремневому инвентарю (*Тимофеев*, 1983).

В мезолитический период отчетливо можно проследить влияние традиций культур кунда и маглемозе. Это касается прежде всего наконечников стрел и гарпунов. Схожие типы выявлены в Литве, Латвии, Эстонии, России, Польше и странах Южной Скандинавии. Территориально мезолитические материалы сконцентрированы во внутренних районах Калининградской области. Большая их часть выявлена в Гусевском, Добровольском и Багратионовском районах (рис. 1). Отметим, что на данный момент мезолитические стоянки с кремневым инвентарем обнаружены в Краснознаменском, Гусевском и Нестеровском районах (*Ткач и др.*, 2024).

Неолитический период представлен в основном изделиями из рога благородного оленя и кости. Как уже упоминалось, заготовки Т-образных топоров и сами топоры встречены в слоях цедмарской культуры, что было впоследствии подтверждено раскопками как на самих цедмарских стоянках (Цедмар А и D), так и на стоянках цедмарской культуры в Северо-Западной Польше. Хронологически они относятся к периоду первой половины — середины IV тыс. до н. э. Неолитические материалы обнаружены в основном в Озёрском и Краснознаменском районах Калининградской области.

В целом можно отметить, что изделия из кости периодов мезолита и неолита сосредоточены на Самбийском полуострове, а также в юго-западной и юго-восточной частях Калининградской области, в то время как изделия из рога также встречаются в центральной части региона. Карта распределения случайных находок свидетельствует прежде всего о неравномерности изученности территории (рис. 1).

Схожая картографическая ситуация прослеживается среди материалов, полученных на граничащих с регионом территориях — в Северо-Восточной Польше (Мазурское поозерье) и Литве. Благодаря детальному анализу случайных находок из кости и рога стало возможным зафиксировать различные этапы заселения региона (*Orłowska, Osipowicz*, 2022) и выявить новые памятники (*Rimkus*, 2022).

Заключение

По результатам проведенного исследования удалось обобщить все найденные на территории Калининградской области и опубликованные в первой половине XX в. материалы из кости и

рога. В рамках работы проведена инвентаризация предметов, построена их классификация. Впервые (после исследований Х. Гросса) создана карта распространения случайных находок. Все это позволило проследить относительную хронологию заселения региона в каменном веке.

Часть материалов, относящаяся к финальному палеолиту — мезолиту, находится на хранении в Калининградском областном историко-художественном музее. Их идентификация, детальный

технологический и трасологический анализ, а также AMS-датирование могут уточнить приведенную хронологию.

Выстроенная классификация изделий каменного века из кости и рога позволит в дальнейшем сопоставить эти артефакты с материалами раскопок В. И. Тимофеева и современными исследованиями, что даст возможность проследить технологические изменения, произошедшие в Юго-Восточной Прибалтике в древности.

Таблица. Изделия каменного века из рога (1–57) и кости (58–129) с территории Калининградской области
Table. Antler (1–57) and bone (58–129) stone age artifacts of the Kaliningrad district

№ п.п.	Место находки в Восточной Пруссии	Округ / Современное название	Описание	Материал	Литература (выделен источник изображения)	Хронология*
I	II	III	IV	V	VI	VII
1	Grenzfelde	Kr. Pillkallen / Неизвестно	Рог с прорезанными пазами	Рог северного оленя	<i>Groß H.</i> , 1938b. Abb. 9; 1940a. Abb. 7, a ; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 4, 5; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 13, b; <i>Philippsen et al.</i> , 2019. Fig. 1, 5	ФП
2	Popelken	Kr. Labiau / Высокое, Славский район	Рог с прорезанными пазами	Рог северного оленя	<i>Gaerte</i> , 1929. Abb. 1, b; Engel, 1935. Taf. 15, a ; <i>Clark</i> , 1936. P. 230; <i>Groß H.</i> , 1938b. Abb. 15; 1940a. S. 43; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 2, 2; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 9, b; <i>Philippsen et al.</i> , 2019. Fig. 1, 8	ФП
3	Zinten	Kr. Heiligenbeil / Корнево	Рог с прорезанными пазами	Рог северного оленя	Groß H., 1940b. Abb. 2, a	ФП
4	Rossitten	Kr. Fischhausen / Рыбачий	Рог с прорезанными пазами	Рог северного оленя	Engel, 1935. Taf. 16A ; <i>Groß H.</i> , 1940a. S. 45; <i>Kulikauskas</i> , 1959. Pav. 1	ФП
5	Zedmar A/D	Kr. Darkehmen / Серово	Неопределимый предмет	Рог благородного оленя	<i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 13, a; Okulicz, 1973. Ryc. 21, a	Н
6	Zedmar A/D	Kr. Darkehmen / Серово	Неопределимый предмет	Рог благородного оленя	<i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 13, b; Okulicz, 1973. Ryc. 21, b	Н
7	Zedmar A/D	Kr. Darkehmen / Серово	Неопределимый предмет	Рог благородного оленя	<i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 13, h; Okulicz, 1973. Ryc. 21, c	Н
8	Zedmar A/D	Kr. Darkehmen / Серово	Неопределимый предмет	Рог благородного оленя	<i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 12, f; Okulicz, 1973. Ryc. 21, e	Н
9	Zedmar A/D	Kr. Darkehmen / Серово	Неопределимый предмет с отверстием	Рог благородного оленя	Engel, 1935. Taf. 19B, e ; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 38, 12; <i>Okulicz</i> , 1973. Rys. 21, d	Н
10	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Неопределимый предмет	Рог косули	<i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 13, i; <i>Stadie</i> , 1921. Abb. 4, a; Šturms, 1970. Taf. 38, 8	Н
11	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Неопределимый предмет	Рог благородного оленя	Gaerte, 1929. Abb. 7, a ; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 37, 5	Н
12	Zedmar D	Kr. Darkehmen / Серово	Отход от производства Т-образных топоров	Рог благородного оленя	<i>Ebert</i> , 1927. Abb. 207, a; Engel, 1935. Taf. 15, e ; <i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 12, k	Н

Таблица, продолжение

I	II	III	IV	V	VI	VII
13	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Отход от производства Т-образных топоров	Рог благородного оленя	<i>Stadie</i> , 1921. Abb. 4, <i>d</i> ; <i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 11; <i>Šturms</i> , 1970. Abb. 38, 2; Okulicz , 1973. Рyc. 26, <i>b</i>	Н
14	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Отход от производства Т-образных топоров	Рог благородного оленя	Groß H. , 1938a. Abb. 13, <i>n</i>	Н
15	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Отход от производства Т-образных топоров	Рог благородного оленя	Groß H. , 1938a. Abb. 13, <i>r</i>	Н
16	Zedmar D	Kr. Darkehmen / Серово	Заготовка Т-образного топора	Рог благородного оленя	<i>Ebert</i> , 1927. Abb. 205, <i>a</i> ; <i>Gaerte</i> , 1929. Abb. 6, <i>b</i> ; Engel , 1935. Taf. 15, <i>b</i> ; <i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 12, <i>l</i> ; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 37, 2; <i>Okulicz</i> , 1973. Рyc. 26, <i>a</i>	Н
17	Domnau	Kr. Bartenstein / Львовское	Заготовка Т-образного топора	Рог благородного оленя	Gaerte , 1929. Abb. 6, <i>c</i> ; <i>Šturms</i> , 1970. S. 224	Н
18	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Орудия с асимметрично скошенным лезвием	Рог благородного оленя	<i>Ebert</i> , 1927. Abb. 207, <i>i</i> ; Gaerte , 1929. Abb. 7, <i>d</i> ; <i>Engel</i> , 1935. Taf. 15, <i>C</i> ; <i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 13, <i>n</i>	Н
19	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Орудия с асимметрично скошенным лезвием	Рог благородного оленя	<i>Ebert</i> , 1927. Abb. 207, <i>b</i> ; <i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 12, <i>a</i> ; Šturms , 1970. Taf. 37, 4	Н
20	Zedmar A/D	Kr. Darkehmen / Серово	Т-образный топор	Рог благородного оленя	Engel , 1935. Taf. 19B, <i>f</i> ; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 38, 3; <i>Okulicz</i> , 1973. Рyc. 26, <i>g</i>	Н
21	Zedmar A/D	Kr. Darkehmen / Серово	Т-образный топор	Рог благородного оленя	Groß H. , 1938a. Abb. 12, <i>e</i>	Н
22	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Т-образный топор	Рог благородного оленя	Gaerte , 1929. Abb. 8, <i>b</i> ; <i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 12, <i>g</i> ; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 38, 5; <i>Okulicz</i> , 1973. Rys. 26, <i>c</i>	Н
23	Zedmar A/D	Kr. Darkehmen / Серово	Т-образные топоры так называемого цедмарского типа	Рог благородного оленя	Groß H. , 1938a. Abb. 12, <i>d</i>	Н
24	Zedmar A/D	Kr. Darkehmen / Серово	Т-образные топоры так называемого цедмарского типа	Рог благородного оленя	Groß H. , 1938a. Abb. 12, <i>b</i>	Н
25	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Т-образные топоры так называемого цедмарского типа	Рог благородного оленя	<i>Stadie</i> , 1921. Abb. 4, <i>c</i> ; Engel , 1935. Taf. 18, <i>g</i> ; <i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 12, <i>c</i> ; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 37, 1; <i>Okulicz</i> , 1973. Рyc. 26, <i>f</i>	Н
26	Ostprussia	Неизвестно	Роговое изделие с отверстием	Рог благородного оленя	Gaerte , 1929. Abb. 8A	Н
27	Angerapp	Kr. Darkehmen / Серово	Роговое изделие с отверстием	Рог благородного оленя	Gaerte , 1929. Abb. 8, <i>d</i> ; <i>Šturms</i> , 1970. S. 224	М–Н
28	Wisborienen	Kr. Pillkallen / Ливны	Роговое изделие с отверстием	Рог благородного оленя	Gaerte , 1929. Abb. 10, <i>b</i>	М–Н
29	Kurische Nehrung	Kr. Fischhausen / Неизвестно	Роговое изделие с отверстием	Рог благородного оленя	<i>Ebert</i> , 1927. Abb. 207, <i>g</i> ; <i>Gaerte</i> , 1929. Abb. 10, <i>c</i> ; Engel , 1935. Abb. 17, <i>c</i>	М–Н

Таблица, продолжение

I	II	III	IV	V	VI	VII
30	Zedmar A/D	Kr. Darkehmen / Серово	Роговое изделие с отверстием	Рог благородного оленя	<i>Groß H., 1938a. Abb. 13, s</i>	М-Н
31	Zedmar A/D	Kr. Darkehmen / Серово	Роговое изделие с отверстием	Рог благородного оленя	<i>Engel, 1935. Taf. 19B, c; Šturms, 1970. Taf. 38, 8; Okulicz, 1973. Ryc. 21, e</i>	М-Н
32	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Роговой топор с отверстием	Рог благородного оленя	<i>Ebert, 1927. Abb. 207, a; Engel, 1935. Taf. 15, D</i>	М-Н
33	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Жезл	Рог благородного оленя	<i>Gaerte, 1929. Abb. 38A; Engel, 1935. Abb. 19B, g; Groß H., 1938a. Abb. 12, r; Šturms, 1970. Taf. 38, 7; Okulicz, 1973. Ryc. 17, b; Philippsen et al., 2019. Fig. 1, 1</i>	М
34	Schönbruch	Kr. Bartenstein / Неизвестно	Фрагмент топора	Рог северного или благородного оленя	<i>Šturms, 1970. S. 224</i>	ФП-Н
35	Plagbuden	Kr. Gerdauen / Узловое, Озёрский район	Орнаментированная мотыга	Рог северного или благородного оленя	<i>Šturms, 1970. S. 225</i>	ФП-Н
36	Walterkemen	Kr. Gumbinnen / Ольховатка	Роговой топор	Рог благородного оленя	<i>Šturms, 1970. S. 225</i>	М-Н
37	Nemonien	Kr. Labiau / Саранское	Роговой топор	Рог благородного оленя	<i>Šturms, 1970. S. 225</i>	М-Н
38	Schwarpehn	Kr. Pillkallen / У Добровольска	Фрагмент топора	Рог благородного оленя	<i>Šturms, 1970. S. 226</i>	М-Н
39	Wangnick	Kr. Pr. Eylau / Долгоруково	Рог	Рог благородного оленя	<i>Šturms, 1970. S. 226</i>	М-Н
40	Amalienhof	Kr. Stallupönen / Нестеров	Роговой топор	Рог благородного оленя	<i>Šturms, 1970. S. 227</i>	М-Н
41	Maraunen	Kr. Heiligenbeil / Михайловское, Багратионовский район	Рог с прорезанными пазами	Рог благородного оленя	<i>Groß H., 1940a. S. 44</i>	М-Н
42	Maraunen	Kr. Heiligenbeil / Михайловское	Рог с прорезанными пазами	Рог благородного оленя	<i>Groß H., 1940a. S. 44</i>	М-Н
43	Maraunen	Kr. Heiligenbeil / Михайловское	Рог с прорезанными пазами	Рог северного оленя	<i>Groß H., 1940a. S. 44</i>	ФП
44	Maraunen	Kr. Heiligenbeil / Михайловское	Рог с прорезанными пазами	Рог северного оленя	<i>Groß H., 1940a. S. 44</i>	ФП
45	Wildorf	Kr. Stallupönen / Шолохово	Стержень из рога	Рог северного оленя	<i>Groß H., 1940a. S. 44</i>	ФП
46	Allenburg	Kr. Wehlau / Дружба	Рог с прорезанными пазами	Рог благородного оленя	<i>Groß H., 1940a. S. 44</i>	М-Н
47	Garbnicken	Kr. Pr. Eylau / Соловьёво	Рог с прорезанными пазами	Рог благородного оленя	<i>Groß H., 1940a. S. 44</i>	М-Н
48	Gr. Steegen	Kr. Pr. Eylau / Долгоруково	Рог с прорезанными пазами	Рог благородного оленя	<i>Groß H., 1940a. S. 44</i>	М-Н
49	Heiligenbeil	Kr. Heiligenbeil / Мамоново	Рог с прорезанными пазами	Рог благородного оленя	<i>Groß H., 1940a. S. 44</i>	М-Н
50	Kl. Gardienen	Kr. Niedenburg / У Знаменска	Рог с прорезанными пазами	Рог северного оленя	<i>Groß H., 1940a. S. 44</i>	ФП
51	Wokellen	Kr. Pr. Eylau / Долгоруково	Рог с прорезанными пазами	Рог благородного оленя	<i>Groß H., 1940a. S. 44</i>	М-Н

Таблица, продолжение

I	II	III	IV	V	VI	VII
52	Kruschinnen	Kr. Darkehmen / Крушинино	Рог с 52 насечками	Рог благородного оленя	<i>Groß H.</i> , 1940a. S. 44	М–Н
53	Dt. Thierau	Kr. Heiligenbeil / Панфилово	Рог с прорезанными пазами	Рог северного оленя	<i>Groß H.</i> , 1940a. S. 45	ФП
54	Dosen	Kr. Heiligenbeil / Скворцово	Стержень из рога с насечками и порезами	Рог благородного оленя	<i>Groß H.</i> , 1940a. S. 45	М–Н
55	Geidau	Kr. Fischhausen / Прозорово	Стержень из рога с насечками и порезами	Рог благородного оленя	<i>Groß H.</i> , 1940a. S. 45	М–Н
56	Grumbkowsfelde	Kr. Pillkallen / Правдино	Стержень из рога с насечками и порезами	Рог благородного оленя	<i>Groß H.</i> , 1940a. S. 45	М–Н
57	Pillkallen	Kr. Pillkallen / Добровольск	Рог с прорезанными пазами	Рог благородного оленя	<i>Groß H.</i> , 1940a. S. 45	М–Н
58	Gr. Steegen	Kr. Pr. Eylau / Долгоруково	Неопределимый предмет	Кость	<i>Ebert</i> , 1927. Taf. 205, e; Gaerte , 1929. Abb. 6, a; <i>Engel</i> , 1935. Abb. 18, e; <i>Engel, La-Baume</i> , 1937. Abb. 1, s; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 21, 10; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 20, h	М–Н
59	Zedmar A/D	Kr. Darkehmen / Серово	Неопределимый предмет	Кость	Stadie , 1921. Abb. 4, g	Н
60	Zedmar A/D	Kr. Darkehmen / Серово	Неопределимый предмет	Кость	<i>Stadie</i> , 1921. Abb. 4, h; <i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 12, l; Šturms , 1970. Taf. 38, 4	Н
61	Kurische Nehrung	Kr. Fischhausen / Неизвестно	Неопределимый предмет	Кость	Gaerte , 1929. Abb. 39, a	М–Н
62	Zedmar A/D	Kr. Darkehmen / Серово	Фаланга	Кость	Groß H. , 1938a. Abb. 12, k	Н
63	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Неопределимый предмет	Кость	<i>Ebert</i> , 1927. Taf. 205, c; Gaerte , 1929. Abb. 6, d; <i>Engel</i> , 1935. Abb. 16B, a; <i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 12, I; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 38, I; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 26, d	Н
64	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Неопределимый предмет	Кость	Gaerte , 1929. Abb. 6, f; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 20, f	Н
65	Zedmar A/D	Kr. Darkehmen / Серово	Неопределимый предмет	Кость	<i>Engel</i> , 1935. Taf. 19B, d; <i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 12, p; Šturms , 1970. Taf. 38, 13	Н
66	Bieskobnicken	Kr. Fischhausen / Охотное, Зеленоградский район	Неопределимый предмет	Кость	Engel , 1935. Abb. 18, f; <i>Šturms</i> , 1970. S. 225	М–Н
67	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Проколка	Кость	Gaerte , 1929. Abb. 8, f; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 20, d	Н
68	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Проколка	Кость	Gaerte , 1929. Abb. 6, f; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 20, g	Н
69	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Проколка	Кость	Gaerte , 1929. Abb. 6, f; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 20, e	Н
70	Perkallen	Kr. Gumbinnen / Неизвестно	Игла	Кость	Gaerte , 1929. Abb. 9, d; <i>Šturms</i> , 1970. S. 225	М–Н
71	Dagutschen	Kr. Pillkallen / Неизвестно	Тесло	Кость	<i>Groß H.</i> , 1938b. Abb. 13, d; 1940a. Abb. 8, f; Šturms , 1970. Taf. 7, 3; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 24, b	М–Н

Таблица, продолжение

I	II	III	IV	V	VI	VII
72	Pogrimmen	Kr. Darkehmen / Озёрский район	Тесло	Кость	<i>Stadie</i> , 1921. Abb. 2; <i>Ebert</i> , 1927. Taf. 205, g; Gaerte , 1929. Abb. 6, g; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 21, 8	М-Н
73	Zedmar A/D	Kr. Darkehmen / Серово	Тесло	Кость	<i>Engel</i> , 1935. Abb. 19B, b; <i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 12, m; Šturms , 1970. Taf. 38, 9	Н
74	Plicken	Kr. Stallupönen / Неизвестно	Кинжал	Кость	Groß H. , 1940a. Abb. 8, d; <i>Šturms</i> , 1970. S. 220	М-Н
75	Abschruten	Kr. Pillkallen / Неизвестно	Кинжал	Кость	Groß H. , 1938b. Abb. 13, b; 1940a. Abb. 8, c ; <i>Šturms</i> , 1970. S. 226	М-Н
76	Schilleningken	Kr. Stallupönen / Самарское	Кинжал	Кость	Groß H. , 1940a. Abb. 8, g; <i>Šturms</i> , 1970. S. 227	М-Н
77	Gumbinnen	Kr. Gumbinnen / Гусев	Кинжал	Кость	Gaerte , 1929. Abb. 9, b; <i>Groß H.</i> , 1938b. Abb. 13, a; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 20, 1	М-Н
78	Abschruten	Kr. Pillkallen / Неизвестно	Кинжал	Кость	<i>Groß H.</i> , 1938b. Abb. 13, c; 1940a. Abb. 8, a; Šturms , 1970. Taf. 2, 3; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 14, e	М-Н
79	Abschruten	Kr. Pillkallen / Неизвестно	Кинжал	Кость	<i>Groß H.</i> , 1940a. Abb. 8, b; <i>Šturms</i> , 1970. S. 226; Okulicz , 1973. Ryc. 15, b	М-Н
80	Abschruten	Kr. Pillkallen / Неизвестно	Кинжал	Кость	<i>Groß H.</i> , 1940a. Abb. 8, h; Okulicz , 1973. Ryc. 24, a	М-Н
81	Schorschienen	Kr. Gumbinnen / Гаврилово	Наконечник зубчатый	Кость	<i>Ebert</i> , 1927. Taf. 206, g; Gaerte , 1929. Abb. 5, b; <i>Engel</i> , 1935. Abb. 16B, c; <i>Clark</i> , 1936. Fig. 44, 5; <i>Engel, La-Baume</i> , 1937. Abb. 1, c; <i>Groß H.</i> , 1938b. Abb. 13, c; <i>Šturms</i> , 1970. S. 225; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 24, c; <i>Clark</i> , 1975. Fig. 27, 6; <i>Galiński</i> , 2013. Fig. 26, 3	М
82	Tablauken	Kr. Gumbinnen / Работкино	Наконечник зубчатый	Кость	<i>Engel</i> , 1935. S. 298; <i>Šturms</i> , 1970. S. 225; Galiński , 2013. Fig. 26, 4	М
83	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Наконечник зубчатый	Кость	<i>Stadie</i> , 1921. Abb. 4, d; <i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 13, f; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 38, 11; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 20, c; Galiński , 2013. Fig. 28, 4	М
84	Penken	Kr. Pr. Eylau / Подгорное, Багратионовский район	Наконечник гарпуна	Кость	<i>Ebert</i> , 1927. Taf. 206, b; Gaerte , 1929. Abb. 5, a; <i>Clark</i> , 1936. S. 240; <i>Šturms</i> , 1970. S. 226; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 14, a; <i>Galiński</i> , 2013. Fig. 9, 3	М
85	Pogrimmen	Kr. Darkehmen / Псковское, Озёрский район	Наконечник гарпуна	Кость	<i>Engel</i> , 1935. S. 299; <i>Groß H.</i> , 1940a. Abb. 5, f; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 6, 6; Galiński , 2013. Fig. 20, 9	М

Таблица, продолжение

I	II	III	IV	V	VI	VII
86	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Наконечник гарпуна	Кость	<i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 13, f; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 20, b; Galiński, 2013. Fig. 27, 2	М
87	Palmnicken	Kr. Fischhausen / Янтарный	Наконечник гарпуна	Кость	<i>Ebert</i> , 1927. Taf. 206, h; <i>Gaerte</i> , 1929. Abb. 5A, 1; <i>Groß H.</i> , 1940a. Abb. 5, d; Galiński, 2013. Fig. 19, 4	М
88	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Острога	Кость	<i>Gaerte</i> , 1929. Abb. 5A, 3; <i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 13, d; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 37, 6; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 20, a; Galiński, 2013. Fig. 27, 1	Н
89	Zinten	Kr. Heiligenbeil / Корнево	Наконечник вкладышевый	Кость	<i>Groß H.</i> , 1941. Abb. 2, a; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 22, 1; Galiński, 2013. Fig. 29, 6	М–Н
90	Perkallen	Kr. Gumbinnen / Неизвестно	Наконечник вкладышевый	Кость	Gaerte, 1929. Abb. 5, d ; <i>Clark</i> , 1936. S. 240; <i>Šturms</i> , 1970. S. 225; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 24, d; <i>Galiński</i> , 2013. Fig. 29, 5	М–Н
91	Menturren	Kr. Darkehmen / Сеченово	Наконечник вкладышевый	Кость	<i>Engel</i> , 1935. Abb. 16B, a; <i>Engel, La-Baume</i> , 1937. Abb. 1, f; Šturms, 1970. Taf. 19, 3 ; <i>Galiński</i> , 2013. Fig. 11, 7	М–Н
92	Menturren	Kr. Darkehmen / Сеченово	Наконечник вкладышевый	Кость	<i>Engel</i> , 1935. Abb. 16B, a; Galiński, 2013. Fig. 30, 7	М–Н
93	Menturren	Kr. Darkehmen / Сеченово	Наконечник вкладышевый	Кость	<i>Šturms</i> , 1970. Taf. 19, 6; Galiński, 2013. Fig. 30, 4	М–Н
94	Schirgupönen	Kr. Gumbinnen / Подгоровка	Наконечник игловидный	Кость	<i>Ebert</i> , 1927. Taf. 206, c; Gaerte, 1929. Abb. 4, g ; <i>Clark</i> , 1936. Fig. 44, 8; <i>Groß H.</i> , 1938b. Abb. 7; 1940a. Abb. 2, h; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 22, 11; <i>Galiński</i> , 2013. Fig. 22, 3	М–Н
95	Perscheln	Kr. Pr. Eylau / Неизвестно	Наконечник игловидный	Кость	Groß H., 1940a. Abb. 2, f ; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 5, 3	М–Н
96	Gumbinnen	Kr. Gumbinnen / Гусев	Наконечник игловидный	Кость	Groß H., 1940a. Abb. 2, a ; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 5, 2; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 16, a; <i>Galiński</i> , 2013. Fig. 2, 4	М–Н
97	Cranz	Kr. Fischhausen / Зеленоградск	Наконечник игловидный	Кость	<i>Engel</i> , 1935. Abb. 16B, e; <i>Šturms</i> , 1970. S. 225; Galiński, 2013. Fig. 11, 1	М–Н
98	Pobethen	Kr. Fischhausen / Романово	Наконечник «шигирский»	Кость	<i>Gaerte</i> , 1929. Abb. 4, h; <i>Engel</i> , 1935. S. 298; <i>Engel, La-Baume</i> , 1937. Abb. 1, e; <i>Okulicz</i> , 1973. Ruc. 24, f; Galiński, 2013. Fig. 23, 5	М
99	Gumbinnen	Kr. Gumbinnen / Гусев	Наконечник «шигирский»	Кость	<i>Ebert</i> , 1927. Taf. 208, k; <i>Galiński</i> , 2013. Fig. 23, 6	М
100	Pobethen	Kr. Fischhausen / Романово	Наконечник «шигирский»	Кость	<i>Engel</i> , 1935. Abb. 16B, b; Galiński, 2013. Fig. 23, 9	М

Таблица, продолжение

I	II	III	IV	V	VI	VII
101	Pentekinnen	Kr. Fischhausen / Неизвестно	Наконечник весловидный	Кость	<i>Ebert</i> , 1927. Taf. 206, <i>d</i> ; Gaerte , 1929. Abb. 4, <i>e</i> ; <i>Clark</i> , 1936. Fig. 44, 9; <i>Engel, La-Baume</i> , 1937. Abb. 1, <i>d</i> ; <i>Groß H.</i> , 1940a. Abb. 3, <i>f</i> ; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 5, 7; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 15, <i>d</i> ; <i>Galiński</i> , 2013. Fig. 11, 3	М–Н
102	Gr. Steegen	Kr. Pr. Eylau / Долгоруково	Наконечник весловидный	Кость	<i>Ebert</i> , 1927. Taf. 206, <i>e</i> ; Gaerte , 1929. Abb. 4, <i>d</i> ; <i>Clark</i> , 1936. P. 239; <i>Groß H.</i> , 1940a. Abb. 3, <i>e</i> ; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 5, 6; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 15, <i>e</i> ; <i>Galiński</i> , 2013. Fig. 23, 4	М–Н
103	Drusken	Kr. Stallupönen / Большое Заречное	Наконечник весловидный	Кость	<i>Groß H.</i> , 1943. Abb. 1; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 7, 1; Galiński , 2013. Fig. 22, 6	М
104	Abschruten	Kr. Pillkallen / Неизвестно	Наконечник биконический	Кость	Okulicz , 1973. Ryc. 14, <i>d</i>	М–Н
105	Zinten	Kr. Heiligenbeil / Корнево	Наконечник биконический	Кость	<i>Groß H.</i> , 1941. Abb. 2, <i>b</i> ; <i>Šturms</i> , 1970. Taf. 22, 2; Galiński , 2013. Fig. 25, 6	М–Н
106	Menturren	Kr. Darkehmen / Сеченово	Наконечник биконический	Кость	<i>Engel</i> , 1935. Abb. 37A, <i>c</i> ; Šturms , 1970. Taf. 37, 9	М–Н
107	Menturren	Kr. Darkehmen / Сеченово	Наконечник биконический	Кость	<i>Engel</i> , 1935. Abb. 37A, <i>d</i> ; Šturms , 1970. Taf. 37, 8	М–Н
108	Menturren	Kr. Darkehmen / Сеченово	Наконечник биконический	Кость	Šturms , 1970. Taf. 19, 5	М–Н
109	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Наконечник биконический с кантиком	Кость	<i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 21, <i>g</i> ; Galiński , 2013. Fig. 23, 10	Н
110	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Наконечник биконический с кантиком	Кость	<i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 13, <i>c</i> ; Galiński , 2013. Fig. 23, 11	Н
111	Menturren	Kr. Darkehmen / Сеченово	Наконечник биконический	Кость	Šturms , 1970. Taf. 19, 4	М–Н
112	Zedmar A	Kr. Darkehmen / Серово	Наконечник биконический	Кость	<i>Groß H.</i> , 1938a. Abb. 13, <i>g</i> ; <i>Okulicz</i> , 1973. Ryc. 21, <i>f</i> ; Galiński , 2013. Fig. 16, 3	М–Н
113	Abschruten	Kr. Pillkallen / Неизвестно	Фрагмент наконечника копья для рыбы	Кость	<i>Groß H.</i> , 1940a. S. 43	М–Н
114	Astrawischken	Kr. Darkehmen / Серово	Стержень	Кость	<i>Šturms</i> , 1970. S. 224	М–Н
115	Kleschowen	Kr. Darkehmen / Кутузово, Озёрский район	Кинжал	Кость	<i>Šturms</i> , 1970. S. 224	М–Н
116	Rantau	Kr. Fischhausen / Заостровье	Гарпун	Кость	<i>Engel</i> , 1935. S. 298; <i>Šturms</i> , 1970. S. 225	М–Н
117	Rantau	Kr. Fischhausen / Заостровье	Наконечник	Кость	<i>Engel</i> , 1935. S. 299; <i>Šturms</i> , 1970. S. 225; <i>Galiński</i> , 2013. P. 134	М–Н

Таблица, окончание

I	II	III	IV	V	VI	VII
118	Gumbinnen	Kr. Gumbinnen / Гусев	Наконечник вкладышевый двусторонний	Кость	Engel, 1935. S. 298; Šturms, 1970. S. 225	М–Н
119	Judtschen	Kr. Gumbinnen / Веселовка, Гусевский район	Крючок рыболовный	Кость	Engel, 1935. S. 299; Šturms, 1970. S. 225; Galiński, 2013. P. 133	М–Н
120	Pabbeln	Kr. Gumbinnen / Северское	Гарпун	Кость	Engel, 1935. S. 298; Šturms, 1970. S. 225	М–Н
121	Pabbeln	Kr. Gumbinnen / Северское	Наконечник вкладышевый односторонний	Кость	Engel, 1935. S. 298; Šturms, 1970. S. 225	М–Н
122	Schröterlauken	Kr. Gumbinnen / Онежское	Наконечник вкладышевый односторонний	Кость	Engel, 1935. S. 298; Šturms, 1970. S. 225; Galiński, 2013. P. 133	М–Н
123	Dittballen	Kr. Niederung / Лужки, Славский район	Острие	Кость	Šturms, 1970. S. 226	М–Н
124	Abschruten	Kr. Pillkallen / Неизвестно	Острие ланцетовидное	Кость	Šturms, 1970. S. 226	М–Н
125	Daynen	Kr. Pillkallen / Неизвестно	Дробилка костяная	Кость	Šturms, 1970. S. 226	М–Н
126	Niklashagen	Kr. Pillkallen / Неизвестно	Дробилка костяная	Кость	Šturms, 1970. S. 226	М–Н
127	Schirwindt	Kr. Pillkallen / Кутузово	Гарпун	Кость	Šturms, 1970. S. 226	М–Н
128	Penken	Kr. Pr. Eylau / Подгорное, Багратионовский район	Наконечник вкладышевый односторонний	Кость	Engel, 1935. S. 298; Šturms, 1970. S. 226; Galiński, 2013. P. 134	М–Н
129	Hainau	Kr. Stallupönen / Высокое	Дробилка костяная	Кость	Šturms, 1970. S. 227	М–Н

* ФП — финальный палеолит; М — мезолит; Н — неолит.

Вашанов и др., 2020 — Вашанов А. Н., Малютина А. А., Ткачева М. И., Ткач Е. С. Т-образные роговые топоры на территории Беларуси // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 4. С. 199–213.

Жилин, 2001 — Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС, 2001. 326 с.

Жилин, 2021 — Жилин М. Г. Функциональная классификация предметов вооружения из кости и рога в мезолите лесной зоны Восточной Европы. М.: ИА РАН, 2021. 180 с.

Загорска, 2001 — Загорска И. Комплексы костяных орудий эпохи мезолита на территории Восточной Прибалтики // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры / Ред. Т. Н. Манушина. Сергиев Посад: Сергиево-Посадский гос. ист.-худ. музей-заповедник, 2001. С. 105–110.

Лозовский, 2001 — Лозовский В. М. Вопросы перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Там же. С. 265–272.

Малютина, 2023 — Малютина А. А. Производство и функции изделий из твердых органических материалов в неолите Днепро-Двинского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 5.6.3: Археология / Институт истории материальной культуры РАН. СПб., 2023. 28 с.

Тимофеев, 2003 — Тимофеев В. И. История изучения памятников каменного века на территории Калининградской области в довоенный период // Проблемы балтийской археологии / Ред. Э. Б. Зальцман. Калининград: Изд-во Калининградского ГУ, 2003. Вып. 1. С. 4–13.

Тимофеев, 1983 — Тимофеев В. И. Мезолитические памятники в нижнем течении р. Шешупе: Калининградская область // Изыскания по мезолиту

- и неолиту СССР: Сб. ст. / Отв. ред. Л. Я. Крижевская. Л.: Наука, 1983. С. 27–35.
- Тимофеев, 1998 — Тимофеев В. И. Цедмарская культура в неолите Восточной Прибалтики // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И. Н. Черных. 1998. Вып. 3. С. 273–279.
- Ткач и др., 2024 — Ткач Е. С., Малярова А. Д., Тараканов А. С. Финальный палеолит Калининградской области: современное состояние изученности и критика источника на основании опубликованных и архивных данных // Археология евразийских степей. 2024. Вып. 4. С. 15–27.
- Bohne-Fischer, 1941 — Bohne-Fischer H. Ostpreußens Lebensraum in der Steinzeit. Eine vorgeschichtliche Landeskunde. Königsberg; Berlin, 1941 (Schriften der Albertus-Universität. Naturwissenschaftliche Reihe; Bd. 2). 156 S.
- Clark, 1936 — Clark J. G. D. The Mesolithic settlement of Northern Europe. Cambridge: The University Press, 1936. 283 p.
- Clark, 1975 — Clark G. The earlier Stone Age settlement of Scandinavia. Cambridge: Cambridge university press, 1975. 282 p.
- Ebert, 1927 — Ebert M. Reallexikon der Vorgeschichte. Unter Mitwirkung zahlreicher Fachgelehrter herausgegeben. Neunter Band: Norddeutschland-Oxusschatz. Mit 251 Tafel. Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1927. 322 s.
- Engel, 1935 — Engel C. Vorgeschichte der altpreuussischen Stämme. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1935. 346 s.
- Engel, La-Baume, 1937 — Engel C., La-Baume W. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preußenlande. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1937. 291 s.
- Gaerte, 1929 — Gaerte W. Urgeschichte Ostpreussenp. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1929. 406 s.
- Galiński, 2013 — Galiński T. Typological, chronological and cultural verification of Pleistocene and early Holocene bone and antler harpoons and points from the southern Baltic zone // Przegląd Archeologiczny. 2013. T. 61. P. 93–144.
- Groß D. et al., 2020 — Groß D., Lübke H., Meadows J., Jantzen D., Dreibrodt S. Re-evaluation of the site Hohen Viecheln 1 // Working at the Sharp End: From Bone and Antler to Early Mesolithic Life in Northern Europe / Eds. D. Groß, H. Lübke, J. Meadows, D. Jantzen. Kiel: Wachholtz, 2020 (Untersuchungen und Materialien zur Steinzeit in Schleswig-Holstein und im Ostseeraum; Vol. 10). P. 15–112.
- Groß H., 1938a — Groß H. Moorgeologische Untersuchung der vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar-Bruch // Prussia. 1938. Bd. 33. S. 100–168.
- Groß H., 1938b — Groß H. Auf den ältesten Spuren des Menschen in Altpreußen // Prussia. 1938. Bd. 32. S. 84–139.
- Groß H., 1940a — Groß H. Die Renntierjäger-Kulturen Ostpreußens // Praehistorische Zeitschrift. 1940. Bd. 30–31 (1–2). S. 39–67. doi:10.1515/prhz.1940.30-31.1-2.39
- Groß H., 1940b — Groß H. Das Renntier in der ostpreußischen Vorgeschichte // Altpreußen. 1940. Hf. 1. S. 1–2.
- Groß H., 1941 — Groß H. Mittelsteinzeitliche Funde aus Zinten // Altpreußen. 1941. Hf. 3. S. 34–36.
- Groß H., 1943 — Groß H. Die Renntierjäger-Lanzenspitze von Drusken (Kreis Ebenrode) // Prussia. 1943. Bd. 35. S. 5–12.
- Gumiński, 2011 — Gumiński W. Nowe wyjątkowe siedlisko osadnicze paraneolitycznej kultury Zedmar na wschodnim cyplu wyspy Szczepanki (sektor "A") na Mazurach // Światowit. 2011. T. IX. P. 87–114.
- Indreko, 1964 — Indreko R. Mesolithische und frühneolithische Kulturen in Osteuropa und Westsibirien. Stockholm: Almqvist und Wiksell, 1964. 277 s.
- Kozłowski, 1969 — Kozłowski S. K. Z problematyki polskiego mezolitu (cz. 10). Kosciane harpuny i ostrza mezolityczne // Światowit. 1969. T. 30. S. 135–152.
- Kulikauskas, 1959 — Kulikauskas P. Seniausieji Kuršių Neringos gyventojai // Iš lietuvių kultūros istorijos. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1959. T. II / Eds. P. Kulikauskas, A. Vyšniauskaitė, J. Šiugžda. S. 72–85.
- Lübke et al., 2024 — Lübke H., Rimkus T., Meadows J., Vashanau A., Zagorska I., Bērziņš V., Butrimas A., Charniauskis M., Daugnora L., Piezonka H. The chronology of T-shaped antler axe technology in northeastern Europe // Praehistorische Zeitschrift. 2024. Vol. 99, no. 1. P. 63–84. doi:10.1515/pz-2023-2040
- Luik, Piličiauskienė, 2016 — Luik H., Piličiauskienė G. Bone tools at the Neolithic sites of Šventoji, Lithuania: raw materials and working methods // Close to the bone: current studies in bone technologies / Ed. S. Vitezović. Belgrade: Institute of Archaeology, 2016. P. 188–200.
- Manninen et al., 2021 — Manninen M. A., Asheichyk V., Jonuks T., Kriiska A., Osipowicz G., Sorokin A. N., Vashanau A., Riede F., Persson P. Using Radiocarbon Dates and Tool Design Principles to Assess the Role of Composite Slotted Bone Tool Technology at the Intersection of Adaptation and Culture-History // Journal of Archaeological Method and Theory. 2021. Vol. 28. P. 845–870. doi:10.1007/s10816-021-09517-7
- Meadows et al., 2020 — Meadows J., Boudin M., Groß D., Jantzen D., Lübke H., Wild M. Radiocarbon dating bone and antler artefacts from Mesolithic Hohen Viecheln (Mecklenburg-Western Pomerania, Germany) // Working at the Sharp End: From Bone and Antler to Early Mesolithic Life in Northern Europe / Eds. D. Groß, H. Lübke, J. Meadows, D. Jantzen. Kiel: Wachholtz, 2020 (Untersuchungen und Materialien zur Steinzeit in Schleswig-Holstein und im Ostseeraum; Vol. 10). P. 113–126.

- Okulicz*, 1973 — *Okulicz J.* Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 1973. 588 s.
- Orłowska, Osipowicz*, 2017 — *Orłowska J., Osipowicz G.* Searching for the function of the early Holocene heavy duty bevel-ended tools: remarks from experimental and use-wear studies // Археология Евразийских степей. 2017. № 2. С. 103–121.
- Orłowska, Osipowicz*, 2022 — *Orłowska J., Osipowicz G.* Accuracy of the typological classifications of the Late Glacial and Early Holocene osseous projectile points according to the new AMS dates of selected artifacts from Poland // Archaeological and Anthropological Sciences. 2022. Vol. 18. P. 1–23. doi:10.1007/s12520-021-01483-1
- Philippsen et al.*, 2019 — *Philippsen B., Ivanovaitė L., Makhotka K., Sauer F., Riede F., Olsen J.* Eight New Late Pleistocene/Early Holocene AMS Dates from the Southeastern Baltic // Radiocarbon. 2019. Vol. 61 (2). P. 615–627. doi:10.1017/RDC.2018.153
- Płonka*, 2003 — *Płonka T.* The Portable Art of Mesolithic Europe. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003 (Acta Universitatis Wratislaviensis; No. 2527). 611 p.
- Płonka et al.*, 2023 — *Płonka T., Adamczyk M., Diakowski M.* New radiocarbon dates for ornamented Mesolithic objects from north-west Poland: chronology and regional connections in the western Baltic region // Antiquity. 2023. Vol. 97 (391). P. 29–49. doi:10.15184/aqy.2022.142
- Pratsch*, 2011 — *Pratsch S.* Mesolithic antler artefacts in the North European plain // Written in Bones. Studies on technological and social contexts of past faunal skeletal remains / Eds. J. Baron, B. Kufel-Diakowska. Wrocław: Wrocław University, 2011. P. 79–92.
- Rimkus*, 2022 — *Rimkus T.* Hunter-Gatherer Bone and Antler Implements in Lithuanian Coastal Area: Recent Studies in Chronology, Technology and Decoration Patterns // Latvijas universitātes žurnāls. Vēsture. 2022. Vol. 13/14. P. 26–47. doi:10.22364/luzv.13.14.02
- Rimkus, Girininkas*, 2021 — *Rimkus T., Girininkas A.* An attempt to link a lithic complex with the Late Palaeolithic Rangifer tarandus antler axe from the Parupė site in northern Lithuania // Archaeologia Baltica. 2021. Vol. 28. P. 118–131.
- Stadie*, 1921 — *Stadie K.* Steinzeitdörfer der Zedmar // Festschrift Adalbert Bezzenberger zum 14 April 1922 dargebracht von seinen Freunden und Schülern. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1921. S. 148–165.
- Šturms*, 1970 — *Šturms E.* Die steinzeitlichen Kulturen des Baltikump. Bonn: Habelt, 1970. 298 S.
- van Gijn*, 2005 — *van Gijn A.* A functional analysis of some late Mesolithic bone and antler implements from the Dutch coastal zone // From hooves to horns, from mollusc to mammoth. Manufacture and use of bone artefacts from prehistoric times to the present: Proceedings of the 4th Meeting of the ICAZ Worked Bone Research Group at Tallinn / Eds. H. Luik, A. M. Choyke, C. Batey, L. Lõugas. Tallinn: Tallinn Book Printers Ltd, 2005. P. 47–66.
- Vankina*, 1999 — *Vankina L.* The collection of Stone Age bone and antler artefacts from Lake Lubāna: catalogue. Rīga: N.I.M.S., 1999 (Latvijas vēstures muzeja raksti: Arheoloģija; Nr. 4). 290 p.
- Vashanau et al.*, 2020 — *Vashanau A., Malyutina A., Tkachova M., Chernyavskiy M., Tkach E.* Early and middle holocene antler tools with holes from the gravel pits of the Smarhon Area, North-Western Belarus // Światowit. 2020. T. LIX. P. 89–110.

Bone and antler stone age artifacts of the Kaliningrad district based on published data

E. S. Tkach, A. A. Malyutina³

Keywords: South-East Baltic, Kaliningrad district, bone and antler artifacts, Final Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, classification

The territory of East Prussia, nowadays partially belonging to the Kaliningrad district (Russia), has been studied for more than 100 years. Before the Second World War, most of the artifacts were storage to the Prussia Museum, the collections of which are currently lost. The analysis of the artifacts revealed at that time, including bone and antler artifacts, allows us to study the early stages of settlement of the region in the Stone Age. In the study, we summarized and analyzed 129 artifacts and/or their workpieces made of bone and antler, of which 88 have images in publications. Most of them have been identified as accidental finds and have only general descriptions. Based on the classification of these artifacts, using the results of radiocarbon dating and comparison with similar artifacts from neighboring territories, it was possible to identify several stages of habitation of the region: from the Final Paleolithic (cultures with tanged points) and Mesolithic (Kunda and Maglemose traditions) to the Neolithic (Zedmar culture).

³ Evgenia S. Tkach, Anna A. Malyutina — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: evgeniia.tkach@gmail.com, kostylanya@yandex.ru.

«Смоленские» булавки из раскопок В. В. Седова на городище Воищина¹

Н. А. Кренке²

Аннотация. В статье рассматриваются булавки с квадрифолийным и зооморфным навершиями из раскопок Седова на городище Воищина и новые находки аналогичных изделий из Смоленска. Делается предположение, что данные изделия были произведены в Смоленске и могут рассматриваться как булавки смоленских типов 1 и 2. Также устанавливается их семантическая связь с символами смоленских князей на монетах и печатях, то есть данные булавки входили в набор атрибутов представителей княжеской власти.

Ключевые слова: перегородчатая эмаль, квадрифолийные навершия, булавки, Смоленск, Воищина.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-45-41-45

Городище Церковище (Воищина) было раскопано в 1955–1958 гг. отрядом Средне-Русской экспедиции ИА АН СССР под руководством В. В. Седова, в работах также принимали участие сотрудники областного краеведческого музея (Седов, 1957; 1960; 1964). Памятник расположен в 13 км к юго-востоку от Соборной горы Смоленска, на правом берегу р. Наготи, являющейся левым притоком Днепра. Городище занимает верхнюю часть (макушку) останца, окруженного низменными заболоченными землями речной поймы. Несмотря на скромные размеры площадки (30 × 45 м), раскопки показали, что это очень информативный в научном плане объект. Удалось реконструировать план древнерусского замка, собрать представительную коллекцию находок (хранится в Смоленском музее-заповеднике) и, что особенно ценно, получить данные, позволившие отождествить городище с летописной

Воищиной, о взятии которой в 1258 г. сообщает Первая Новгородская летопись: «Придоша Литва с Полочаны къ Смоленску и взяша Воищину на щить» (НПЛ, 1950. С. 82).

В настоящее время городище сохранилось в неприкосновенности, следы раскопок 70-летней давности хорошо прослеживаются на площадке, лишь молодой лес вырос на останце после прекращения хозяйственного использования территории (рис. 1). Ныне возле городища (в 1 км к северу) проходит окружная дорога вокруг Смоленска, на противоположном (левом) берегу Наготи расположено Селифановское кладбище. Координаты центра площадки городища: 54°41'57.21"С; 32°10'51.89"В.

Тот факт, что Воищина стала целью военного похода и попала на страницы летописи, позволяет предполагать нерядовой статус поселения, возможно, видеть в нем одну из резиденций смоленского князя. В этот период Смоленском управлял Глеб Ростиславович (Горский, 1996. С. 37).

Состав находок имеет специфику — обилие разнообразных орудий труда, оружия, что связано с мужской субкультурой. Предметов «женского» инвентаря, например шиферных пряслиц, относительно мало. В коллекции много стеклянных браслетов, но, возможно, это обилие объясняется тем, что здесь было место их производства, на что указывает найденный производственный брак (Седов, 1960. С. 78). Достоверно женские металлические украшения отсутствуют.

¹ Исследование выполнено по темам государственных заданий «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015) «Древнерусский Торопец и его округа» (FMZF-2023-0001). Публикация подготовлена к 100-летию академика В. В. Седова.

² Институт истории материальной культуры РАН, Институт географии РАН; С.-Петербург, РФ; e-mail: nkrenke@mail.ru.

© Кренке Н. А., 2024

Рис. 1. Городище Воищина: 1 — вид с северо-востока, место городища отмечено стрелкой; 2 — вид на вал городища с юга. Фото В. А. Раевой

Fig. 1. Voishchina settlement: 1 — view from the north-east, the site of the settlement is marked with an arrow; 2 — view of the settlement shaft from the south. Photo by V. A. Raeva

Бронзовые украшения представлены двумя редкими изделиями — булавками. Именно им и посвящена эта статья. В последние годы появились новые данные, которые позволяют пролить свет на эти находки.

1. Булавка с навершием, в центре которого — зооморфное изображение, от него в стороны расходятся пять лучей с криновидными концами (рис. 2, 2). Стержень булавки имеет ограничитель — гарду. Изображение в центре легко опознается как барс/лев. Животное имеет три лапы, так как две задние слились в одну, а две передние моделированы раздельно. Наиболее характерной деталью является хвост, обвивающий туловище снизу, поднимающийся наверх и изгибающийся над спиной, причем кисточка на конце превратилась в крин из трех лепестков. Голова изображена без детализации, морда имеет впереди клювоподобный выступ. Подобные изображения известны в древнерусских ювелирных изделиях (Макарова, 1986. Рис. 7, 13, 19, 20). Однако в данном случае важнее конкретные смоленские аналогии. Лев с проросшим хвостом изображен на печатях, прикрепленных к договору Смоленска с Ригой и Готским берегом, на печати князя Фёдора Ростиславовича на грамоте 1284 г. (Смоленские грамоты..., 1963), на смоленских монетах конца XIV — начала XV в. (Зайцев, 2016. С. 92–106; 2018). Аналогичное изображение имеется на перстне-печатке, найденном в древнерусском слое при раскопках 2020 г. по адресу: Смоленск, ул. Соболева, 49 (рис. 2, 1, 1а). О геральдической семантике смоленских львов уже писалось ранее (Марков, 2016). Можно выдвинуть предположение, что лев на булавке также имел не декоративный, а геральдический смысл, а сама булавка могла служить символом статуса, связанного со смоленским княжеским домом. Функционально булавка могла служить и печаткой, подобной перстню-печатке.

Сходная с воищенской булавка была найдена в Смоленске на ул. Студенческой в 2012 г. (Пронин, Соболев, 2020. Рис. 241). Находка привязана к слоям конца XI — середины XII в. Изделие бракованное, тем не менее изображение на нем можно различить. Обрамление из лучей-кринов и общая форма диска навершия сходны с булавкой из Воищины. Изображение в центре другое — это птица (видны два крыла), она стоит на двух ногах, округлая выпяченная вперед грудь обращена влево, хвост веером (рис. 2, 4). Можно сказать, что это грубая реплика изящных золотых древнерусских изделий с перегородчатой эмалью (Кондаков, 1892. Табл. 21).

При работах 1960–1970-х гг. в раскопках УС-VIII и УС-XI (на ул. Соболева) возле подножия Соборной горы были найдены две одинаковые булавки, с зооморфным изображением в центральной части и пятью расходящимися от нее лучами-кринами (рис. 2, 3, 4). Н. И. Асташова, опубликовавшая одну из находок, отметила, что она «имеет точную аналогию из раскопок феодальной усадьбы на городище Воищина», а изображена на ней птица (Асташова, 1990. С. 100). Здесь необходимо сделать некоторые уточнения. Во-первых, изображение на булавке из раскопа на ул. Соболева симметрично изображению на воищенской булавке. Во-вторых, это не птица, а фантастический гибрид льва и птицы. Передняя часть у него, как у птицы, но задняя больше напоминает льва — три лапы (две слившиеся задние и две передние), а также хвост над туловищем с кисточкой-крином на конце. Такие фантастические гибриды встречаются в древнерусском ювелирном искусстве (Макарова, 1986. Рис. 7). В данном случае можно предполагать, что изображения на булавках с ул. Соболева появились в результате сочетания образов птицы и льва. Возможно даже, что оттиск с булавки типа воищенской послужил

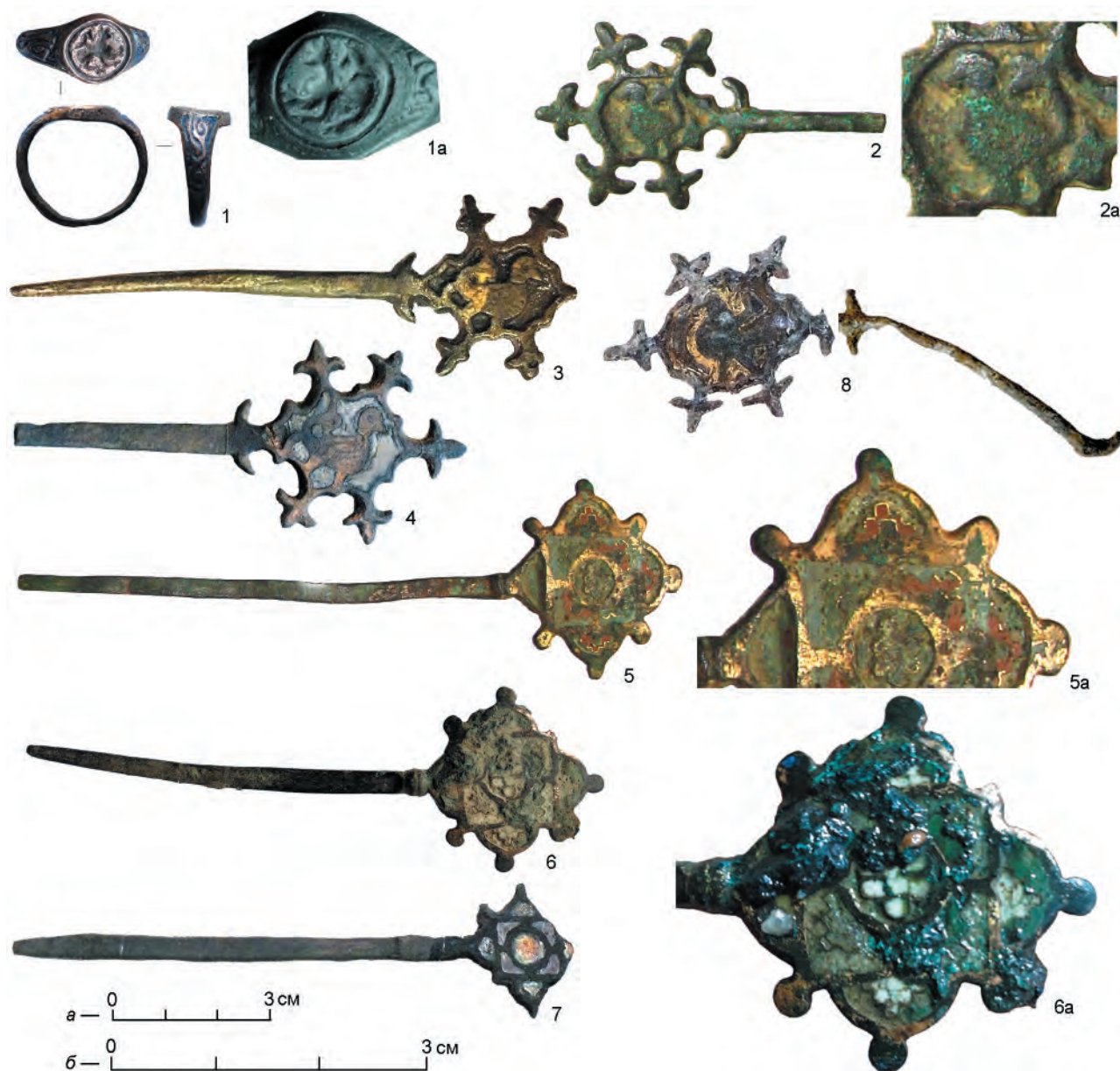

Рис. 2. Смоленские булавки и перстень: 1, 6 — ул. Соболева, 49, раскопки 2020–2023 гг.; 2, 5 — городище Воищина, раскопки 1955–1957 гг.; 3 — раскоп УС-XI, ярус 16; 4 — раскоп УС-VIII, ярус 10, пласт 27; 7, 8 — ул. Студенческая, раскоп 2012 г. Фото Т. В. Столяровой, Г. О. Моисеенкова, Н. А. Кренке. Масштаб: а — для 1–8; б — для 1а, 2а, 5а, 6а

Fig. 2. Smolensk pins and ring: 1, 6 — ul. Soboleva, 49, excavations 2020–2023; 2, 5 — Voishchina settlement, excavations 1955–1957; 3 — excavation УС-XI, tier 16; 4 — excavation УС-VIII, tier 10, stratum 27; 7, 8 — Studencheskaya ul., excavation 2012. Photo by T. V. Stolyarova, G. O. Moiseenkov, N. A. Krenke. Scale: a — for 1–8; б — for 1а, 2а, 5а, 6а

для изготовления восковой модели для булавок с «гибридом» льва и птицы. Художник при этом акцентировал клювовидный выступ и упростил заднюю половину туловища зверя.

При сравнении смоленских находок с новгородскими булавками, изображающими павлинов (Енисова и др., 2024), становится очевидным, что между ними есть черты и сходства, и различия.

Следует отметить, что павлин на навершиях новгородских булавок моделирован значительно детальнее, показаны хохолки на голове, особенности перьев хвоста. Сходство заключается в общем абрисе птицы с округлой грудью, акцентированной «прилипшим» к груди крылом. Также можно увидеть сходство в раздвоенном конце хвоста птиц новгородских булавок (верхние перья

закручены вверх и смыкаются со спиной, нижние опираются на землю) и завершении туловища у смоленских булавок. Различие же состоит в том, что у «смоленской птицы» верх хвоста в виде крины (особенно у булавки из раскопа УС-ХІ) (рис. 2, 3), а низ «хвоста» — в форме ноги с характерным изгибом.

Таким образом, вопрос о происхождении птицеголовых изображений на смоленских булавках непростой. Вероятно, появление смоленских изображений нужно рассматривать в контексте новгородских. Образно выражаясь, смоленский мастер немного запутался, кому подражать: новгородским павлинам, львам или «гибридам» птицы и льва.

Можно предполагать, исходя из стилистического анализа, что смоленские находки с изображениями «гибридов» моложе булавок из раскопок городища Воищина. Смоленские находки ценны тем, что имеют четкую хронологическую привязку, так как были найдены в ярусе 16 раскопа УС-ХІ, который имеет дендродаты в интервале 1160–1180-х гг. (Асташова, 1986. С. 23), и ярусе 10 раскопа УС-VIII, который датируется «до 1177 г.» (Авдусин, 1964. Л. 2).

2. Вторая булавка с Воищины имела квадрифолийное навершие (рис. 2, 5, 5а). Предмет выполнен в технике перегородчатой эмали, гнезда залиты красной и зелено-голубоватой эмалью. Изображение довольно сложное, имеет три зоны. Центральная — это круг, в центре которого розетка из нескольких маленьких окружностей. Средняя — это углы квадрата, представляющие собой сердцевидные фигуры, внутри каждой из которых трехступенчатые перемычки-городки. Внешняя — это выступающие за пределы квадрата полукружия листьев-фолиев, внутри которых также размещены трехступенчатые перемычки-городки. Лишь в выступе, от которого начинается стержень булавки, городки отсутствуют. В конце 1950-х гг., когда В. В. Седов готовил свою публикацию, в качестве аналогии можно было привести лишь находку из Великого Новгорода, которая датировалась серединой XII в. (Седова, 1981. С. 78). Однако новгородская находка лишь отдаленно напоминает воищенскую своей квадрифолийной формой. Изображение в центре совсем иное (крест, городков нет), отлична и техника изготовления.

Теперь же в нашем распоряжении имеются действительно близкие аналогии. Близкие до такой степени, что можно думать об одной мастерской или мастере. Это находка 2023 г. из уже упоминавшегося выше раскопа на ул. Соболева, 49, форма бронзовой основы которой (рис. 2, 6, 6а) абсолют-

но идентична воищенской булавке, иной лишь цвет эмали. Окружности центральной розетки и городки залиты белой эмалью, а не красной. Фон зеленовато-голубой, одинаковый у обеих находок.

Находка из раскопа на ул. Студенческой (рис. 2, 7) немного отличается. Общая схема изображения сходная, но несколько проще в деталях. Сам квадрифолий меньших размеров, перемычки-городки и розетка в центре круга отсутствуют. Возможно, это более ранний (по отношению к двум описанным выше) тип булавки с квадрифолийным навершием. Необходимо учитывать нахождение этой булавки в ранних слоях конца XI в. и простоту ее формы.

Таким образом, можно сделать предварительные выводы.

Во-первых, мы видим некоторую парность встречаемости булавок с квадрифолием и украшений (перстня, булавок) с геральдическим смоленским львом. Эти «пары» были найдены на трех раскопах (городище Воищина; Смоленск, ул. Студенческая, ул. Соболева, 49).

Во-вторых, время создания булавок с Воищины по аналогиям, скорее всего, определяется первой половиной XII в. Здесь важную роль играет датировка раскопа на ул. Соболева, 49, которая позволяет исключить XI в. В этом раскопе керамика конца XI в. была встречена в очень незначительном количестве и преимущественно в огородно-пахотном горизонте, подстилавшем культурный слой. Уровень сгоревшей усадьбы, где была найдена булавка, надежно датируется по керамике XII в. Бытование булавок типа найденных на ул. Соболева выпадает на вторую половину XII в.

В-третьих, во всех трех случаях были зафиксированы явные следы ремесленного производства — тигли, литейный брак.

В-четвертых, находки булавок сходной формы концентрируются в Смоленске и его ближайших окрестностях.

Учитывая изложенное, можно сделать предположение, что в Смоленске в XII в. бытовали булавки с навершиями двух типов: 1) в технике перегородчатой эмали, квадрифолийные, с перемычками-городками; 2) в технике выемчатой эмали, с лучами-кринами и зооморфным изображением на щитке — львом либо птицей (более ранние подтипы) и птицевом (более поздний подтип). Все эти разновидности могут рассматриваться как булавки смоленских типов 1 и 2. Наличие в Смоленске и Великом Новгороде своих особых типов булавок — очень показательное культурное явление.

Предположительно, смоленские предметы были атрибутами мужского убора³, и их производство

и назначение было как-то связано с княжеской администрацией, они маркировали принадлежность к ней их владельца. Городище Воищину, следовательно, можно трактовать как не просто феодальную усадьбу, а пункт княжеской власти, активное функционирование которого началось в XII в. и завершилось в 1258 г.

³ Авторы статьи о новгородских булавах относятся к предметам «женской культуры», однако конкретных доказательств тому нет. Нужно ждать появлений подобных находок в погребениях.

Авдусин, 1964 — Авдусин Д. А. Отчет о работах смоленской археологической экспедиции в 1964 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2935. 52 л.

Асташова, 1986 — Асташова Н. И. Древний Смоленск до начала XV в. (по археологическим данным): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.: б. и., 1986. 213 с.

Асташова, 1990 — Асташова Н. И. Ювелирное ремесло и изделия из цветного металла средневекового Смоленска // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ): Сб. ст. к 100-летию со дня рождения А. Я. Брюсова / Отв. ред. С. В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1990 (Труды ГИМ; Вып. 74). С. 93–101.

Горский, 1996 — Горский А. А. Русские земли в XIII–XV вв. Пути политического развития М.: Изд. центр Ин-та российской истории РАН, 1996. 127 с.

Ениосова и др., 2024 — Ениосова Н. В., Лубкова Т. Н., Николаева И. Ю., Покровская Л. В., Сингх В. К. Булавки с головкой в виде павлина из раскопок Великого Новгорода // АВ. 2024. Вып. 42. С. 136–146.

Зайцев, 2016 — Зайцев В. В. Русские монеты XIV–XVII вв. Очерки по нумизматике. М.: Изд-во МБА, 2016. 304 с.

Зайцев, 2018 — Зайцев В. В. О клеймах смоленских князей на серебряных платежных слитках XIV в. // Банкаўскі веснік. Красавік, 2018. С. 64–68.

Кондаков, 1892 — Кондаков Н. П. История и памятники Византийской эмали: Из собрания А. В. Звенигородского. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. 367 с.

Макарова, 1986 — Макарова Т. И. Черневое дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.

Марков, 2016 — Марков В. В. Геральдические символы смоленского княжества на смоленских монетах конца XIV — начала XV в. // Русь, Литва и Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. М.: ЭмБиАй, 2016. Вып. 2. С. 92–103.

НПЛ, 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Отв. ред. М. Н. Тихомиров; под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.

Пронин, Соболев, 2020 — Пронин Г. Н., Соболев В. Е. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2020. 336 с.

Седов, 1957 — Седов В. В. Первые результаты археологического изучения древнерусской деревни Смоленской земли // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск: Смолгиз, 1957. С. 281–310.

Седов, 1960 — Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. М.: Изд-во АН СССР, 1960 (МИА; № 92). 159 с.

Седов, 1964 — Седов В. В. Городище Церковище // КСИА. 1964. Вып. 102: Племена лесной и лесостепной полосы Евразии в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. С. 70–74.

Седова, 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода X–XV вв. М.: Наука, 1981. 196 с.

Смоленские грамоты..., 1963 — Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подгот. к печати Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин; под ред. чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 139 с.

The “Smolensk” pins from V. V. Sedov’s excavations at the Voishchina settlement

N. A. Krenke⁴

Keywords: cloisonné enamel, quadrifoliate tops, pins, Smolensk, Voishchina

The article deals with pins with quadrifoliate and zoomorphic tops from V. V. Sedov’s excavations at the Voishchina settlement and new finds of similar items from Smolensk. The author concludes that these items were produced in Smolensk and can be considered as pins of Smolensk types 1 and 2. Their semantic connection with symbols of Smolensk princes on coins and seals is also established, namely these pins were included in the set of attributes of the princely power’s bearers.

⁴ Nikolay A. Krenke — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: nkrenke@mail.ru.

Новые находки монет петровского времени на территории Санкт-Петербурга первой половины XVIII в.¹

К. В. Горлов, В. Ю. Соболев²

Аннотация. Изучение культурного слоя Санкт-Петербурга позволило получить высокоинформативную нумизматическую коллекцию, характеризующую особенности повседневного денежного обращения города в первой половине XVIII в. Археологический контекст находок монет дает возможность выявить случаи их внеэкономического использования.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, монеты, Петр I, погребения, обол, «Наугольные палаты», период обращения.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-45-46-71

На протяжении XVI–XVII вв. основным компонентом русского денежного обращения оставались серебряные копейки и их фракции, чеканенные на кусках расплюсченной проволоки. Выход монет из состава обращения происходил под влиянием естественных механизмов действия рынка или в связи со специальными государственными постановлениями, например, во время реформирования финансовой системы. Скорость вывода монет из оборота в связи с законами развития экономики и в результате фискальных мероприятий государства была различной³.

Денежная реформа 1698 г., связанная с последним уменьшением весового норматива проволочных монет, сопровождалась массовым и

интенсивным выводом из обращения «старых денег», которые надлежало обменивать на новые с нормой «наддачи по гривне на рубль» (*Деммени*, 1887. С. 33; *Зверев*, 2020. С. 202). Огромные масштабы чеканки, связанные с расходами Северной войны, требовали пополнения сырьевой базы серебра, добыча которого в России на тот момент еще не велась. Решение этой задачи правительство находило в традиционной закупке иностранной серебряной монеты и перечеканке старых русских денег в новые, более низкого веса⁴. На 1701–1702 гг. приходится время наиболее массовой сдачи свезенных в Москву «старых» копеек. Максимальная доходность по переделу пришлось на 1702 г. Сырье для передела поступало как от приказов, так и от населения путем покупки и обмена (*Дуров*, 1980. С. 9, 10, 13, 14; *Ширяков*, 2013. С. 143; *Краснов*, 2015. С. 188).

Материалы кладов, сформированные в конце XVII в., показывают значительное присутствие в их структуре копеек эмиссии Михаила Фёдоровича, Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича

¹ Горловым К. В. исследование выполнено по теме государственного задания «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (FMZF-2022-0017).

² Горлов К. В. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, РФ; e-mail: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru. Соболев В. Ю. — Санкт-Петербургский государственный университет; С.-Петербург, РФ; e-mail: vlad.sobolev@mail.ru.

© Горлов К. В., Соболев В. Ю., 2024

³ Отметим, что государственными постановлениями обращение определенных групп монет, например «севских чехов», могло быть остановлено без их изъятия (нулификация монет) (*Зайцев*, 2016. С. 277, 278).

⁴ Население с нежеланием сдавало старые деньги на монетные дворы, так как считало низким размер (10 %) лажа, то есть наддачи, установленной казной. Старые деньги было выгоднее превратить в сырье для изготовления посуды, окладов икон, прочих предметов. Это, в свою очередь, привело к сокрытию значительных сумм. В 1704 г., например, у купцов Шустовых изъяли из тайника 106 пудов старых денег (*Юхт*, 1994. С. 22).

(Горлов и др., 2018; Горлов, Салмин, 2022). Составы депозитов, тезаврированных в первые десятилетия XVIII в., демонстрируют полное преобладание проволочных копеек самостоятельного правления Петра Алексеевича с минимальным наличием денежных знаков иных эмитентов даже времени его совместного царствования с Иваном Алексеевичем (Горлов и др., 2023а; 2023б; Горлов, Масловский, 2024. С. 216–221).

В контексте специфики рассматриваемого в этой статье нумизматического материала коснемся также процесса вывода из экономической сферы медных копеек и их фракций эмиссии Петра I, выпущенных на основании стоп в 12,8; 15,44; 19,2; 20 и 40 руб. из пуда меди, а также копеек Петра II, чеканенных по 40-рублевому нормативу (Зверев, 2019. С. 55, 56). Из обращения в принудительном порядке значительная доля таких монет была изъята и переплавлена в ходе денежных переделов 1723 и 1727 гг. при осуществлении выпуска более легковесных средств расчета с целью увеличения разницы между их номиналом и рыночной стоимостью меди (Юхт, 1994. С. 29, 32, 45, 49, 52, 54). Однако, несмотря на попытки вывода из обращения тяжелых монет, значительная их часть продолжала оставаться на руках у населения. Окончательно образцы обозначенной эмиссии Петра Алексеевича и его внука покинули сферу денежного оборота в период передела⁵ 1730–1735 гг., послужив сырьем для монет Анны Иоанновны⁶. Полушки и денги образца 1730 г., выпущенные по 10-рублевому нормативу чрезвычайно массовыми тиражами⁷, быстро заменили в обращении медные копейки и их фракции 1710–1720-х гг.⁸ (Юхт, 1994. С. 110–126, 143; Уздеников, 2004. С. 56, 231).

В пределах Российской империи медные монеты 10-рублевой стопы сохранялись в обороте

⁵ Перечеканка монет позволяла сократить производственные расходы, исключая часть высокочатных операций: переплавку старых монет, прокатку полос, врубку круглых заготовок (Уздеников, 2004. С. 54).

⁶ В первые два года за счет использования запаса старых монет (копеек, чеканенных по 20- и 40-рублевой стопе) было перечеканено и сделано из меди денег и полушек на 540 657 руб. В последующие два года, когда этот запас был исчерпан, объем чеканки резко сократился (Юхт, 1994. С. 69, 71, 111).

⁷ За время правления Анны Иоанновны полушек и денег было отчеканено на сумму 2,9 млн руб., при Елизавете Петровне до 1757 г. — на 3 млн руб. (Юхт, 1994. С. 143).

⁸ За исключением пяти копеек образца 1723 г.

до первой четверти XIX в., на что указывает их присутствие в составе кладов начала XIX в. (Ремецас, Синчук, 2011. С. 94; Горбань, Малезжик, 2019. С. 202). До настоящего времени не выявлены документы второй половины XVIII в., регламентирующие порядок изъятия тяжелых полушек и денег из обращения. Только в 1825 г. издается сенатский указ, ограничивающий хождение старой медной монеты до конца этого года. Именной указ 1826 г. продлевал на год прием старых денег в подати (Синчук, 2013).

Особенности состава русского денежного обращения начала XVIII в. часто изучаются по материалам кладов, количество которых стремительно возрастает в петровскую эпоху (Мельникова, Дядченко, 1994. С. 20). Единичным монетным находкам этого времени, зарегистрированным в культурном слое городов и сельских поселений, внимание уделяется пока гораздо меньше. Однако только рассмотрение отдельных находок денежных знаков вместе с материалами кладов позволяет более точно проследить картину повседневного денежного обращения, например, взаимосвязь новых медных монет машинного производства с проволочными копейками, которые в составах одних депозитов не встречаются.

Охранное археологическое изучение культурного слоя Санкт-Петербурга, наиболее интенсивное в последние десятилетия, позволило получить высокоинформативную нумизматическую коллекцию, характеризующую особенности повседневного денежного обращения города первой половины XVIII в.⁹

Один из авторов статьи и ранее занимался этой темой, собрав сведения о находках кладов и единичных монет, зарегистрированных в пределах Санкт-Петербурга за последние 200 лет. Материал опубликованной сводки охватывает хронологический интервал от древнерусского времени до XIX в. (Соболев, 1998; 2005).

Систематически к исследованию нумизматики Санкт-Петербурга обращается В. Н. Седых, вводя в научный оборот данные о находках монет в пределах города и Ленинградской области (Седых, 2013; 2017; Гордилов, Седых, 2014). В частности, исследователем опубликована специальная работа, содержащая сведения о большей части денежных знаков петровского времени,

⁹ Находящиеся в настоящее время в пределах исторического центра Санкт-Петербурга шведские крепости Ландскрона, Ниеншанц и город Ниен отражают иной этап развития региона, выходящий за рамки данной работы и требующий отдельного рассмотрения.

Рис. 1. План Санкт-Петербурга 1756 г. с обозначением мест проведения археологического исследования культурного слоя, содержащего нумизматические находки первой половины XVIII в.: 1 — Сытнинская ул., 9, 11; 2 — Нейшлотский пер., 3А; 3 — ул. Яблочкова, 2/10; 4 — Университетская наб., 15 («Наугольные палаты»)

Fig. 1. Plan of St. Petersburg 1756 with the designation of the places of archaeological research of the cultural layer containing numismatic finds of the first half of the 18 cen.: 1 — 9 and 11 Sytninskaya ul.; 2 — 3A Neishlot per.; 3 — 2/10 ul. Yablochkova; 4 — 15 Universitetskaya nab. (“Naugolnye Palaty”)

зарегистрированных в пределах Санкт-Петербурга (Седых, 2021. С. 211, 212). Однако данный материал нельзя считать полной сводкой. В работе, например, отсутствует информация о петровских монетах, найденных в 2017–2019 гг. на территории Меншикова бастиона Петропавловской крепости (Горлов, Кильдюшевский, 2020). Также не упоминаются и проволочные копейки, обнаруженные в составе погребений кладбища, открытого в Нейшлотском переулке в 2018 г. Без точной атрибуции в публикациях остаются 11 проволочных серебряных монет, зарегистрированных в 2014 г. в захоронении некрополя, исследованного у пересечения Кронверкской и Сытнинской улиц (Лапшин, 2019. С. 262–264).

В последние годы коллекция нумизматических находок первой половины XVIII в. значительно пополнилась благодаря охранным археологическим работам в «Наугольных палатах» Меншиковского дворца в 2019–2020 гг. и на ул. Яблочкова в 2021 г. (рис. 1).

Раскопки на Сытнинской улице, 9, 11

Ранняя группа памятников нумизматики петровского времени в пределах Санкт-Петербурга зарегистрирована экспедицией ИИМК РАН в 2014 г. при раскопках по адресу: Сытнинская ул., 9, 11. Здесь было изучено ранее неизвестное кладбище с захоронением не менее чем 255 человек, скелеты которых зафиксированы в коллективных и индивидуальных могилах¹⁰. Три коллективных погребения представляют собой обширные ямы: две — около 8,0 × 4,5 м, третья — 4,0 × 3,0 м. Погребенные были уложены в них в два ряда по три яруса в каждом, головами на запад, в вытянутом на спине положении со скрещенными на груди руками. В двух наиболее обширных ямах расчищено по более чем сотне скелетов в каждой, в третьей — более 30. При зачистке по дну могильной ямы коллективного погребения 1 был найден слепок «стопочка» из восьми¹¹ серебряных проволочных копеек Петра I, рядом с которым находились еще четыре аналогичные монеты. Обстоятельства фиксации денежных знаков позволяют считать их единым комплексом (Лапшин, 2019. С. 263, 264).

В публикациях при упоминании этих монет указывался только их номинал и эмитент — «копейки Петра I». Более точное определение денежных знаков по причине плохой сохранности авторам представлялось затруднительным (Лапшин,

¹⁰ Также недалеко от Петропавловской крепости, в месте пересечения Большой Посадской и Малой Монетной улиц, в 2011 г. было открыто кладбище, на котором захоронения производились в первые годы существования города (Лапшин, Городилов, 2013. С. 25; Лапшин, 2019. С. 259–262).

¹¹ В публикации В. А. Лапшина указано общее количество 11, а не 12 монет (Лапшин, 2019. С. 264). В. Н. Седых приводит данные о нахождении в стопке шести проволочных копеек (Седых, 2021. С. 212). Расхождение в данных о количестве монет связано с утратой одной из копеек при камеральной обработке коллекции. В 2014 г. К. В. Горлов принимал участие в реставрации обнаруженного в захоронении монетного комплекса, представлявшего до раскрытия небольшой слепок, скрепленный плотными окислами черного цвета. Удаление коррозионных наслоений позволило заключить, что комплекс состоит из семи серебряных проволочных монет, которые были сфотографированы и взвешены. В дальнейшем, одна из монет была утрачена. К сожалению, в настоящее время отыскать утерянный экземпляр не удастся. Однако документальная регистрация пропавшей монеты во время реставрации позволяет учитывать ее при публикации комплекса.

Таблица 1. Состав части нумизматической коллекции из раскопок в С.-Петербурге на Сытнинской ул., 9, 11, в 2014 г. Серебряные копейки
 Table 1. Composition of part of the numismatic collection from excavations in St. Petersburg in 2014 (Sytninskaya ul.). Silver kopecks

№	Эмитент	Дата чеканки, гг.	Место чеканки / дифферент	Гурт / вес, г	Тип*
1	РЦ / Иван V, Петр I	1682–1696	М. / о/М	0,225	Л.с. — 15 О.с. — ?
2	РЦ / Иван V, Петр I	1682–1696	М.	0,235	Л.с. — ? О.с. — 2
3	РЦ / Петр I	СЗ / 1698–1699	М. Красный (Старый) денежный двор	0,205	1247
4	РЦ / Петр I	СЗ / 1698–1699	М. Красный (Старый) денежный двор	0,200	1247
5	РЦ / Петр I	СН / 1699	М. Красный (Старый) денежный двор	0,220	1250
6	РЦ / Петр I	СН / 1699	М. Красный (Старый) денежный двор	0,225	1250
7	РЦ / Петр I	СН / 1699	М. Красный (Старый) денежный двор	0,235	1251
8	РЦ / Петр I	ЯША / 1701	М. Денежные дворы приказа Большой казны	0,200	1269
9	РЦ / Петр I	АША / 1701	М. Кадашевский денежный двор	0,205	1447
10	РЦ / Петр I	АШВ / 1702	М. Кадашевский денежный двор	0,230	1560
11	РЦ / Петр I	ЯУГ / 1703	М. Денежные дворы приказа Большой казны	0,225	1342
12	РЦ / Петр I	ЯУГ / 1703	М. Кадашевский денежный двор	0,210	Л.с.— 29? О.с. — ?**

* Здесь и в таблицах 2–4 типология русских проволочных монет приведена на основании классификации И. В. Гришина, В. Н. Клещинова, А. В. Храменкова, для русских монет машинной чеканки даны ссылки на систематизацию В. В. Узденикова (Уздеников, 2011; Гришин и др., 2021). Для иностранных монет приведены ссылки на Международный каталог монет мира (<https://ru.ucoin.net/>). Сокращения: РЦ — Русское царство; РИ — Российская империя; М. — Москва; Л. с. — лицевая сторона; О. с. — оборотная сторона.

** Повторный удар штемпеля.

2019. С. 264; Седых, 2021. С. 212). Повторное изучение комплекса позволило установить точную датировку, денежные дворы и типологию монет (табл. 1; рис. 2, 1–12).

Два старших экземпляра представлены копейками эмиссии Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича времени совместного правления 1682–1696 гг. Лицевая сторона таких монет чеканилась общими штемпелями с изображением всадника вправо с копьём в руке и дифферентом под ногами коня. Для оборотной использовались индивидуальные инструменты, каждый из которых нес имя одного из монархов (Мельникова, 1989. С. 226, 227). Из-за плохой сохранности для одной из указанных копеек удалось определить только лицевую сторону, что не позволяет узнать, от имени какого из царей она была выпущена. У второго экземпляра читающиеся элементы легенды реверса с именем Ивана Алексеевича. Остальные десять копеек изготовлены в период единоличного правления Петра I между 1698/1699–1703 гг. с примерно равным количественным годовым распределением. Младшие два экземпляра датируются 1703 г.

Обнаруженные в составе могильной ямы 12 копеек, по мнению В. А. Лапшина, стали «ре-

шающими» при уточнении времени функционирования кладбища (Лапшин, 2019. С. 264). Однако при использовании петровских проволочных монет в качестве хронологического индикатора следует учитывать их длительное пребывание в денежном обращении после 1717 г., продлившееся до середины XVIII в., при неоднократных попытках правительства по их принудительному изъятию. Только в 1744 г. издается указ, запрещающий оборот «старой» монеты, однако выполнение его растянулось почти на 10 лет (Деммени, 1887. С. 157, 158, 314–334, 442–444, № 5965, 8948, 10339; Юхт, 1986. С. 39, 40). Проволочные копейки в основном были востребованы в консервативной крестьянской среде (особенно в районах Заволжья), где традиционные серебряные средства расчета предпочитались медным. Даже после 1750-х гг. проволочная копейка кое-где еще сохраняла значение в качестве местного платежного средства (Мельникова, Дядченко, 1994. С. 21, 22).

В 2011 г. в Азове было исследовано братское захоронение русских солдат и, возможно, офицеров, совершенное в 1739 г. во время эпидемии чумы. При одном из скелетов был раскрыт тканевый кошелек, содержащий 131 проволочную

Рис. 2. Копейки эмиссии Фёдора Алексеевича, Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича, зарегистрированные в ходе археологического исследования культурного слоя Санкт-Петербурга в 2014, 2018, 2021 гг. (1–12 — Сытнинская ул.; 13–17 — Нейшлотский пер.; 18 — ул. Яблочкова). Серебро. Фото И. Г. Самоварова, К. В. Горлова

Fig. 2. Copecks' issues of Fedor Alexeevich, Ivan Alexeevich and Peter Alexeevich recorded during the archaeological survey of the cultural layer of St. Petersburg in 2014, 2018, 2021 (1–12 — Sytninskaya ul.; 13–17 — Neyshlot per.; 18 — ul. Yablochkova). Silver. Photo by I. G. Samovarov and K. V. Gorlov

петровскую копейку, включая два поддельных экземпляра (Горлов и др., 2023а). Данная находка помимо продолжительности бытования проволочных монет указывает на русскую армию как на еще одну часть общества, в которой денежные знаки такого рода оставались востребованными длительное время после прекращения их выпуска.

Однако, несмотря на приведенные обстоятельства, обнаруженные в составе захоронения на Сытнинской улице Санкт-Петербурга 12 проволочных монет могут рассматриваться в качестве узкодатирующего источника. С 1697 по 1701 г. в России происходит резкое прибавление денежных дворов, с одного до пяти, что повлекло увеличение объема выпускаемой в оборот денежной массы. До 1700 г. в среднем ежегодно серебряных монет чеканили на сумму около 300 тыс. руб.

С 1700 по 1711 г. средний ежегодный выпуск со всех монетных дворов стал составлять суммы более 1,5 млн руб. Наибольшие масштабы чеканки приходятся на 1700–1704 гг., когда она составила 13,1 млн руб. Только один Кадашевский двор в 1701 г. дал копеек на сумму 277 тыс. руб., в 1702 г. — 2,1 млн руб., в 1703 г. — 962 тыс. руб. (Дуров, 1980. С. 17; Юхт, 1994. С. 21).

Отсутствие в рассматриваемом комплексе петровских монет, выпущенных после 1703 г. в контексте чрезвычайно массовых тиражей, косвенно может указывать на формирование его структуры и попадание в состав погребения около 1703–1704 гг. Такой датировке не противоречит общая стратиграфия исследованного участка. Горизонт деревянных построек, под слоем которого открыты погребения, датируется концом XVIII —

первой половиной XIX в. В пользу действия кладбища в первые годы существования Санкт-Петербурга говорит и отсутствие его обозначений на городских планах XVIII в. (Лашин, 2019. С. 263–265).

Около 1710 г. в Петербурге был введен запрет хоронить умерших жителей в каких-либо других местах, кроме двух специально организованных Сампсониевских православного и лютеранского кладбищ.

Отметим также, что в ходе археологического исследования горизонтов, сформированных во время возведения первых деревоземляных укреплений Меншикова бастиона Петропавловской крепости в 1703 г., были зарегистрированы провололочные копейки, аналогичные по времени чеканки обнаруженным в захоронении (Горлов, Кильдюшевский, 2020. С. 155–160). Есть основания полагать, что в некрополе, исследованном на пересечении Кронверкской и Сытнинской улиц, открыты ингумации первых строителей Санкт-Петербурга.

Понимание причин попадания монет в состав коллективного погребения связано с историческими реалиями, в условиях которых захоронения были совершены. Археологическое исследование комплекса позволяет установить, что в данном случае одновременно в одной яме были погребены не менее 100 мужчин разного возраста, что позволяет связать причину их смерти с эпидемией. Антропологические исследования скелетов показали, что наиболее распространенные виды травм носят хозяйственно-бытовой характер и свидетельствуют также в пользу того, что погребенные были работными людьми, а не солдатами, военнопленными или казненными преступниками (Широбоков, Учанева, 2015).

Можно полагать, что организаторами похорон при этом выступали городские власти, основной задачей которых было как можно быстрее предать зараженные тела земле. В результате захоронения были совершены в пределах городской территории, не предназначенной для организации кладбища, что, вероятно, и стало причиной отсутствия могильника на ранних планах Санкт-Петербурга (Лашин, 2019. С. 265). В таких условиях моделирование намеренного помещения стопки из 12 копеек в состав захоронения в качестве «обола мертвых»¹² представляется маловероятным. Данные этнографии позволяют говорить, что сознательное помещение денежных знаков

¹² Традиция «обола мертвых» прослеживается до начала XX в. (Хухарев, 1999).

в погребения осуществлялось ближайшими родственниками покойного¹³ (Зеленин, 1991. С. 348; Бузин, 2015. С. 585, 600, 601). Вероятнее всего, найденный капитал из 12 копеек стоит рассматривать в качестве наличных денег, хранившихся в виде стопки в укромном месте вещевого убора. После смерти их обладателя в процессе погребения монеты, вероятно, не были замечены и оказались помещенными в братское захоронение вместе с одеждой.

Похожая ситуация была прослежена в Азове, где, как отмечалось выше, в составе братского захоронения был найден кошелек, содержащий 131 монету. В 1990 г. в этом городе исследовалось воинское захоронение жертв эпидемии чумы, совершенное не ранее 1770 г. При одном из скелетов найдены монеты машинной чеканки номиналом 1 рубль 1765 г., 20 копеек 1767 г. и два гривенника 1764 и 1768 гг. Судя по всему и этот капитал попал в «могильную яму», которой послужила осадная траншея, также по причине чрезвычайной эпидемиологической ситуации (Горлов, Масловский, 2024).

Раскопки в Нейшлотском пер., 3А

Следующие памятники нумизматики петровской эпохи, связанные с погребальным комплексом, были обнаружены в 2018 г. во время археологических работ на Выборгской стороне Санкт-Петербурга по адресу: Нейшлотский пер., 3А. Здесь экспедицией отдела охранной археологии ИИМК РАН¹⁴ было обнаружено и обследовано неизвестное ранее городское кладбище, действовавшее в XVIII в. Некрополь располагался южнее первого в Санкт-Петербурге общегородского Сампсониевского кладбища, достоверные упоминания о захоронениях на котором относятся уже к 1710 г. Анализ картографических и письменных источников позволил заключить, что открытые в 2018 г. погребения находятся за пределами основной территории как православного Сампсониевского, так и одноименного лютеранского некрополей, располагавшихся неподалеку (Филиппенко, 2021а. С. 10).

Изучение истории выявленного кладбища на основании археологических данных

¹³ Одна из целей ритуального помещения монет в погребения могла заключаться в стремлении обезопасить именно живых людей и их хозяйства от влияния потусторонних сил, то есть происходил своеобразный «откуп».

¹⁴ Авторы статьи выражают благодарность руководителю работ Р. В. Филиппенко за возможность использования неопубликованного материала.

Таблица 2. Состав части нумизматической коллекции из раскопок в С.-Петербурге в Нейшлотском пер., 3А, в 2018 г.
Table 2. Composition of the part of the numismatic collection from the excavations in St. Petersburg in 2018 (3A Neyshot per.)

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки / дифферент	Металл	Гурт / вес, г	Тип
1	РЦ / Петр I	Копейка	CS / 1698	М. Старый денежный двор	Серебро	0,160	1242
2	РЦ / Фёдор Алексеевич	Копейка	1676–1680	М. / о/М	Серебро	0,410	1022
3	РЦ / Петр I	Копейка	АΨΘ / 1709	М. Кадашевский денежный двор	Серебро	0,150	1797
4	РЦ / Петр I	Копейка	АΨΑΙ / 1711	М. Кадашевский денежный двор	Серебро	0,135	1835
5	РЦ / Петр I	Копейка	ΨSI / 1716	М. Красный (Старый) денежный двор	Серебро	0,240	1416
6	РЦ / Петр I	Денга	1700–1718	М. Набережный двор	Медь	Гладкий	?

и письменных источников позволяет отнести начало его действия к 1710-м гг., а окончание — к середине 1730-х гг. Вероятнее, что в 1760–1770-е гг. данная территория рассматривалась в качестве резерва для расположенных поблизости городских некрополей. В 1790-е гг. здесь возводятся сооружения канатной фабрики (Там же. С. 16, 21, 38, 39).

В границах раскопа с уровня погребенной почвы удалось зарегистрировать 595 захоронений, совершенных по православным канонам (Филиппенко, 2021а. С. 13; 2021б. С. 31). В значительной части погребений присутствовали нательные кресты, изготовленные из медного и свинцово-оловянного сплавов. Другие предметы, связанные с погребальным убором или инвентарем, немногочисленны. Во время работ не удалось обнаружить остатки надмогильных плит или каких-либо других элементов капитальных надгробных конструкций, что может указывать на низкий социальный и имущественный статус погребенных здесь людей. Отметим, что в пределах городского православного Сампсониевского кладбища находки надмогильных плит¹⁵, в том числе первой половины — середины XVIII в., хорошо известны, как и погребения знатных дворянских фамилий (Там же. С. 14, 32, 33, 48, 54).

В метрических книгах середины XVIII в. упоминаются захоронения на Сампсониевском кладбище жителей Санкт-Петербурга и пригородных сел, представленных по своему происхождению двумя группами. К первой принадлежало коренное финское православное население, оставшееся здесь после отвоевания побережья Невы у Швеции; ко второй — люди, переведенные в Приневье в первые десятилетия XVIII в. из внутрен-

них областей России для обслуживания вотчин сановников. Местные финские жители, скорее всего, имели возможность хоронить покойных на старых родовых кладбищах. Русское население для отправления религиозных обрядов было прикреплено к окраинным церквям Петербурга, прежде всего к «открытой», неведомственной, Сампсониевской церкви. Вероятно, на выявленном в 2018 г. кладбище были исследованы погребения жителей ближайших к Петербургу окрестностей (Там же. С. 52–54).

В ходе исследования культурного слоя была собрана крупная коллекция нумизматических находок, представленная в основном мелкими номиналами Российской империи и СССР, чеканенными из медного сплава. Данные монеты происходят из культурного слоя, не связанного с ингумациями.

При исследовании некрополя нумизматический материал был зарегистрирован в составе погребения 37 (табл. 2, 1; рис. 2, 13). Здесь в заполнении ямы исследованы фрагменты прямоугольного по форме гроба из досок шириной до 0,03 м. Погребенный лежал на спине, головой на юго-запад. Сохранились фрагменты бедренных, локтевых, лучевых костей, позвонков, зубы мужчины в возрасте 45–55 лет (Филиппенко, 2021б. С. 45, 46). У южной стенки гроба в области правой плечевой кости скелета обнаружена серебряная проволочная копейка эмиссии Петра I, выпущенная на Старом денежном дворе в 1698 г.

В заполнении могильной ямы погребения 200 исследовались останки ингумации, на спине (Филиппенко, 2021б. С. 110). В восточной половине гроба, у левой бедренной кости погребенного, вместе с фрагментом ткани зафиксировано компактное скопление монет¹⁶, представленное четырьмя проволочными серебряными копейками

¹⁵ Надмогильные плиты XVIII в. были неоднократно обнаружены в пределах Сампсониевского кладбища (Филиппенко, 2021а. С. 32, 33, 48). Часть этих надгробий в настоящее время находится в одной из открытых галерей Сампсониевского собора.

¹⁶ Отметим, что две проволочные серебряные копейки в момент фиксации были скреплены продуктами коррозии.

эмиссии Фёдора Алексеевича 1676–1680 гг. и Петра Алексеевича 1698, 1709, 1711 и 1716 гг. Также в состав комплекса входила и медная денга 1700–1718 гг.¹⁷ (табл. 2, 2–6; рис. 2, 14–17). Вероятно, при захоронении монеты были укрыты в кошельке или деталях погребального убора.

Время чеканки и период обращения обнаруженных в составе рассмотренных погребений монет в целом коррелируют с предложенным временем функционирования кладбища. Относительно ранняя к началу действия могильника дата выпуска копейки из захоронения 37 нивелируется длительным периодом бытования петровских проволочных монет после прекращения их эмиссии в 1717 г.

Денежные знаки, обнаруженные в составе погребения 200, имеют широкий хронологический диапазон, связанный с присутствием здесь копейки Фёдора Алексеевича, аналоги которой на территории Санкт-Петербурга в виде единичных находок, кажется, неизвестны. Петровские проволочные монеты имеют относительно компактное время чеканки, соотносящееся с первым десятилетием действия кладбища. Датировка и период обращения медной денги, вероятнее всего, не позднее середины 30-х гг. XVIII в., что также не противоречит намеченному Р. В. Филиппенко времени функционирования некрополя (Филиппенко, 2021а. С. 16, 21, 38, 39).

Обращает на себя внимание отсутствие в захоронениях копеек, выпущенных огромными тиражами в самом начале XVIII в. Примечателен и факт наличия в одном скоплении вместе с серебряными проволочными копейками медной денги. Как правило, на протяжении периода своего одновременного обращения в первой половине XVIII в. серебряные и медные монеты в составе одних комплексов не встречаются. Прежде всего данное замечание относится к составу кладов. Даже в небольших депозитах, интерпретируемых в качестве потерянных кошельков, монеты ручной чеканки изолированы от денежных знаков машинного производства. Вероятно, причина появления в составе одного скопления серебряных и медной монет заключается в его ритуальном характере.

Прежде чем перейти к рассуждениям о возможных причинах появления монет в рассмотренных погребениях, еще раз отметим, что они были совершены на городском кладбище, где, вероятно, захоронения производились населе-

нием из ближайшей к Санкт-Петербургу округи. С большой долей вероятности можно говорить, что ингумацией здесь занимались родственники усопших, а не «казна», что влекло за собой соблюдение погребальной обрядности с исключением случайного попадания посторонних предметов в могилы. Вероятнее всего, здесь прослеживается традиция «обола мертвых» — ритуального помещения денежных знаков в состав погребений.

В пользу предложенной версии говорит место фиксации копейки из захоронения 37 возле правой плечевой кости скелета, что указывает на отсутствие связи денежного знака с убором усопшего. Возможно, монета была помещена в гроб на одном из этапов обряда. Археологические исследования дают примеры фиксации денежных знаков как на скелетах, например, в области груди, так и рядом с ними, по сторонам от черепа или у ступней (Мокерова, 2013. С. 147). Часть монет помещалась в могильные ямы до или во время их заполнения (Хухарев, 1999. С. 161; Векслер, Петухов, 2002. С. 204; Иов, 2004. С. 121; Горлов, 2024).

Этнографические источники предлагают широкий набор функций, которые монеты могли выполнять в составе погребений: это разного рода платы (за «спокойное» лежание в земле, за преодоление различных преград), своеобразные обереги (от смерти родственников умершего, от падежа скота) и прочее (Зеленин, 1991. С. 348; Бузин, 2015. С. 585, 600, 601). Данные поверья тесно связаны с народными представлениями о загробной жизни, уходящими своими корнями в языческую культуру.

Вероятно, к намеренному ритуальному помещению монет в захоронение следует отнести и случай с ингумацией 200, где изначально денежные знаки, видимо, хранились в кошельке, от которого сохранился только небольшой фрагмент ткани.

Сведения археологии и этнографии указывают, что в погребения и Средневековья, и Нового времени в ритуальных целях помещали чаще всего одну или пару¹⁸ монет, чаще всего низкого достоинства. Иногда для этого использовали фрагменты денежных знаков или специально изготовленные суррогаты (Новиков, Хухарев, 1999). Известны случаи намеренного использования для помещения в ингумации денежных знаков, давно вышедших из обращения. В связи с этим

¹⁷ Плохая сохранность монеты не позволила определить точную дату ее чеканки.

¹⁸ Известны случаи, когда в захоронения помещалось гораздо большее количество монет (например, 24), которые, как правило, в ходе археологических раскопок фиксируются в виде «столбиков» (Хухарев, 1999. С. 162; Мокерова, 2017. С. 161).

создается впечатление, что в рассматриваемом захоронении к группе из трех петровских проволочных копеек, выпущенных во время, близкое к кончине, были намеренно добавлены старый двуденежник Фёдора Алексеевича, аналоги которого массово вышли из обращения на рубеже XVII–XVIII вв., и медная денга, нехарактерная для монетных комплексов из драгоценного металла.

Таким образом, серию монет из погребений, исследованных в Нейшлотском переулке, вероятно, следует рассматривать как пример намеренного включения денежных знаков в состав захоронений с ритуальной целью. Данное обстоятельство отличает эти захоронения от зарегистрированного на Сытинской улице.

Раскопки на ул. Яблочкова, 2/10

Санкт-Петербургской городской археологической экспедицией ИИМК РАН¹⁹ в 2021 г. проводилось изучение культурного слоя в южной части Петроградской стороны по адресу: ул. Яблочкова, 2/10²⁰. Данная территория, изначально прилегавшая к гласису Кронверка Петропавловской крепости и Малой Неве, стала одним из наиболее населенных районов раннего Петербурга. Согласно письменным и картографическим источникам, а также результатам археологических исследований прошлых лет, изученная в 2021 г. площадка находилась в пределах существовавшего с начала XVIII в. Мытного двора²¹ и его окрестностей (Субботин, 2021. С. 12, 15, 36, 37).

В ходе работ экспедиции ИИМК РАН было исследовано пять условных горизонтов с характерным набором нумизматических находок в каждом. Подробное описание фиксации монет в напластованиях ранее было показано в отдельной работе (Горлов, Роплекар, 2023). Здесь мы представим только общую смену состава денежного обращения. Порядок дифференциации монет по горизонтам и объектам позволяет проследить некоторые хронологические закономерности их локализации в культурном слое.

¹⁹ Работы проведены на основании открытого листа, выданного А. В. Субботину. Полевое исследование участка проводилось К. С. Роплекар.

²⁰ Общая площадь обследованного участка составила 113,27 кв. м.

²¹ Мытный двор представлял собой «большое четырехугольное покрытое дранкой здание, внутри которого шла бойкая торговля всем, что употребляется для домашнего хозяйства (крупы, сало, посуда и т. д.), а также размещались склады муки» (Лунтов, 1957. С. 31).

Серия наиболее ранних денежных знаков в виде проволочных серебряных копеек Петра Алексеевича и медных монет машинного производства 1702, 1703, 1709 гг. связана с нижними напластованиями погребенной почвы (горизонт V), а также заполнением хозяйственной ямы 1 (табл. 3, 1–5; рис. 2, 18; 3, 1–3, 4, 4). Вероятно, выпадение этих экземпляров из обращения происходило в первые годы существования Санкт-Петербурга.

Примечательно присутствие в коллекции сломанной пополам серебряной копейки. Возможно, монета была разделена на две части намеренно, в результате нехватки в обращении разменных средств расчета (Юхт, 1994. С. 10; Зайцев, 2018). Царский указ 1700 г. сообщает: «...во многих Низовых и в иных городах, за скудостью денежек, на размену в мелких торгах пересекают серебряные копейки на двое и на трое и торгуют ими вместо денежек на размен; а в Калуге и в иных городах вместо серебряных денежек торгуют же кожаными и иными жеребьями» (Юхт, 1994. С. 12). Отметим, что сломанная пополам проволочная петровская копейка была зарегистрирована и в ходе археологического исследования Меншикова бастиона Петропавловской крепости (Горлов, Кильдюшевский, 2020. С. 160).

Нумизматические находки, полученные при исследовании горизонта IV, представлены медными полушкой и копеекой Петра I, выпущенными в 1707 г., а также пятью копейками 1726 г. Екатерины I, обнаруженными в слое щепы ниже уровня деревянных конструкций (Горлов, Роплекар, 2023). Вероятно, с данной серией монет следует рассматривать и денгу 1706 г. Набережного монетного двора, найденную при зачистке восточной стенки раскопа (табл. 3, 6–15; рис. 4, 6, 8, 11). На примере этой монетной серии прослеживается приход в обращение на смену проволочным серебряным копейкам Петра Алексеевича начала XVIII в. денежных знаков из меди, тиражи которых со временем увеличивались. Возможно, выпадение в слой этих монет происходило с конца первого десятилетия XVIII в.

Найденные при исследовании горизонта IV под уровнем настила монеты 1731, 1749 и 1763 гг. следует считать случайно провалившимися в зазоры между досками на этапе функционального использования сооружения.

С уровнем горизонта III связана находка четырех петровских монет 1707, 1719, 1720 и 1718–1722 гг., из которых три представлены медными полушками 40-рублевой стопы, не встреченными

Таблица 3. Состав части нумизматической коллекции из раскопок в С.-Петербурге на ул. Яблочкова, 2/10, в 2021 г.
Table 3. Composition of part of the numismatic collection from excavations in St. Petersburg in 2021 (2/10 ul. Yablochkova)

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки / дифферент	Гурт / вес, г	Материал	Тип
Горизонт V							
1	РЦ / Петр I	Копейка	ЯЧВ / 1702	М. Кадашевский денежный двор	0,245	Серебро	1466
2	РЦ / Петр I	Денга	1703	М. Набережный двор	Гладкий	Медь	2263
3	РЦ / Петр I	Копейка	ЯЧФ / 1709	М. Кадашевский денежный двор	0,225	Серебро	1793
4	РЦ / Петр I	Копейка	ЯЧВ / 1702	М. Денежные дворы приказа Большой казны	0,265	Серебро	1314 ?
5	РЦ / Петр I	Копейка*	1701–1709	М. Денежные дворы приказа Большой казны	0,080	Серебро	?
Горизонт IV							
6	РЦ / Петр I	Полушка	1707	М. Набережный двор	Гладкий	Медь	2289
7	РЦ / Петр I	Копейка	1707	М. Набережный двор / БК	Гладкий	Медь	2283
8	РИ / Екатерина I	5 копеек	1726	М. Набережный двор / НД	Сетчатый	Медь	2554
9	РЦ / Петр I	Денга	1706	М. Набережный двор	Гладкий	Медь	2281
10	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1731	М. Красный двор	Шнур.	Медь	2487
11	РИ / Елизавета Петровна	Денга	1749	М. Красный двор	Сетчатый	Медь	2533
12	РИ / Екатерина II	5 копеек	1763	Екатеринбург / ЕМ	Сетчатый	Медь	2635
13	РИ / Анна Иоанновна	Денга	1731	М. Красный двор	Сетчатый	Медь	2485
14	РИ / Анна Иоанновна	Денга	1735	М. Плащильная мельница	Сетчатый	Медь	2493
15	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1736	М. Плащильная мельница	Шнур.	Медь	2498
Горизонт III							
16	РЦ / Петр I	Полушка	1707	М. Набережный двор	Гладкий	Медь	2289
17	РЦ / Петр I	Полушка	1719	М. Набережный двор	Гладкий	Медь	2413
18	РЦ / Петр I	Полушка	1720	М. Набережный двор	Гладкий	Медь	2424
19	РИ / Петр I	Полушка	1718–1722	М. Набережный двор	Гладкий	Медь	?
20	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1731	М. Красный двор	Шнур.	Медь	2487
21	РИ / Анна Иоанновна	Денга	1731?	М. Красный двор	Сетчатый	Медь	2485
22	РИ / Анна Иоанновна	Денга	1731?	М. Красный двор	Сетчатый	Медь	2485
23	РИ / Анна Иоанновна	Денга	1735	М. Плащильная мельница	Сетчатый	Медь	2493
24	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1736	М. Плащильная мельница	Шнур.	Медь	2498
25	РИ / Павел I	1 деньга	1797–1801	?	Шнур.	Медь	?
Горизонт II							
26	РЦ / Петр I	Полушка	1700–1718	М. Набережный двор	Гладкий	Медь	?
27	РЦ / Петр I	Копейка	1713	М. Кадашевский двор / МД	Гладкий	Медь	2333
28	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1731	М. Красный двор	Шнур.	Медь	2487
29	РИ / Елизавета Петровна	Денга	1750	М. Красный двор	Сетчатый	Медь	2536
30	РИ / Екатерина II	Деньга	1795?	Екатеринбург / ЕМ	Рубчатый	Медь	2901
Горизонт I							
31–33	РИ / Анна Иоанновна	Полушка (3 экз.)	1731	М. Красный двор	Шнур.	Медь	2487
34–36	РИ / Анна Иоанновна	Денга (3 экз.)	1731	М. Красный двор	Сетчатый	Медь	2485
37	РИ / Анна Иоанновна	Денга	1734	М. Плащильная мельница	Сетчатый	Медь	2489
38	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1735	М. Плащильная мельница	Шнур.	Медь	2494
39, 40	РИ / Анна Иоанновна	Денга (2 экз.)	1735	М. Плащильная мельница	Сетчатый	Медь	2493
41	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1736	М. Плащильная мельница	Шнур.	Медь	2498

Таблица 3, окончание

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки / дифферент	Гурт / вес, г	Материал	Тип
42	РИ / Анна Иоанновна	Денга	1737	Екатеринбург	Сетчатый	Медь	2499
43	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1738	Екатеринбург	Шнур.	Медь	2502
44	РИ / Елизавета Петровна	Денга	1748	М. Красный двор	Сетчатый	Медь	2526
45	РИ / Елизавета Петровна	Денга	1753	М. Красный двор	Сетчатый	Медь	2542
46	РИ / Екатерина II	Полушка	1770	Екатеринбург / ЕМ	Рубчатый	Медь	2718
47	РИ / Павел I	1 деньга	1797	Екатеринбург / ЕМ	Шнур.	Медь	2950
48	РИ / Павел I	1 копейка	1798	Екатеринбург / ЕМ	Шнур.	Медь	2963
49	РИ / Александр I	2 копейки	1811	Екатеринбург / ЕМ-НМ	Гладкий	Медь	3131
50	РИ / Александр I	2 копейки	1811?	Екатеринбург / ЕМ-НМ	Гладкий	Медь	3131
Археологическое наблюдение							
51	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1731?	М. Красный двор	Шнур.	Медь	2487
52, 53	РИ / Анна Иоанновна	Денга (2 экз.)	1731	М. Красный двор	Сетчатый	Медь	2485
54	РИ / Елизавета Петровна	Денга	1746	М. Красный двор	Сетчатый	Медь	2526
55	РИ / Николай II	1/2 копейки	1900	С.-Петербург	Рубчатый	Медь	3892

* Половина монеты.

в нижележащих горизонтах (табл. 3, 16–25; рис. 4, 7, 9, 10). Можно сказать, что в период формирования горизонта III в обращении доминировали именно эти легковесные монеты, выпускаемые в оборот огромными тиражами на рубеже первого и второго десятилетий XVIII в. Появление этих средств расчета связано со значительными военными расходами государства, компенсировать которые правительство решило за счет выпуска легковесных монет, стоимость металла в которых была в шесть–восемь раз меньше их номинала (Юхт, 1994. С. 30; Зверев, 2019. С. 57). В 1724 г.²² было принято решение о прекращении выпуска легковесных полушек (Юхт, 1994. С. 30–32; Храменков, 2001. С. 150, 151; Уздеников, 2004. С. 150, 221, 222). Из состава денежного обращения они исчезают в результате денежного передела 1730 г. В Москве обмен полушек закончился 1 февраля 1731 г., в других городах на несколько месяцев позже. Несмотря на запрет обращения и изъятие, полушки продолжали участвовать в торговых сделках, поскольку население не хотело сдавать их по грабительскому курсу (Юхт, 1994. С. 67, 68, 70, 71; Храменков, 2007. С. 201, 202).

²² С 1723 г. полушки должны были обращаться только в качестве разменной монеты для покупки съестных продуктов. В 1729 г. сфера обращения полушек была расширена вплоть до приема в различные казенные сборы (Храменков, 2007. С. 195–212).

Находку денег эмиссии Анны Иоанновны и Павла I в квадратах В7 и А2 на уровне горизонта III мы связываем со случайным перемещением в культурном слое.

Отдельного комментария требует компактная серия из четырех монет 1731 и 1736 гг., зарегистрированная в западной части раскопа, вместе с которой следует рассматривать также четыре полушки и денги 1731, 1735 гг., найденные во время разбора уступа. Данные монеты обнаружены за пределами деревянных конструкций клетки и настила и связаны со слоем, формирование которого началось не ранее 30-х гг. XVIII в. (Горлов, Роплекар, 2023).

Нумизматические находки, зарегистрированные в ходе исследования горизонта II, немногочисленны. Выпадение петровской полушки, найденной поверх деревянного настила, связано со временем его утилитарного использования в 1720-е гг. Возможно, в это время была потеряна и копейка 1713 г., хотя не исключен и более ранний ее выход из оборота (табл. 3, 26–30; рис 4, 5).

Крупная серия монет, зарегистрированная при исследовании культурного слоя на уровне горизонта I, а также на стадии археологического наблюдения, происходит из западной части раскопа. Серия полушек и денег эмиссии Анны Иоанновны связана с конструкцией «клетки» и маркирует ее существование в 30-х гг. XVIII в. С юга и запада от этого сооружения также были зафиксированы многочисленные находки монет 10-рублевой

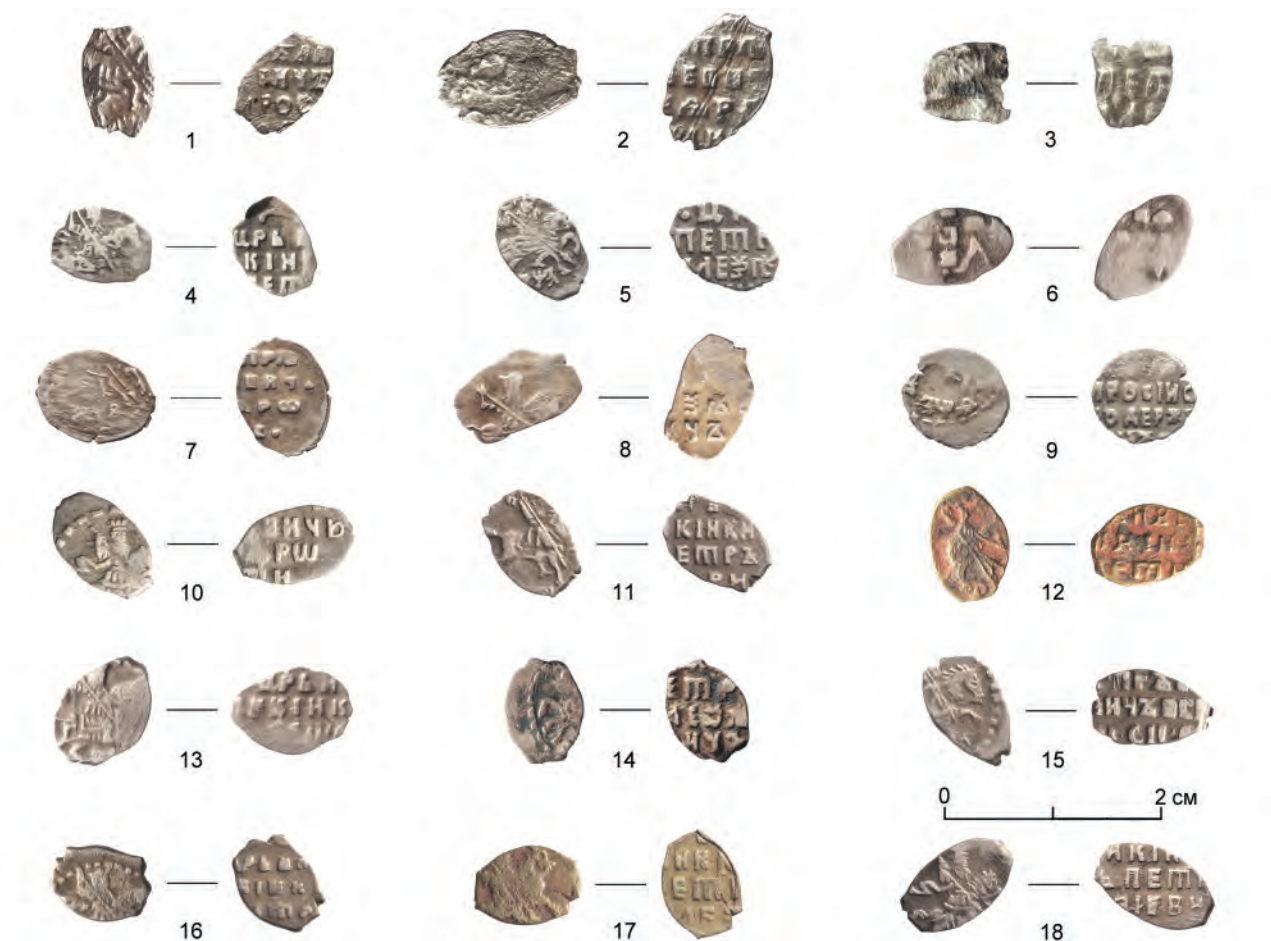

Рис. 3. Копейки и фальшивые экземпляры правления Петра Алексеевича, зарегистрированные в ходе археологического исследования культурного слоя Санкт-Петербурга в 2019 и 2021 гг. (1–3 — ул. Яблочкова, 2/10; 4–18 — Университетская наб., 15). Серебро (кроме № 12, 17 — медный сплав, олово). Фото И. Г. Самоварова, К. В. Горлова

Fig. 3. Copecks and their forgeries of the reign of Peter Alexeevich recorded during the archaeological survey of the cultural layer of St. Petersburg in 2019, 2021 (1–3 — ul. Yablochkova; 4–18 — 15 Universitetskaya nab., “Naugolnye Palaty”). Silver (except for 12, 17 — copper alloy, tin). Photo by I. G. Samovarov, K. V. Gorlov

стопы, что указывает на активное формирование здесь слоя в 30–40-е гг. XVIII в. (табл. 3, 31–55; рис. 4, 1–3).

На этом фоне контрастно показательным выглядит отсутствие полушек и денег образца 1730 г. в напластованиях, исследованных поверх деревянных настилов, занимающих значительные по объему площади раскопа (Горлов, Роплекар, 2023). С большой долей уверенности можно говорить, что слой, сформированный здесь с 30-х гг. XVIII в., был уничтожен в результате позднейшей хозяйственной деятельности. В качестве слабых следов бытования этой части исследуемого участка в 1730–1740-е гг. следует рассматривать немногочисленные медные монеты этого времени, вероятно, провалившиеся между досками настила.

Можно отметить, что для всей площади раскопа характерно отсутствие монет Елизаветы

Петровны и Екатерины II 16-рублевой стопы, массово выпускаемых и участвующих в обращении на протяжении второй половины XVIII в. Данное обстоятельство может указывать либо на слабое хозяйственное освоение исследованной территории в это время, либо на уничтожение напластований этого периода на более позднем этапе. При этом следует учитывать находку трех монет Павла I в пределах раскопа.

«Наугольные палаты» Меншиковского дворца

«Наугольные палаты» — часть комплекса построек усадьбы светлейшего князя А. Д. Меншикова на Васильевском острове — были переданы СПбГУ в 2011 г. Проект реставрации и приспособления под современное использование по заказу университета разрабатывался ООО «Архитектурное бюро „Студия 44“», ведущим авторский

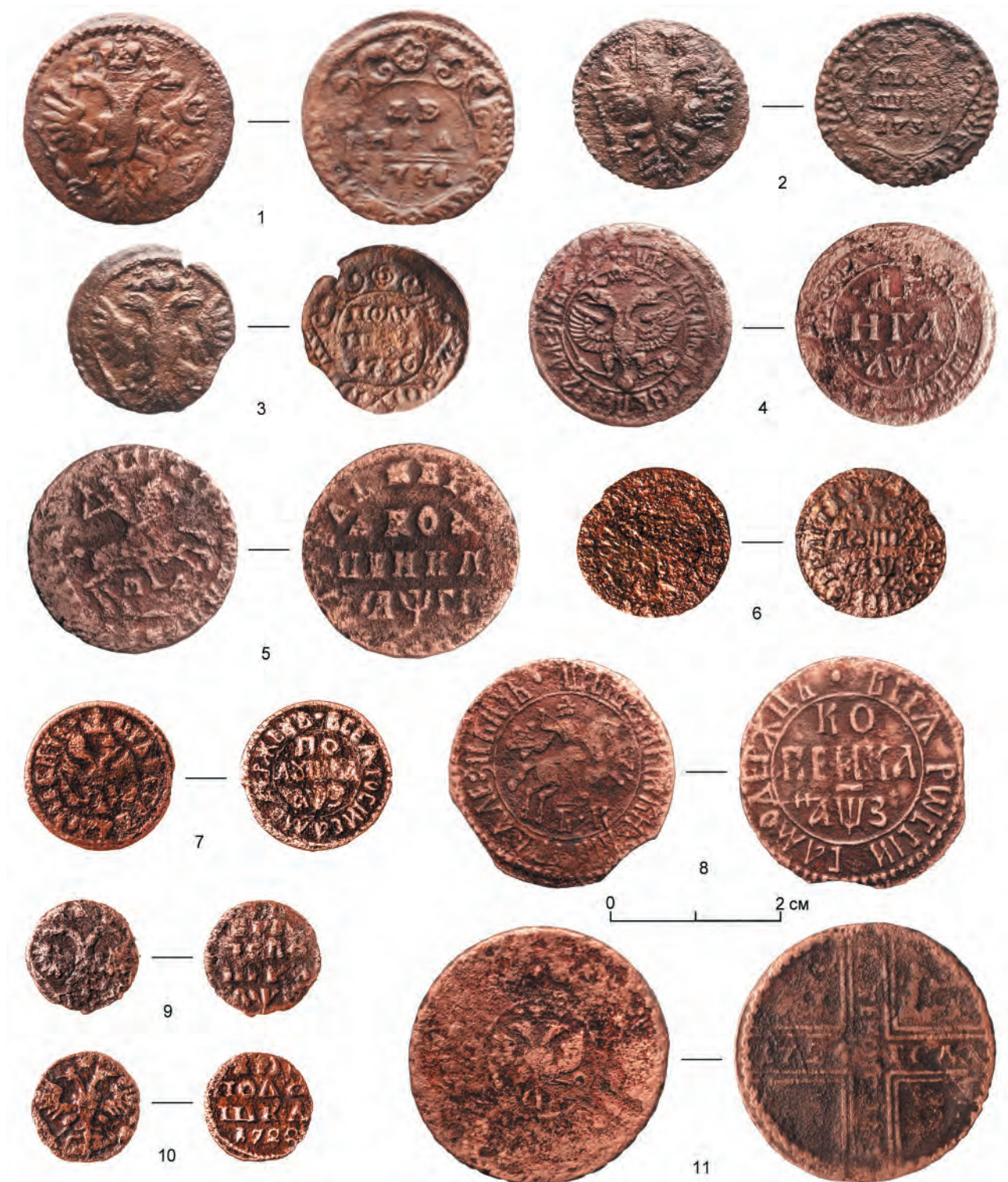

Рис. 4. Нумизматические находки эмиссии Петра Алексеевича, Екатерины I, Анны Иоанновны, зарегистрированные в ходе археологического исследования культурного слоя на ул. Яблочкова, 2/10, в 2021 г. Медный сплав. Фото И. Г. Самоварова, К. В. Горлова

Fig. 4. Numismatic finds of Peter Alexeevich, Catherine I and Anna Ioannovna emission, recorded during the archaeological survey of the cultural layer at 2/10 ul. Yablochkova (2021). Copper alloy. Photo by I. G. Samovarov, K. V. Gorlov

надзор за работами. Археологическое сопровождение реставрационных работ осуществлялось сотрудниками Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Института истории СПбГУ в 2019 г.

Западное трехэтажное (считая с цокольным этажом) крыло дворцового здания, именованное в документах «Наугольными палатами», возводилось в 1720–1721 гг. по проекту А. Г. Шеделя. После постройки в одном из залов нового корпуса проходили заседания Военной коллегии. В 1727 г. здесь непродолжительное время размещался двор Петра II. После опалы А. Д. Меншикова в 1727 г. усадьба поступила в казну. По указу Анны Иоанновны 1731 г. об учреждении Шляхетского кадетского корпуса дворец и вся усадьба отводятся новому учебному заведению. Уже 17 февраля 1732 г. состоялось торжественное открытие корпуса, занимавшего комплекс построек Меншиковского дворца на протяжении почти двухсот лет.

Размещение учебного заведения потребовало перестройки части зданий и обустройства в них новых помещений — жилых «камор» и учебных классов, залов, столовой и лазарета, квартир для учителей и обслуживающего персонала. На протяжении XIX в. в стенах Корпуса практически непрерывно продолжались работы по улучшению условий жизни кадет²³.

Разборка полов, проводимая в процессе реставрационных работ в 2019 г., показала, что межэтажные перекрытия засыпаны строительным и бытовым мусором, в который при ремонтах отдельных комнат и через щели дощатого пола попал большой объем различных артефактов: детали одежды и снаряжения, документы, фрагменты учебных пособий, географические и игральные карты, парики, детали костюма и обуви, бытовые предметы, фрагменты посуды и изразцовых наборов, детали отделки интерьера. Основная часть находок отложилась в перекрытиях в конце 1730-х гг., когда в части здания, выходящей на Кадетскую линию, перестилали полы, но формирование комплекса продолжалось вплоть до рубежа 50–60-х гг. XX в., когда в здании, занятом Академией тыла и транспорта, поверх деревянного чистового пола был уложен линолеум. Сотрудниками Лаборатории археологии, исторической

социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева проводились работы по разборке и просевке межэтажных заполнений.

Важное место в полученной коллекции артефактов занимают 155 монет второй половины XVII — XX в. со значительным преобладанием экземпляров XVIII в.²⁴ В межэтажное пространство денежные знаки, вероятно, попадали в виде обычных потерь, проваливаясь между досками пола или перемещаясь сюда при ремонтных работах.

Принципиальное значение имеет происхождения нумизматической коллекции из комплексов с достоверно известным временем начала формирования — не ранее 1731 г. Монеты в основном представляют компактные в хронологическом отношении группы, получившие условное обозначение «основные серии», важные для уточнения времени формирования комплексов, с которыми связаны. Прерывание «основных серий» может рассматриваться как маркер прекращения выпадения денежных знаков из оборота по причине ремонта полов или изменения функционального назначения помещений. Для каждого из помещений наборы денежных знаков имеют индивидуальные черты, что позволяет рассматривать их отдельно.

В ходе исследования помещения А.1.05 на первом этаже была зарегистрирована серия из 16 монет (табл. 4, 1–16; рис. 3, 4–11; 5, 7; 6, 3, 6, 9, 10). Эмиссия Петра Алексеевича представлена здесь восемью проволочными серебряными копейками 1698/99–1713 гг. и тремя медными монетами машинной чеканки 1711, 1714, 1722 гг. К петровскому времени нужно отнести и фальшивую полушку, имитирующую выпуск 1719 г. Правлению Анны Иоанновны принадлежит полушка и денга 1731 г., Елизаветы Петровны — серебряные пять копеек 1760 г., Александра I — двухкопеечник образца 1810 г.

Зарегистрированная в помещении А.1.05 серия петровских проволочных копеек стала наиболее многочисленной. Количественное распределение этих монет по годам выпуска показывает небольшое преобладание экземпляров, чеканенных в 1698–1704 гг. Отметим, что в комплекс, формировавшийся после 1731 г., не выпали серебряные копейки младше 1713 г.

Фальшивая полушка 40-рублевой стопы отличается высоким качеством исполнения. Она была

²³ Здания утеплялись, устраивались теплые уборные и умывальные комнаты, прокладывалась система водоотведения, улучшалась система вентиляции, были устроены паровая прачечная и пневматические (амосовские) печи.

²⁴ В работе будет рассмотрена часть нумизматической коллекции, представленная русскими и иностранными монетами, выпущенными до 1917 г.

изготовлена на высококлассном оборудовании, возможно, в одной из зарубежных мастерских. В 1720-е гг. подделка таких монет была широко распространена. Этому способствовал маленький размер полушек, простота оформления и возможности извлечения пяти–шестикратных доходов от их изготовления при стоимости пуда меди в 8 руб. (Храменков, 2018. С. 23).

Значительная часть «воровских» полушек производилась за рубежом, главным образом в Польше. Огромные масштабы подделки таких монет, наносившие значительный ущерб русской казне, привели к прекращению их выпуска в 1724 г. В дальнейшем правительством предпринимались попытки сначала ограничения сферы использования легковесных полушек, а затем, с 1730 г., вывода их из обращения²⁵ с одновременным запретом участия в каких-либо расчетах. Несмотря на «заповедование» к употреблению, полушки какое-то время продолжали оставаться в ходу во многом из-за нежелания населения продавать их в казну по грабительскому курсу (Юхт, 1994. С. 30–32, 67, 68, 70, 71; Уздеников, 2004. С. 150, 221, 222; Храменков, 2001. С. 150, 151; 2007. С. 201, 202).

В ходе исследования помещения А.1.06 на первом этаже удалось зарегистрировать пять нумизматических находок (табл. 4, 17–21; рис. 3, 12; 5, 9, 10). Возможно, ранний экземпляр представлен здесь «воровской» проволочной копеейкой, имитирующей чекан Петра Алексеевича 1706–1717 гг. Заготовка фальсификата изготовлена из медного сплава с нанесением на поверхность оловянного покрытия, подменяющего серебро. Петровской чеканке принадлежат две медные копейки 1713 г. Кадашевского двора. К эмиссии Анны Иоанновны относятся полушка и денга 1731 и 1735 гг.

В ходе исследования помещения А.1.04 на первом этаже была зарегистрирована серия из 16 монет (табл. 4, 22–37; рис. 3, 13–15; 5, 4, 6; 6, 7, 8). Сегмент петровской эмиссии представлен тремя проволочными серебряными копейками 1700, 1704 и 1717 гг., а также двумя медными монетами машинной чеканки 1707 и 1710 гг. Ко времени правления Анны Иоанновны принадлежат семь полушек и денег 1730–1737 гг., Елизаветы Петровны — две денги 1741 и 1752 гг.

Также в коллекции присутствует коронный медный солид Речи Посполитой эмиссии Яна II Казимира 1659–1666 гг. Поверхность денежного знака имеет значительные потертости и следы

²⁵ В Москве обмен полушек закончился 1 февраля 1731 г., в других городах на несколько месяцев позже.

намеренного заглаживания рельефов, в результате чего они стали трудноразличимыми.

Специфической чертой рассматриваемой серии монет представляется присутствие здесь гораздо большего количества медных монет 10-рублевой стопы, младшая из которых выпущена в 1752 г.

Отдельного комментария заслуживает наличие среди русских нумизматических находок польского солида. Выпуск таких монет осуществлялся с 1659 по 1666 г. огромными тиражами. В обращении «шеляги» оставались до середины XVIII в. (Рябцевич, 1995. С. 211–220). Ареал их распространения помимо территории Польши и Левобережной Украины затрагивал и русские «порубежные» города, где они неофициально обращались по рыночному курсу с российскими денежными знаками в последней трети XVII — начале XVIII в. Находки солидов известны на территории современных Псковской, Смоленской, Брянской и Курской областей (Андреев, 2016; Зайцев, Храменков, 2019. С. 69; Пронин, Соболев, 2020. С. 44).

Начало чеканки русских полушек 40-рублевой стопы, очень близких по своим параметрам²⁶ к польским солидам, послужило мощным стимулом к ввозу в пределы России последних. «Шеляги» было выгодно выдавать за русские полушки, имевшие значительно более высокий курс. Польская валюта незаконно подмешивалась к полушкам при проведении торговых операций, при этом мошеннический «курс» составлял четыре солида за одну копейку²⁷. При изъятии из обращения полушек указом 1730 г. специально оговаривалось непринятие к обмену польских «шелягов» (Зайцев, Храменков, 2019. С. 69, 70).

Попадание в «Наугольные палаты» монеты Яна II Казимира, вероятнее всего, следует связать с попыткой ее внедрения в круг русского денежного обращения в виде полушки 40-рублевой стопы. Косвенно в пользу этого может свидетельствовать намеренное искажение рельефов на данном экземпляре.

В ходе исследования помещения А.2.15 на втором этаже была зарегистрирована серия

²⁶ Нормативный вес полушек составлял 1,02 г, средний диаметр — 14 мм, толщина — около 1 мм. Нормативный вес солидов составлял 1,34 г, диаметр — 16 мм, толщина — около 1 мм (Зайцев, Храменков, 2019. С. 69).

²⁷ Известны случаи перчеканки «денежными ворами» подлинных солидов поддельными штемпелями в полушки.

Таблица 4. Состав части нумизматической коллекции из раскопок в С.-Петербурге на Университетской наб., 15 («Наугольные палаты» Меншиковского дворца), в 2019 г.
Table 4. Composition of the part of the numismatic collection obtained during archaeological support of restoration works in the “Naugolnye Palaty” of the Menshikov Palace in 2019

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки / дифферент	Металл	Гурт / вес, г	Тип
Помещение А.1.05							
1	РЦ / Петр I	Копейка	СЗ / 1698/1699	М. Красный (Старый) денежный двор	Серебро	0,165	1245
2	РЦ / Петр I	Копейка	ЯЩА / 1701	М. Кадашевский двор	Серебро	0,285	1447
3	РЦ / Петр I	Копейка	ЯЩА / 1701	М. Денежные дворы приказа Большой казны	Серебро	0,230	1301
4	РЦ / Петр I	Копейка	1702	М. Кадашевский двор / ЯЩВ	Серебро	0,240	1600
5	РЦ / Петр I	Копейка ¹	1696–1704	М. Старый двор	Серебро	0,255	?
6	РЦ / Петр I	Копейка	АЩΘ / 1709	М. Кадашевский двор	Серебро	0,235	1789
7	РЦ / Петр I	Копейка	ЩЯI / 1711	М. Старый двор	Серебро	0,270	1396
8	РЦ / Петр I	Копейка	АЩAI / 1711	М. Кадашевский двор / БК	Медь	Гладкий	2319
9	РЦ / Петр I	Копейка	ЯЩΠ / 1713	М. Красный (Старый) денежный двор	Серебро	0,245	1851
10	РЦ / Петр I	Полушка	АЩΔI / 1714	М. Кадашевский двор	Медь	Гладкий	2355
11	Фальшивая монета, имитирующая полушку Петра I 1719 г. ²				Медь	Гладкий	2415
12	РЦ / Петр I	Полушка	АЩΘ / 1722	М. Кадашевский двор	Медь	Гладкий	2437
13	РИ / Анна Иоанновна	Денга	1731	М. Красный двор	Медь	Сетчатый	2485
14	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1731	М. Красный двор	Медь	Шнур.	2487
15	РИ / Елизавета Петровна	5 копеек	1760	С.-Петербург / СПб	Серебро	Шнур.	0918
16	РИ / Александр I	2 копейки	1810–1825	С.-Петербург / СПб-ПС	Медь	Гладкий	?
Помещение А.1.06							
17	Фальшивая монета, имитирующая проволочную копейку Петра I 1706–1717 гг.				Медь, олово	0,240	–
18	РЦ / Петр I	Копейка	АЩΠ / 1713	М. Кадашевский двор / МД	Медь	Гладкий	2335
19	РЦ / Петр I	Копейка	АЩΠ / 1713	М. Кадашевский двор / МД	Медь	Гладкий	2335
20	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1731	М. Красный двор	Медь	Шнур.	2487
21	РИ / Анна Иоанновна	Денга	1735	М. Плащильная мельница	Медь	Сетчатый	2493
Помещение А.1.04							
22	РЦ / Петр I	Копейка	ЯЩ / 1700	М. Денежные дворы приказа Большой казны	Серебро	0,275	1254
23	РЦ / Петр I	Копейка	ЯЩΔ / 1704	М. Кадашевский двор	Серебро	0,245	1709
24	РЦ / Петр I	Денга	АЩЗ / 1707	М. Набережный двор	Медь	Гладкий	2288
25	РЦ / Петр I	Копейка	АЩI / 1710	М. Кадашевский двор / МД	Медь	Гладкий	2307
26	РЦ / Петр I	Копейка	АЩΠ / 1717	М. Старый двор	Серебро	0,285	1853
27	Речь Посполитая / Ян II Казимир	Солид	1659–1666	?	Медь	Гладкий	?
28	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1730	М. Красный двор	Медь	Шнур.	2483
29, 30	РИ / Анна Иоанновна	Денга (2 экз.)	1731	М. Красный двор	Медь	Сетчатый	2485
31	РИ / Анна Иоанновна	Денга	1734	М. Плащильная мельница	Медь	Сетчатый	2489
32	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1736	М. Плащильная мельница	Медь	Шнур.	2498
33, 34	РИ / Анна Иоанновна	Денга (2 экз.)	1737	М. Красный двор	Медь	Сетчатый	2499

Таблица 4, продолжение

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки / дифферент	Металл	Гурт / вес, г	Тип
35	РИ / Иван VI или Елизавета Петровна	Денга	1741	Екатеринбург	Медь	Сетчатый	2516
36	РИ / Елизавета Петровна	Денга	1752	М. Красный двор	Медь	Сетчатый	2541
37	РИ?	–	XVIII–XIX вв.		Медь	–	–
Помещение А.2.15							
38	РЦ / Петр I	Копейка	АЧЕ / 1705	М. Кадашевский двор / МД	Медь	Гладкий	2274
39	РЦ / Петр I	Денга	АЧЗ / 1707	М. Набережный двор	Медь	Гладкий	2288
40	РЦ / Петр I	Копейка	АЧІ / 1710	М. Кадашевский двор / МД	Медь	Гладкий	2307
41	РЦ / Петр I	Копейка	АЧVI / 1712	М. Кадашевский двор / МД	Медь	Гладкий	2327
42–44	РИ / Анна Иоанновна	Полушка (3 экз.)	1731	М. Красный двор	Медь	Шнур.	2487
45	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1734	М. Плащильная мельница	Медь	Шнур.	2490
46–51	РИ / Анна Иоанновна	Полушка (6 экз.)	1735	М. Плащильная мельница	Медь	Шнур.	2494
52	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1736	М. Плащильная мельница	Медь	Шнур.	9498
53	РИ / Елизавета Петровна	Денга	1743	М. Красный двор	Медь	Сетчатый	2519
54	РИ / Елизавета Петровна	Полушка	1749	М. Красный двор	Медь	Шнур.	2534
55	РИ / Елизавета Петровна	Денга	1754	М. Красный двор	Медь	Сетчатый	2543
56	РИ / Елизавета Петровна	Полушка	1757	–	Медь	Шнур.	2582
57	РИ / Елизавета Петровна	2 копейки	1757	–	Медь	Сетчатый	2574
58	Королевство Швеция / Фредрик I	1 эре ³	1720	Стокгольм	Медь	–	404
59	Голландская республика	1 дуит	1720	–	Медь	Гладкий	75
Помещение А.1.07							
60	РЦ / Петр I	Копейка	ЯЧВ / 1702	М. Денежные дворы приказа Большой казны	Серебро	0,315	1334
61	Фальшивая монета, имитирующая проволочную копейку Петра I 1706–1717 гг.				Медь, олово	0,215	–
62	РЦ / Петр I	Копейка	АЧЕ / 1705	М. Кадашевский двор / МД	Медь	Гладкий	2274
63	РЦ / Петр I	Копейка	АЧДІ / 1714	М. Набережный двор / НД	Медь	Гладкий	2352
64	Фальшивая монета, имитирующая полушку Петра I 1719 г.				Медь	Гладкий	–
65	РЦ / Петр I	Полушка	1720	М. Кадашевский двор	Медь	Гладкий	2424
66	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1734	М. Плащильная мельница	Медь	Шнур.	2490
67	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1735	М. Плащильная мельница	Медь	Шнур.	2494
68	РИ / Елизавета Петровна	Полушка	1743	М. Красный двор	Медь	Шнур.	2519
69	РИ / Екатерина II	Полушка	1769	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Шнур.	2713
70	РИ / Екатерина II	Денга	1770	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Сетчатый	2717
71	РИ / Екатерина II	5 копеек	1770	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Сетчатый	2715
72	РИ / Екатерина II	Денга	1771	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Сетчатый	2721
73	РИ / Екатерина II	5 копеек	1777	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Сетчатый	2743
74	РИ / Екатерина II	5 копеек	1778	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Сетчатый	2746
75	РИ / Николай I	Денежка	1851	?	Медь	Гладкий	?
Помещение А.2.18							
76	РЦ / Петр I	Копейка	АЧЕІ / 1715	М. Набережный двор / НД	Медь	Гладкий	2358
77	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1731	М. Красный двор	Медь	Шнур.	2487
78	РИ / Анна Иоанновна	Денга	1731	М. Красный двор	Медь	Сетчатый	2485

Таблица 4, продолжение

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки / дифферент	Металл	Гурт / вес, г	Тип
79, 80	РИ / Анна Иоанновна	Денга (2 экз.)	1731	М. Красный двор	Медь	Сетчатый	2485
81–84	РИ / Анна Иоанновна	Полушка (4 экз.)	1734	М. Плащильная мельница	Медь	Шнур.	2490
85, 86	РИ / Анна Иоанновна	Денга (2 экз.)	1734	М. Плащильная мельница	Медь	Сетчатый	2489
87	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1736	М. Плащильная мельница	Медь	Шнур.	2498
88	РИ / Елизавета Петровна	Денга	1744	М. Красный двор	Медь	Сетчатый	2522
89	РИ / Елизавета Петровна	Денга	1746	М. Красный двор	Медь	Сетчатый	2526
90	РИ / Елизавета Петровна	Денга	1747	М. Красный двор	Медь	Сетчатый	2528
91	РИ / Елизавета Петровна	2 копейки	1758	–	Медь	Сетчатый	2587
92	РИ / Екатерина II	Полушка	1768	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Рубчатый	2708
93	РИ / Екатерина II	Полушка	1770	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Рубчатый	2718
94	РИ / Екатерина II	Денга	1770	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Рубчатый	2717
Помещение А.1.01							
95	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1734	М. Плащильная мельница	Медь	Шнур.	2490
96	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1735	М. Плащильная мельница	Медь	Шнур.	2494
97	РИ / Анна Иоанновна	Денга	1737	Екатеринбург	Медь	Сетчатый	2499
98	РИ / Елизавета Петровна	Денга	1744?	М. Красный двор	Медь	Сетчатый	2522
99	РИ / Екатерина II	Денга	1794	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Сетчатый	2882
100	РИ / Павел I	1 денга	1798	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Шнур.	2966
101	РИ / Павел I	1 копейка	1799	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Шнур.	2976
102	РИ / Александр I	2 копейки	1810	Екатеринбург / ЕМ-НМ	Медь	Шнур.	3098
103	РИ / Александр I	2 копейки	1811	С.-Петербург / СПБ-ПС	Медь	Гладкий	3128
104	РИ / Александр I	2 копейки	1812	С.-Петербург / СПБ-ПС	Медь	Гладкий	3159
105	РИ / Александр I	2 копейки	1814	Колпино / ИМ-ПС	Медь	Гладкий	3181
106	РИ / Николай I	10 копеек	1826	С.-Петербург / СПБ-НГ	Серебро	Гладкий	1507
107	РИ / Николай I	1/2 копейки серебром	1840	Екатеринбург? / ЕМ ?	Медь	Гладкий	3389
108	РИ / Николай I	1/2 копейки серебром	1842	Колпино / СПМ	Медь	Гладкий	3421
109	РИ / Александр II	Денежка	1858	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Гладкий	3583
110	РИ / Александр II	5 пенни	1866	Гельсингфорс	Медь	Гладкий	4670
111	РИ / Александр III	2 копейки	1886	С.-Петербург / СПБ	Медь	Рубчатый	3824
112	РИ / Николай II	1 копейка	1901	С.-Петербург / СПБ	Медь	Рубчатый	3896
113	РИ / Николай II	1 копейка	1909	С.-Петербург / СПБ	Медь	Рубчатый	3921
114	РИ / Николай II	1/2 копейки	1912	С.-Петербург / СПБ	Медь	Рубчатый	3938
115	РИ / Николай II	1 копейка	1912	С.-Петербург / СПБ	Медь	Рубчатый	3937
116	РИ / Николай II	1 копейка	1913	С.-Петербург / СПБ	Медь	Рубчатый	3941
117	РИ / Николай II	1 копейка	1914	С.-Петербург / СПБ	Медь	Рубчатый	3945
118	РИ / Николай II	1 копейка	1915	Петроград	Медь	Рубчатый	3949
119	Германия	1 крейцер	1839–1866	Нассау	Медь	Гладкий	67
Помещение А.2.14							
120	РЦ / Петр I	Копейка	УЯ / 1711	М. Красный (Старый) денежный двор	Серебро	0,280	1398

Таблица 4, окончание

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки / дифферент	Металл	Гурт / вес, г	Тип
Помещение А.1.14							
121	РИ / Анна Иоанновна	Полушка	1737	Екатеринбург	Медь	Шнур.	2500
Яма 1							
122	РИ / Иван VI или Елизавета Петровна	Денга	1741	Екатеринбург	Медь	Сеччатый	2516
Ледник							
123	РИ	2 копейки	1810–1830	?	Медь	Гладкий	?
Помещение А.0.05							
124	РИ / Александр I	2 копейки	1811	С.-Петербург / СПБ-ПС	Медь	Гладкий	3128
125	РИ / Александр II	5 копеек	1874	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Рубчатый	3748
Помещение А.0.18							
126	РИ / Александр I	2 копейки	1812	Колпино / ИМ-ПС	Медь	Гладкий	3160
Помещение А.0.14							
127	Счетный жетон		XVIII в.	Нюрнберг	Латунь	Гладкий	–
128	Счетный жетон		XVIII в.	Нюрнберг	Латунь	Гладкий	–

* Повторный удар штемпеля с поворотом заготовки.

** Повторный удар штемпеля на лицевой стороне с поворотом заготовки.

*** Отверстие.

из 22 монет (табл. 4, 38–59; рис. 5, 1, 3, 5, 8; 6, 11). Сегмент петровской эмиссии представлен тремя медными копейками и одной денгой, выпущенными в 1705–1712 гг. Ко времени правления Анны Иоанновны принадлежат 11 полушек 1731–1736 гг., Елизаветы Петровны — полушка и две денги образца 1730 г., а также полушка и две копейки 1757 г. 16-рублевой стопы. Вместе с русскими монетами зафиксированы два иностранных денежных знака 1720 г.: шведский эре с отверстием и голландский дуит без следов внеэкономического использования.

Отметим, что в ходе исследования помещения А.2.15 не было зарегистрировано проволочных серебряных монет. Эмиссия Петра I в данном случае представлена только медными монетами, среди которых отсутствуют экземпляры 40-рублевой стопы.

В ходе исследования помещения А.1.07 на первом этаже удалось получить серию из 16 монет (табл. 4, 60–75; рис. 3, 16, 17; 5, 2; 6, 1, 4, 5). Сегмент петровской эмиссии представлен проволочной серебряной копеей 1702 г., а также двумя медными копейками и полушкой 1705–1720 гг. машинной чеканки. Также в коллекции присутствуют две фальшивые монеты, имитирующие проволочную копейку 1706–1717 гг. и медную полушку 1719 г.²⁸ Ко времени правлений Анны Иоанновны

и Елизаветы Петровны принадлежат три полушки 1734, 1735 и 1743 гг. 10-рублевой стопы. К чеканке Екатерины II относятся не встречавшиеся в ранее рассмотренных помещениях шесть медных монет 16-рублевой стопы 1769–1778 гг., среди которых выделяются три пятикопеечника 1770-х гг. Найденная здесь денежка 1851 г. хронологически оторвана от «основной серии» монет.

В ходе исследования помещения А.2.18 на втором этаже обнаружена серия из 19 монет (табл. 4, 76–94; рис. 6, 2). Сегмент петровской эмиссии представлен только одной медной копеей 1715 г. Выпускам Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны принадлежат 14 полушек и денег образца 1730 г. Также к елизаветинской чеканке относится грош 1758 г. Правление Екатерины II отражено в коллекции двумя полушками и денгой 1768–1770 гг. Нумизматические находки более позднего времени в ходе исследования данного помещения встречены не были.

В ходе исследования помещения А.1.01 на первом этаже была зарегистрирована серия из 25 монет (табл. 4, 95–119). Ранний сегмент денежных знаков представлен здесь двумя полушками и денгой Анны Иоанновны 1734–1737 гг. и одной денгой Елизаветы Петровны 1744 г. К правлению Екатерины II относится только одна монета 1794 г.,

в помещении А.1.07, отличается от вышерассмотренного небрежностью изготовления.

²⁸ Поддельный экземпляр полушки, найденный

Рис. 5. Нумизматические находки эмиссии Петра Алексеевича, зарегистрированные в ходе исследования межэтажного пространства помещений «Наугольных палат» Меншиковского дворца в 2019 г. Медный сплав. Фото К. В. Горлова

Fig. 5. Numismatic finds of Peter Alekseevich emission registered during the study of the inter-floor space of the rooms of the “Naugolnye Palaty” of the Menshikov Palace in 2019. Copper alloy. Photo by K. V. Gorlov

Рис. 6. Нумизматические находки эмиссии Яна II Казимира, Петра Алексеевича, Анны Иоанновны, зарегистрированные в ходе исследования межэтажного пространства помещений «Наугольных палат» Меншиковского дворца в 2019 г. Медный сплав. Фото К. В. Горлова

Fig. 6. Numismatic finds of John II Casimir Vasa, Peter Alexeevich and Anna Ioannovna emission registered during the study of the inter-floor space of the premises of the “Naugolnye Palaty” of the Menshikov Palace in 2019. Copper alloy. Photo by K. V. Gorlov

Павла I — две, 1798, 1799 г. Чеканке Александра I принадлежат четыре двухкопеечника 1810–1814 г. Эмиссия Николая I представлена тремя монетами 1826 и 1840-х гг.; Александра II — двумя денежными знаками 1858 и 1866 гг., один из которых выпущен для Великого княжества Финляндского; Александра III — одним грошом 1886 г. Царствование Николая II отражено в коллекции семью монетами 1901–1916 гг. Помимо русских копеек при исследовании данного помещения зарегистрирован и германский крейцер 1839–1866 гг.

Полученная в границах помещения А.1.01 коллекция монет имеет ряд отличий от денежных знаков, представленных ранее. Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие здесь выпусков Петра I. Старшим сегментом стала немногочисленная группа фракций копейки 10-рублевой стопы, которая выпала из оборота, вероятно, к началу 50-х гг. XVIII в., на что косвенно указывает отсутствие, за единственным исключением, здесь денежных знаков 16- и 32-рублевой стоп. Следующая группа монет отражает непрерывное формирование культурного слоя, вероятно, с рубежа XVIII–XIX вв. и до условно 1917 г. Таким образом, только в этом помещении зарегистрирована серия нумизматических находок, выпадение из обращения которой можно уверенно отнести к XIX — началу XX в. При этом монет XVIII в. образца 1730 г. здесь найдено относительно мало.

При исследовании засыпки перекрытий в помещениях А.2.14, А.1.14, А.0.05, А.0.18, А.0.14, яме 1 и леднике было зарегистрировано не более двух монет, время чеканки которых в целом коррелирует с таковым основной группы денежных знаков (табл. 4, 120–126; рис. 3, 18). Отдельно отметим находку в помещении А.2.14 серебряной проволоочной копейки 1711 г.

Вместе с советской копеечкой 1934 г. обнаружены два нюрнбергских счетных жетона XVIII в., которые в стенах корпуса выполняли, вероятнее всего, роль фишек при карточных играх. Отметим, что на территории Санкт-Петербурга находка счетного жетона известна при раскопках на территории Литовского замка, где в XVIII — начале XIX в. квартировали воинские полки.

Полученная в ходе исследования заполнения межэтажного пространства «Наугольных палат» коллекция из 32 петровских монет (включая поддельные экземпляры) стала одной из наиболее крупных в пределах Санкт-Петербурга. Проволоочные копейки зарегистрированы в количестве 13 экземпляров и двух фальсификатов. Количе-

ственное распределение этих монет по времени чеканки показывает преобладание экземпляров 1698/99–1704 г. над более поздними выпусками, которые в данном случае ограничены 1709–1717 г. в соотношении 8:5. Такое распределение коррелирует с численностью тиражей копеек ручной чеканки, основной масштаб производства которых пришелся на первые годы XVIII в. Состав рассматриваемой коллекции показывает, что и в 1730-е гг. копейки 1700–1704 г. в обращении преобладали над последующими выпусками. При этом среди «поздней группы» монет не прослеживается доминирование экземпляров 1717 г. и предшествующих ему лет. Находки значительного количества проволоочных копеек в «Наугольных палатах» указывают на их активное участие в обороте даже в пределах столичного города, по крайней мере, в начале 30-х гг. XVIII в. Отметим, что в составе коллекции нет проволоочных монет, выпущенных ранее 1698–1699 г.

Относительно петровских монет машинного производства прослеживается обратная тенденция, с преобладанием экземпляров второго десятилетия XVIII в. Эта особенность также находится в зависимости от массовости тиражей медных монет, которые в первые годы их выпуска были не столь значительными. Ранние медные копейки и их фракции в коллекции датируются 1705 г., когда масштаб их эмиссии уже набирал обороты. Обращает на себя внимание присутствие в коллекции только двух полушек 40-рублевой стопы 1718–1722 г. Случайные потери именно таких монет маленького размера и стоимости представляются наиболее вероятными. Но с подлинными монетами здесь необходимо рассматривать и две фальшивые полушки, подражающие выпуску 1719 г., а также польский солид, имитирующий русский чекан. Примечательно равное число подлинных и «воровских» полушек 40-рублевой стопы. Нумизматические находки из «Наугольных палат», по крайней мере, на начало–середину 30-х гг. XVIII в., показывают почти равное соотношение проволоочных копеек и монет машинной чеканки.

Вывод

Изучение культурного слоя Санкт-Петербурга позволяет проследить картину повседневного денежного обращения города с начала XVIII в. Полученные нумизматические коллекции единичных монет указывают на выход из обращения к 1703 г. образцов, выпущенных до 1682 г. За исключением территории Охтинского мыса и пространства,

занимаемого Ниеном в пределах Санкт-Петербурга, ранней остается пока единственная копейка Фёдора Алексеевича, зафиксированная в составе погребения 1720-х гг. Данная картина коррелирует с материалами кладов начала XVIII в., также демонстрирующими обновление состава денежного обращения этого времени.

Вероятно, наиболее ранний комплекс монет петровского времени связан с составом захоронения на Сытнинской улице, где помимо копеек времени единоличного правления Петра Алексеевича присутствовали и два экземпляра периода совместного с Иваном Алексеевичем царствования. Ранний слой с нумизматическими находками петровского времени был изучен также при раскопках Меншиковского бастиона Петропавловской крепости и при исследовании городского культурного слоя на улице Яблочкова. Вероятно, к данной серии монет принадлежат денга 1682–1696 гг. и четыре серебряные проволочные копейки 1700–1702 гг., обнаруженные на территории Никольского полигона и Зотова бастиона Петропавловской крепости²⁹ (Седых, 2021. С. 211).

Медных монет машинной чеканки в напластованиях первого десятилетия существования Санкт-Петербурга найдено относительно мало. Они зафиксированы только на улицах Большой Посадской и Яблочкова. Увеличение количества медных петровских копеек и их фракций машинной чеканки среди рассмотренных коллекций наблюдается со второго десятилетия XVIII в., что

²⁹ К сожалению, в публикациях на сегодняшний день не проанализирован археологический контекст находок этих монет, а также отсутствует точное научное описание.

коррелирует с увеличением их тиражей в это время. При этом в обращении вместе с медными монетами машинной чеканки продолжают оставаться проволочные копейки, о чем свидетельствуют находки из состава погребения, исследованного в Нейшлотском переулке, а также единичные экземпляры, зарегистрированные при раскопках в Петропавловской крепости (1711, 1714, 1716–1717 гг.) и на Большеохтинском проспекте.

Уникальный материал, характеризующий состав повседневного денежного обращения в Санкт-Петербурге с 30-х гг. XVIII в., был получен при исследовании «Наугольных палат» Меншиковского дворца. Здесь в составе крупной серии петровских монет присутствует почти равное количество экземпляров, чеканенных ручным и машинным способами, что указывает на продолжение бытования в денежном обращении города архаичных проволочных монет. Примечательна здесь и находка солида, который в период бытования полушек 40-рублевой стопы пытались, вероятно, выдать за такую монету. Регистрация фальшивых экземпляров подтверждает широкое распространение в России «денежного воровства», несмотря на строгие и жестокие меры борьбы с этим явлением.

Отметим, что среди серии денег и полушек 10-рублевой стопы присутствует значительное количество экземпляров, изготовленных способом перечеканки из монет Петра I и Петра II. Наиболее поздние денги и полушки со следами перечеканки датируются 1735 г., что является дополнительным аргументом, указывающим на прекращение передела петровских медных монет в середине 30-х гг. XVIII в.

Андреев, 2016 — Андреев А. А. Монетный клад первой половины XVII — середины XVIII в. из Рыльского района Курской области // Русский сборник / Ред. Е. А. Шинаков. Брянск: РИО БГУ, 2016. Вып. 8, т. 1. С. 207–211.

Бузин, 2015 — Бузин В. С. Рождение, вступление в брак и смерть в традиционной южнорусской обрядности (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области). СПб.: Нестор-История, 2015. 640 с.

Векслер, Петухов, 2002 — Векслер А. Г., Петухов С. П. «Обол Харона» в погребениях средневекового некрополя церкви Св. Троицы в Старых Полях (г. Москва) // X Всерос. нумизматич. конф. [ВНК] (Псков, 10–20 апреля 2002 г.): Тезисы докладов и сообщений [ТДС] / Отв. ред. А. С. Мельникова. М.: ТИССО-полиграф, 2002. С. 203–206.

Горбань, Малежик, 2019 — Горбань П. И., Малежик В. А. Российская денга 1730–1754 годов выпуска в денежном хозяйстве Речи Посполитой на землях Беларуси // Монеты России XVIII — начала XX века: Сб. воспоминаний и статей к 100-летию В. В. Узденикова / Отв. ред. А. В. Храменков. М.: Леопарт, 2019. С. 201–212.

Горлов, 2024 — Горлов К. В. О находках монет XV–XVI вв. из погребений у д. Коваши Ленинградской области // Русское денежное обращение IX–XVII веков. Т. I / Ред. П. Г. Гайдуков. М.: САБ, 2024. С. 246–261.

Горлов, Кильдюшевский, 2020 — Горлов К. В., Кильдюшевский В. И. Нумизматический материал из раскопок в Петропавловской крепости в 2017 и 2019 годы (возможности датировки культурного слоя) // Записки ИИМК РАН. 2020. № 23. С. 153–162.

- Горлов, Масловский, 2024 — Горлов К. В., Масловский А. Н. Комплексы русских монет XVIII в. с территории города Азова // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Вып. 7: Материалы науч. конф. [МНК] (С.-Петербург, 23–25 октября 2024 г.). / Отв. ред. А. А. Богданов. СПб.: Гознак, 2024. С. 214–221, LVI.
- Горлов, Роплекар, 2023 — Горлов К. В., Роплекар К. С. Обзор коллекции монет из раскопок в Санкт-Петербурге на ул. Яблочкова в 2021 г. // Бюллетень ИИМК РАН. 2023. № 12. С. 211–227.
- Горлов, Салмин, 2022 — Горлов К. В., Салмин С. А. Описание монетного клада конца XVII в. из раскопок в Пскове на ул. Герцена в 2020 г. // АИППЗ. Псков; М.: ИА РАН, 2022. Вып. 37. С. 193–213.
- Горлов и др., 2018 — Горлов К. В., Плохов А. В., Дмитренко Л. М., Хаврин С. В., Морозова Н. Ф. Клад петровского времени из окрестностей Новой Ладоги: результаты комплексного исследования // Бюллетень ИИМК РАН. 2018. № 8. С. 175–214.
- Горлов и др., 2023а — Горлов К. В., Масловский А. Н., Яглов П. Н. Кошелек с проволочными монетами Петра I из состава воинского захоронения города Азова // Записки ИИМК РАН. 2023. № 28. С. 130–143.
- Горлов и др., 2023б — Горлов К. В., Новикова О. В., Новиков А. В. Клад русских серебряных монет Петровского времени из Костромы // Археология Подмосковья / Отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН, 2023. Вып. 19. С. 204–222.
- Городилов, Седых, 2014 — Городилов А. Ю., Седых В. Н. Монетные находки в контексте раскопок по адресу: С.-Петербург, ул. Большая Посадская, д. 12 // Бюллетень ИИМК РАН. 2014. № 4. С. 379–386.
- Гришин и др., 2021 — Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В. Каталог русских монет от Ивана Грозного до Петра Великого. 2-е изд., перераб. М.: ЛеопАрт, 2021. 880 с.
- Деммени, 1887 — Деммени М. Г. Сборник указов по монетному и медальному делу в России, помещенных в полном собрании законов с 1649 по 1881 г. СПб.: Издание вел. кн. Георгия Михайловича, 1887. Вып. 1. 578 с.
- Дуров, 1980 — Дуров В. А. Денежные дворы Приказа Большой казны в конце XVII — начале XVIII в. // Памятники русского денежного обращения XVIII–XX вв. / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: ГИМ, 1980 (Нумизматический сборник; Ч. 7. Труды ГИМ; Вып. 53). С. 7–36.
- Зайцев, 2016 — Зайцев В. В. Русские монеты XIV–XVII вв. Очерки по нумизматике. М.: МБА, 2016. 304 с.
- Зайцев, 2018 — Зайцев В. В. Денга Бориса Годунова и некоторые вопросы участия мелких номиналов в обращении в начале XVII в. // Нумизматические чтения ГИМ 2018 г. (Москва, 27–28 ноября 2018 г.): Материалы докл. и сообщ. / Под ред. Е. В. Захарова. М.: Возрождение, 2018. С. 179–184.
- Зайцев, Храменков, 2019 — Зайцев В. В., Храменков А. В. Полушка Петра I или солид Яна Казимира? К атрибуции одной необычной монеты из собрания Государственного исторического музея // Деньги в российской истории... Вып. 2: МНК (СПб., 16–18 октября 2019 г.) / Отв. ред. А. А. Богданов. СПб.: Гознак, 2019. С. 67–71.
- Зверев, 2019 — Зверев С. В. Изменение весовых норм чеканки медных монет Петра I // Деньги в российской истории... Вып. 2: МНК (СПб., 16–18 октября 2019 г.) / Отв. ред. А. А. Богданов. СПб.: Гознак, 2019. С. 53–61.
- Зверев, 2020 — Зверев С. В. «Старые деньги» как сорт серебряного сырья для денежного дела в конце XVII — начале XVIII в. // Нумизматические чтения ГИМ 2020 г. (Москва, 25–26 ноября 2020 г.): Материалы докл. и сообщ. / Под ред. Е. В. Захарова. М.: ГИМ, 2020. С. 202–205.
- Зеленин, 1991 — Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 551 с.
- Иов, 2004 — Иов О. В. «Оболы мертвых» Снядинского могильника середины XVI — XVII в. // XII ВНК (Москва, 19–24 апреля 2004 г.): ТДС / Отв. ред. А. С. Мельникова. М.: ГИМ, 2004. С. 120, 121.
- Краснов, 2015 — Краснов Р. В. Проект мастера Кадашевского двора Никиты Толмачева 1706 года // XVIII ВНК (Москва, Коломна, 20–25 апреля 2015 г.): ТДС / Отв. ред. И. В. Ширяков. М.: Триумф-Принт, 2015. С. 188–190.
- Лапшин, 2019 — Лапшин В. А. Первые строители Петербурга // Земля наша велика и обильна: Сб. ст., посв. 90-летию А. Н. Кирпичникова / Отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.: Невская Типография, 2019. С. 258–266.
- Лапшин, Городилов, 2013 — Лапшин В. А., Городилов А. Ю. Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2011 году (раскоп 1) // Бюллетень ИИМК РАН. 2013. № 3. С. 25–34.
- Луппов, 1957 — Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. М.; Л.: АН СССР, 1957. 190 с.
- Мельникова, 1989 — Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М.: Финансы и статистика, 1989. 318 с.
- Мельникова, Дядченко, 1994 — Мельникова А. С., Дядченко О. С. Монетные клады. Сводка кладов и сведений о находках с русскими монетами, поступившими в Государственный Исторический музей после 1966 г. М.: ГИМ, 1994. 112 с.
- Мокерова, 2013 — Мокерова Е. Ю. Некоторые итоги изучения нумизматических материалов Кадочниковского могильника XVI — начала XVIII в. // XVII ВНК (Москва, Пущино, 22–26 апреля 2013 г.): ТДС / Отв. ред. И. В. Ширяков. М.: Триумф-Принт, 2013. С. 146–147.

- Мокерова, 2017 — Мокерова Е. Ю. Предварительные итоги изучения нумизматических материалов Гревковского могильника XVI–XVII вв. // XIX ВНК (Великий Новгород, 18–22 апреля 2017 г.): ТДС / Ред. П. Г. Гайдуков. М.: Возрождение, 2017. С. 160, 161.
- Новиков, Хухарев, 1999 — Новиков А. В., Хухарев В. В. Монеты из погребений некрополя у церкви Алексея — человека Божия в Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. 1999. Вып. 3. С. 155–165.
- Пронин, Соболев, 2020 — Пронин Г. Н., Соболев В. Е. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. М.: ИА РАН, 2020. Вып. 2. 336 с.
- Ремецас, Синчук, 2011 — Ремецас Э., Синчук И. И. Мелкая российская монета XVIII в. в денежном обращении Великого княжества Литовского // XVI ВНК (СПб., 18–23 апреля 2011 г.): ТДС / Отв. ред. В. А. Калинин. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2011. С. 93–95.
- Рябцевич, 1995 — Рябцевич В. Н. Нумизматика Беларуси. Минск: Полымя, 1995. 687 с.
- Седых, 2013 — Седых В. Н. Обзор нумизматических находок из раскопок Института истории материальной культуры РАН 2010–2012 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. 2013. № 3. С. 269–282.
- Седых, 2017 — Седых В. Н. Клад шведских монет времени правления королевы Кристины из Ленинградской области // XIX ВНК (Великий Новгород, 18–22 апреля 2017 г.): ТДС / Ред. П. Г. Гайдуков. М.: Возрождение, 2017. С. 117–119.
- Седых, 2021 — Седых В. Н. Находки монет о начальной истории Петербурга // XXI ВНК (Тверь, 24–29 мая 2021 г.): ТДС / Ред. П. Г. Гайдуков. Тверь: Тверская фабрика печати, 2021. С. 211, 212.
- Синчук, 2013 — Синчук И. И. 1826 // XVII ВНК (Москва, Пущино, 22–26 апреля 2013 г.): ТДС / Отв. ред. И. В. Ширяков. М.: Триумф-Принт, 2013. С. 158–159.
- Соболев, 1998 — Соболев В. Ю. Клады и случайные находки на территории Большого Петербурга // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культинформ-пресс, 1998. С. 280–289.
- Соболев, 2005 — Соболев В. Ю. Клады и случайные находки на территории Санкт-Петербурга // Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. / Ред. А. В. Виноградов. СПб.: СПбГУ, 2005 (Труды С.-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ; Т. 1). С. 228–237.
- Субботин, 2021 — Субботин А. В. Научно-исследовательские археологические работы по сохранению объекта культурного наследия в виде спасательных археологических работ (раскопки) участка объекта археологического наследия: «Провиантская улица (Мытный переулок) 1. Участок культурного слоя окрестностей Мытного двора города Санкт-Петербурга XVIII–XX вв.» площадью 51,9 кв. м [и] 61,3 кв. м при проведении земляных, строительных и иных работ в рамках реализации проектного решения по титулу «Строительство КТПМ-35 кВ в районе РП 1961 с КЛ 35 кВ» (в части строительства КТПМ 35 кВ и КЛ-35 кВ) на дворовой территории дома № 2/10 по ул. Яблочкова. СПб.: Полный научно-технический отчет // Архив Центра спасательной археологии ИИМК РАН. 2021. Т. 1. 267 с.
- Уздеников, 2004 — Уздеников В. В. Монеты России XVIII — начала XX века. Очерки по нумизматике. Факты, предположения, рекомендации. 3-е изд., испр. и доп. М.: Круг коллекционеров, 2004. 590 с.
- Уздеников, 2011 — Уздеников В. В. Монеты России 1700–1917. 4-е изд. М.: Любимая книга, 2011. 498 с.
- Филиппенко, 2021а — Филиппенко Р. В. Отчет о результатах археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Участок исторического культурного слоя г. Санкт-Петербурга XVIII–XIX вв. с сохранившимися историческими захоронениями» в зоне строительства дома в г. Санкт-Петербург, Нейшлотский пер., д. 3, лит. А в 2018 г. // Архив Центра спасательной археологии ИИМК РАН. 2018. Т. 1. 242 с.
- Филиппенко, 2021б — Филиппенко Р. В. Отчет о результатах археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Участок исторического культурного слоя г. Санкт-Петербурга XVIII–XIX вв. с сохранившимися историческими захоронениями» в зоне строительства дома в г. Санкт-Петербург, Нейшлотский пер., д. 3, лит. А в 2018 г. // Архив Центра спасательной археологии ИИМК РАН. 2018. Т. 2. 237 с.
- Храменков, 2001 — Храменков А. В. Фальшивые полушки 1718–1722 гг. // IX ВНК (Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.): ТДС / Отв. ред. В. А. Калинин. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2001. С. 150, 151.
- Храменков, 2007 — Храменков А. В. Производство и обращение фальшивых полушек образца 1718 г. // Нумизматический сборник. Вып. XVIII / Отв. ред. В. В. Зайцев. М.: ГИМ, 2007 (Труды ГИМ; № 171). С. 195–218.
- Храменков, 2018 — Храменков А. В. «Четвероугольные жеребейки» для дела фальшивых полушек образца 1718 года // Деньги в российской истории... Вып. 1: МНК (С.-Петербург, 18–19 октября 2018 г.) / Отв. ред. А. А. Богданов. СПб.: Гознак, 2018. С. 23–30.
- Хухарев, 1999 — Хухарев В. В. Монеты XV–XX вв. из погребений Тверского края // VII ВНК (Ярославль, 19–23 апреля 1999 г.): ТДС / Отв. ред. А. С. Беляков. М.: Триумф-Принт, 1999. С. 161–163.
- Широбоков, Учанева, 2015 — Широбоков И. Г., Учанева Е. Н. Первые строители Петербурга: некоторые результаты изучения скелетных останков из коллективных захоронений в районе ул. Сытнинской // Бюллетень ИИМК РАН. 2015. № 5. С. 239–248.

- Ширяков*, 2013 — *Ширяков И. В.* О начале медной чеканки на Кадашевском монетном дворе // Нумизматические чтения ГИМ 2013 г. (Москва, 19–20 ноября 2013 г.): Материалы докл. и сообщ. / Под ред. И. В. Волкова. М.: Триумф-Принт, 2013. С. 142–147.
- Юхт*, 1986 — *Юхт А. И.* Передел мелкой серебряной монеты в крупную (из истории денежного обращения в России в 20-х — 50-х гг. XVIII в.) // Нумизматический сборник. Вып. 9 / Отв. ред. А. С. Мельникова. М.: ГИМ, 1986 (Труды ГИМ; № 61). С. 26–43.
- Юхт*, 1994 — *Юхт А. И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М.: Финансы и статистика, 1994. 336 с.

New finds of coins of the time of Peter the Great on the territory of St. Petersburg of the first half of the 18th century

K. V. Gorlov, V. Yu. Sobolev³⁰

Keywords: St. Petersburg, coins, Peter the Great, city, burials, obol, “Naugolnye Palaty”, circulation period

An early group of numismatic items of the Petrine period was recorded in St. Petersburg at 9 and 11 Sytninskaya St. during a study of a cemetery including fraternal burials. A set of 12 kopecks of 1682–1703 issued by Ivan Alekseevich and Peter Alekseevich in the period of their joint reign and sole reign of Peter was found as part of burial No. 1 (table 1). The coins became the main chronological indicator in determining the time of the necropolis functioning. The fund of 12 kopecks should be considered as cash money stored in the pile in a secluded place. After the death of their owner, the coins, most likely, were not noticed in view of the critical epidemiological situation and were placed in a mass grave together with the clothes.

Numismatic items of the epoch of Peter the Great, associated with the burial complex, were found at 3A Neyshlotsky lane (table 2). A copeck of Peter the Great, issued at the Old Mint in 1698, is registered as part of the burial No. 37 near the right humerus of the skeleton.

As part of burial No. 200 in the pelvic area of the skeleton, together with a fragment of fabric, a compact cluster of coins was recorded, represented by four wire silver kopecks of Fedor Alekseevich (1676–1680) and Peter Alekseevich (1698, 1709, 1711 and 1716). The complex also included a copper denga of 1700–1718. When buried, the coins were concealed in a purse or in the details of the burial attire. Most likely, in the burials No. 37 and 100 the tradition of “obol of the dead” — ritual placement of money signs in the burials — can be traced.

The study of the cultural layer in the southern part of the Petrograd Side (2/10 Yablochkov St.) allowed us to obtain a collection of coins representing accidental losses in the conditions of city life in the first half of the 18th cen. In the course of the work, it was possible to study five conventional horizons with a characteristic set of numismatic finds for each (table 3). The revealed order of coins’ differentiation by horizons and objects allows us to trace the chronological regularities of the change in the composition of monetary circulation.

During the restoration and adaptation for modern use of the “Naugolnye Palaty” of the palace of A. D. Menshikov, archaeological support (author’s supervision) of works was carried out in 2019. The dismantling of the floors of the building showed that the inter-floor ceilings were filled with construction and household rubbish. An important place among the obtained collection of artefacts is occupied by 155 coins of the second half of the 17th–20th cen. with a significant predominance of the 18th cen. specimens (table 4).

³⁰ Konstantin V. Gorlov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru. Vyacheslav Yu. Sobolev — Saint Petersburg State University; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: vlad.sobolev@mail.ru.

ПОГРЕБЕНИЯ НА ПОСЕЛЕНИЯХ

Феномен погребений на поселениях

Н. А. Берсенева¹

В 2007 г., 17 лет назад, на поселении Каменный Амбар синташтинской культуры (Южное Зауралье) были начаты раскопки двух колодцев, относящихся к постройке 1. Методика только отработывалась, колодцы копались с большим захватом, чтобы избежать обрушения стенок и быстрого затопления раскопа. Работы по углублению колодцев тогда велись студентами Университета им. Гёте (Франкфурт-на-Майне, Германия) под руководством доктора Э. Кайзер, открытый лист был выдан на имя д-ра ист. наук Л. Н. Коряковой, а собственно раскопом руководили кандидаты ист. наук А. В. Епимахов и Н. А. Берсенева. Глубоко в материке немецкие студенты сначала обнаружили развал глиняного сосуда, а при его расчистке — плохо сохранившееся захоронение младенца, деревянную конструкцию и жертвенник в ногах, состоявший из челюстей и конечностей барана.

С этой находки начался интерес автора к проблеме погребений на поселениях. Вскоре (с помощью коллег) выяснилось, что время от времени на поселениях эпохи бронзы Южного Урала встречаются захоронения людей, да и в целом они имеют широкое распространение во времени и пространстве. Также выяснилось, что проблема интерпретации человеческих останков, обнаруженных в жилом пространстве, не перестает интересовать специалистов как в нашей стране, так и за ее пределами.

К настоящему времени насчитывается значительное количество публикаций по этой теме, но вот специальных конференций было проведено только две: в 2016 г. в г. Тулча (Румыния)² и

в 2019 г. в Берлине (Германия)³. Организаторами берлинской конференции 2019 г. *Space not only for the living: Human remains at Bronze Age settlements in Eurasia* выступили два участника раскопок 2009 г. на поселении Каменный Амбар: профессор Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия) и канд. ист. наук Н. А. Берсенева (Институт истории и археологии УрО РАН, Россия). Тогда в работе конференции приняли участие ученые из 11 стран. Обсуждались проблемы интерпретации захоронений людей на поселениях в эпоху бронзы (2300–800 гг. до н. э.). Были представлены материалы из различных регионов Северной Евразии, а также поставлено несколько вопросов, среди которых главные: а) почему погребенные в жилом пространстве были исключены из обычной погребальной практики; б) являются ли такие захоронения «девиантными», альтернативными или нормативными для отдельных обществ; в) как интерпретировать находки отдельных костей или частей скелетов; г) какие манипуляции производились с останками на поселениях; д) какими были пол и возраст умерших, физиологические особенности, патологии, травмы? Не на все эти вопросы были получены ответы, некоторые исследования далеки от завершения.

Каждый год новые материалы вынуждают нас пересматривать наши концепции и интерпретации. Тем не менее интерес к феномену погребений на поселениях продолжает расти, о чем говорит серия докладов, представленных на берлинской конференции, которая публикуется в этом выпуске журнала, а также новые исследования коллег, которые расширяют географию и хронологию форума 2019 г.

¹ Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; Екатеринбург, Россия; e-mail: bersnatasha@mail.ru.

© Берсенева Н. А., 2024

² Gogâltan F., Ailincăi S.-C. Settlements of Life and Death. Studies from Prehistory to Middle Ages // Settlements of Life and Death... Cluj-Napoca: Mega, 2016. P. 5–12.

³ Берсенева Н. А., Кайзер Э., Мильникова Л. Н. Пространство не только для живых: человеческие останки на поселениях бронзового века Евразии // Уральский исторический вестник. 2019. № 4. С. 133–138.

Подходы к интерпретации погребений на поселениях Северной Евразии в российской и зарубежной археологии (эпоха палеометалла)

Н. А. Берсенева¹

Аннотация. В работе представлен обзор и дан анализ тенденций изучения человеческих захоронений в пространстве поселений эпохи палеометалла Северной Евразии в российской и зарубежной археологической литературе. Выявлены относительно схожие подходы к исследованиям этого феномена в отечественной и зарубежной науке и широкий спектр интерпретаций.

Ключевые слова: Северная Евразия, поселения, погребения, российские и зарубежные исследования.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-45-73-81

Находки человеческих останков на поселенческих памятниках не являются редкостью и были зафиксированы для большинства археологических культур бронзового и железного веков Евразии (Gogâltan, Ailincăi, 2016; Берсенева и др., 2019). Считается, что появление этой, одной из древнейших, форм погребального обряда маркирует собой переход к оседлому образу жизни и производящему хозяйству (Антонова, 1990. С. 38; Мишина, 2010). Традиция восходит к мезолитическому времени Ближнего Востока и ассоциируется с поселениями первых земледельцев. Обычай погребения людей в «домашнем контексте», тем не менее, не ограничен эпохой камня и практиковался очень широко в обществах различного уровня сложности, включая древние государства. К настоящему времени ученому сообществу стало очевидно, что количество находок человеческих останков на поселениях неуклонно растет, материал перестает укладываться в простые теории объяснения вроде традиции «строительных жертв» или «инфантицида». Публикации последних лет демонстрируют не только возросший интерес к этому явлению, но и апробацию новых методов и подходов к интерпретациям.

Целью работы являются обзор и анализ объяснительных моделей человеческих захоронений

в пространстве поселений эпохи палеометалла Северной Евразии в российской и зарубежной археологической литературе. Анализ зарубежной литературы сфокусирован в основном на европейских памятниках, так как погребения на поселениях интересующего нас периода там достаточно часты, они изучаются, публикуются и доступны для анализа. Поскольку с годами накопился огромный массив источников с информацией об обнаружении, изучении или интерпретации погребений на поселениях, рассмотреть все работы в рамках одной статьи не представляется возможным (дополнительно см.: Берсенева и др., 2019). Автор также не затрагивала поселения Северного Причерноморья, которому, вероятно, следует посвятить отдельную статью. Нам представляется, что упомянутые ключевые публикации или сборники статей дают адекватный срез состояния исследований по заявленной проблематике.

Отечественные (российские/советские) исследования

Первоначально имело место накопление материалов. Раскопки поселений эпохи бронзы и раннего железа приобрели массовый характер во второй половине XX в. В те времена не все памятники вскрывались большими площадями, методика также часто не соответствовала современным стандартам. Тем не менее погребения в постройках или в границах поселений

¹ Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; Екатеринбург, Россия; e-mail: bersnatasha@mail.ru.

© Берсенева Н. А., 2024

были обнаружены на многих местонахождениях, документированы и впоследствии упомянуты при публикации материалов. С середины XX в. до 1980-х гг. значительное количество захоронений было обнаружено при раскопках поселений срубной культурно-исторической общности, алакульской культуры Южного Зауралья, а также синкретических, срубно-алакульских памятников, датируемых сейчас поздним бронзовым веком (в пределах II тыс. до н. э.) (Порохова, 1989; Чемякин, 2015; и др.). Большая часть обнаруженных тогда погребений не была подробно опубликована, часто отсутствовали рисунки, антропологи к изучению скелетного материала не привлекались. Поэтому в целом интерпретация захоронений на таких памятниках затруднительна. Перечень поселений срубной культурно-исторической общности, где были обнаружены захоронения, приведен в статье Р. А. Мимохода и О. Н. Загородней со ссылками на предыдущие публикации (Мимоход, Загородняя, 2020. С. 115).

Находки на более ранних поселениях, датируемых второй половиной III — рубежом III—II тыс. до н. э., в этот период были единичными. Хорошо известен и частично опубликован памятник Мало-Кизыльское селище близ Магнитогорска, относимый к абашевской культуре (Сальников, 1954. С. 67–81; 1967. С. 35–38). В работах К. В. Сальникова содержатся планы раскопок поселения с указанием локализации погребений, описание погребений и их интерпретация.

В конце XX — начале XXI в. методика раскопок поселений продолжала совершенствоваться, все шире стали применяться методы естественных наук, создавались крупные международные проекты. Кроме того, публиковались и полученные ранее материалы. Корпус источников по погребениям на поселениях эпохи бронзы и раннего железа стал стремительно пополняться. В первые десятилетия XXI в. вышло несколько монографий, представляющих результаты исследований поселений бронзового века от Приуралья до Западной Сибири и Алтая (Кирюшин и др., 2004; Молодин и др., 2004; Древнее Устье..., 2013; Поселение Малоюлдашево I..., 2016; Зданович и др., 2020; Куприянова и др., 2023; и др.). Наиболее ранние поселения с погребениями, судя по нашим знаниям на настоящий момент, датируются концом III — началом II тыс. до н. э. Для Южного Урала — это абашевско-синташтинский период, на Алтае — памятники елунинской культуры, в Центральном Казахстане — петровские и нуртайские комплексы. При раскопках елунинского

поселения Березовая Лука (XXII–XX вв. до н. э.) были обнаружены минимум девять детских погребений.

Источники по абашевско-синташтинскому периоду (Приуралье и Зауралье) более многочисленны. Согласно последним данным, захоронения обнаружены на поселениях Степное (Куприянова и др., 2023. С. 101–111), Аркаим (Зданович и др., 2020. С. 261, 304), Каменный Амбар (Виноградов, Берсенева, 2013), Устье I (Древнее Устье..., 2013), Кулевчи III (Виноградов, Берсенева, 2013). В Приуралье погребение троих взрослых людей, относимое к синташтинскому времени, было обнаружено на поселении Малоюлдашево I (Поселение Малоюлдашево I..., 2016). Эти погребения достаточно хорошо описаны в монографиях и статьях. Кроме того, по проблеме погребений на поселениях Южного Зауралья опубликовано несколько обобщающих статей (Виноградов, Берсенева, 2013; Куприянова, 2018; Берсенева, 2021; Berseneva, 2023). В Центральном Казахстане погребения были обнаружены на поселениях Икпень I и II (нуртайская культура), в большинстве своем детские, однако обнаружено и захоронение взрослого на периферии жилища (Ткачев, 2002. С. 12–18, 74, 75).

Значительно расширилась источниковая база и для позднего бронзового века. В срубно-андроновскую эпоху, хронологически занимавшую большую часть II тыс. до н. э. и географически — значительную часть степного и лесостепного пояса Евразии, находки человеческих останков на поселениях и преднамеренные погребения становятся более многочисленными. Погребения на поселениях распространены по всей территории срубной культурно-исторической общности от Урала до Крыма (подробнее см.: Мимоход, Загородняя, 2020). С конца XX в. они публикуются более активно и подробно. Известны погребения взрослых, детей, захоронения черепов и просто кости из культурного слоя или заполнения объектов (Мимоход, Загородняя, 2020; Порохова, 1989; Гарустович, Котов, 2007; Купцова, Файзуллин, 2012; Обыденнова и др., 2008; и др.). Человеческие останки в виде отдельных костей в культурном слое были обнаружены на селище Горный при раскопках Каргалинского комплекса в Оренбуржье (Антипина, 2004. С. 239). Погребения на поселениях Оренбургского Приуралья собраны и проанализированы в статье И. А. Файзуллина (Файзуллин, 2012; см. также статью в настоящем выпуске). По другую сторону Урала человеческие останки были обнаружены на поселении

Лисьи Горы — преднамеренное захоронение женщины и, вероятно, ее детей по канонам срубного погребального обряда, но на окраине поселения (Петров, Курпьянова, 2016). На поселениях Коркино и Мирный IV документированы останки взрослых мужчин, очевидно, погибших в результате военного конфликта (Чемякин, 2015).

В позднем бронзовом веке Казахстана традиция погребений некоторых индивидов на поселениях также была продолжена. Погребения или части человеческих скелетов были обнаружены на поселениях Петровка II в Северном Казахстане (Зданович, 1988. С. 44), Токсанбай в Восточном Прикаспии (Лошакова, 2022), Лисаковское I, Шауке I, Трушниково, Мало-Красноярское в Приоболжье и в Прииртышье и некоторых других (Усманова, Мери, 2021).

На Южном Урале традиция погребений на поселениях не прерывалась и в финальный период эпохи бронзы (конец II — начало I тыс. до н. э.): известны захоронения детей на поселениях Кизильское (Стоколос, 2004) и Шибаетово I (Нелин, 2004).

В Западной Сибири погребения открыты на ряде поселений позднеирменской культуры переходного от бронзового к железному веку времени: Мыльниково, Ельцовское-2, Милованово-3, Омь-1, городище Чича-1, ритуальный комплекс Сибирское I (Среднее Прииртышье), Линево-1 (Мыльникова, 2021. С. 74). При раскопках городища Чича-1 были найдены погребения разных типов: детские (захоронения мальчиков), женское, отдельные человеческие кости, фрагменты черепов и зубов (Молодин и др., 2003; 2004).

В раннем железном веке находки погребений на поселениях и городищах Зауралья и лесостепной части Западной Сибири нам неизвестны. Урало-Поволжские и Казахстанские степи в это время заселяли ранние кочевники. Известны, однако, погребения на поселениях ананьинской культуры (Коренюк и др., 2017) и на лесостепных скифских памятниках (Разуваев, 2016)².

Зарубежные исследования

Археология Восточной, Центральной и Западной Европы в эпоху бронзы и раннем железном веке очень многообразна — от поселений первобытных культур эпохи бронзы до городищ

времен римской колонизации. Находки человеческих останков внутри и за пределами поселенческих построек являются относительно обычными для поселений эпохи бронзы Европы (Jelínek, Vavák, 2013. P. 275; Gogâltan, Ailincăi, 2016; и др.). Тем не менее количество исследований, посвященных этому феномену, остается достаточно скромным и касается в большей степени материалов Восточной и Центральной Европы. Считается, что одним из первых ученых, опубликовавших специальное исследование о находках человеческих костей на поселениях бронзового века в Баварии (Германия), была А. Штапель. Она разделила интрамуральные комплексы на два типа: собственно погребения (преднамеренное размещение покойного, наличие инвентаря) и человеческие кости, обнаруженные в культурном слое или постройке (Stapel, 1999).

Интерес к этому явлению впоследствии продолжал развиваться. Несколько статей вышло в рамках публикации докладов коллоквиума, посвященного изучению «неординарных» погребений, организованного во Франкфурте-на-Майне (Германия) в 2012 г. (“Irreguläre“ Bestattungen..., 2013). В 2016 г. состоялась специализированная конференция по проблемам захоронений на древних поселениях от каменного века до Средневековья в г. Тулча (Румыния) (Gogâltan, Ailincăi, 2016). Некоторые материалы включены в состав монографий, например, описание находок на поселении Велим в Богемии (Чехия) (Harding et al., 2007; также см.: Harding, 2013).

Из публикаций видно, что человеческие останки были обнаружены на поселениях раннего бронзового века в Карпатском бассейне и Трансильвании (совр. Румыния), Моравии (совр. Чехия), Германии, современных Словакии и Польше (Burlacu-Timofte, Gogâltan, 2016; Marc et al., 2016; Pankowská et al., 2013; Jelínek, Vavák, 2013; Jaeger et al., 2016). В Карпатском бассейне, где поселения раннего бронзового века представлены «телями», человеческие останки были обнаружены во рвах, под полами жилищ, очагами, в ямах за пределами построек, в отслуживших свой срок зерновых или иных хозяйственных и даже в мусорных ямах (Burlacu-Timofte, Gogâltan, 2016. P. 91). На поселениях унетицкой культуры Моравии человеческие останки также довольно часто захоранивались в хозяйственных ямах различного назначения. А. Панковска и соавторы насчитали 103 ямы (с останками 149 индивидов) на 42 памятниках (Pankowská et al., 2013. Tab. 1). На поселении этой же культуры Брущево

² Западнее находки человеческих останков на поселениях раннегальштатской культуры Сахарна в Среднем Поднестровье были описаны М. Т. Кашубой (Кашуба, 2016).

в Польше обнаружено 146 фрагментов костей человека (минимум от 21 индивида) и одно непотревоженное погребение (Jaeger et al., 2016). Коллективное захоронение четырех индивидов мужского пола было обнаружено в пределах постройки на поселении культуры Витенберг (Marc et al., 2016). Традиция продолжалась в среднем и позднем бронзовом веке: погребения в хозяйственных и иных ямах обнаружены на территории поселений в Словакии и Румынии (Jelínek, Vavák, 2013. P. 267. Tab. 1; Urák, Marta, 2011). На Иберийском полуострове (культура аргар, 2250–1450 гг. до н. э. в калиброванных датах) в эпоху бронзы погребения устраивались в жилом пространстве, обычно под полами домов (Aranda et al., 2009. P. 143, 144).

Несколько отличаются от перечисленных выше находки на поселении (?) Велм в Чехии (Harding et al., 2007; Harding, 2013). Это местонахождение существовало с раннего бронзового века до конца XV в. до н. э. (в калиброванных датах). В наше время оно было сильно повреждено застройкой, сохранившиеся участки представляют собой в основном рвы и ямы, то есть части некой фортификационной системы (см.: Harding, 2013. Fig. 2). Объектов, которые можно было бы уверенно назвать жилыми, обнаружено не было. В ямах и рвах были найдены останки людей (минимум 24 индивидов, из них половина умерла до 15 лет), в основном неполные скелеты или их части (Ibid. Fig. 1). Позы умерших удалось определить в редких случаях, они также разнообразны: скорченные, на спине, один поверх другого, в положении «сидя». На некоторых останках зафиксированы травматические повреждения (Harding et al., 2007. P. 85–89). Дискуссии о типе и функционировании данного памятника (поселение, культовое место, кладбище) не привели к каким-либо окончательным выводам (Ibid. P. 148–153). Отсутствие возможности изучить центральную часть, вероятно, и в будущем не позволит остановиться на одной из версий.

Ранний железный век Европы в основном делится на доримский и римский периоды. Доримский период, в свою очередь, представлен преимущественно памятниками гальштатской и латенской культур (I тыс. до н. э.). Для всей кельтской эпохи характерны погребения на поселениях как взрослых индивидов, так и детей (Rubel, 2013. P. 238; Styk, Repka, 2021. P. 112). За пределами кельтского мира, на поселениях железного века Южной Румынии, традиция погребений на поселениях, в оставленных постройках и хозяйствен-

ных ямах, продолжалась (Oanță-Marghitu et al., 2016). Похожую ситуацию исследователи отмечают и для укрепленных поселений доримской Дакки (Румыния) на рубеже эр (Rustoiu, 2016. P. 313).

Иберийский период раннего железного века Испании и Южной Франции (VI–I вв. до н. э.) известен исследователям крупными укрепленными поселениями и обычаем кремировать покойных. Однако на поселении Ка-н-Оливер, где за несколько лет раскопок были обнаружены останки 48 индивидов, мертворожденные или недоношенные дети (47 инд. от 22 до 42 недель беременности) и умершие в младенчестве (1 инд. 6 мес.) в тот период погребались под полами построек, как жилых, так и производственных (Rissech et al., 2023. P. 158).

Для первой половины раннего железного века Британии (доримский период), особенно Южной и Центральной, известно относительно небольшое количество погребений (по сравнению с неолитом и бронзовым веком). В основном это захоронения в полевых рвах, зерновых ямах или заброшенных жилищах на поселениях. Исследователи отмечают, что они выглядят «случайными», кости часто разрознены и перемешаны (Taylor, 2001. P. 65). При раскопках укрепленного поселения Дэнбери в Юго-Восточной Англии был обнаружен ряд захоронений в хозяйственных ямах: останки в анатомическом порядке и части скелетов. Ситуация не является уникальной для кельтских городищ Британии, однако этот памятник изучен наиболее полно (Canliff, 1983). Последующее изучение костей показало, что тела могли какое-то время храниться в ямах, к которым имелся доступ, после чего кости извлекались для последующих манипуляций (Booth, Madgwick, 2017).

В римское время, за исключением поздних периодов, преобладала кремация, и останки запрещалось хоронить в черте поселения или города. Однако это правило не распространялось на новорожденных и младенцев до появления у них первых зубов. Напротив, они исключались из общей погребальной практики. В этом случае детей часто хоронили в домашних помещениях (Rubel, 2013. P. 235, 236; Moore, 2009). Выборку, собранную А. Мур по материалам 72 романо-британских поселений (включая виллы), датированных от I до начала V в. н. э., составили останки 261 индивида, из которых 76 % умерли в возрасте до 1 месяца (Moore, 2009. P. 38). В сельской Британии римского периода некоторых умерших, в том числе взрослых, погребали вблизи или на окраине поселений (Pearce, 1999), что, по мнению автора, было связано с их низким статусом.

Обсуждение и выводы

Приведенный выше обзор, несмотря на ограниченный характер, демонстрирует широкое распространение феномена погребения умерших на поселениях в географическом и хронологическом аспектах. На рубеже XX–XXI вв. накопление материала принесло результаты — появились работы, обобщающие и интерпретирующие археологические источники. Публикации и организация нескольких международных конференций продемонстрировали интерес к данному явлению. Изменилась методика раскопок и анализа материала, что повлекло за собой новые варианты интерпретаций. С годами выяснилось, что присутствие человеческих останков на поселениях — явление более сложное и масштабное, чем это предполагалось ранее. Как уже отмечалось, до конца прошлого века этому феномену не уделялось специального внимания, такие погребения либо вообще не обсуждались как заслуживающие особого рассмотрения, либо трактовались без каких-либо аргументов как «жертвоприношения», «строительные жертвы», жертвы военных конфликтов, а детские — как практика инфантицида (Кирюшин и др., 2004. С. 222; Гарустович, Котов, 2007; Файзуллин, 2012; Коренюк и др., 2017; также см.: Rissech et al., 2023; Moore, 2009. Р. 48). В зарубежной археологии такие захоронения часто относили к разряду «девиантных», то есть не соответствующих нормативной погребальной практике (Aspöck, 2008; Jelínek, Vavák, 2013. Р. 273; Burlacu-Timofte, Gogâltan, 2016. Р. 92, 93; Marc et al., 2016. Р. 179). Некоторые авторы отмечают скорее негативные коннотации в связи с употреблением этого термина, так как он в основном применяется для характеристики человеческих жертвоприношений, погребений изгоев, преступников, жертв военных конфликтов, нарушителей общественных норм (см.: Urák, Marta, 2011. Р. 155; Gogâltan, Ailincăi, 2016. Р. 7; и др.). Однако исследования показали, что часть захоронений на поселениях можно отнести или к варианту нормативного погребального обряда (захоронения в зерновых ямах, детские погребения в жилищах), или обряд погребений в жилом пространстве вообще являлся единственным известным для данного сообщества (культура аргар). Таким образом, стала ясна многомерность источника и невозможность его интерпретации в одном ключе.

С течением времени наряду с работами, публикуемыми источниками, в отечественной и зарубежной археологии появились исследования, посвященные классификации человеческих остан-

ков на поселениях (Pankowská et al., 2013; Мимоход, Загородняя, 2020; Берсенева, 2021), обобщающие находки ряда памятников одной культурной принадлежности (Jelínek, Vavák, 2013; Файзуллин, 2012; Виноградов, Берсенева, 2013; Burlacu-Timofte, Gogâltan, 2016; Разуваев, 2016; Кашиба, 2016; Коренюк и др., 2017; Куприянова, 2018), описывающие результаты применения мультидисциплинарных методов к обнаруженным останкам (Молодин и др., 2003; 2004; Кирюшин и др., 2004; Booth, Madgwick, 2017; Куприянова и др., 2023; Rissech et al., 2023). Как уже упоминалось, для обсуждения рассматриваемой темы был организован ряд конференций: во Франкфурте-на-Майне (2012), в Тулче (2016) и Берлине (2019).

Суммируя выводы, почерпнутые из литературы, можно заключить следующее.

1. Присутствие человеческих останков на поселениях (от отдельных костей до целых погребений) являлось в древней Евразии широко распространенной практикой. Ритуалы людей эпохи палеометалла были многообразны и включали захоронение останков в жилом пространстве, различные манипуляции с телами и частями тел, постпогребальные обряды на поселениях.

2. Человеческие останки, обнаруженные на поселениях, являлись результатом широкого спектра действий, поэтому некоторые исследователи сгруппировали их по типам, предложив для каждого из них отдельное объяснение: один из вариантов нормативного погребального обряда (детские погребения, захоронения взрослых согласно канонам, иногда в сопровождении инвентаря); следы жертвоприношений (захоронения черепов); жертвы военных действий или конфликтов (непогребенные должным образом скелеты со следами травм); следы манипуляций с костями или обращения с ними как с обычным мусором (отдельные кости, фрагменты, артефакты из них); особые погребальные действия, результаты которых дошли в виде неполных скелетов или скелетов в неестественной позе во рвах или ямах, но без очевидных следов насилия (Велим, Дэнбери).

3. Подходы к интерпретации значительно расширились за последние десятилетия. Во многих публикациях предложены возможные причины создания разных типов захоронений: проявления культа плодородия, строительных культов, ритуалов оставления жилища или прекращения службы зерновых и хозяйственных ям, колодцев, обстоятельства смерти умершего, его возраст

(особенно в погребениях детей), высокий/низкий социальный статус. Безусловно, уникальность этого явления видится ученым в том, что в нем одновременно представлены два мира, отделенные друг от друга в понимании современного человека, — сакральный и профанный: пространство для повседневной жизни живых и пространство мертвых соединяются в погребениях на поселениях.

В заключение обзора следует отметить, что изучение научной литературы продемонстрировало относительно единую тенденцию в развитии подходов к исследованиям погребений на поселениях в отечественной и зарубежной археологии. Накопление материала, с одной стороны, и

совершенствование методов, с другой, привели к развитию интереса и появлению обобщающих работ. Возросшая источниковая база позволила ученым увидеть разные типы захоронений, создать типологию и предложить объяснение этим находкам. Антропологические методы, анализы ДНК и стабильных изотопов позволили установить половозрастной состав умерших, их болезни и ранения, даже регион происхождения. Несмотря на то что некоторые погребения пока трудно интерпретировать, интерес к этому феномену, очевидно, будет только возрастать, новые находки позволят рассматривать уникальные случаи как серийные и впоследствии предложить их интерпретацию.

Антонова, 1990 — Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.: Наука, 1990. 287 с.

Антипина, 2004 — Антипина Е. Е. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III: Селище Горный. Археологические материалы: технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 182–239.

Берсенева, 2021 — Берсенева Н. А. Погребения на поселениях эпохи бронзы Южного Урала: альтернативные, нормативные или девиантные? // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21, № 2. С. 206–214.

Берсенева и др., 2019 — Берсенева Н. А., Кайзер Э., Мыльникова Л. Н. Пространство не только для живых: человеческие останки на поселениях бронзового века Евразии // Уральский исторический вестник. 2019. № 4. С. 133–138.

Виноградов, Берсенева, 2013 — Виноградов Н. Б., Берсенева Н. А. Интрамуральные захоронения детей на поселениях первой трети II тыс. до н. э. (в Южном Зауралье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 3. С. 59–67.

Гарустович, Котов, 2007 — Гарустович Г. Н., Котов В. Г. Таналыкское I поселение // Уфимский археологический вестник. 2007. Вып. 6–7. С. 32–49.

Древнее Устье..., 2013 — Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н. Б. Виноградов. Челябинск: АБРИС, 2013. 482 с.

Зданович, 1988 — Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Уральский ГУ, 1988. 177 с.

Зданович и др., 2020 — Зданович Г. Б., Малютин Т. С., Зданович Д. Г. Аркаим. Археология укрепленных поселений. Кн. 1: Жилища и жилое пространство. Челябинск: Изд-во Челябинского ГУ, 2020. 450 с.

Кашуба, 2016 — Кашуба М. Т. Погребения на поселениях в раннегалльштатской культуре Сахарна Восточного Прикарпатья: норма или исключение? // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2016 (Труды ИИМК РАН; Т. 46). С. 96–112.

Кирюшин и др., 2004 — Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., Тишкин А. А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. 1. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2004. 288 с.

Коренюк и др., 2017 — Коренюк С. Н., Мельничук А. Ф., Черных Е. М. Человеческие жертвоприношения на ананьинских поселениях Нижнего и Среднего Прикамья (конец VI — III в. до н. э.) // Археология евразийских степей. 2017. № 4: Эпоха бронзы и ранний железный век: Материалы III Междунар. науч. конф. «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации». С. 143–164.

Куприянова, 2018 — Куприянова Е. В. Альтернативные погребальные практики: погребения людей на поселениях бронзового века // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии: Сб. науч. трудов к 80-летию Г. Б. Здановича / Отв. ред. Д. Г. Зданович. Челябинск: Изд-во Челябинского ГУ, 2018. С. 184–197.

Куприянова и др., 2023 — Куприянова Е. В., Батанина Н. С., Хэнкс Б. К., Зданович Д. Г., Гайдученко Л. Л., Анкушев М. Н., Блинов И. А., Гольева А. А., Джонсон Дж. А., Епимахов А. В., Петров Н. Ф., Петров Ф. Н., Рябогина Н. Е., Ын Чуен Ян. Степное: новые горизонты. Челябинск: Изд-во Челябинского ГУ, 2023. 292 с.

Купцова, Файзуллин, 2012 — Купцова Л. В., Файзуллин И. А. Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье //

- Археологические памятники Оренбуржья. 2012. Вып. 10. С. 70–100.
- Лошакова, 2022 — Лошакова Т. Н. Погребения на поселениях эпохи бронзы Северо-Восточного Прикаспия // Археология Казахстана. 2022. № 4 (18). С. 73–83.
- Мимоход, Загородняя, 2020 — Мимоход Р. А., Загородняя О. Н. Комплексы с останками людей на поселениях срубной культурно-исторической общности // АВЕС. 2020. Вып. 16. С. 114–143.
- Мишина, 2010 — Мишина Т. Н. Социальный аспект изучения интрамуральных детских погребений (по материалам эпохи ранней бронзы телля Юнаците, Балканы) // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 136–149.
- Молодин и др., 2003 — Молодин В. И., Новикова О. И., Парцингер Г., Шнеевайс Й., Гришин А. Е., Ефремова Н. С., Чемякина М. А. Погребения людей на жилом пространстве городища Чича-1 // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1 / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2003. С. 312–316.
- Молодин и др., 2004 — Молодин В. И., Парцингер Г., Гаркуша Ю. Н., Шнеевайс Й., Гришин А. Е., Новикова О. И., Чемякина М. А., Ефремова Н. С., Марченко Ж. В., Овчаренко А. П., Рыбина Е. В., Мыльникова Л. Н., Васильев С. К., Бенеке Н., Маништейн А. К., Дядьков П. Г., Кулин Н. А. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 2. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. 336 с.
- Мыльникова, 2021 — Мыльникова Л. Н. Погребения и антропологический материал на поселении переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Линёво-1 (Западная Сибирь) // Вестник Новосибирского ГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7: Археология и этнография. С. 73–85.
- Нелин, 2004 — Нелин Д. В. Шибяево 1: поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2004. Вып. 2. С. 150–180.
- Обыденнова и др., 2008 — Обыденнова Г. Т., Шутелева И. А., Щербаков Н. Б. Итоги работы археологической экспедиции БГПУ им. М. Акмуллы за последние 10 лет (1998–2008 гг.) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2008. Вып. 5. С. 76–83.
- Петров, Куприянова, 2016 — Петров Ф. Н., Куприянова Е. В. Поселения эпохи бронзы в Аркаимской долине: по результатам разведочных исследований 1997–2015 гг. М.: Московский областной общественный фонд «Наследие», 2016. 148 с.
- Порохова, 1989 — Порохова О. И. Срубно-алакульское Покровское поселение в Западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья / Отв. ред. Ю. А. Морозов, А. Х. Пшеничнюк. Уфа: Башкирский НЦ УрОАН СССР, 1989. С. 60–71.
- Поселение Малоюлдашево I..., 2016 — Евгеньев А. А., Купцова Л. В., Мухаметдинов В. И. и др. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье / под ред. Н. Л. Моргуновой. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2016. 196 с.
- Разуваев, 2016 — Разуваев Ю. Д. Захоронения и останки людей на поселениях лесостепной Скифии: состояние источников // РА. 2016. № 3. С. 102–120.
- Сальников, 1954 — Сальников К. В. Абашевская культура на Южном Урале // СА. 1954. Т. XXI. С. 52–94.
- Сальников, 1967 — Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
- Стоколос, 2004 — Стоколос В. С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2004. Вып. 2. С. 207–236.
- Ткачев, 2002 — Ткачев А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень: Тюменский гос. нефтегазовый ун-т, 2002. 289 с.
- Усманова, Мериц, 2021 — Усманова Э. Р., Мериц В. К. Ритуальная модель «погребения в жилом пространстве» от энеолита до Средневековья (по материалам поселений Верхнего Притоболья, Сарыарки и Прииртышья) // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 4. С. 138–142.
- Файзуллин, 2012 — Файзуллин И. А. Погребения на поселениях эпохи бронзы на территории Западного Оренбуржья // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14, № 3. С. 226–230.
- Чемякин, 2015 — Чемякин Ю. П. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск: Челябинский гос. краеведческий музей, 2015. С. 169–176.
- Aranda et al., 2009 — Aranda G., Montón-Subías S., Sánchez-Romero M., Alarcón E. Death and everyday life: The Argaric societies from Southeast Iberia // Journal of Social Archaeology. 2009. No. 9. P. 139–162.
- Aspöck, 2008 — Aspöck E. What Actually is a “Deviant Burial”? Comparing German-Language and AnglophoneResearch on “Deviant Burials” // Deviant Burial in the Archaeological Record / Ed. E. M. Murphy. Oxford: Oxbow Books, 2008. P. 17–34.
- Berseneva, 2023 — Berseneva N. The Dead among the Living at the Bronze Age Settlements in the Southern Urals: approaches to research and classification of intramural burials // Kazakhstan Archeology. 2023. No. 4 (22). P. 66–85.
- Booth, Madgwick, 2017 — Booth T., Madgwick R. The Dead at Danebury: The Quest for Elusive Iron Age Funerary Rites // British Archaeology. 2017. No. 152. P. 52–57.

- Burlacu-Timofte, Gogâltan*, 2016 — *Burlacu-Timofte R., Gogâltan F.* Human Remains in the Bronze Age Settlements of the Carpathian Basin // *Settlements of Life and Death. Studies from Prehistory to Middle Ages: Proceedings of an International Colloquium, Tulcea, 25th–28th of May 2016* / Eds. F. Gogâltan, S.-C. Ailincăi. Cluj-Napoca: Mega, 2016 (Biblioteca Istro-Pontică. Seria: Arheologie; Vol. 14). P. 89–122.
- Canliff*, 1983 — *Canliff B. W.* Danebury: Anatomy of an Iron Age Hillfort. Batsford, 1983. 192 p.
- Gogâltan, Ailincăi*, 2016 — *Gogâltan F., Ailincăi S.-C.* Settlements of Life and Death. Studies from Prehistory to Middle Ages // *Settlements of Life and Death...* Cluj-Napoca: Mega, 2016. P. 5–12.
- Harding*, 2013 — *Harding A.* Velim and Violence // *Cuadernos de prehistoria y arqueología de la Universidad de Granada*. 2013. No. 23. P. 165–182.
- Harding et al.*, 2007 — *Harding A., Sumberová R., Knüsel C., Outram A.* Velim: Violence and death in Bronze Age Bohemia. Prague: Institute of Archaeology, 2007. 196 p.
- Jaeger et al.*, 2016 — *Jaeger M., Czebreszuk J., Kneisel J., Müller J.* Human Remains from the Early Bronze Age Fortified Settlement in Bruszczewo. Preliminary Report // *Settlements of Life and Death...* Cluj-Napoca: Mega, 2016. P. 51–70.
- Jelínek, Vavák*, 2013 — *Jelínek P., Vavák Ju.* Human Remains in Settlement Pits of the Maďarovce Culture in Slovakia (Early Bronze Age) // “Irreguläre” Bestattungen in der Urgeschichte: Norm, Ritual, Strafe...? Akten der Internationalen Tagung in Frankfurt a. M. / Hrsg. N. Müller-Scheeßel. Bonn: Rudolf Habelt, 2013 (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte; Bd. 19). P. 265–277.
- “Irreguläre” Bestattungen..., 2013 — “Irreguläre” Bestattungen in der Urgeschichte: Norm, Ritual, Strafe...? Akten der Internationalen Tagung in Frankfurt a. M. / Hrsg. N. Müller-Scheeßel. Bonn: Rudolf Habelt, 2013 (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte; Bd. 19). 326 S.
- Marc et al.*, 2016 — *Marc A. T., Barbu I. L., Tuțiuianu D. C., Barbu M. G., Codrea I. C., Barbu M. M., Bodó C., Osterholtz A., Gonciar A.* A Multiple Burial in the Wietenberg Settlement at Șoimuș-Lângă Sat, Hunedoara County // *Settlements of Life and Death...* Cluj-Napoca: Mega, 2016. P. 165–190.
- Moore*, 2009 — *Moore A.* Hearth and Home: The Burial of Infants within Romano-British Domestic Contexts // *Childhood in the Past*. 2009. No. 2 (1). P. 33–54.
- Oanță-Marghitu et al.*, 2016 — *Oanță-Marghitu S., Dumitrașcu E., Ene S., Bălășescu A., Vasile G., Cleșiu S., Munteanu F.* “Funeral” and “Domestic” in the Late Iron Age Settlement at București-Băneasa, Strada Gârlei (Southern Romania) // *Settlements of Life and Death...* Cluj-Napoca: Mega, 2016. P. 273–312.
- Pankowská et al.*, 2013 — *Pankowská A., Daňhel M., Peška Ja.* Formal Classification of Settlement Burials from Moravia (Czech Republic) Dating to the Early Bronze Age // “Irreguläre” Bestattungen in der Urgeschichte... Bonn: Rudolf Habelt, 2013. P. 251–264.
- Pearce*, 1999 — *Pearce J.* The Dispersed Dead: Preliminary Observations on Burial and Settlement Space in Rural Roman Britain // *Proceedings of the Eighth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference, Leicester 1998* / Eds. P. Baker, C. Forcey, S. Jundi, R. Witcher. Oxford: Oxbow Books, 1999. P. 151–162.
- Rissech et al.*, 2023 — *Rissech C., Witzel C., Guardia M., Lopez-Costas O., Gotherstrom A., Krzewińska M., Emrah Kırdok E., Mendiola S., Merino M., Frances J.* Skeletal remains of human perinatal individuals from the fortified Iberian Period settlement of Ca n’Oliver (6th century to 50 years BCE) // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2023. No. 15. P. 158. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12520-023-01863-9> (accessed 01.06.2024).
- Rubel*, 2013 — *Rubel A.* Infant Burials in Iron-Age and Roman Europe Prolegomena to a Comparative Analysis Roman Dobruja and Iron-Age Germany // *European Journal of Science and Theology*. 2013. Vol. 9 (6). P. 233–241.
- Rustoiu*, 2016 — *Rustoiu A.* Settlements of Life and Death in Late Iron Age Sites from Sighișoara Region (Mureș County, Romania) // *Ibid.* P. 313–330.
- Stapel*, 1999 — *Stapel A.* Bronzezeitliche Deponierungen im Siedlungsbereich: Altdorf-Römerfeld und Altheim, Landkreis Landshut. Bd. 3. Münster: Waxmann, 1999. 442 S.
- Styk, Repka*, 2021 — *Styk M., Repka D.* Fell into an Eternal Sleep. Finding the Human Skeleton in the La Tène Dwelling from Bratislava-Devín, Záhrady Site // *Slovenská archeológia*. 2021. Vol. 69 (2). P. 107–116.
- Taylor*, 2001 — *Taylor A.* Burial Practice in Early England. Stroud: Tempus publishing Inc., 2001. 192 p.
- Urák, Marta*, 2011 — *Urák M., Marta L.* Human Remains of the Late Bronze Age Settlements in the Upper Tisza Area. New Researches and New Evidence // *Bronze Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin: Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureș 8–10 October 2010* / Eds. S. Berecki, R. E. Némethy, B. Rezi. Târgu Mureș: Mega, 2011. P. 155–162.

Approaches to the interpretation of burials at settlements of the Northern Eurasia in Russian and foreign archaeology (the Paleometallic Era)

N. A. Berseneva³

Keywords: Northern Eurasia, settlements, burials, Russian and foreign researches

Finds of human remains at settlement sites are not rare: they are recorded for the most of the Eurasian archaeological cultures of the Bronze and Iron Ages. The aim of the paper is to review and analyze the trends in the study of human burials in the settlement space of the Paleometallic era of the Northern Eurasia in the Russian and foreign archaeological literature. The review demonstrates the wide spread of the phenomenon of burial of the dead at settlements in both geographical and chronological aspects. Works summarizing and interpreting these sources appeared at the end of the 20th cen. The analysis of the literature allowed us to draw the following conclusions. (1) The rituals of the Palaeometallic Era were diverse and included burial of remains in the living space, various manipulations with bodies and bodies' parts, and post-burial rites at settlements. (2) Human remains at settlements were the result of a wide range of activities, making it possible to identify several types of such burials. (3) Approaches to the phenomenon's interpretation broadened out considerably in recent decades: from the manifestation of fertility cults, building cults, rituals of abandonment of dwellings or termination of grain and household pits' service, wells, to the circumstances of death of the deceased, his age, high/low social status. Certainly, the uniqueness of this phenomenon is seen by scholars in the fact that two worlds, separated from each other in the understanding of modern human — sacral and profane — are simultaneously represented here: the space of the living for everyday life and the space of the dead are united in burials at settlements.

³Natalia A. Berseneva — Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Yekaterinburg, Russia; e-mail: bersnatasha@mail.ru.

Танавский грунтовый могильник позднего бронзового века в Нижнем Поволжье

М. А. Изотова¹

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот материалы грунтового могильника срубной культуры позднего бронзового века, исследованного на территории Танавского городища, которое располагалось к северу от г. Саратова на правом берегу Волги. Могильник состоял из 25 погребений. На основании анализа погребального обряда и сопровождающего инвентаря рассмотрен вопрос о синхронности существования грунтового могильника и бытового памятника, представленного эталонными материалами финального этапа бронзового века Нижнего Поволжья, или хвалынской культурой валиковой керамики (ХКВК).

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, срубная культура, ХКВК (хвалынская культура валиковой керамики), могильник, городище.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-45-82-96

Танавское городище с грунтовым могильником в его пределах располагалось в 8 км от Саратова (согласно границам города на 1965 г.) на правом берегу Волги, вверх по течению реки, между автодорожным мостом и с. Пристанным. Могильник занимал мыс, образованный Танавским оврагом и р. Гуселкой, представляющий собой естественно защищенное место, дополнительно укрепленное с напольной стороны рвом и валом (рис. 1; 2). Общая площадь памятника достигала 8 тыс. кв. м и практически полностью была исследована в 1960–1965 гг. археологической экспедицией, возглавляемой И. В. Сеницыным. В настоящее время территория застроена дачами.

Судя по сведениям из архива И. В. Сеницына в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 76–100) и материалам, хранящимся в Саратовском областном музее краеведения (СОМК), Танавский мыс (или его часть), очевидно, был недолгое время заселен в среднем бронзовом веке. Свидетельством тому является небольшая, но выразительная коллекция катакомбно-полтавкинских материалов. В финале эпохи бронзы здесь существовало крупное поселение хвалынской культуры валиковой

керамики (ХКВК). После длительного перерыва, в раннем железном веке, эта территория была освоена представителями городецких племен. Возможно, к этому времени относится сооружение вала и рва.

По итогам проведенных раскопок увидела свет всего одна публикация в форме тезисов студенческой конференции (Крылова, Миронов, 1963. С. 20). Автором настоящей статьи совместно с Н. М. Маловым был проведен анализ керамики хвалынской культуры позднего бронзового века из этого памятника (Изотова, Малов, 1992).

Помимо бытовых материалов на Танавском городище обнаружено большое количество погребений. Согласно плану В. Г. Миронова, любезно предоставленному автором для публикации, одно из них, видимо, средневековое, остальные представляют собой достаточно компактный, скорее всего единовременный (в пределах 1–2 поколений) грунтовый могильник позднего бронзового века. Четыре сосуда из него были опубликованы Н. М. Маловым и О. В. Кочерженко (Малов, Кочерженко, 1989. С. 144, 145).

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот материалов грунтового могильника, исследованного на территории Танавского городища. Несмотря на то что памятник раскапывался фактически без какой-либо методики, отчета о раскопках не существует, полевые

¹ Поволжский археологический центр; Саратов, Россия; e-mail: izotova.margarita777@mail.ru.
© Изотова М. А., 2024

документы представлены схематично и отрывочно, сохранившиеся информация и материалы представляют научный интерес. Значение Танавского могильника проявляется не только на фоне малочисленности открытых грунтовых могильников позднего бронзового века в Нижнем Поволжье, но и в его расположении на бытовом памятнике, где практически отсутствуют материалы срубной культуры, а керамика представлена эталонными материалами второго, позднего, этапа существования хвалынской культуры валиковой керамики.

Танавский могильник: общие сведения

Информация о могильнике, хранящаяся в фонде И. В. Сеницына в ГАСО, представлена 25 небольшими листочками, на которых схематично изображены погребения и сопровождающий их инвентарь, также приложены несколько фотографий раскопок. Рисунки и фотографии не имеют масштаба и глубин. На рисунках у большинства погребений отсутствует ориентация по сторонам света, которую можно восстановить только по рисунку-схеме В. Г. Миронова (рис. 2). На этой схеме все погребения изображены головами к северо-востоку, в то время как в архиве И. В. Сеницына из пяти погребений, для которых дана ориентация, два располагались головой на север, одно — на северо-северо-запад, одно — на северо-восток и одно — на восток (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 76–100). Следует отметить, что план, сохранившийся у В. Г. Миронова, является единственным сохранившимся планом памятника.

В ряде случаев из-за схематичности рисунков и отсутствия масштаба сложно определить возраст погребенного: ребенок, подросток или взрослый.

Из-за отсутствия нумерации погребений на плане невозможно восстановить планиграфию могильника, как и установить точное количество погребений. Судя по плану В. Г. Миронова,

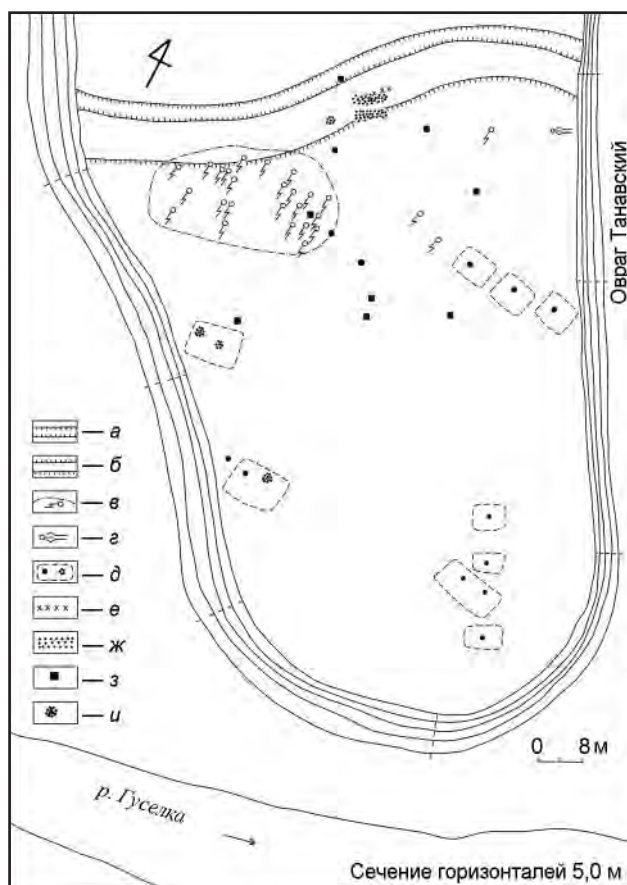
Рис. 2. План Танавского городища и могильника (а — ров; б — вал; в — граница грунтового могильника; г — погребения; д — постройки; е — частокол; ж — скопление камней; з — хозяйственные ямы; и — очаги из камня в постройках) (Изотова, Малов, 1992. Рис. 1)

Fig. 2. Plan of the Tanavskoye settlement and burial ground (a — ditch; b — rampart; v — border of the burial ground; g — burials; d — buildings; e — pale; zh — accumulation of stones; z — household pits; i — stone hearths in buildings) (Изотова, Малов, 1992. Рис. 1)

Рис. 1. Месторасположение Танавского городища и могильника (1)

Fig. 1. Location of the Tanavskoye settlement and the Tanavsky burial ground (1)

погребений было 27 (не считая средневекового), у И. В. Сеницына в архиве имеются сведения о 25. В публикации Л. П. Крыловой и В. Г. Миронова, посвященной результатам раскопок Танавского городища 1960–1962 гг., сообщается о том, что в западной части городища и под насыпью вала вскрыто 24 детских захоронения, а в центре городища обнаружены два взрослых погребения — мужское и женское (Крылова, Мионов, 1963).

Большая часть сопровождающей погребения керамики сохранилась и находится в фондах СОМК (СМК. № 54114–54132; 54134–54137; 54139–54151). Однако часть инвентаря отсутствует, например, нет браслетов, найденных в погребениях 8 и 25. Причем на рисунке погребения 8 дан схематичный набросок, а на рисунке погребения 25 он отсутствует. Можно предположить, что браслеты были бронзовыми и с несомкнутыми концами. Также утрачены несколько сосудов (из погребений 4, 11, 17, 25), существуют несоответствия между сосудами из погребений 17 и 18, имеющихся на рисунках в ГАСО (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 92, 93) и хранящихся в СОМК (СМК. № 54139, 54140).

Танавский могильник: описания погребений 1–25

Погребение 1 (рис. 3, 1–4). В овальной яме, с нишей за спиной, захоронен ребенок, скорченно, на левом боку, руки перед лицом. Погребенно-го сопровождали три сосуда: перед лицом, между локтями и коленями (перед животом), за спиной в яме-нише (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 76) (рис. 3, 1). Первый — баночный сосуд серого цвета, с едва выделенным прямым плоскосрезанным венчиком — замыт внутри и снаружи, орнаментирован вдавлениями-нарезками, образующими два горизонтальных ряда наклонных отрезков. Размеры: высота — 12,8 см; диаметр устья — 13,0 см, дна — 8,0 см (СМК. № 54114) (рис. 3, 2). Второй — неорнаментированный баночный сосуд с открытым устьем, овально-утонченным венчиком и дном с небольшой закраиной. Поверхность светло-серого (песочного) цвета заглажена, в тесте фиксируются песок и шамот. Размеры: высота — 5,2 см; диаметр устья — 8,5 см, дна — 6,6 см (СМК. № 54115) (рис. 3, 3). Третий — неорнаментированный баночный сосуд с открытым устьем, овально-утонченным венчиком, серого цвета, грубовато заглажен (тканью?), в тесте заметен шамот. Размеры: высота — 5–6 см (верхний край неровный); диаметр устья — 8 см, дна — 4 см (СМК. № 54116) (рис. 3, 4).

Погребение 2 (рис. 3, 5–7). В яме подпрямоугольной формы с закругленными углами погребен ребенок, скорченно, на левом боку, руки перед лицом. Сопровождающий инвентарь представлен двумя баночными неорнаментированными сосудами: перед лицом и у локтей, перед животом (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 77) (рис. 3, 5). Первый сосуд серого цвета, с прямыми вертикальными стенками, уплощенным венчиком и дном с небольшой закраиной, снаружи обработан щепой, в тесте присутствует шамот. Размеры: высота — 9,6 см; диаметр устья — 12,0 см, дна — 7,8 × 8,3 см (СМК. № 54118) (рис. 3, 6). Второй сосуд серого цвета, со стянутым устьем, овально-утонченным венчиком, грубовато заглажен, в тесте фиксируются шамот и песок. Размеры: высота — 6,6 см; диаметр устья — 7,8 см, дна — 7,0 см (СМК. № 54117) (рис. 3, 7).

Погребение 3 (рис. 3, 8, 9). В яме подпрямоугольной формы с закругленными углами (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 78) (рис. 3, 8) сохранились только кость ноги (?) и один сосуд — баночный, серого цвета, со слегка стянутым устьем, плоскосрезанным венчиком, замытый снаружи и внутри, в тесте заметен шамот. Он орнаментирован глубокими вдавлениями, образующими однорядную горизонтальную елочку (орнамент сохранился не полностью). Размеры: высота — 11,0 см; диаметр устья — 13,0 см, дна — 8,8 см (СМК. № 54119) (рис. 3, 9).

Погребение 4 (рис. 3, 10, 11). В яме подпрямоугольной формы с закругленными углами захоронен подросток или ребенок, скорченно, на левом боку, руки у лица; погребенного сопровождали два сосуда, стоявшие перед лицом и у колен (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 79) (рис. 3, 10). Первый — баночный сосуд серого цвета, со стянутым устьем, уплощенным венчиком, поверхность заглажена, в тесте фиксируется шамот. Орнамент выполнен линзовидными и клиновидными вдавлениями, образующими сюжетный рисунок (орнамент сохранился не полностью). Размеры: высота — 7,0 см; диаметр устья — 9,0 см, дна — 6,5 см (СМК. № 54120) (рис. 3, 11). Второй сосуд в музее не обнаружен. Судя по записи И. В. Сеницына о том, что «второй горшочек сильно раслоился», он не сохранился.

Погребение 5 (рис. 3, 12–14). В яме подпрямоугольной формы с закругленными углами погребен подросток или взрослый, скорченно, на левом боку (руки не сохранились). Инвентарь представлен двумя сосудами: один находился перед лицом, а фрагмент второго, судя по рисунку

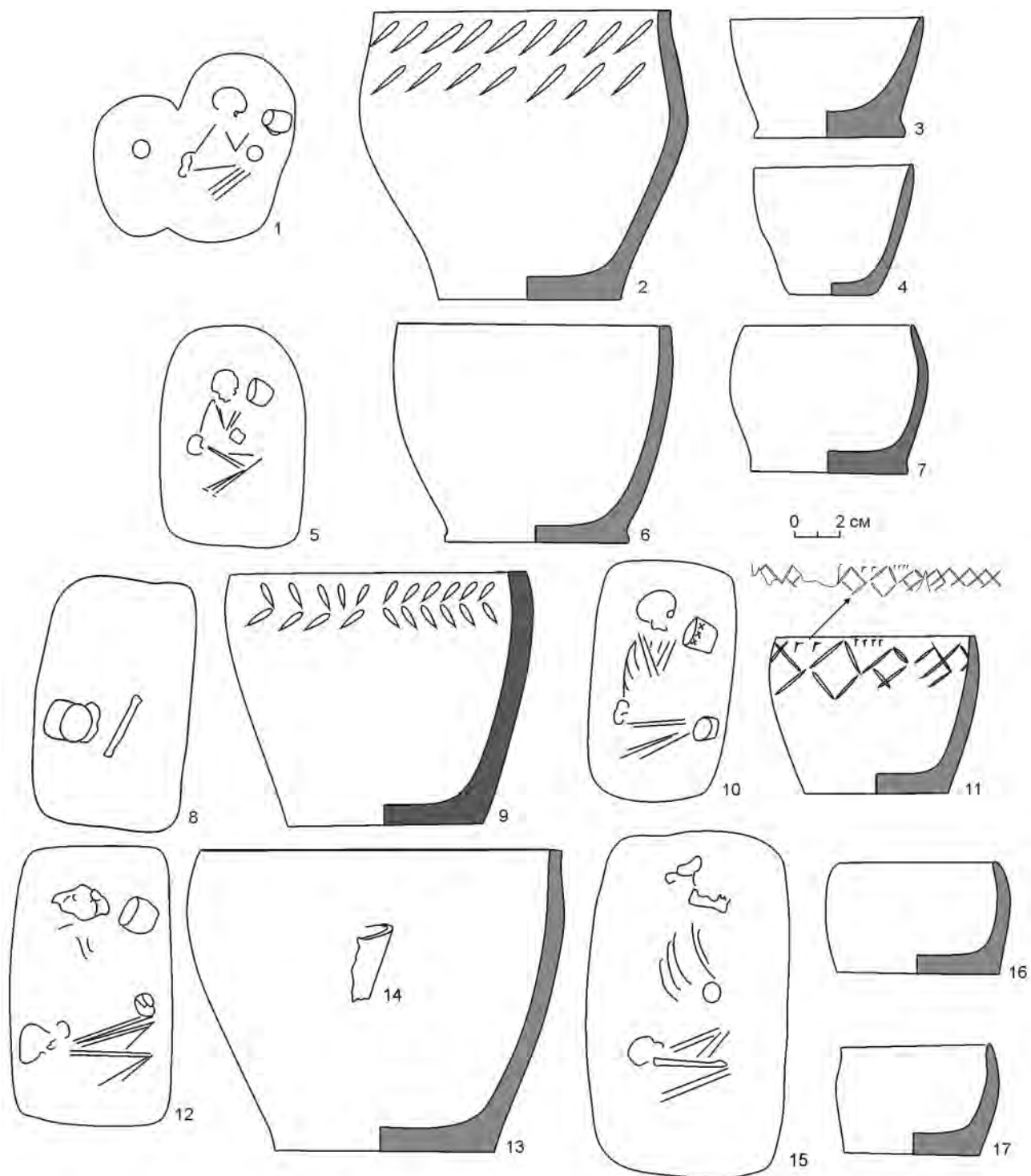

Рис. 3. Танавский могильник, планы и инвентарь погребений 1-7: 1-4 — погребение 1; 5-7 — погребение 2; 8, 9 — погребение 3; 10, 11 — погребение 4; 12-14 — погребение 5; 15, 16 — погребение 7; 17 — погребение 6. 1, 5, 8, 10, 12, 14, 15 — без масштаба, по рисункам И. В. Сеницына в ГАСО

Fig. 3. The Tanavsky burial ground, plans and inventory of the burials 1-7: 1-4 — burial 1; 5-7 — burial 2; 8, 9 — burial 3; 10, 11 — burial 4; 12-14 — burial 5; 15, 16 — burial 7; 17 — burial 6.

1, 5, 8, 10, 12, 14, 15 — without scale, according to the drawings by I. V. Sinityn (the Saratov Oblast State Archive)

И. В. Синицына в архиве ГАСО, — у колен (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 80) (рис. 3, 12). Неорнаментированный баночный сосуд серого цвета, со слегка стянутым устьем, плоскосрезанным венчиком, замытый снаружи и внутри, в тесте фиксируется хорошо промешанный мелкий шамот. Размеры: высота — 13,5 см; диаметр устья — 16,0 см, дна — 9,5 см (СМК. № 54121) (рис. 3, 13). Фрагмент сосуда, который стоял у колен, не сохранился: его изображение приводится по рисунку И. В. Синицына из архива ГАСО (рис. 3, 14).

Погребение 6. Могильная яма не прослежена, скелет, судя по записи И. В. Синицына, не сохранился. На рисунке из ГАСО изображена только часть сосуда (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 81). В СМК имеется целый сосуд из этого погребения: баночный неорнаментированный, серого цвета, со стянутым устьем, овально-утонченным венчиком, заглажен. Размеры: высота — 4,8 см; диаметр устья — 6,8 см, дна — 7,2 см (СМК. № 54122) (рис. 3, 17).

Погребение 7 (рис. 3, 15, 16). В яме подпрямоугольной формы с закругленными углами захоронен ребенок (?), скорченно, на левом боку (руки не сохранились). В районе живота обнаружен один сосуд (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 82) (рис. 3, 15): баночный неорнаментированный, серого цвета, со стянутым устьем, овально-утонченным венчиком, грубовато заглажен, в тесте заметен шамот. Размеры: высота — 4,7 см; диаметр устья — 6,5 см, дна — 5,6 см (СМК. № 54123) (рис. 3, 16).

Погребение 8 (рис. 4, 1–3). В яме подпрямоугольной формы с закругленными углами погребен подросток или взрослый, скорченно, на левом боку, руки перед лицом, на обеих руках — браслеты (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 83) (рис. 4, 1). У живота, между локтями и коленями, находился один сосуд — баночный неорнаментированный, серого цвета, с прямыми вертикальными стенками и плоскосрезанным венчиком, заглажен, в тесте фиксируются шамот и песок. Размеры: высота — 6,0 см; диаметр устья — 7,8 см, дна — 7,4 см (СМК. № 54124) (рис. 4, 2). Браслеты не сохранились. Схематичное изображение одного из них приводится по рисунку И. В. Синицына в ГАСО (рис. 4, 3).

Погребение 9 (рис. 4, 4–6). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами. Судя по рисунку, от скелета осталась только небольшая часть позвоночника, рядом с которой находились два сосуда (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 84) (рис. 4, 4). Первый — округлобокий,

серого цвета, с выделенным и отогнутым наружу приостренным венчиком. Внешняя поверхность имеет легкие штрихи от заглаживания, внутренняя замыта. В тесте фиксируется шамот. Орнамент выполнен линзовидными вдавлениями, сгруппированными по три, образующими в целом сюжетный рисунок. Размеры: высота — 12,0 см; диаметр устья — 13,2 см, дна — 8,0 см (СМК. № 54125) (рис. 4, 5). Второй — неорнаментированный баночный сосуд серого цвета, со слегка стянутым устьем, овальным венчиком, заглаженной снаружи и внутри поверхностью. В тесте фиксируются шамот, дресва и песок. Размеры: высота — 5,8 см; диаметр устья — 10,0 см, дна — 6,8 см (СМК. № 54126) (рис. 4, 6).

Погребение 10 (рис. 4, 7–9). В яме подпрямоугольной формы с закругленными углами погребен взрослый, скорченно, на левом боку, руки перед лицом (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 85) (рис. 4, 7). Сопровождающий инвентарь составили два сосуда, стоявшие у локтей и колен, в районе живота. Первый — неорнаментированный баночный, с открытым устьем и плоскосрезанным венчиком. Цвет варьирует от серого до песочного и розоватого, поверхность грубо замыта, в тесте заметен шамот. Размеры: высота — 7,5 см; диаметр устья — 10,6 см, дна — 7,5 см (СМК. № 54128) (рис. 4, 8). Второй — округлобокий, с выделенным прямым плоскосрезанным венчиком и выпуклым туловом. Сосуд сделан довольно грубо и имеет неправильную форму: с одной стороны он выглядит как округлобокий, с другой — как имеющий ребро. Цвет светло-серый с темными пятнами. На внешней поверхности фиксируются наклонные расчески по тулову и придонной части в виде мелких штрихов (возможно, штампом), внутренняя заглажена без штрихов, на ней имеется нагар. В тесте заметен шамот. Орнамент, выполненный линзовидными вдавлениями, представляет собой два горизонтальных ряда отрезков с разной степенью наклона. Размеры: высота — 14,0 см; диаметр устья — 15,0 см, дна — 9,0 см (СМК. № 54127) (рис. 4, 9).

Погребение 11 (рис. 4, 10–12). В яме подпрямоугольной формы с закругленными углами захоронен подросток или взрослый, скорченно, на левом боку, руки перед лицом (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 86) (рис. 4, 10). В погребении найдены два сосуда: перед лицом и у колен, в районе живота. Первый — неорнаментированный баночный, со слегка стянутым устьем и плоскосрезанным венчиком. Цвет снаружи серый, внутри — черный от нагара. Поверхность заглажена, в тесте

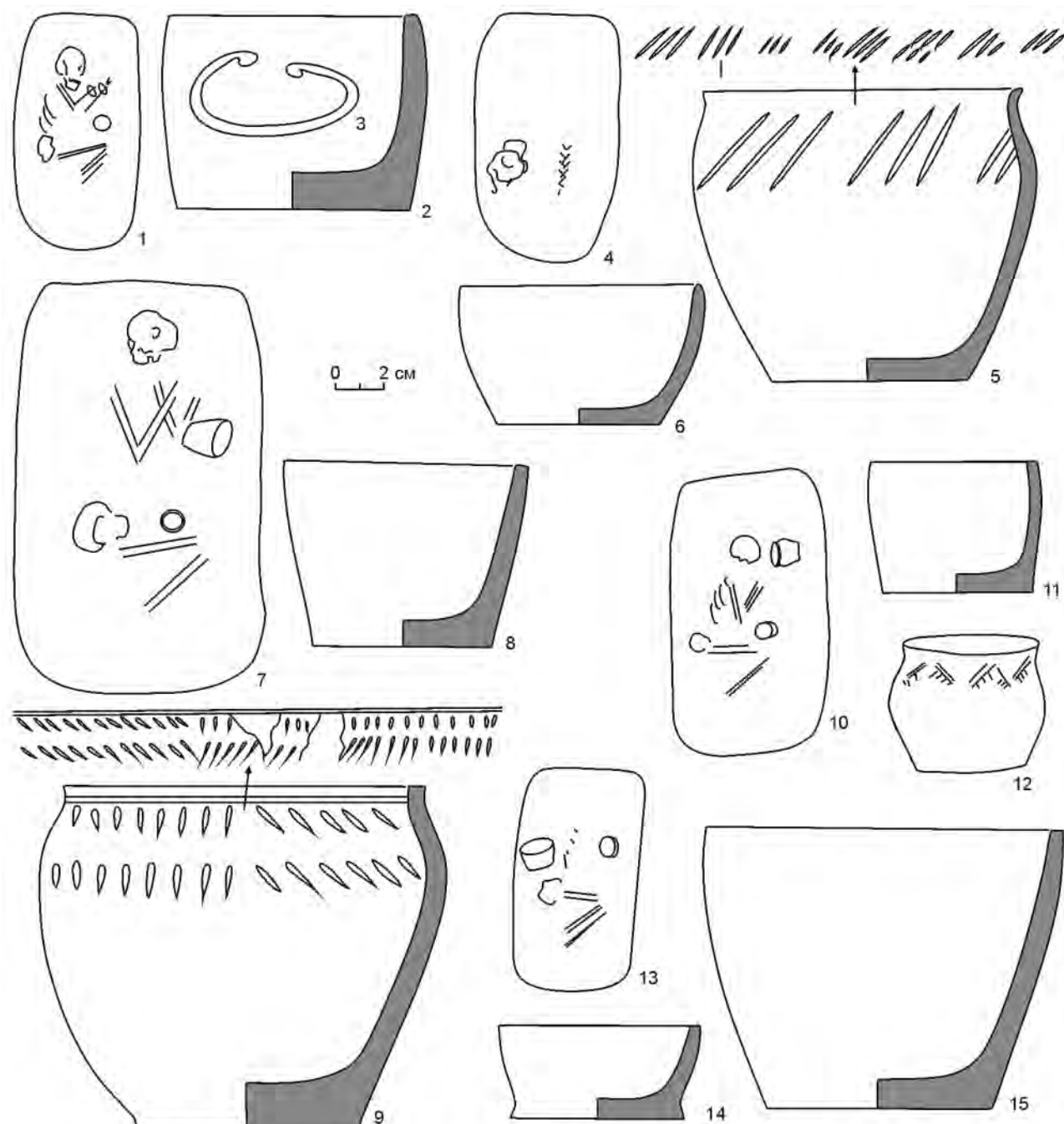

Рис. 4. Танавский могильник, планы и инвентарь погребений 8-12: 1-3 — погребение 8; 4-6 — погребение 9; 7-9 — погребение 10; 10-12 — погребение 11; 13-15 — погребение 12. 1, 3, 4, 7, 10, 12, 13 — без масштаба, по рисункам И. В. Синицына в ГАСО. 3 — бронза

Fig. 4. The Tanavsky burial ground, plans and inventory of the burials 8-12: 1-3 — burial 8; 4-6 — burial 9; 7-9 — burial 10; 10-12 — burial 11; 13-15 — burial 12. 1, 3, 4, 7, 10, 12, 13 — without scale, according to the drawings by I. V. Sinitsyn (the Saratov Oblast State Archive). 3 — bronze

заметен шамот. Размеры: высота — 5,2 см; диаметр устья — 6,5 см, дна — 6,0 см (СМК. № 54129) (рис. 4, 11). Второй сосуд в музее отсутствует. Его изображение приводится по рисунку И. В. Сеницына в ГАСО, судя по которому, это округлобокий сосуд с выделенным и отогнутым наружу венчиком. Размеры: высота — 12,0 см; диаметр устья — 13,5 см, дна — 10 см. Сосуд орнаментирован по плечу двойным зигзагом с бахромой (?) (рис. 4, 12).

Погребение 12 (рис. 4, 13–15). В яме подпрямоугольной формы с закругленными углами погребен подросток (?), скорченно, на левом боку, череп и руки отсутствуют (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 87) (рис. 4, 13). В захоронении найдены два неорнаментированных баночных сосуда: один, видимо, у локтей, второй — за спиной. Первый сосуд серого цвета, с открытым устьем, уплощенным венчиком и днищем с закраиной. Поверхность тщательно заглажена, в тесте заметен шамот. Размеры: высота — 3,6–3,8 см (верхний край неровный); диаметр устья — 8,0 см, дна — 6,8 см (СМК. № 54130) (рис. 4, 14). Второй сосуд серого цвета, с открытым устьем, плоскосрезанным венчиком. Поверхность замыта, в тесте фиксируется шамот. Особенностью сосуда является слабый обжиг. Размеры: высота — 11,5 см; диаметр устья — 14,5 см, дна — 9,0 см (СМК. № 54131) (рис. 4, 15).

Погребение 13 (рис. 5, 1–3). В яме подпрямоугольной формы с закругленными углами захоронен подросток или взрослый, скорченно, на левом боку, руки перед лицом, головой на север (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 88) (рис. 5, 1). Сопровождающий инвентарь представлен двумя баночными сосудами, стоявшими перед лицом и у колен. Первый сосуд серого цвета, с прямыми вертикальными стенками, плоскосрезанным венчиком, дном с небольшой закраиной. Внутренняя поверхность замыта, внешняя имеет наклонные штрихи, в тесте фиксируется шамот. Прочерченный орнамент образует сюжетный рисунок. Размеры: высота — 11,0 см; диаметр устья — 13,6 см, дна — 8,8 см (СМК. № 54133) (рис. 5, 2). Второй — неорнаментированный, серого цвета, с прямыми вертикальными стенками, овально-утопленным венчиком. Снаружи и внутри заглажен, в тесте содержится шамот. Размеры: высота — 4,0 см; диаметр устья — 7,5 см, дна — 6,0 см (СМК. № 54132) (рис. 5, 3).

Погребение 14 (рис. 5, 4, 5). Могильная яма не прослежена. Ребенок захоронен скорченно, на левом боку, руки перед лицом, головой на север

(ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 89) (рис. 5, 4). Перед лицом найден один острорезный сосуд с выделенным, слегка отогнутым наружу плоскосрезанным венчиком. Цвет серый, с темными пятнами, в тесте виден шамот. Внутренняя поверхность замыта, внешняя — довольно аккуратно обработана расчесами зубчатым штампом (горизонтально по тулову, вертикально по венчику и шейке, продольно по верхнему краю венчика). Эти расчесы — видимо, геометрический орнамент. Размеры: высота — 13,2 см; диаметр устья — 13,8 см, дна — 10,0 см (СМК. № 54134) (рис. 5, 5).

Погребение 15 (рис. 5, 6, 7). Судя по записи И. В. Сеницына в ГАСО, «скелет в насыпи вала разрушен сурками» (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 90). Найдены два сосуда. Первый — неорнаментированный баночный серого цвета, со слегка стянутым устьем, овальным венчиком, тщательно заглаженный снаружи и внутри. Размеры: высота — 6,5 см; диаметр устья — 9,8 см, дна — 7,3 см (СМК. № 54135) (рис. 5, 6). Второй — округлобокий сосуд с выделенным, слегка отогнутым наружу уплощенно-овальным венчиком и выпуклым туловом. Дно имеет ярко выраженный поддон. Внешняя поверхность светло-серого цвета тщательно заглажена, внутренняя — темно-серая, имеет штрихи. В тесте заметен шамот. Орнамент представлен рядом наклонных отрезков по верхнему краю венчика, прочерченной линией по шейке и рядом двойного зигзага по плечикам. Несмотря на визуальные отличия, он выполнен одним и тем же мелкозубчатым штампом. Размеры: высота — 10,6 см; диаметр устья — 13,0 × 12,8 см, дна — 9,4 см (СМК. № 54136) (рис. 5, 7).

Погребение 16 (рис. 5, 8). Могильная яма не прослежена. Согласно записи И. В. Сеницына, скелет не сохранился (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 91). Найден один баночный сосуд с выделенным и слегка отогнутым наружу уплощенным венчиком. Внешняя поверхность светло-серая, с темными пятнами, тщательно заглажена; на внутренней (серого, с черными пятнами, цвета) имеются легкие следы от заглаживания. В тесте помимо шамота фиксируется большое количество песка. Размеры: высота — 10,5 см; диаметр устья — 12,5 см, дна — 10,0 см (СМК. № 54117) (рис. 5, 8).

Погребение 17 (рис. 5, 9–11). В яме подпрямоугольной формы с закругленными углами обнаружено парное погребение. Подросток и ребенок перед ним были уложены скорченно, на левом боку, головами на северо-северо-запад, руками перед лицом (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 92)

Рис. 5. Танавский могильник, планы и инвентарь погребений 13–18: 1–3 — погребение 13; 4, 5 — погребение 14; 6, 7 — погребение 15; 8 — погребение 16; 9–11 — погребение 17; 12, 13 — погребение 18. 1, 4, 8, 9, 11, 12 — без масштаба, по рисункам И. В. Синицына в ГАСО

Fig. 5. The Tanavsky burial ground, plans and inventory of the burials 13–18: 1–3 — burial 13; 4, 5 — burial 14; 6, 7 — burial 15; 8 — burial 16; 9–11 — burial 17; 12, 13 — burial 18. 1, 4, 8, 9, 11, 12 — without scale, according to the drawings by I. V. Sinitsyn (the Saratov Oblast State Archive)

(рис. 5, 9). Сопровождающий инвентарь представлен двумя сосудами: один найден у головы подростка, второй — перед лицом ребенка. Сохранился только один сосуд, который совпадает по размерам с изображенным на рисунке И. В. Сеницына, но отличается по орнаменту. Согласно И. В. Сеницыну, на сосуде под венчиком нанесен зигзаг (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 92). Сохранившийся музейный экземпляр орнаментирован рядом непересекающихся крестов, ограниченным сверху горизонтальной прочерченной линией. Это округлобокий сосуд с выделенным прямым плоскосрезанным венчиком и выпуклым туловом. Внешняя (светло-серого, почти песочного цвета) и внутренняя (серая) поверхности тщательно заглажены, без видимых следов. В тесте фиксируются шамот, дресва и песок. Орнамент выполнен в технике прочерчивания. Размеры: высота — 8,6 см; диаметр устья — 10,2 см, дна — 9,4 см (СМК. № 54139) (рис. 5, 10). Второй сосуд не сохранился. Его изображение приводится по рисунку из ГАСО, но без размеров, которые не были указаны. Предположительно это банка со стянутым устьем и хорошо выделенным дном. Орнамент покрывал верхнюю часть сосуда до максимального расширения тулова, а также придонную часть (рис. 5, 11).

Погребение 18 (рис. 5, 12, 13). Могильная яма не прослежена. Ребенок захоронен скорченно, на левом боку, руки перед лицом (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 93) (рис. 5, 12). У колен находился один округлобокий сосуд с выделенным прямым плоскосрезанным венчиком и выпуклым туловом. Цвет серый, поверхность заглажена, в тесте заметен шамот. Орнамент выполнен мелкозубчатым штампом и представляет три полосы по плечикам — двойной зигзаг, под которым идет ряд наклонных отрезков, у дна нанесен ряд простого зигзага. Размеры: высота — 12,0 см; диаметр устья — 13,0 см, дна — 9,8 см (СМК. № 54140) (рис. 5, 13). Следует отметить, что рисунок И. В. Сеницына в ГАСО и сосуд, хранящийся в СОМК, совпадают по размерам, но не совпадают по орнаменту. По И. В. Сеницыну, это ряд ромбов, на сосуде из СОМК — двойной зигзаг и ряд наклонных отрезков, у сосуда в СОМК — орнамент на придонной части, который на рисунке отсутствует. По орнаменту сосуд из погребения 18 (из СОМК) больше соответствует ненайденному сосуду из погребения 17. Однако на рисунке погребения 17 отсутствуют его размеры. Не исключено, что сосуд из СОМК, проходящий как инвентарь погребения 18, на самом деле

относится к погребению 17, сосуд из погребения 18 утерян.

Погребение 19. Могильная яма не прослежена. На рисунке в ГАСО имеется запись: «скелет не сохранился, найден горшок баночной формы в траншее к югу от п. 11» (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 94). Баночный неорнаментированный сосуд серого цвета, со стянутым устьем, плоскосрезанным венчиком. Внутренняя и внешняя поверхности замыты, в тесте фиксируется шамот. Размеры: высота — 7,5 см; диаметр устья — 8,2 см, дна — 6,6 см (СМК. № 54141) (рис. 6, 1).

Погребение 20 (рис. 6, 2–4). Могильная яма не прослежена. Подросток или ребенок погребен скорченно, на левом боку, руки перед лицом (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 95) (рис. 6, 2). Захоронение сопровождали два неорнаментированных баночных сосуда, стоявшие перед лицом и у локтей, в районе живота. Первый — серого цвета, с темными пятнами, с открытым устьем и овальным венчиком. Поверхность заглажена, в тесте фиксируются шамот, дресва и песок. Размеры: высота — 5,0 см; диаметр устья — 7,4 см, дна — 6,0 см (СМК. № 54142) (рис. 6, 3). Второй — серый, с пятнами, со стянутым устьем и плоскосрезанным венчиком, в плане имеет овальную форму. Поверхность грубоватая, но без видимых следов обработки, слегка замыта, в тесте заметен шамот. Размеры: высота — 11,0 см; диаметр устья — 13,8 × 12,0 см, дна — 9,0 × 8,6 см (СМК. № 54143) (рис. 6, 4).

Погребение 21 (рис. 6, 5, 6). Могильная яма не прослежена. Подросток (?) захоронен скорченно, на левом боку, руки перед лицом (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 96) (рис. 6, 5). У локтей, перед животом, стоял один неорнаментированный баночный сосуд, серый, со стянутым устьем и плоскосрезанным венчиком. Поверхность его грубоватая, но без видимых следов обработки, слегка замыта, в тесте заметен шамот. Размеры: высота — 9,7 см; диаметр устья — 13,0 см, дна — 9,0 см (СМК. № 54144) (рис. 6, 6).

Погребение 22 (рис. 6, 7–9). Могильная яма не прослежена. Погребенный не сохранился, остались только две кости (рук?), возле которых находились два неорнаментированных баночных сосуда (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 97) (рис. 6, 7). Первый — с открытым устьем и овально-утонченным венчиком. Внешняя (песочного цвета, с серыми пятнами) и внутренняя (серая) поверхности заглажены, в тесте фиксируются шамот и песок. Размеры: высота — 4,0 см; диаметр устья — 5,8 × 6,2 см, дна — 4,5 × 5,0 см (СМК. № 54145) (рис. 6, 8). Второй — со стянутым устьем

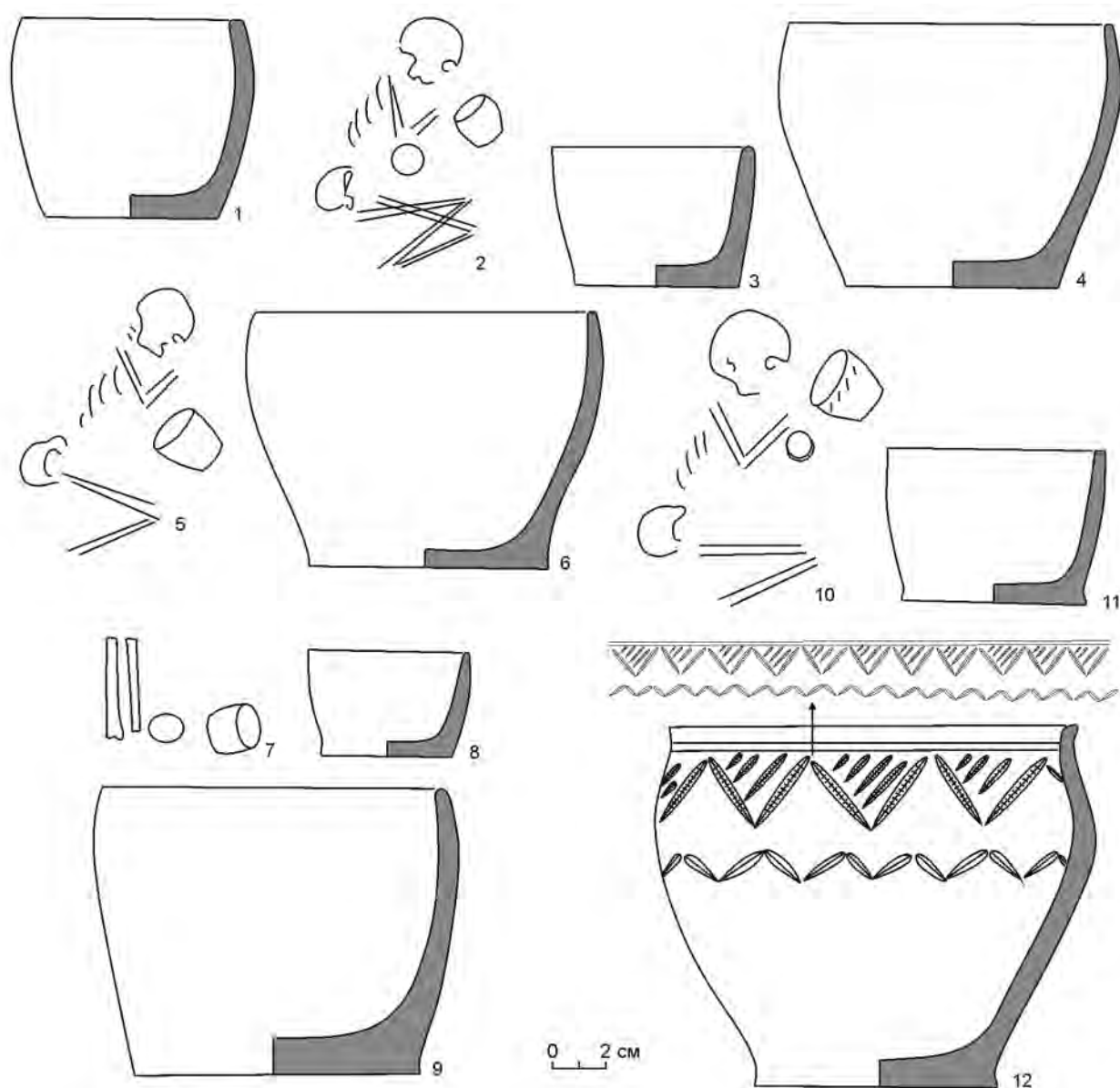

Рис. 6. Танавский могильник, планы и инвентарь погребений 19–23: 1 — погребение 19; 2–4 — погребение 20; 5, 6 — погребение 21; 7–9 — погребение 22; 10–12 — погребение 23. 2, 5, 7, 10 — без масштаба, по рисункам И. В. Сеницына в ГАСО

Fig. 6. The Tanavsky burial ground, plans and inventory of burials 19–23: 1 — burial 19; 2–4 — burial 20; 5, 6 — burial 21; 7–9 — burial 22; 10–12 — burial 23. 2, 5, 7, 10 — without scale, according to the drawings by I. V. Sinitsyn (the Saratov Oblast State Archive)

и овальным венчиком. Внешняя и внутренняя поверхности светло-серого цвета, с темными пятнами, тщательно заглажены без видимых следов обработки. В тесте фиксируется шамот. Размеры: высота — 11,0 см; диаметр устья — 13,0 см, дна — 10,8 см (СМК. № 54146) (рис. 6, 9).

Погребение 23 (рис. 6, 10–12). Могильная яма не прослежена. Ребенок (?) погребен скорченно,

на левом боку, руки перед лицом (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 98) (рис. 6, 10). Перед руками находились два сосуда. Первый — неорнаментированный баночный, с открытым устьем, уплощенным венчиком и дном с небольшой закраиной. Внешняя (песочного цвета с серыми пятнами) и внутренняя (серая) поверхности заглажены, в тесте заметны шамот и песок. Размеры: высота — 5,8 см;

диаметр устья — 8,2 × 8,4 см, дна — 7,0 см (СМК. № 54147) (рис. 6, 11). Второй — округлобокий сосуд с выделенным отогнутым наружу овальным венчиком и выпуклым туловом. Верхняя часть имеет в плане форму вытянутого овала. В тесте заметен шамот. Внешняя (светло-серая с темно-серыми пятнами) и внутренняя (темно-серая) поверхность горизонтально заглажены мелкозубчатым штампом-щепой. Тем же штампом выполнен орнамент: горизонтальная линия по шейке, ряд зигзага с заполненным сверху пространством по плечикам и ряд простого зигзага в зоне максимального расширения тулова. Размеры: высота — 14,0 см; диаметр устья — 16,0 × 13,5 см, дна — 9,4 см (СМК. № 54148) (рис. 6, 12).

Погребение 24 (рис. 7, 1–3). В яме подпрямоугольной формы с закругленными углами погребен взрослый, скорченно, на левом боку, ничком, с завалом на грудь головой на северо-восток, правая рука перед лицом, левая — под животом (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 99) (рис. 7, 1). У головы (перед теменем) и между тазом и локтем правой руки, в районе живота, найдены два сосуда. Первый — баночный, с выделенными прямыми плечиками, выпуклым туловом и плоскосрезанным венчиком. В плане имеет форму овала. Внешняя поверхность светло-серая, с темно-серыми пятнами, хорошо заглажена. На внутренней (темно-серого, почти черного цвета) имеются горизонтальные штрихи от заглаживания щепой и нагар. В тесте фиксируется шамот. Орнамент, выполненный грубым штампом с «псевдозубцами», скорее всего, щепой, представляет собой сложную композицию. Двойной зигзаг, заполненный сверху хаотичными каплевидными и линзовидными вдавлениями и снизу пересекающимися крестами, образует неритмичный узор. Вероятно, орнамент наносился тем же предметом, которым обрабатывалась внутренняя поверхность. Размеры: высота — 14,5 см; диаметр устья — 16,5 × 15,5 см, дна — 10,5 × 9,5 см (СМК. № 54149) (рис. 7, 2). Второй — неорнаментированный баночный сосуд со стянутым устьем, овально-уплощенным венчиком. Внешняя поверхность светло-серого и песочного цвета обработана легкими наклонными расчесами, возможно, штампом. Внутренняя — серая, тщательно заглажена, без следов обработки. В тесте фиксируется шамот. Размеры: высота — 9,0 см; диаметр устья — 12,5 см, дна — 9,2 см (СМК. № 54150) (рис. 7, 3).

Погребение 25 (рис. 7, 4–6). В яме подпрямоугольной формы с закругленными углами захоро-

нен взрослый, скорченно, на левом боку, головой на восток, руки перед лицом, на обеих руках — браслеты (не сохранились) (ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119. Л. 100) (рис. 7, 4). Погребенного сопровождали два сосуда, стоявшие перед лицом и у локтей, в районе живота. Первый — неорнаментированный баночный, со стянутым устьем, плоскосрезанным венчиком, серого цвета с темными пятнами. Внутри и снаружи тщательно заглажен, на внутренней поверхности фиксируется копоть. Размеры: высота — 16,0 см; диаметр устья — 18,0 см, дна — 9,6 см (СМК. № 54151) (рис. 7, 5). Второй сосуд не сохранился и приводится по рисунку И. В. Сеницына в ГАСО. Судя по изображению, это неорнаментированный баночный сосуд с открытым устьем, высотой 8 см, диаметрами устья 10 см, дна 6 см (рис. 7, 6).

Анализ материалов

Таким образом, сохранились сведения о 25 погребениях Танавского грунтового могильника позднего бронзового века, в которых найдены 40 целых сосудов (из них три восстанавливаются только по рисункам) и два сосуда во фрагментах (утрачены). В целом керамическая коллекция представляет собой единую серию.

Обряд захоронения удивительно однообразен: все погребенные уложены на левый бок, имеют среднюю степень скорченности и руки перед лицом. Единственным исключением является захоронение 24, в котором погребенный, судя по рисунку, лежит ничком, хотя также на левом боку и с согнутыми в коленях ногами. Кроме парного погребения 17, все остальные — одиночные.

Большая часть погребенных, насколько можно судить по рисункам, — это дети и подростки.

Всего для пяти погребений указана ориентация по сторонам света. Как уже указывалось, два располагаются головой на север, одно — на северо-северо-запад, одно — на северо-восток, одно — на восток.

Погребальный инвентарь представлен почти исключительно керамическими сосудами, которые располагались у головы (перед лицом) и у локтей (в районе живота). Только в погребении 1 один из сосудов располагался за спиной погребенного. Однако этот сосуд найден в нише, которая может и не иметь отношения к данному захоронению.

Сосуды Танавского могильника в большинстве своем изготовлены довольно тщательно и имеют аккуратно заглаженную, а нередко и замытую поверхность. Иногда на поверхности заметны

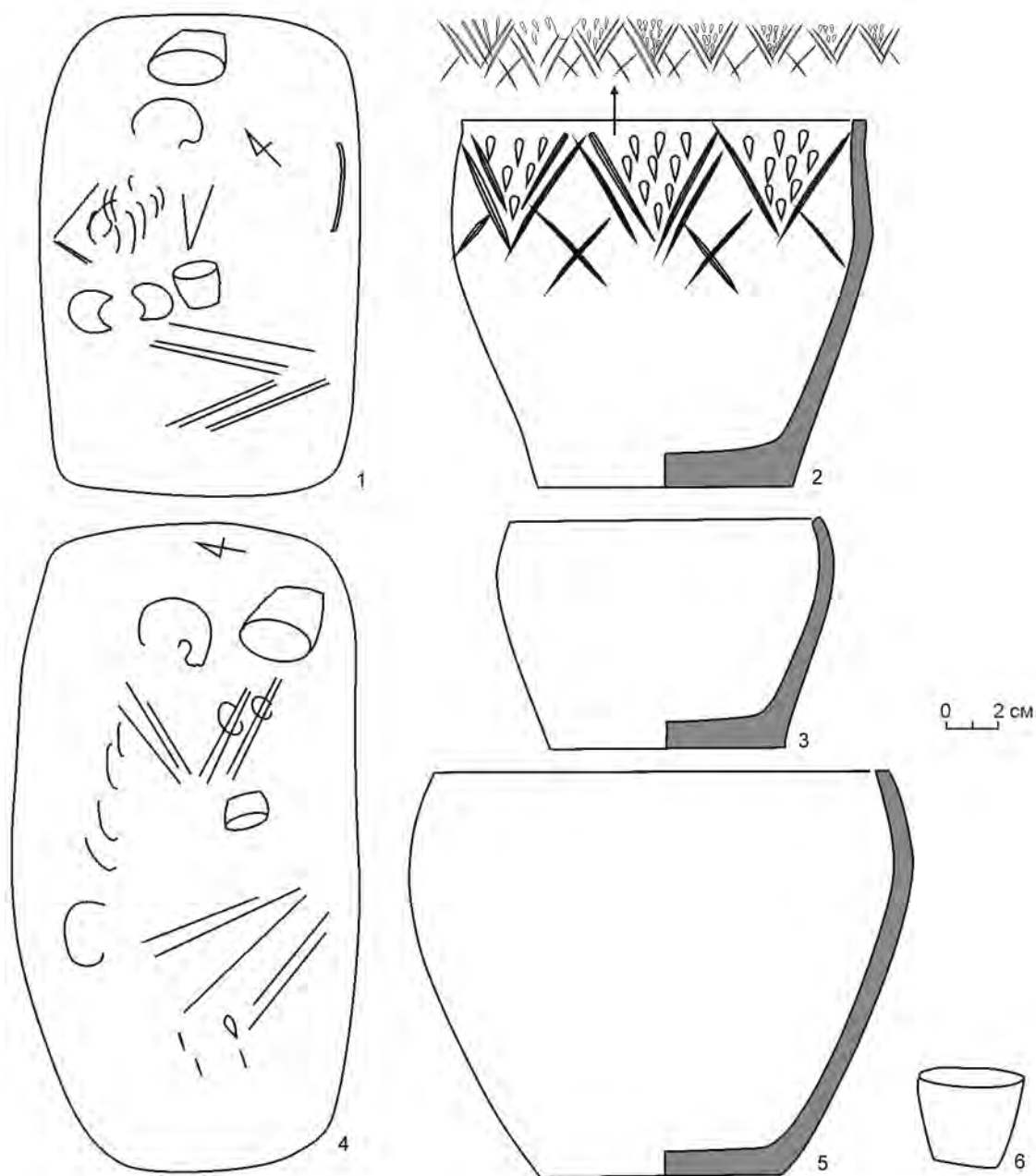

Рис. 7. Танавский могильник, планы и инвентарь погребений 24, 25: 1-3 — погребение 24; 4-6 — погребение 25. 1, 4, 6 — без масштаба, по рисункам И. В. Сеницына в ГАСО

Fig. 7. The Tanavsky burial ground, plans and inventory of burials 24, 25. 1-3 — burial 24; 4-6 — burial 25. 1, 4, 6 — without scale, according to the drawings by I. V. Sinitsyn (the Saratov Oblast State Archive)

следы заглаживания щепой. Особняком стоит сосуд из погребения 18, поверхность которого обработана зубчатым штампом, что в данном случае носило производственный характер и выступало как элемент декора. Этот технический прием в позднем бронзовом веке в Нижнем Поволжье в наибольшей степени был характерен для покровской керамики.

Некоторые из сосудов не использовались ранее, то есть были изготовлены специально с ритуальными целями. Цвет керамики Танавского могильника варьирует от серого (разных оттенков) до песочного. На некоторых сосудах фиксируются следы нагара. Основной визуальной фиксируемой примесью в тесте является шамот, нередко песок. Причем в одном случае концентрация песка весьма существенна. В трех случаях хорошо заметна дресва.

Ведущей формой керамики являются банки (80 %). Семь экземпляров (17,5 %) относятся к округлобким сосудам. Только один сосуд (2,5 %) острорезный и выпадает из общей серии также по характеру обработки поверхности. Среди банок преобладают закрытые сосуды со стянутым устьем (16 экз.; 50 %), реже представлены открытые (9 экз.; 28,1 %), в четырех случаях — прямостенные (12,5 %) и в трех — банки с едва выделенным венчиком (9,4 %). Все открытые банки представляют собой неорнаментированные маленькие приземистые чашки, высотой 3,5–11,5 см, с диаметром устья 6–14 см. Из 16 банок с закрытым устьем только три имеют декор, причем форма одного из этих сосудов не вполне достоверна, так как известна лишь по схематическому рисунку. Лишь одна банка с прямыми стенками имеет орнамент. Два из трех сосудов с едва выделенным прямым или слегка отогнутым венчиком (которые, как правило, занимают промежуточное положение между собственно банками и округлобкими сосудами с выделенным венчиком) орнаментированы.

Средняя степень орнаментированности ведущей формы керамики составила 15,3 % площади поверхности. Все округлобкие и острорезные сосуды орнаментированы. Основной зоной для украшения является плечо. Узор на нем имеют все сосуды с орнаментом. На некоторых сосудах орнаментировались шейка, максимальный перегиб тулова, верхний срез венчика, в одном случае — придонная часть. Наиболее часто при нанесении орнамента использовался плоский штамп или нарезка, оставляющие следы в виде линзовидных вдавлений. На двух сосудах применен мел-

козубчатый штамп, на одном — расчески зубчатым штампом почти по всей внешней поверхности, еще на одном — каплевидные вдавления. Среди сюжетов орнамента встречены разные варианты зигзага, ряды наклонных отрезков, на одном сосуде — ряд пересекающихся крестов. На пяти сосудах нанесен неритмичный орнамент, который принято называть знаками (Захарова, 1999. С. 4, 5).

Определение культурно-хронологической принадлежности Танавского грунтового могильника неоднозначно. Традиция сооружения могильников, прежде всего курганных, в которых основную часть погребенных составляют дети и подростки, но при этом обязательно присутствует одно или несколько захоронений взрослых, была распространена в срубной культуре. Интересно отметить, что взрослые в этих случаях нередко имеют в качестве украшений браслеты.

Керамика могильника также является достаточно типичной для срубной культуры. Некоторые различия в технологии изготовления сосудов из погребений в одном могильнике и даже в одном погребении часто фиксируются в погребальных памятниках позднего бронзового века Нижнего Поволжья (Малов, 2012. С. 97). Обращает на себя внимание тщательность обработки внешней и внутренней поверхностей сосудов, а также довольно большой удельный вес сосудов с овально-уточенным венчиком. Эти показатели в большей степени характерны для керамики ХКВК, чем для срубной культуры. Однако тщательность обработки поверхностей является косвенным признаком, так как выборка небольшая и не может быть признана в данном случае репрезентативной.

Различия в ориентации по сторонам света погребенных свидетельствуют о неустойчивости этого обрядового признака. Но в данном случае достоверные сведения об этом для большинства скелетов отсутствуют.

Однако грунтовые могильники (прежде всего детские) в Нижнем Поволжье фиксируются только на поселениях, где имеются слои хвалынской культуры валиковой керамики: в Екатериновке (Колев, 2008. С. 211, 212), Ерзовке I (Дьяченко, 1992), Новой Покровке I (Малов, 2007. С. 55, 56), Танавском городище. Пока неизвестно ни одного исключительно срубного поселения, на котором бы имелись грунтовые могильники. Погребения на поселениях срубной культуры встречаются, но они носят ярко выраженный ритуальный характер (жертвоприношения человека либо отдельных частей его тела) (см.: Мимоход, Загородняя, 2020). Известны также грунтовые могильники,

но они существуют обособленно от поселений. Совмещение этих категорий происходит, вероятно, в «хвалынское» время, возможно на этапе формирования культур валиковой керамики. В связи с этим стоит вспомнить, что по многочисленным этнографическим данным живые предпочитали отделять мир мертвых. Отсюда выделение специальных мест для захоронений, по крайней мере, на некотором расстоянии от жилья, а также запреты селиться на кладбищах, в том числе и старых. Конечно, в финале эпохи бронзы о существовании могильника предшествующего времени могилы и забыть, однако Танавский могильник находится на периферии поселения ХКВК.

Не исключено, что детские грунтовые могильники появляются или получают большее распространение на поселениях именно финала позднего бронзового века. Общеизвестны трудности с выделением погребений финала эпохи бронзы в лесостепной и степной зонах Евразии (см.: Колев, 2008. С. 211, 212). Не является исключением и Нижнее Поволжье. Одной из причин этого является длительное сохранение старого обряда и традиции использования в качестве заупокойного инвентаря типов посуды, мало изменяющихся в течение длительного времени.

Распространение грунтовых могильников связано, вероятнее всего, с ухудшением ситуации, когда у коллектива людей не было возможности тратить много сил и энергии на сооружение трудоемких погребальных сооружений. Одновре-

менно с этим могли иметь место также изменения в идеологии, которые подтверждаются сменой жесткого стандарта погребального обряда на его большее разнообразие.

Подводя итоги, можно сказать, что вопрос о синхронности существования грунтового могильника и материалов финального этапа бронзового века Танавского городища пока не может быть решен окончательно. Обряд на заключительном этапе бронзового века в степях Евразии отличается неустойчивостью, при появлении новых ориентаций тел головой на юг сохраняются и старые, на север. Скорченные погребения на левом боку сосуществуют с захоронениями на правом, а также с вытянутыми на правом и левом. В погребения могли ставить традиционную посуду, в то время как в быту могли пользоваться разной керамикой (старой и новой, местной и импортной). Так или иначе, поселенческих памятников финала бронзового века обнаружено гораздо больше, чем погребальных. Могут быть и другие варианты. Вполне возможно одновременное существование на определенном этапе исключительно срубных и/или «валиковых» памятников, что могло быть обусловлено не только культурно-хронологическими различиями, но также иметь социально-культурные и иные причины. В связи с этим следует отметить, что набор погребальной и поселенческой посуды одного и того же варианта срубной культуры различается, что особенно заметно на больших выборках.

ГАСО. Р-3712. Оп. 1. Д. 119: Архив А. В. Синицына. Л. 76–100.

Дьяченко, 1992 — Дьяченко А. Н. Поселение Ерзовка-I и некоторые проблемы финальной бронзы Нижнего Поволжья // АВЕС. 1992. Вып. 3. С. 115–126.

Захарова, 1999 — Захарова Е. Ю. Сосуды со знаками срубной культурно-исторической общности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — Археология. Воронеж, 1999. 23 с.

Изотова, Малов, 1992 — Изотова М. А., Малов Н. М. Хвалынская керамика Танавского городища // АВЕС. 1992. Вып. 3. С. 97–115.

Колев, 2008 — Колев Ю. И. Ивановская культура позднего бронзового века: Характеристика культуры и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья: Сб. ст. / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: Самарский ГУ, 2008. С. 208–240.

Крылова, Миронов, 1963 — Крылова Л., Миронов В. Танавское городище (по раскопкам 1960–1962 гг.) // Сборник тезисов докладов IX Всесоюзной археоло-

гической студенческой конференции. М.: б. и., 1963. С. 20.

Малов, 2007 — Малов Н. М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. 2007. Вып. 5. С. 34–92.

Малов, 2012 — Малов Н. М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». Т. 12, вып. 1. Саратов, 2012. С. 95–100.

Малов, Кочерженко, 1989 — Малов Н. М., Кочерженко О. В. Первичная классификация керамики срубных погребений правобережных районов пограничья степи-лесостепи Нижнего Поволжья // АВЕС. 1989. Вып. 1. С. 142–145.

Мимоход, Загородняя, 2020 — Мимоход Р. А., Загородняя О. Н. Комплексы с останками людей на поселениях срубной культурно-исторической общности // АВЕС. 2020. Вып. 16. С. 114–143.

Tanavsky burial ground of the Late Bronze Age in the Lower Volga region

М. А. Izotova²

Keywords: Lower Volga region, Srubnaya culture, Khvalynsk culture of cordoned ceramics, burial ground, settlement

The article introduces into scientific turnover the materials of the Late Bronze Age Srubnaya culture burial ground, investigated on the territory of the Tanavskoye settlement, located to the north of Saratov on the right bank of the Volga river. The burial ground consisted of 25 burials. The significance of the Tanavskoye burial ground lies not only in the small number of open burial grounds in the Late Bronze Age Lower Volga region, but also in its location at a domestic site represented by the reference materials of the final stage of the Bronze Age in the Lower Volga region or the Khvalynsk culture of cordoned ceramics. The question of the synchronous existence of the burial ground and the domestic site is considered based on the analysis of the burial rites and accompanying inventory (ceramics).

²Margarita A. Izotova — Volga Region Archaeological Center; Saratov, Russia; e-mail: izotova.margarita777@mail.ru.

Захоронения людей на поселениях позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья¹

И. А. Файзуллин²

Аннотация. На территории Оренбургского Предуралья известно пять поселений позднего бронзового века, на площади которых изучены погребения. В статье дана их комплексная характеристика, анализируются источники и вероятные версии появления указанной погребальной практики. Существует множество гипотез о мотивах такого обращения с умершими сородичами, каждая из представленных имеет свои слабые и сильные стороны, которые могут быть подкреплены этнографическими наблюдениями и более тщательной работой в ходе полевых исследований. Не вызывает сомнений лишь факт стабильного и целенаправленного использования тела человека как объекта ритуальных действий.

Ключевые слова: Оренбургское Предуралье, поздний бронзовый век, погребения на поселениях, ритуал, жертвоприношение, строительные традиции.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-45-97-107

Погребальный обряд в археологии изучаемого региона является одним из основных источников для понимания идеологических представлений. Он является практически единственным обрядом, имеющим материальные остатки, по которым с наибольшей полнотой удается составить представление о религиозном мировоззрении. Кроме того, погребальный обряд является средством связи поколений и поэтому наиболее консервативен. В позднем бронзовом веке традиционными видами погребальных памятников являлись курганные и грунтовые могильники, наличие захоронений на территории постоянного проживания населения выглядит достаточно иррациональным.

На территории Оренбургского Предуралья известно пять поселений позднего бронзового века (рис. 1), на которых изучены погребения. Все поселения были исследованы археологами Оренбургского государственного педагогического

университета (Файзуллин, 2015). В статье дана их комплексная характеристика, анализируются источники и вероятные версии появления указанной погребальной практики.

Характеристика погребений на поселениях Оренбургского Предуралья

Родниковое поселение. Погребение находилось в центре поселения и было стратиграфически привязано к жилищу и скоплению камней на 7-м участке раскопа (Купцова, Файзуллин, 2012. С. 95). Оно представляло собой детское захоронение, погребенный лежал скорченно на левом боку, головой ориентирован на северо-восток, руки находились перед лицом (рис. 2, 1).

II Кузьминковское поселение. На площади жилища обнаружена яма 4 (овальной формы; размеры на уровне пола 1,04 × 1,30 м, глубина -1,24 м от уровня пола; в придонной части расширяется), являвшаяся захоронением. На дне лежал скелет человека в сильно скорченном положении, головой на запад. Кисть левой руки протянута к ступням, кисть правой находилась у колен. На теменной части черепа имелись два подтреугольных отверстия, череп был проломлен в древности. За спиной лежали альчики КРС. В заполнении ямы часто попадались угольки, куски обожженной глины, мел (рис. 2, 2). Вероятно, погребенный

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

² Оренбургский государственный педагогический университет; Оренбург, Россия; e-mail: ildar-1988@mail.ru.
© Файзуллин И. А., 2024

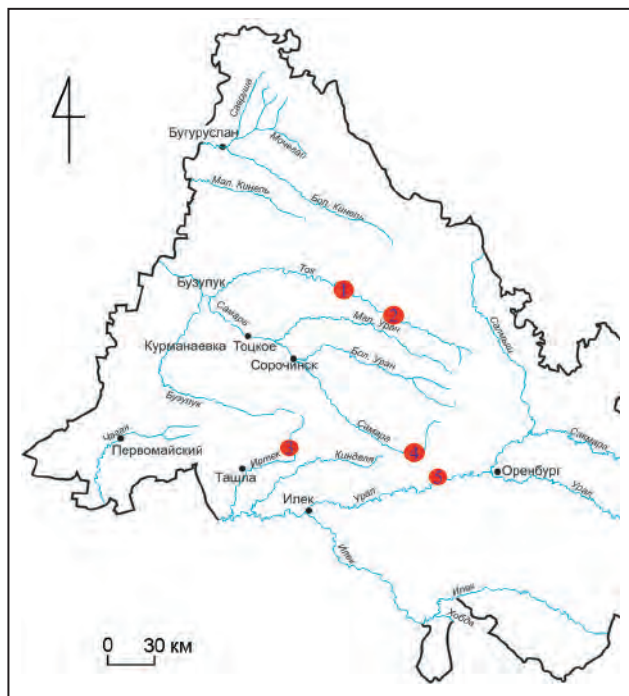

Рис. 1. Поселения на территории Оренбургской области, на которых исследованы погребения: 1 — Малоюлдашевское; 2 — Токское; 3 — II Кузьминковское; 4 — Покровское; 5 — Родниковое

Fig. 1. Settlements on the territory of the Orenburg Oblast, where the burials were investigated: 1 — Maloyuldashevskoe; 2 — Tokskoe; 3 — II Kuz'minkovskoe; 4 — Pokrovskoe; 5 — Rodnikovoe

был связан и убит, а затем захоронен в узкой яме под полом жилища. Хронологическую позицию данного комплекса определить достаточно сложно в силу отсутствия инвентаря, однако исследователи памятника отнесли постройку к концу эпохи бронзы (Моргунова и др., 2001. С. 99–105).

Покровское поселение. На площади жилища был открыт колодец, на дне которого найден вдавленный в песчаное дно скелет ребенка. Череп лежал на левом боку, теменем на запад. Положение скелета установить не удалось по причине нахождения его в воде, которая непрерывно поступала в колодец. Обломки черепа и лопатки взрослого человека были обнаружены и около очага (Порохова, 1989).

Токское поселение. На площади поселения исследована одна постройка, на дне котлована которой были обнаружены кости человеческих скелетов, находившиеся в беспорядочных скоплениях вокруг ямы-колодца и в северо-западной части строения. Только в трех местах зафиксировано положение скелетов.

Погребение 1 (скопление костей человека I) располагалось в северо-западной части постройки на материковом дне (-1,30 м от нуля). Сохранилась

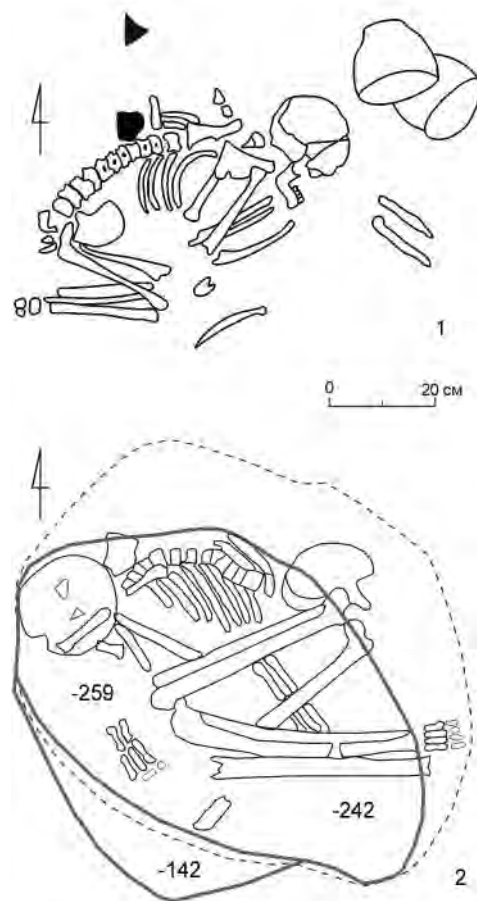

Рис. 2. Погребения на Родниковом (1) и II Кузьминковском (2) поселениях

Fig. 2. The burial at the Rodnikovoye (1) and II Kuz'minkovskoye (2) settlements

нилась верхняя часть скелета (рис. 3). Кости рук и части позвоночника сохранили правильное анатомическое положение. Грудная клетка и череп представлены отдельными фрагментами. Предположительно погребенный лежал на спине, головой на северо-запад, руки сильно согнуты в локтях, кисть правой руки, видимо, лежала на груди, левой — перед лицом. Обнаружены отдельные ребра, грудные и шейные позвонки, одна ключица, кости черепа (два фрагмента черепной коробки, основание черепа и нижняя челюсть). Ключица, обе плечевые кости в верхней части, предплечье левой руки от середины до соединения с кистью, череп частично обожжены до темно-коричневого или черного цвета. Предплечье правой руки, ребра и позвоночник воздействию огня не подвергались. Земля под костями не имеет прокала. Зубы сохранившейся нижней челюсти были намеренно повреждены; корни зубов находились в гнездах, а коронки были

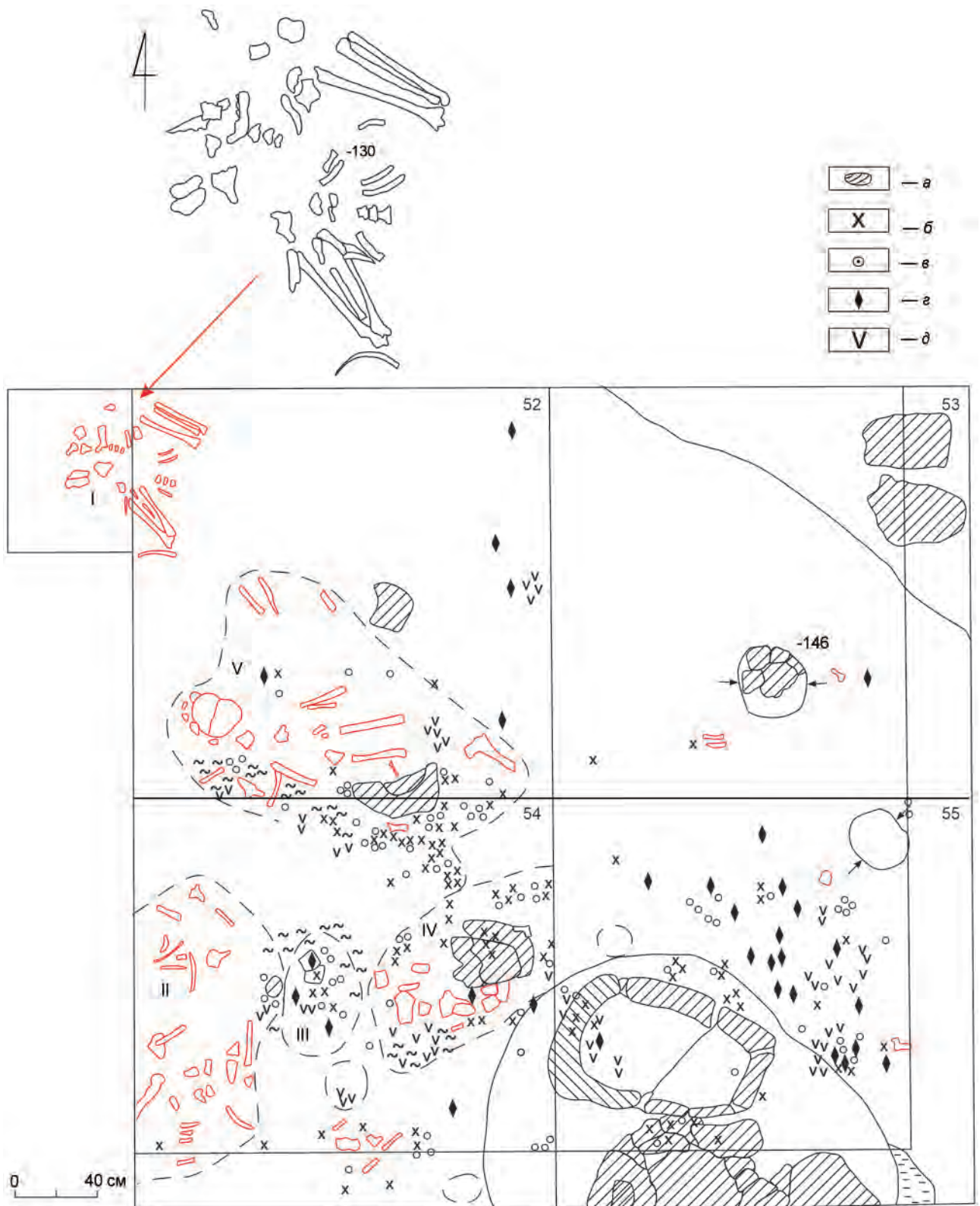

Рис. 3. Погребения под полом жилища Токского поселения (I-V — развалы скелетов; а — камни; б — керамика; в — кость; г — медный шлак; д — уголь)

Fig. 3. Burials under the floor of the Tok settlement dwelling (I-V — disrupted skeletons; а — stones; б — ceramics; в — bone; г — copper slag; д — coal)

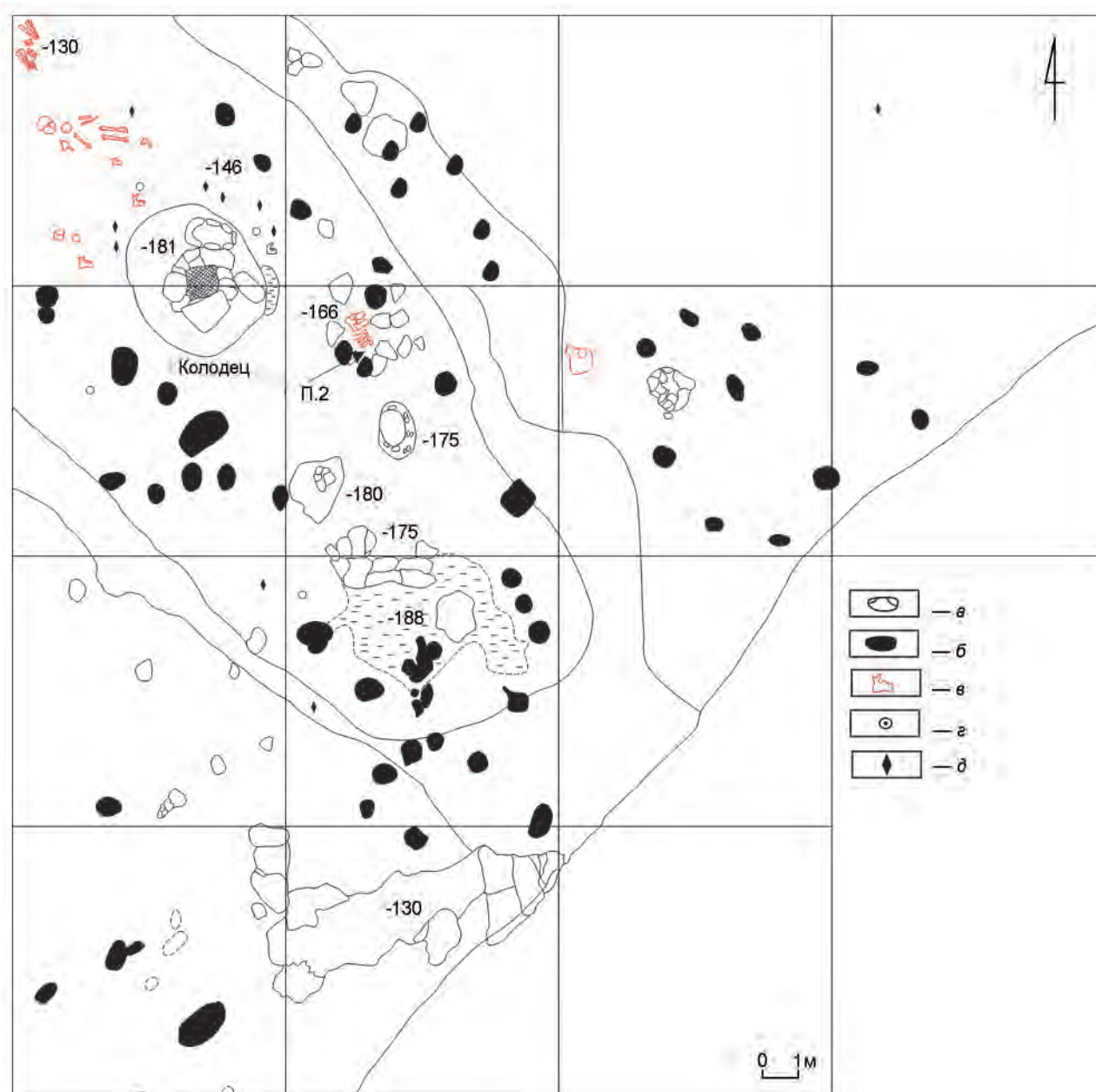

Рис. 4. Погребение 2 под полом жилища Токского поселения (а — камни; б — столбовые ямы (часть — неясного происхождения); в — части скелетов людей; г — кальцинированная кость; д — медный шлак; П. — погребение)

Fig. 4. The burial 2 under the floor of the Tok settlement dwelling (a — stones; б — pillar pits (partly of unclear origin); в — parts of human skeletons; г — calcined bone; д — copper slag; П. — burial)

сбиты. Целыми остались только крайние коренные зубы 1 и 2 с каждой стороны³. Кости принадлежали мужчине 40–50 лет. Среди костей были обнаружены пять мелких фрагментов керамики и 15 обломков костей животных, из которых одна обожжена.

³ Более точное определение оставшихся коренных зубов невозможно, так как антропологическая коллекция в настоящее время недоступна для исследователей.

Погребение 2 располагалось в средней части постройки, у стены, между столбовыми ямами на уровне дна котлована (рис. 4). Оно было окружено камнями и, видимо, присыпано землей. Все кости расположены в правильном анатомическом порядке. Была захоронена отчлененная часть скелета — череп и верхняя часть позвоночника. Череп лежал на левом боку, теменем на северо-запад. На месте лежали нижняя челюсть, лицевая часть и основание черепа с верхней челюстью,

несколько фрагментов черепной коробки. Теменная и затылочная части черепа находились в стороне от погребения на расстоянии 1 м. Коренные зубы целые, передние на верхней челюсти имеют потрескавшуюся разрушенную эмаль; на нижней челюсти эмаль разрушена на резцах. Сохранились полностью шейные позвонки и четыре грудных, к которым присоединялись основания ребер. Грудная клетка была отсечена, сломы на ребрах старые, неровные. Кости не обожжены. Под камнем рядом с черепом найден уголек и углистое пятно. За этим камнем находился крупный фрагмент сосуда с вогнутым внутрь венчиком.

Погребение 3 (скопление костей человека V) располагалось рядом с погребением 1, в северо-западной части постройки на материковом полу. Погребение полностью разрушено. В данном скоплении находился череп с нижней челюстью хорошей сохранности, зубы не повреждены; две бедренные кости; две большеберцовые без суставной головки; одна малая берцовая; два фрагмента плечевых костей; обломок лопатки. Кости не обожжены. По расположению костей можно предположить ориентацию погребенного головой на запад.

В других частях раскопа были обнаружены отдельные кости человека: фрагменты черепов, позвонки, тазовые, бедренные, ребра. По подсчетам нижних челюстей количество скелетов на исследуемой части поселения было не менее десяти: один из них — женщины 20–25 лет, один — ребенка 12–14 лет, остальные — мужчин, в основном 30–40 и 40–50 лет, один — 50–60 лет. Все кости залегали в культурном слое или на дне постройки и, несомненно, относятся ко времени существования поселения⁴ (Файзуллин, 2012. С. 228).

Малоюлдашевское поселение. Погребение примыкало к южной оконечности постройки 1 (Евгеньев и др., 2016. С. 46–52). Контуры могильной ямы не прослежены. Погребение представляло собой комплекс из трех скелетов взрослых людей (рис. 5; 6).

Скелет I принадлежал мужчине пожилого возраста⁵. Он покоился в положении скорченно, на правом боку, головой ориентирован на север. Кости рук погребенного были согнуты в локтях, кисти располагались напротив плечевых костей. Ноги были слабо согнуты в коленях и перекрещены таким образом, что левая нога лежала поверх

правой, за затылком скелета находилась пяточная кость КРС⁶.

В ногах скелета I был расчищен *скелет III*, принадлежавший мужчине 30–40 лет, кости были уложены компактно «в пакет». Судя по тому, что некоторые части тела скелета III находились в ненарушенном анатомическом порядке (позвоночник, лопатки и ребра), можно предположить, что тело было подвергнуто расчленению непосредственно перед захоронением. Южнее скелета III было выявлено скопление четырех передних и семи задних конечностей пяти особей овцы. Скелет III и кости овцы составляли единый жертвенный комплекс, относившийся к погребению мужчины (скелет I).

За спиной скелета I на расстоянии около 0,25 м располагался *скелет II*, который принадлежал молодой женщине. Он находился в положении «лежа на спине», ноги вытянуты, несколько отклонены влево. Скелет также ориентирован на север, лицо было повернуто в сторону мужчины. Обнаружены кости ключицы и плечевые кости рук, от которых были отделены суставы. На черепе погребенной присутствовали следы травм от проникающего орудия в виде трех сквозных округлых отверстий разной величины. Вероятно, погребенная скончалась в результате полученных травм. Женскому скелету II сопутствовал разнообразный набор артефактов (рис. 6).

Результаты и обсуждение

В позднем бронзовом веке на огромной территории Северной Евразии повсеместно распространены аналогичные погребения. Наиболее близкими в культурном плане к рассматриваемым погребениям являются материалы с поселений срубной и андроновских культур. Нельзя не отметить и захоронения на синташтинских поселениях.

Традиционно в контексте поселенческих захоронений принято разделять детские и взрослые захоронения. Считается, что детские захоронения являются принципиально другой погребальной практикой. Кроме того, они имеют отличную от взрослых захоронений причину и интерпретацию (Куприянова, 2004; 2018. С. 189). Среди представленных погребений к детским можно отнести захоронение с Родникового поселения.

В археологической литературе и на основании этнографических данных существует

⁴ Антропологические определения выполнены д-ром ист. наук А. А. Хохловым.

⁵ Антропологические определения выполнены д-ром ист. наук А. А. Хохловым.

⁶ Палеозоологические определения выполнены канд. ист. наук Н. В. Росляковой.

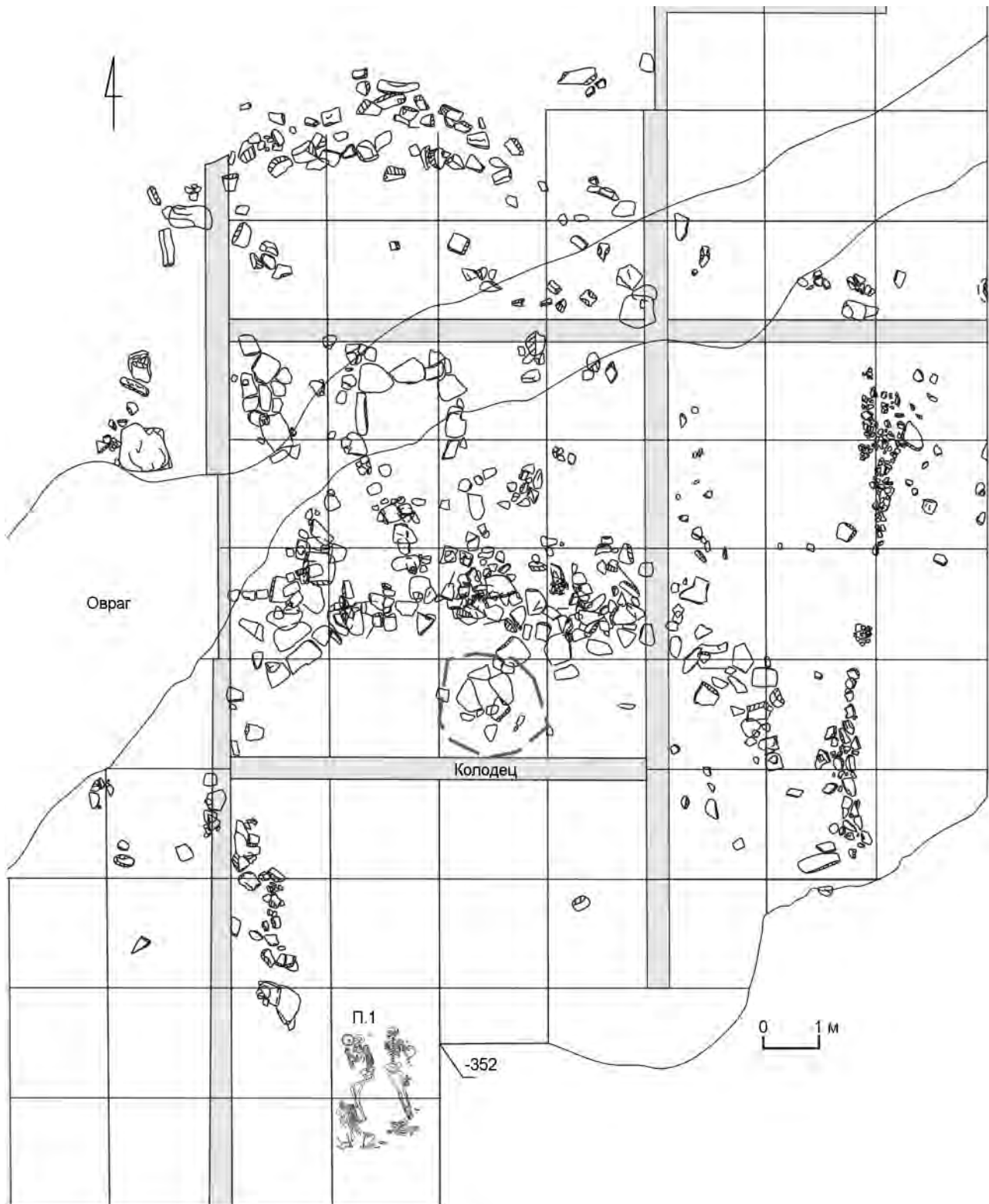

Рис. 5. Малоюлдашевское поселение. Постройка 1 (каменное основание) и примыкающее к ней погребение (П.1)
 Fig. 5. Maloyuldashevskoe settlement. Building 1 (stone base) and adjoining burial (П. 1)

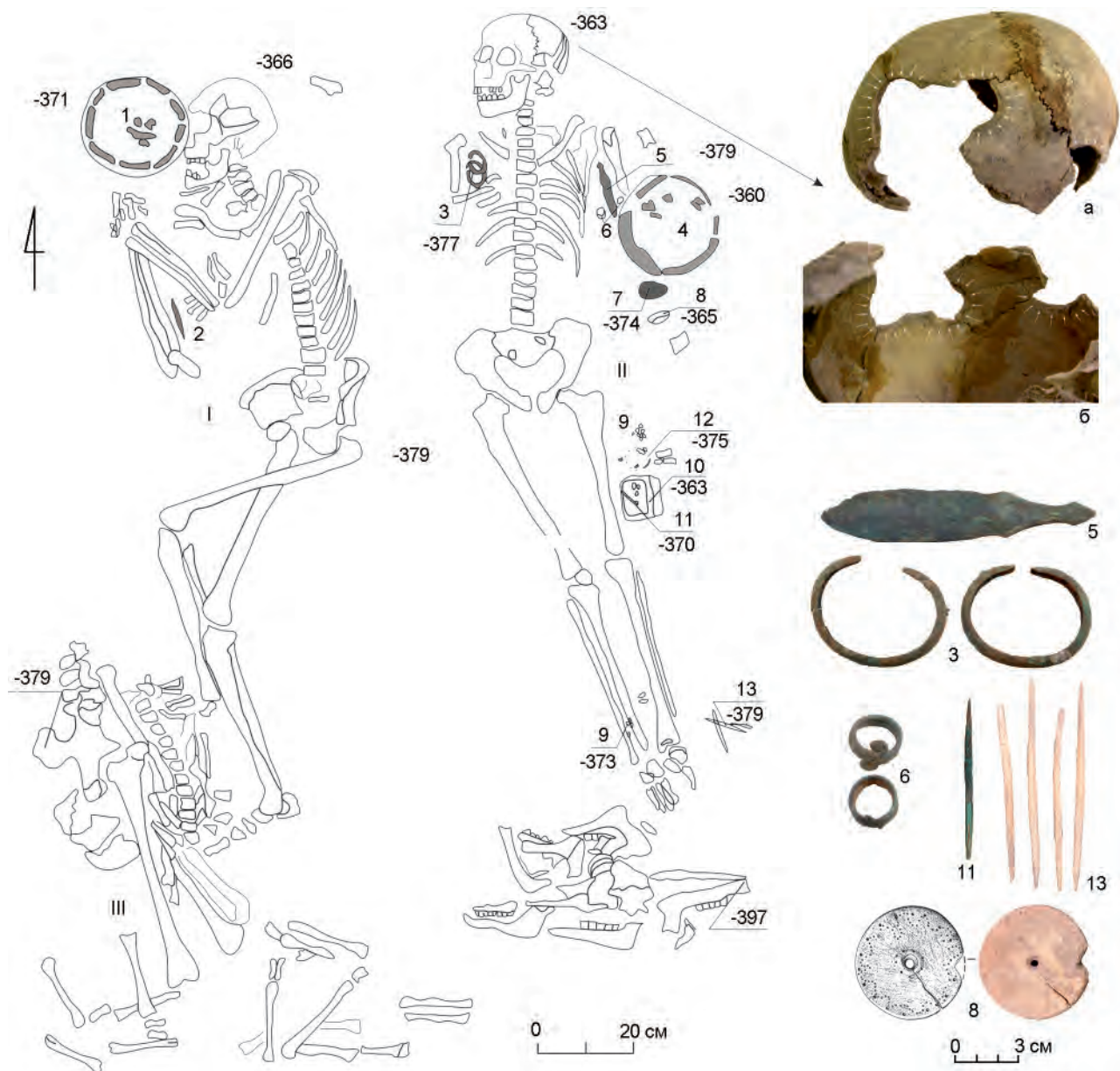

Рис. 6. Малоюлдашевское поселение. Групповое захоронение: I–III — скелеты (а, б — череп скелета II со следами манипуляций, без масштаба). Находки: 1 — сосуд 1; 2 — шило; 3 — браслеты; 4 — сосуд 2; 5 — нож; 6 — перстни; 7 — кусок смолы; 8 — диск; 9 — украшение; 10 — сосуд 3; 11 — шило; 12 — изделие из бересты и бронзовые оклады; 13 — острия. 2, 3, 5, 6, 9, 11 — бронза; 8, 13 — кость

Fig. 6. Maloyuldashevskoe settlement. Group burial: I–III — skeletons (а, б — the skull of the skeleton II with traces of manipulations, without scale). Finds: 1 — vessel 1; 2 — awl; 3 — bracelets; 4 — vessel 2; 5 — knife; 6 — rings; 7 — piece of resin; 8 — disc; 9 — ornament; 10 — vessel 3; 11 — awl; 12 — birch bark product and bronze frames; 13 — points. 2, 3, 5, 6, 9, 11 — bronze; 8, 13 — bone

несколько мнений по поводу особого отношения к детским захоронениям на поселениях. Одно из них основано на том, что это погребения детей, не прошедших определенные этапы социализации и которых нельзя было хоронить по полагающемуся для остальных жителей обряду. В то же

время известно много примеров, когда дети всех возрастов были захоронены в курганных группах наравне со взрослыми. В ряде погребений их сопровождал стабильный набор инвентаря, характерный для культур позднего бронзового века (см.: Моргунова и др., 2010; 2014). Кроме того, известны

прямые отсылки к стандартности погребений детей в характерных для населения позднего бронзового века курганных могильниках (см.: *Берсенева*, 2010).

Еще одной интерпертацией захоронения детей, которую иногда авторы приводят в качестве причины данного обряда, является социальная значимость погребенного (*Шорин*, 1991. С. 77; *Шилов*, *Маслюженко*, 2002. С. 177). Казалось бы, данный контекст больше подходит для взрослых захоронений. Исходя из возраста погребенного, его личная роль в обществе кажется незначительной. Однако исследования последних лет показывают, что социальный статус в бронзовом веке мог передаваться по наследству (*Корневский*, 2017. С. 46–48; *Файзуллин*, 2023. С. 16, 17). Вполне вероятно, что именно для детей элитных групп населения могли создавать такие комплексы, и если рассматривать каждую могилу как прообраз дома, то для таких привилегированных детей могли предоставить и существующую постройку.

Помимо вышеупомянутых вариантов интерпретаций погребения детей на территории поселений обращают на себя внимание еще несколько возможных причин этого явления. Среди них самыми интересными нам видятся следующие: попытка уберечь от смерти будущих детей (*Антонов*, 1990); сохранить фертильность женщин (*Алекшин*, 1986. С. 152, 153; *Виноградов*, *Берсенева*, 2013. С. 65); поместить умерших детей под защиту духов или следование каким-то другим религиозным культам (*Мерперт*, 1958. С. 118, 119). Все остальные версии нахождения погребальных комплексов на территории поселений могут быть связаны с тем, что они относились к разным возрастным группам.

Самой распространенной интерпретационной версией нахождения захоронений в контексте поселений, в частности в постройках, является идея строительной жертвы (*Лошакова*, 2022. С. 80; *Файзуллин*, 2012; *Горбов*, *Мимоход*, 1999. С. 28–30). Вне всякого сомнения наличие погребения внутри жилого пространства легче всего объяснить помещением его туда в момент создания постройки. Показательной этнографической аналогией являются верования древних индийцев. По их представлениям Вселенная была создана из тела первого человека Пуруши, а дом — это микрокосм, миниатюрная модель Вселенной. Таким образом, при строительстве жилища необходима сопоставимая по значимости жертва. В последующем ведические арии отказались от данного обряда. Пурушу просто рисовали на месте будущего

жилища, хотя при этом обряд ритуального убийства сохранялся при строительстве храмов и царских дворцов в некоторых областях Южной Азии вплоть до начала XX в. (*Кузьмина*, 1994. С. 94–96).

Однако, исходя из имеющихся данных, не всегда понятно, когда именно было совершено погребение. Ряд авторов в своих работах указывают на невозможность определения времени совершения обряда захоронения, что вполне объяснимо. Особенностью большинства степных бытовых памятников Евразии эпохи поздней бронзы является отсутствие четкой стратиграфии, а также их многослойность (*Епимахов*, 2013; *Файзуллин*, 2014).

Приведенные выше поселения также были многослойными, материалы разных культур и хронологических групп залегали в одних и тех же горизонтах. На трех из пяти поселений (Родниковое, Токское, Малоюлдашевское) в датировке погребений не возникает сомнений по причине наличия в них инвентаря. На Покровском поселении датировка также не вызывает затруднений из-за абсолютного доминирования срубной и срубно-алакульской керамики, которые имеют общую хронологическую позицию. Сложность вызывает датировка погребения с Кузьминковского поселения, где материалы раскопок представлены началом позднего бронзового века и финалом эпохи бронзы.

Те же сложности возникают при попытке датировать постройку на основе погребального комплекса. Так, на Малоюлдашевском поселении погребение четко датируется периодом существования синташтинской культуры, в то время как основной массив материала представлен находками срубной культуры. Кроме того, и в слое поселения присутствует синташтинская керамика, аналогичная той, которая обнаружена в погребении. Если исходить из того, что постройку соорудили в период бытования срубной культуры, то, несомненно, строители знали о наличии данного захоронения. Основание постройки сделано из массивных каменных блоков, при их перемещении в момент строительства при такой незначительной глубине могилы они бы ее разрушили.

Можно сделать несколько предположений о том, как именно появились постройка и захоронение в ней.

1. Погребенные были частью ритуала закладки постройки. В этом случае данные хронологии дают нам возможность предполагать, что на определенном этапе развития поселения здесь могли сосуществовать носители срубной культуры раннего этапа и синташтинской культуры.

Радиоуглеродные даты, полученные в последние годы, не исключают такую возможность (см.: *Молдин и др.*, 2014).

2. Население возводило постройку, зная о наличии погребения. Тогда можно думать, что здесь имела место дань уважения к своим предкам: люди строят свое жилище над столь богатым захоронением и готовы жить рядом с могилой.

3. Строители даже не подозревали о наличии погребения.

4. Хоронили знатного члена общества, а вместе с ним — двух зависимых людей с богатым инвентарем, а создание постройки приурочивали к данному событию.

Пример Малоюлдашевского погребения наиболее ярко показывает сложность интерпретации погребального контекста в жилом пространстве. При этом необходимо учитывать тот факт, что по меньшей мере два человека из погребенных здесь умерли не своей смертью.

В связи с этим стоит затронуть еще одну распространённую версию нахождения погребений на территории древних поселений — в качестве свидетельства жертвоприношения.

В древности человеческие жертвоприношения имели широкое распространение. На Кузьминковском поселении человек был убит либо обезврежен⁷ ударом в голову, о чем свидетельствуют характерные следы на черепе. На Малоюлдашевском поселении два человека стали жертвами или были подвергнуты посмертному обезвреживанию.

Скотоводы позднего бронзового века, вероятно, остро чувствовали свою зависимость от природы. Попытка противопоставить что-либо негативному воздействию природы или оказать определенное воздействие на ее «отношение» к конкретному коллективу выражалась в особых религиозных ритуалах, включавших в себя обряд жертвоприношения. Причем подобные явления сохранялись у некоторых народов длительное время.

Описанный в Ригведе обряд «пурушамедха» — жертвоприношение наиболее влиятельных членов социума — очень ярко свидетельствует о важности такого ритуала. Вождь (шаман, герой) должен был и после смерти заботиться о коллективе (*Ткачев*, 1992. С. 160, 161). Принесение себя в жертву ради интересов племени могло считаться почетным, однако зачастую умерщвление

⁷ Обезвреживание — манипуляция с телом покойного, которая состоит в преднамеренном его повреждении из-за боязни негативных действий усопшего (или его духа) в отношении общества.

могло происходить без согласия жертвы, если на такой смерти «настаивали» другие члены коллектива. При этом следует отметить, что захоронение авторитетного члена социума, душу которого желали сохранить возле себя, могло сопровождаться и страхом перед его душой. Тело вряд ли имело посмертную силу: для обезвреживания оно подвергалось связыванию или целенаправленному искажению анатомического порядка, что мы наблюдаем на примере рассматриваемых погребений.

По наиболее универсальным понятиям принесение в жертву человека имело значение искупления и очищения, вызывалось стремлением добиться благоденствия, предотвратить неурожай и эпидемии (*Шилов, Маслюженко*, 2002). Нельзя исключать и возможность добровольного принесения себя в жертву во благо всего рода или коллектива. Малочисленность же подобных захоронений, возможно, показывает экстраординарный характер человеческих жертвоприношений. Подобные ритуалы были отмечены в культурах степной Евразии с энеолита и продолжали существовать в эпоху бронзы и последующие периоды (*Усманова, Мерц*, 2021. С. 139).

Однако не все погребения на территории поселений исследователи склонны относить к ритуальным действиям. Останки людей, обнаруженные на Токском поселении, которые ранее также рассматривались (*Файзуллин*, 2012) в данном контексте, вполне могут быть следами военных конфликтов. На целой серии андроновских поселений отмечены следы военных действий (*Чемякин*, 2015. С. 169). По мнению автора, в ходе столкновений поселения могли быть полностью уничтожены, и хоронить погибших было некому. Вероятность такого развития событий вполне допустима, учитывая тот факт, что на поселении Токское, видимо, проживали «профессиональные» металлурги (*Ankushev et al.*, 2020). Результаты их труда вполне вероятно стали целью захватчиков. А сам контекст нахождения более 10 погребений на уровне пола постройки может свидетельствовать о том, что погребенных сложили в доме и сожгли после нападения. Однако при всей логичности аргументации мы не можем исключать и другие варианты, связанные с наличием этого захоронения.

Подводя итог, необходимо отметить, что археологи отмечают лишь кульминацию столь сложных ритуалов, как жертвоприношение или закладка жилища. Действия, сопровождающие погребение, а также обряды, следующие за ним, остаются неизвестными. Объяснения характера

обращения с покойными всегда будут неоднозначными и гипотетическими. Каждая из представленных версий имеет свои слабые и сильные стороны, которые могут быть подкреплены этнографическими наблюдениями и более тщательной работой в ходе полевых исследований. Не вызы-

вает сомнений лишь факт стабильного и целенаправленного использования тела человека как объекта в ритуальных действиях. На территории степной Евразии в позднем бронзовом веке он отмечен практически на каждом поселении, раскопанном большими площадями.

- Алекшин, 1986 — Алекшин В. А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л.: Наука, 1986. 191 с.
- Берсенева, 2010 — Берсенева Н. А. Социализация детей как одно из направлений социокультурной адаптации в древних обществах (по материалам синташтинской культуры) // Уральский исторический вестник. 2010. № 2. С. 38–45.
- Виноградов, Берсенева, 2013 — Виноградов Н. Б., Берсенева Н. А. Интрамуральные захоронения детей на поселениях первой трети II тыс. до н. э. (в Южном Зауралье) // АЭАЕ. 2013. № 3. С. 59–67.
- Горбов, Мимоход, 1999 — Горбов В. Н., Мимоход Р. А. Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А. Н. Усачук. Донецк: Украинский культурологический центр, 1999. С. 24–70.
- Евгеньев и др., 2016 — Евгеньев А. А., Купцова Л. В., Мухаметдинов В. И., Рослякова Н. В., Усачук А. Н., Файзуллин И. А., Хохлов А. А. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2016. 196 с.
- Епимахов, 2013 — Епимахов А. В. Результаты радиоуглеродного датирования материалов поселения Устья // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. Гл. 13. С. 388–393.
- Корневский, 2017 — Корневский С. Н. Феномен детских погребений с оружием в эпоху медно-бронзового века // Археологические памятники Оренбуржья. 2017. Вып. 13. С. 41–49.
- Кузьмина, 1994 — Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? М: Восточная литература, 1994. 464 с.
- Куприянова, 2004 — Куприянова Е. В. К вопросу о причинах детских коллективных захоронений в некрополях бронзового века Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы II регион. науч.-практ. конф. / Отв. ред. А. Д. Таиров. Челябинск: Рифей, 2004. С. 82–84.
- Куприянова, 2018 — Куприянова Е. В. Альтернативные погребальные практики: погребения людей на поселениях бронзового века // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии: Сб. науч. трудов к 80-летию Г. Б. Здановича / Отв. ред. Д. Г. Зданович. Челябинск: Изд-во Челябинского ГУ, 2018. С. 184–197.
- Купцова, Файзуллин, 2012 — Купцова Л. В., Файзуллин И. А. Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. 2012. Вып. 10. С. 70–100.
- Лошакова, 2022 — Лошакова Т. Н. Погребения на поселениях эпохи бронзы Северо-Восточного Прикаспия // Археология Казахстана. 2022. № 4 (18). С. 73–83.
- Мерперт, 1958 — Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II. М.: Наука, 1958 (МИА; № 61). С. 45–157.
- Молодин и др., 2014 — Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского ГУ. Серия «История и филология». 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.
- Моргунова и др., 2001 — Моргунова Н. Л., Халяпин М. В., Халяпина О. А. II Кузьминковское поселение эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. 2001. Вып. 5. С. 99–126.
- Моргунова и др., 2010 — Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Дегтярева А. Д., Евгеньев А. А., Купцова Л. В., Салугина Н. П., Хохлова О. С., Хохлов А. А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2010. 160 с.
- Моргунова и др., 2014 — Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Евгеньев А. А., Крюкова Е. А., Купцова Л. В., Рослякова Н. В., Салугина Н. П., Турецкий М. А., Хохлова О. С., Хохлов А. А. Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2014. 172 с.
- Порохова, 1989 — Порохова О. И. Срубно-алакульское Покровское поселение в Западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железного века Южного Приуралья и Нижнего Поволжья / Под ред. Ю. А. Морозова, А. Х. Пшеничнюка. Уфа: Башкирский НЦ УрО АН СССР, 1989. С. 60–71.
- Ткачев, 1992 — Ткачев В. В. Погребение жреца в Актыбинской области (к вопросу о социальной структуре арийского общества) // Древняя история населения

- Волго-Уральских степей: Межвуз. сб. науч. ст. / Отв. ред. А. Т. Синюк. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 1992. С. 156–166.
- Усманова, Мерц, 2021 — Усманова Э. Р., Мерц В. К. Ритуальная модель «погребение в жилом пространстве» от энеолита до средневековья (по материалам поселений Верхнего Притоболья, Сарыарки и Прииртышья) // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 4. С. 138–142.
- Файзуллин, 2012 — Файзуллин И. А. Погребения на поселениях эпохи бронзы на территории Западного Оренбуржья // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14, № 3. С. 226–230.
- Файзуллин, 2014 — Файзуллин И. А. Керамика раннего этапа эпохи поздней бронзы по материалам бытовых памятников Западного Оренбуржья // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): Материалы междунар. науч. конф. (Самара, 12–14 мая 2014 г.) / Отв. ред. П. Ф. Кузнецов. Самара: Изд-во Поволжской гос. соц.-гум. академии, 2014. С. 123–125.
- Файзуллин, 2015 — Файзуллин И. А. История изучения бытовых памятников срубной культуры в Западном Оренбуржье // ПИФК. 2015. № 2 (48). С. 137–142.
- Файзуллин, 2023 — Файзуллин А. А. Пол, возраст и статус в погребальных комплексах населения ямной культуры Волго-Уралья // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 11–24.
- Чемякин, 2015 — Чемякин Ю. П. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы VI Всерос. науч. конф. (Челябинск, 28 сентября — 2 октября 2015 г.) / Отв. ред. А. Д. Таиров. Челябинск: б. и., 2015. С. 169–176.
- Шилов, Маслюженко, 2002 — Шилов С. Н., Маслюженко Д. Н. Энеолитическое захоронение Гладунино-3 в системе доандроновского погребального обряда // Вопросы археологии Урала. 2002. Вып. 24. С. 165–191.
- Шорин, 1991 — Шорин А. Ф. Доандроновское погребение могильника Березки V в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала / Отв. ред. Л. Я. Крижевская. Свердловск: [Уральское отделение АН СССР], 1991. С. 68–79.
- Ankushev et al., 2020 — Ankushev M., Faizullin I., Artyemyev D., Blinov I. Metalworking and metallurgical slags in the Late Bronze Age settlement Tokskoe // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy-2020: Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham, 2022. P. 41–52. DOI: 10.1007/978-3-030-86040-0_4.

Human burials at the Late Bronze Age settlements on the territory of the Orenburg Urals

I. A. Fayzullin⁸

Keywords: Orenburg Urals, Late Bronze Age, burials at settlements, ritual, sacrifice, building traditions

Five settlements of the Late Bronze Age are known in the Orenburg Urals, where burials have been studied. The article gives their complex characteristics, analyzes the sources and probable versions of the appearance of the mentioned burial practice. In the context of settlement burials it is traditionally accepted to divide children's and adults' burials. It is believed that their appearance is conditioned by different purposes in ritual practice. The burial from the Rodnikovoye settlement can be classified as a child burial. The most common interpretations of this type of burials are: to protect future children from death; high social status of buried children; preservation of fertility; placing dead children under the protection of spirits or some other religious cults. All other cases of burial complexes' finding on the territory of settlements can be associated with different age groups. The most common version of burials' finding at settlements, and particularly in buildings, is the idea of a construction sacrifice. However, based on the available data, it is not always clear when exactly the burial took place. Equally popular among researchers is the idea of sacrifices. However, archaeologists note only the culmination of such complex ritual operations as a sacrifice or the laying of a dwelling. The actions accompanying the burial rite, as well as the rituals following it, remain unknown. Each of the presented versions of the treatment of the dead has its own weaknesses and strengths, which can be supported by ethnographic observations and more thorough work during field research.

⁸ Ildar A. Faizullin — Orenburg State Pedagogical University; Orenburg, Russia; e-mail: ildar-1988@mail.ru.

Погребение людей и собак в хозяйственной яме кизил-кобинского поселения Сарандинакино-2 в Юго-Западном Крыму

Т. В. Сарапулкина, В. П. Власов, В. А. Тихомиров¹

Аннотация. В статье охарактеризован комплекс с останками мужчины и женщины, а также двух собак, обнаруженный в хозяйственной яме 1 кизил-кобинского поселения начала IV в. до н. э. Сарандинакино-2 в Юго-Западном Крыму. Сделано предположение, что это коллективное погребение ритуального характера, видимо, сакральный погребально-жертвенный комплекс, который мог быть связан с окончанием использования зерновой ямы.

Ключевые слова: Крым, ранний железный век, кизил-кобинская культура, поселение, хозяйственная яма, погребения людей и собак.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-45-108-117

В специальной литературе принято считать, что носители кизил-кобинской археологической культуры², распространенной в Крыму в раннем железном веке, традиционно хоронили своих умерших по обряду ингумации в скорченном положении на боку в погребальных сооружениях в виде каменных ящиков, скопления которых образовывали древние кладбища (Бонч-Осмоловский, 1926. С. 77, 91, 92, 94; 1929. С. 165–169; Лесков, 1965. С. 50, 51, 144; Крис, 1966; 1981. С. 34, 35, 37, 40; Колотухин, 1996. С. 30, 31, 33; Бу-ров, 2006. С. 111; Храпунов, 2007. С. 73; Вальчак, 2009. С. 662; Колтухов, Зайцев, 2019. С. 127–129). А. А. Щепинский высказывал по этому поводу особое мнение. Он полагал, что многократные скорченные захоронения на боку в могильниках из каменных ящиков совершали тавры, а отличавшиеся от них «кизил-кобинцы» практиковали вытянутые на спине индивидуальные подкурган-

ные ингумации в катакомбах и подбойных могилах (Щепинский, 1987. С. 82–94).

В связи с вопросом о конструкциях и сооружениях, которые тавры использовали для совершения захоронений, представляется актуальным обращение к малоосвещенной теме сокрытия усопших в хозяйственных ямах поселений. Известны случаи присутствия в ямах отдельных костей, а также разрозненных, частично сохранившихся и анатомически целых человеческих скелетов. Значительно реже в ямах встречались скелеты собак, а присутствие останков людей вместе со скелетами собак зафиксировано в единственном случае — на поселении Сарандинакино-2 в Юго-Западном Крыму. Предлагаемая статья посвящена публикации³ и попытке интерпретации данного комплекса.

Поселение кизил-кобинской культуры Сарандинакино-2 открыто в 1992 г. Олегом Яковлевичем Савелей — многолетним бессменным руководителем Севастопольской экспедиции Херсонесского

¹ Сарапулкина Т. В. — Севастопольский государственный университет; Севастополь, РФ; e-mail: sarapulkina@mail.ru; Власов В. П., Тихомиров В. А. — Институт археологии Крыма РАН; Симферополь, Республика Крым; e-mail: vlasov_vladimir@mail.ru, tihomirov.va1985@gmail.ru.

© Сарапулкина Т. В., Власов В. П., Тихомиров В. А., 2024

² При сохраняющейся дискуссионности вопроса авторы склонны видеть в них тавров античных письменных и эпиграфических источников.

³ Краткое описание комплекса приведено О. Я. Савелей в обзоре о работах Севастопольской экспедиции ХГИАЗ в 1993 г., но расширенный вариант текста и графические материалы публикуются нами впервые. В связи с этим авторы выражают искреннюю благодарность за помощь в подготовке работы заведующему научно-архивным отделом ФГБУК «ГИАМЗ „Херсонес Таврический“» Т. А. Прохоровой.

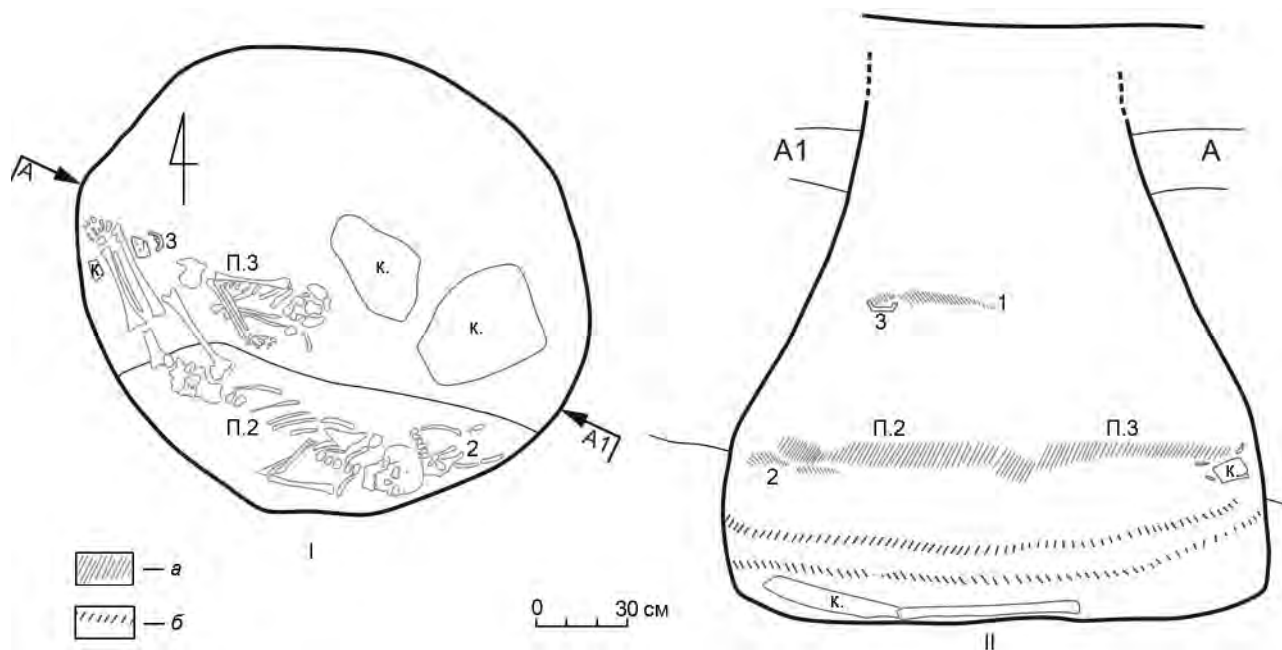

Рис. 1. Поселение Сарандинакино-2, Юго-Западный Крым. Хозяйственная яма 1, план (I) и разрез (II) (1 — собака, погребение 1; 2 — собака, погребение 4; 3 — керамика; П. — погребение; к. — камни; а — костные останки; б — светлые прослойки органического тлена). Чертежи подготовлены авторами по: Савеля, 1994. Л. 141, 142

Fig. 1. The settlement Sarandinakino-2, the South-Western Crimea. Household pit No. 1, plan (I) and section (II) (1 — dog, burial 1; 2 — dog, burial 4; 3 — ceramics; П. — burial; к. — stones; а — bone remains; б — light layers of organic decay). Drawings prepared by the authors after Савеля, 1994. Л. 141, 142

государственного историко-археологического заповедника⁴. Памятник располагался в верховьях Сарандинакиной балки, между 5-м и 6-м км Балаклавского шоссе в зоне индивидуальной жилой застройки на территории Балаклавского района г. Севастополя. Ранние материалы памятника связаны с поселением катакомбной культурно-исторической общности среднего бронзового века, а в античное время здесь зафиксированы агротехнические сооружения херсонесского земельного надела (№ 338). Таким образом поселение кизилкобинской культуры существовало до размежевки земель ближней хоры, предпринятой в Херсонесе во второй половине IV в. до н. э. (Савеля, 1994б. С. 236).

В 1993 г. на доступной для изучения площади поселения Сарандинакино-2 О. Я. Савеля произвел контрольный осмотр сохранившейся

части памятника, заложил раскоп площадью 170 кв. м, а также доследовал остатки нескольких хозяйственных ям, профили которых виднелись в бортах котлованов, вырытых под фундаменты домов, в том числе и хозяйственной ямы 1, которая скрывала уникальный комплекс с останками людей (мужчины и женщины), а также двух собак.

Сохранившаяся часть округлой в плане и грушевидной в разрезе хозяйственной ямы 1 обнаружена в южном борту одного из котлованов (уничтожившего на две трети ее северную часть). Размеры: реконструируемые диаметры верхней части — 0,85 м, дна — 1,8 м, глубина от современной дневной поверхности (СДП) — 2,1 м (рис. 1). Стратиграфические контексты зольно-суглинистого заполнения хозяйственной ямы 1 включали обломки бутового камня, древесный уголь, а также фрагменты костей домашних животных (мелкого рогатого скота, свиньи) и кур. Из археологических материалов встречены фрагменты профильных частей лепных сосудов: донья, верхние части и венчики горшков (один с насечками на венчике), край миски, стенки сосудов с врезным и точечным декором, а также кремневый отщеп и створка раковины устрицы.

⁴ У первооткрывателя памятника О. Я. Савели данное поселение значится либо как «5-й км Балаклавского шоссе» (Савеля, 1993. Л. 34, 35; 1994а. Л. 37–39), либо как поселение «у Сарандинакиной балки» (Савеля, 1994б. С. 236). Используемое нами для краткости название поселения «Сарандинакино-2» заимствовано у Э. А. Кравченко (2011. С. 248, каталог № 31).

На глубине 0,9–1,0 м от СДП в заполнении ямы зафиксирован скелет собаки⁵ (погребение 1)⁶, частично пострадавший при рытье котлована (рис. 1, 1). Собака лежала в южном секторе ямы на правом боку, головой на восток, с поджатыми передними лапами. Под черепом животного зафиксирован фрагмент лепного сосуда (рис. 1, 3).

Останки двух человек⁷ обнаружены на 0,45 м ниже скелета собаки.

Частично разрушенный скелет мужчины примерно 25 лет (погребение 2) лежал в южном секторе ямы у стенки в слабоизогнутом положении на спине, головой на восток, лицом к югу. Левая рука согнута в локтевом суставе, кисть — на груди, правая рука вытянута. Ноги вытянуты.

Фрагментированный скелет женщины примерно 20 лет (погребение 3), лежал на одном уровне с погребением 2, рядом с ним (с северной стороны со смещением к западу), на левом боку, головой на восток, лицом к югу. Руки согнуты в локтях, кисть правой руки придвинута к лицу, кисть левой — просунута под голову. Кости нижних конечностей уничтожены при выборке котлована. В области таза погребенной присутствовали частицы охристой глины.

К востоку от черепа мужского погребения 2 и частично под ним, головой на восток, лежал скелет второй собаки (погребение 4) (рис. 1, 2).

Единый ярус погребений людей и собаки (погребения 2–4) располагался в заполнении хозяйственной ямы на 0,4–0,5 м выше ее дна. Этот ярус подстилал массив зеленовато-желтой глины с небольшими плоскими камнями, видимо, являвшийся остатками обрушившейся каменной обкладки устья ямы и глиняной обмазки ее стенок. На дне ямы, под прослойками органического тлена, обнаружены крупные обломки известняковой плиты, судя по всему от упавшей внутрь ямы и разбившейся крышки. Погребальный инвентарь у людей и собак отсутствовал (см.: *Савеля*, 1994а. Л. 37–39; 1994б. С. 236).

По находкам фрагментов античных амфор и чернолаковой посуды, а также орнаментированных кизил-кобинских сосудов из заполнения

хозяйственных ям О. Я. Савеля датировал поселение Сарандинакино-2 началом IV в. до н. э. (*Савеля*, 1994б. С. 236). В свою очередь Э. А. Кравченко отнесла время его существования ко второй половине VI — концу V в. до н. э. (*Кравченко*, 2011. С. 96). Авторы статьи склоняются к датировке, предложенной автором раскопок (начало IV в. до н. э.).

* * *

В полевом отчете о раскопках поселения Сарандинакино-2 в 1993 г. О. Я. Савеля никак не охарактеризовал открытый им в хозяйственной яме 1 комплекс. Лишь в обзоре о работах Севастопольской экспедиции он написал, что засыпь ямы «перекрывала парное захоронение мужчины и женщины» и в ней были скелеты собак (*Савеля*, 1994б. С. 236).

Иного взгляда придерживается Э. А. Кравченко, которая комплекс из хозяйственной ямы 1 Сарандинакино-2 погребением не считает. Несмотря на то что скелеты людей и собак лежали в анатомическом порядке, здесь, по ее мнению, нет ничего, что указывало бы на определенный ритуал, кроме скорченной позы скелетов. Как полагает исследовательница, это просто сброшенные в яму и засыпанные землей с мусором трупы (*Кравченко*, 2011. С. 97).

С этим мнением трудно согласиться. Останки людей и собак в хозяйственной яме 1 Сарандинакино-2 вне всякого сомнения представляют собой намеренное коллективное погребение. Об этом свидетельствуют сохранившиеся части анатомически целых скелетов и размещение похороненных в яме на одной глубине (на предварительно подготовленном уровне). Однако нужно принимать во внимание, что, по сравнению с «классическими» таврскими захоронениями, это погребение парное, совершено не на кладбище и без соблюдения нормативной погребальной практики, то есть девиантное.

В специальной литературе высказано мнение (*Журавлев и др.*, 2016. С. 34, 35), что обнаруженные в хозяйственных ямах скелеты людей, а также собак являются результатом бытовой утилизации разлагающихся тел, обусловленной соблюдением санитарно-гигиенических норм. Это вполне допустимо, но не всегда правомерно, особенно в отношении собак, при интерпретации останков которых необходимо учитывать контексты находок. Напомним, что верхней собаке (погребение 1) из Сарандинакино-2 перед ее укладкой в яму под голову положили фрагмент сосуда. Вряд ли

⁵ Палеозоологические определения собак не проводились.

⁶ Нумерация погребений в хозяйственной яме 1 поселения Сарандинакино-2 авторов статьи.

⁷ Палеоантропологические определения выполнены сотрудником Херсонесского гос. историко-археологического заповедника А. В. Ивановым.

это стали бы делать, стремясь просто избавиться от тела мертвого животного.

Оценивая выявленный в хозяйственной яме 1 Сарандинакино-2 комплекс, следует отметить, что в Крыму прямые аналогии отсутствуют. Среди материалов кизил-кобинской культуре этот комплекс тоже выделяется: единственный с парным захоронением людей (все остальные известные человеческие погребения в хозяйственных ямах индивидуальны); в одной яме с людьми присутствовали две собаки (прежде не встречено); впервые зафиксировано расположение погребенных в южном секторе хозяйственной ямы. Необычно и сочетание в одном комплексе разных поз погребенных.

Как и большинство погребенных в кизил-кобинских хозяйственных ямах людей, похороненные в Сарандинакино-2 не имели сопутствующего погребального инвентаря, но отметим наличие здесь частиц охристой глины в области таза погребенной женщины, которые вряд ли случайны. Кусочки охристой глины известны еще в одном захоронении молодой (до 20 лет) женщины, открытом О. Я. Савелей в хозяйственной яме этого же поселения, Сарандинакино-2, в 1992 г. (Савеля, 1993. Л. 34, 35). Возможно, отмеченные отличия погребений в ямах Сарандинакино-2 отражают локальные особенности погребального обряда тавров для поселенческих структур региона.

Доверяя результатам сделанных антропологических определений, хотелось бы обратить внимание на возраст похороненных в яме 1 людей (примерно 20 лет для женщины и примерно 25 лет — мужчины), смерть которых не могла быть естественной из-за старости. Несомненно, она была вызвана иными причинами и наступила «относительно одномоментно» (убийство, суицид, ритуальное умерщвление?).

Погребения собак в яме 1 следует расценивать как индивидуальные, поскольку скелеты верхней (погребение 1) и нижней (погребение 4) собак разделены 0,45 м заполнения. Нижнюю собаку, в отличие от верхней, положили раньше, примерно в одно время с мужчиной или даже несколько раньше его.

Как и скелеты людей, скелеты собак в Сарандинакино-2 занимали южный сектор хозяйственной ямы, лежа на боку головами на восток. В других случаях собак укладывали либо в центр ямы на правый бок (Инкерманское поселение) (Крис, 1955. С. 42), либо в восточный и северо-западный секторы ям, на левый бок (поселение Черная речка) (Савеля, 1986а. Л. 16, 17; 1986б. Рис. 8). У собак

из Сарандинакино-2, как и у собаки из Инкермана, передние лапы были согнуты и поджаты к туловищу⁸.

Переходя к интерпретационной части, подчеркнем, что присутствие собак в общем контексте с людьми, неслучайно. Собака как одно из первых прирученных и одомашненных животных являлась постоянным спутником человека и играла важную роль в его жизни с глубокой древности. При этом в отношении человека к собаке изначально присутствовала сохраняющаяся и ныне амбивалентность: статус собаки у разных народов был и остается неодинаковым, различны и функции этого животного в религиозно-мифологических системах, а также в традиционно-бытовой культуре древних и современных народов (см.: Жельвис, 1984. С. 135–138).

Практика совершения погребений собак, а также принесение их в жертву, имела широкое хронологическое и географическое распространение на памятниках разных археологических культур, начиная с древнекаменного века. Собак хоронили на поселениях и на кладбищах людей, отдельно и вместе с ними, а также вместе с другими животными (см.: Смирнов, 1964; Цветаева, 1968; Маннай-оол, 1970; Шмаглий, Черняков, 1970; Крайнов, 1972; Збенович, 1974; Абетеков, 1978; Жельвис, 1984; Емец, Масленников, 1992; Кузнецов, 1998; Берестнев, 1999; Синика, 2006а; Клейн, 2010; Ганина, 2012; Новиков, Гаркуша, 2016; Разумов, 2018; Казанский, Матыкова, 2022; Dogs, Past and Present, 2023; и др.).

Наиболее ранние в Причерноморье сопровождающие погребения собак зафиксированы в погребениях усатовской культуры, где они связываются с представлениями о собаках как о стражах прохода человека в загробный мир (Разумов, 2018. С. 50, 63).

О культе собак и о собаке в погребальном обряде скифского населения Северного Причерноморья писал В. С. Синика (2006а; 2006б). В среде оседлого населения культ собаки отмечен с VI в. до н. э., а в погребальных памятниках — с V в. до н. э. Со ссылкой на В. С. Ольховского (Ольховский, 1991) в крымских курганах В. С. Синика указывает всего два погребения, совершенных в сопровождении собак, связывая их

⁸ Полагаем, что это один из канонических погребального обряда, когда такое положение лапам придавалось специально, так как пространства для размещения собак с вытянутыми конечностями в обеих ямах было вполне достаточно.

с аристократическими погребальными комплексами. На поселениях культ собаки предположительно связан с культом женского начала и плодородия, а в погребениях он интерпретируется как отголосок культа “срака”, не исключая того, что во всех случаях целью захоронения собаки являлась символическая охрана (сопровождение) погребенного в царстве мертвых (Синика, 2006бб. С. 58, 59). В V–III вв. до н. э. скифы хоронили собак в погребальном сооружении (в насыпи кургана, в склепах (Крым), во входных ямах и в камерах катакомб), но распространенным этот обычай не был (Ольховский, 1991. С. 75, 118, 144, 160). Е. П. Секерская и В. С. Синика полагают, что развитие у скифов погребальной обрядности с использованием собак связано как с увеличением количества этих животных в процессе перехода скифов к оседлости, так и с внешними (например, фракийским) влияниями (см.: Секерская, Синика, 2022. С. 89). В среде современного скифам населения обряд захоронения собак В. С. Синика отмечает у финикийцев, а также савроматов, сарматов и меотов, делая общий вывод, что у варварских племен Северного Причерноморья существовала практика сопровождающих погребений собак (Синика, 2006а. С. 220, 221).

В Крыму захоронения собак встречены в хозяйственных ямах кизил-кобинских поселений (Бонч-Осмоловский, 1927. С. 42; Крис, 1955. С. 42) и позднескифских городищ Алма-Кермен и Усть-Альминское (Высотская, 1972. С. 38), а вместе с погребениями людей — в мавзолее Неаполя Скифского (Погрехова, 1961. С. 108) и на некоторых позднескифских могильниках (см.: Храпунов, Стоянова, 2022), а также на Боспоре (Молева, 2002; Леонтьева, 2012; Зубарев, Ярцев, 2012; Котина и др., 2022).

Появление на боспорских памятниках погребений собак почти все исследователи связывают с варварским влиянием⁹. Помимо строительных жертв под фундаментами, собаки здесь выявлены и в ямах, являвшихся, по-видимому, ботросами (Зубарев, Ярцев, 2012. С. 276). Захоронения собак в объектах линии оборонительных сооружений рассматриваются как сакральная защита поселения (Там же. С. 283, 284). Судя по итогам исследований

материалов городища Голубицкая-2 (Азиатский Боспор), наряду с ритуально-культовыми имели место и гораздо более частые случаи бытовой утилизации трупов животных (Журавлев и др., 2016).

Считаем важным отметить, что во всех известных нам совместных комплексах представлены не коллективные, а одиночные захоронения как людей, так и собак либо целые или разрозненные останки нескольких индивидов, которые в яме залегали не на одном, а на разных уровнях. Возвращаясь к погребальному комплексу из Сарандинакино-2, еще раз укажем на отсутствие прямых аналогий ему. Сопровождаемое собаками парное погребение мужчины и женщины на сегодняшний день является первым и единственным не только в кизил-кобинской культуре, но и, видимо, в целом на Крымском полуострове.

Среди всех известных совместных находок останков людей и собак, которые были обнаружены на поселениях и могильниках, в наибольшей степени авторов интересуют крымские находки подобного рода. Таковых немного, причем каждый комплекс обладает индивидуальными особенностями.

Самым ранним таким комплексом можно считать погребение конца II — начала I тыс. до н. э. (финал позднего бронзового века) сидящего на корточках человека со скелетом собаки на тмени. Погребение обнаружено в насыпи одного из курганов в верховьях Юхариной балки близ Севастополя (Савеля, 1994б. С. 237).

Еще один хронологически близкий комплекс, учитывая датировку поселения Сарандинакино-2, хотя и значительно более поздний, обнаружен на позднескифском поселении второй половины III — первой половины II в. до н. э. близ городища Ак-Кая (возле с. Вишенное Белогорского района). На дне одной из хозяйственных ям здесь зафиксировано безынвентарное погребение взрослого мужчины, лежавшего на левом боку с согнутыми в коленях, поджатыми к груди ногами и согнутыми в локтях руками. Сверху его перекрывали скелеты четырех собак (Зайцев, 2017. С. 126, рис. 24, 1–3).

Весьма необычные комплексы I–II вв. н. э. открыты на позднескифском участке могильника Опушки (находится возле одноименного села Симферопольского района). Погребения собак вместе с погребениями людей, которые здесь встречены, совершены не в обычных могилах, а (что для нас важно) в круглых в плане ямах, которые ничем не отличаются от хозяйственных поселенческих ям. Примечательны захоронения в одной из таких ям (могила 326): поярусно,

⁹ Возможно, это и так, но нужно иметь в виду, что собаки, похороненные вместе с людьми, известны в гробницах позднего бронзового века на Крите, а также на материковой части Греции. На Крите эта практика сохранялась и в раннем железном веке, а на территории Элады редкие захоронения собак совершались вплоть до эллинистического периода (см.: Day, 1984. P. 30–32).

сверху вниз, на каменной вымостке тут залежали скелеты двух собак, а ниже вымостки лежали сдвинутые кости собак и людей, в том числе два черепа детей. В центре могилы на этом же уровне похоронили собаку, под которой находилось погребение женщины без черепа. В придонной части ямы зафиксированы разрозненные кости собаки. Авторы раскопок предполагают, что появление такой могилы могло быть связано с ритуальными жертвоприношениями носителей позднескифской культуры, в том числе и человеческими, свидетелем чему раньше не было известно. Собаки, полные и частичные скелеты которых присутствовали в могиле, также были принесены в жертву и имели отношение к загробному миру (Храпунов, Стоянова, 2022. С. 266–270, рис. 2; 3; 5; 6)¹⁰.

В могильнике Нейзац (функционировал с рубежа I–II (или начала II) по IV — начало V в. н. э.; возле с. Баланово Белогорского района) совместные погребения людей и собак найдены в двух могилах (506, 520). Они также имели вид круглых в плане хозяйственных ям и располагались с запада за пределами участка могильника с погребениями в обычных погребальных сооружениях (склепами, подбойными и грунтовыми могилами). В центре могилы 506, выше дна на ≈1 м, обнаружено человеческое захоронение в «неестественной» позе, у ног погребенного на левом боку лежала собака и череп коровы. На 1,1 м глубже находилось еще одно человеческое погребение (Храпунов, 2016. С. 13, рис. 5). В верхней части заполнения могилы 520 располагалось единственное открытое на могильнике погребение человека в сидячем положении, а на дне ямы на левом боку лежал скелет собаки (Там же. С. 14, рис. 7).

Наиболее поздние крымские комплексы с совместными останками людей и собак нам удалось отыскать на Европейском Боспоре — в археологических объектах салтово-маяцкого поселения второй половины VIII — первой половины X в., возникшего на месте античного городища Артезиан (Винокуров, Пономарев, 2016. С. 268, 279; 2017. С. 119, рис. 8, 1; 9, 1).

Присутствие в археологических объектах костных останков собак получили в литературе неоднозначную оценку. Их находки на поселениях почти все исследователи трактуют как са-

кральные. Собака ассоциируется с хтоническими представлениями, находясь как бы на границе между двумя мирами (см.: Абрамов, Сударев, 2011. С. 337), или с загробной жизнью (см.: Dogs, Past and Present, 2023. P. 169–176). Сопровождающие погребения собак рассматриваются как символ охраны пути хозяина в мир мертвых и во время его пребывания там, а также охраны дома хозяина в этом мире (Синика, 2006а. С. 220, 221). Связь собаки с потусторонним миром прослеживается практически повсеместно в археологических материалах и современных традициях разных народов (Березкин, 2005). По мнению некоторых ученых, собака символизирует этапы перехода духа: момент его ухода, вход в подземный мир и его возможное возвращение в облике духа (Mainoldi, 1981). Высказаны предположения, что собаки выполняли очистительную функцию или захоронены в знак ритуального подношения (De Grossi Mazzorin, 2008. P. 72, 73). Д. А. Крайнов расценивал появление на позднем этапе фатьяновской культуры захоронений собак, сопровождающих мужские погребения, как результат увеличения стада и необходимости помощника в его защите (Крайнов, 1972. С. 199). В некоторых случаях присутствие собак в могилах людей объясняется тем, что животное забралось в нее и не сумело выбраться (Day, 1984. P. 22, 24).

Комплексы, где человеческие останки обнаружены вместе с костями животных, обычно расцениваются как жертвенные (Берсенева, 2021. С. 208), хотя Н. А. Кузнецов привел и иные варианты интерпретаций присутствия собак в погребальных комплексах людей (Кузнецов, 1998. С. 8–10).

Об истоках, причинах, а тем более идеологических основаниях возникновения у тавров обычая помещать в хозяйственные ямы поселений умерших людей отдельно и/или вместе с собаками сказать что-либо сложно. Несомненно, что это явная инновация, которая появилась (независимо или вследствие инокультурного влияния) и сохранялась, имея весьма ограниченное распространение, на позднем этапе существования кизил-кобинской культуры: с VI–V по начало IV в. до н. э.

Существенно затруднена и интерпретация комплекса в яме 1 Сарандинакино-2, датированного началом IV в. до н. э. и являющегося одним из самых поздних из известных в кизил-кобинской культуре. Это комплекс с утраченным контекстом (неизвестно, что могло находиться в утраченной части хозяйственной ямы); не соответствует канонам нормативной погребальной практики тавров; не имеет прямых параллелей (по крайней

¹⁰ Очень близки опушкинским хронологически, а также по ярусности совершенных захоронений и совместному присутствию людей и собак погребальные комплексы I — первой половины II в. н. э. меотских могильников Кобякова и Крепостного городищ в Нижнем Подонье (Гугуев, 2014; 2017. С. 134).

мере в Крыму), с которыми его можно было бы сопоставить; неизвестно, насколько он един и синхронен¹¹; в силу объективных причин не были сделаны новейшие палеоантропологические и палеозоологические определения костного материала.

Все это усугубляется крайней ограниченностью наших знаний о религиозно-мифологических воззрениях тавров, притом что представления об охранно-сторожевой роли собак, их связи с загробным миром и культом плодородия универсальны и свойственны практически всему человечеству. А. А. Щепинский, например, объяснял найденные в кизил-кобинских зерновых ямах захоронения людей, а также животных отправлением земледельческого культа и связывал с ритуальными жертвоприношениями, которые могли совершаться в неурожайные годы (см.: *Щепинский*, 1987. С. 72, 73).

Какие бы варианты трактовок не предлагались, очевидно, что присутствие собак в одном археологическом объекте вместе с погребением людей на поселении Сарандинакино-2, так же как и захоронение собаки рядом с погребением человека в яме 26 Инкерманского поселения, не является случайным. Контекст инкерманского комплекса с собакой в яме 27 (между каменными вымостками) свидетельствует о явно целенаправленных действиях по расположению там животного, а его близость к яме 26 с мужским погребением позволила Х. И. Крис усматривать в этом «проявление определенного погребально-обычая» (*Крис*, 1955. С. 40), связанного с совершением ритуальных захоронений, которые встречались на древних поселениях (*Крис*, 1981. С. 15).

Подводя итоги, отметим следующее.

1. Публикуемый комплекс из хозяйственной ямы 1 поселения Сарандинакино-2 расширяет источниковую базу так называемых захоронений в домашнем контексте, которые совершались не на кладбищах, а на территории древних поселений.

2. В Крыму данный комплекс пока является единственным, который не обнаруживает прямых

соответствий не только в кизил-кобинской, но и в других археологических культурах, что свидетельствует о его явной неординарности. Он датируется началом IV в. до н. э. В целом девиантная (или альтернативная) практика захоронения (сокрытия) тел умерших или умерщвленных людей, а также собак в хозяйственных ямах поселений появилась и ограниченно существовала у тавров на позднем этапе их истории: в VI/V — начале IV в. до н. э. Это очевидная инновация в идеологических представлениях и культуре аборигенов Таврики, произошедшая в указанное время, причины которой труднообъяснимы. Она могла возникнуть независимо или в результате инокультурного влияния.

3. Обнаруженные в хозяйственной яме 1 Сарандинакино-2 останки мужчины и женщины, а также двух собак не являются следствием избавления жителей поселения от тел мертвых людей и животных. Можно предположить, что это коллективное погребение ритуального характера, возможно, сакральный погребально-жертвенный комплекс, связанный с отправлением какого-то культа.

4. Ритуальные погребальные комплексы с совместным присутствием людей и собак указывают на некий особый статус как похороненных индивидов, так и сопровождавших их животных. Однако что это за ритуал и каков статус погребенных, неизвестно. Присутствие собак, несомненно, указывает на некоторые не вполне понятные особенности статуса покойного, которого требуется либо защитить, либо обезвредить.

5. Неполная сохранность хозяйственной ямы 1 Сарандинакино-2, как уже отмечалось, ограничивает возможности интерпретации открытого в ней комплекса. Помимо наиболее частых вариантов трактовок поселенческих погребальных комплексов (культ плодородия, ритуалы оставления жилища, нетипичные обстоятельства смерти индивида, его социальный статус и др.) добавим еще один. Наличие на дне ямы обломков каменной крышки, камней облицовки устья и глиняной обмазки ее стенок может свидетельствовать, что комплекс с людьми и собаками связан с окончанием использования зерновой ямы.

6. Выявление подобных погребально-жертвенных комплексов будет способствовать выяснению причин совершения «захоронений в домашнем контексте», но при условии их современных раскопок с проведением специальных определений, использованием методов естественных наук и междисциплинарных исследований.

¹¹ Определенные сомнения вызывает размещение собаки (погребение 1) в верхнем ярусе заполнения хозяйственной ямы. С одной стороны, она могла как бы «закрывать» людей с собакой (погребения 2–4), лежащих почти на полметра ниже, с другой — собака верхнего яруса могла быть не связана с нижними погребениями (нельзя исключать, что это могут быть два асинхронных комплекса).

- Абетеков, 1978 — Абетеков А. К. О погребении собаки в усуньском кургане в Чуйской долине // КСИА. 1978. Вып. 154: Ранние кочевники. С. 59–65.
- Абрамов, Сударев, 2011 — Абрамов В. В., Сударев Н. И. Жертвоприношение собаки на поселении Береговой 4: еще один сюжет в сакральной жизни Боспора // Боспорский феномен: население, языки, контакты: Материалы междунар. науч. конф. (С.-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.) / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-история, 2011. С. 337–343.
- Березкин, 2005 — Березкин Ю. Е. Черный пес у слезной реки. Некоторые представления о пути в мир мертвых у индейцев Америки и их евразийские корни // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 174–211.
- Берестнев, 1999 — Берестнев С. И. О роли собаки в религиозно-мифологических представлениях древних индоевропейских племен // Древности. 1998–1999 гг.: Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: Бизнес-Информ, 1999. С. 41–49.
- Берсенева, 2021 — Берсенева Н. А. Погребения на поселениях эпохи бронзы Южного Урала: альтернативные, нормативные или девиантные? // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21, № 2. С. 206–214.
- Бонч-Осмоловский, 1926 — Бонч-Осмоловский Г. А. Доисторические культуры Крыма // Крым. 1926. № 2. С. 74–94.
- Бонч-Осмоловский, 1927 — Бонч-Осмоловский Г. А. Предварительные данные о раскопках Крымской экспедиции Зоологического музея Академии наук СССР в 1927 году // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе (10–13 сентября 1927 г.). Севастополь: Изд-во Херсонесского музея, 1927. С. 41–43.
- Бонч-Осмоловский, 1929 — Бонч-Осмоловский Г. А. Доисторическое прошлое Крыма // Крым. Путеводитель. Симферополь: Крымское гос. изд-во, 1929. С. 159–170.
- Буров, 2006 — Буров Г. М. Кизил-кобинская культура // Энциклопедия крымских древностей: Археологический словарь Крыма / Отв. ред. Г. М. Буров. Киев: Стилос, 2006. С. 110–111.
- Вальчак, 2009 — Вальчак С. Б. Кизил-кобинская культура // Большая российская энциклопедия. 2009. Т. 13. С. 662–663.
- Винокуров, Пономарев, 2016 — Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю. Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе III в 2002–2010 гг.) // Боспорские исследования. 2016. Вып. XXXIII. С. 266–300.
- Винокуров, Пономарев, 2017 — Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю. Культурные комплексы Салтово-Маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1. С. 105–148.
- Высотская, 1972 — Высотская Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев: Наукова думка, 1972. 192 с.
- Ганина, 2012 — Ганина Н. А. Собака в древнегерманской традиции // Атлантика. Записки по исторической поэтике. 2012. Вып. 10. С. 21–46.
- Гугуев, 2014 — Гугуев В. К. О редком типе погребального ритуала донских меотв // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2012 г. Азов: Азовский музей-заповедник, 2014. Вып. 28. С. 240–247.
- Гугуев, 2017 — Гугуев В. К. Структура ритуала некрополей донских меотв (о роли сарматов в формировании населения городищ) // Вестник Танаиса. 2017. Вып. 4. С. 128–148.
- Емец, Масленников, 1992 — Емец И. А., Масленников А. А. Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // РА. 1992. № 4. С. 32–42.
- Жельвис, 1984 — Жельвис В. И. Человек и собака (восприятие собаки в разных этнокультурных традициях) // Советская этнография. 1984. № 3. С. 135–143.
- Журавлев и др., 2016 — Журавлев Д. В., Саблин М. В., Строков А. А. Захоронения собак на поселении Голубицкая 2 // Азиатский Боспор и Прикубанье в до-римское время / Отв. ред. Д. В. Журавлев, У. Шлотца-уер. М.: ГИМ, 2016. С. 34–37.
- Зайцев, 2017 — Зайцев Ю. П. Крепость Ак-Кая в эпоху эллинизма // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований / Гл. ред. Ю. П. Зайцев. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 121–131.
- Збенович, 1974 — Збенович В. Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1974. 175 с.
- Зубарев, Ярцев, 2012 — Зубарев В. Г., Ярцев С. В. Ритуальные захоронения в сакральной практике жителей городища «Белинское» // Боспорские исследования. 2012. Вып. XXVI. С. 275–289.
- Казанский, Мастыкова, 2022 — Казанский М. М., Мастыкова А. В. Собаки в погребальном обряде самбийско-натангийской культуры эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья и воины-оборотни // Stratum plus. 2022. № 5: По ту сторону Средневековья. С. 15–30.
- Клейн, 2010 — Клейн Л. С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия, 2010. 496 с.
- Колотухин, 1996 — Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — раннем железном веке (этнокультурные процессы). Киев: Южногородские ведомости, 1996 (Материалы по археологии Крыма). 162 с.
- Колтухов, Зайцев, 2019 — Колтухов С. Г., Зайцев Ю. П. Варварский Крым в эпоху античности. VII в. до н. э. — середина III в. н. э. (киммерийцы, тавры и

- ранние скифы) // История Крыма: в 2 т. Т. 1 / Отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2019. С. 121–148.
- Котина и др.*, 2022 — *Котина А. В., Каспаров А. К., Симонов В. В.* Захоронение собаки из Тиритаки: ритуал? // XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Сакральное и материальное: Материалы междунар. науч. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: б. и., 2022. С. 186–197.
- Кравченко*, 2011 — *Кравченко Е. А.* Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ; Луцьк: ІА НАН України, 2011. 270 с.
- Крайнов*, 1972 — *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э. М.: Наука, 1972. 277 с.
- Крис*, 1955 — *Крис Х. И.* Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане // КСИИМК. 1955. Вып. 8. С. 35–44.
- Крис*, 1966 — *Крис Х. И.* Таврские каменные ящики у Гаспры // КСИА. 1966. Вып. 107: Археологические памятники раннего железного века. С. 75–79.
- Крис*, 1981 — *Крис Х. И.* Кизил-кобинская культура и тавры. М.: Наука, 1981 (САИ; Вып. Д1-7). 127 с.
- Кузнецов*, 1998 — *Кузнецов Н. А.* Погребения собак на Среднем Енисее как археологический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Новосибирский гос. ун-т. Новосибирск, 1998. 22 с.
- Леонтьева*, 2012 — *Леонтьева В. А.* Некоторые особенности религиозной жизни населения на периферии античного мира в I–III вв. н. э. (на примере Боспора и Нижнего Подунавья) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (3): Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи. 2012. С. 212–218.
- Лесков*, 1965 — *Лесков А. М.* Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев: Наукова думка, 1965. 198 с.
- Маннай-оол*, 1970 — *Маннай-оол М. Х.* Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука, 1970. 116 с.
- Молева*, 2002 — *Молева Н. В.* Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород: Нижегородский ГУ им. Н. И. Лобачевского, 2002. 135 с.
- Новиков, Гаркуша*, 2016 — *Новиков А. В., Гаркуша Ю. Н.* Вопросы интерпретации погребений домашних собак на городище Усть-Войкарское // Вестник угроведения. 2016. № 2 (25). С. 120–134.
- Ольховский*, 1991 — *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–II вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 256 с.
- Погребова*, 1961 — *Погребова Н. Н.* Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Причерноморье. М.: Изд-во АН СССР, 1961 (МИА; № 96). С. 103–213.
- Разумов*, 2018 — *Разумов С. Н.* Собака в культовой практике населения Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке // АВ. 2018. Вып. 24. С. 50–67.
- Савеля*, 1986а — *Савеля О. Я.* Отчет о раскопках и разведках по трассе водовода Саки — Севастополь (участок пос. Угловое — Севастополь) в 1985 г. Севастополь, 1986 // Научно-архивный отдел гос. музея-заповедника «Херсонес Таврический» (НАО ГМЗ ХТ). Ф. 1. Д. 2608/1. 27 л.
- Савеля*, 1986б — *Савеля О. Я.* Отчет о раскопках и разведках по трассе водовода Саки НАО ГМЗ ХТ Севастополь (участок пос. Угловое НАО ГМЗ ХТ Севастополь) в 1985 г. Альбом иллюстраций. Севастополь, 1986 // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2609. 21 л.
- Савеля*, 1993 — *Савеля О. Я.* Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1992 г. Севастополь, 1993 // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3123. 182 л.
- Савеля*, 1994а — *Савеля О. Я.* Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1993 г. Севастополь, 1994 // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3187. 93 л.
- Савеля*, 1994б — *Савеля О. Я.* Работы Севастопольской экспедиции // Археологические исследования в Крыму. 1993 г. Симферополь: Таврия, 1994. С. 235–238.
- Секерская, Сеника*, 2022 — *Секерская Е., Сеника В.* Животные в погребально-поминальном обряде скифов Левобережья Нижнего Днестра III–II вв. до н. э. // Revista arheologică, n. s. 2022. Vol. XVIII, nr. 1. С. 73–97.
- Сеника*, 2006а — *Сеника В. С.* Собака в погребальном обряде варварского населения Северного Причерноморья в скифо-сарматское время // Археологическое изучение Центральной России: Тезисы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. В. П. Левенка (Липецк, 13–16 ноября 2006 г.) / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т, 2006. С. 219–222.
- Сеника*, 2006б — *Сеника В. С.* О культуре собак у скифского населения Северного Причерноморья в VI–II вв. до н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время: Сб. ст. по материалам XI Междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов н/Д.: Ростовский гос. пед. ун-т, 2006. С. 58–60.
- Смирнов*, 1964 — *Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 376 с.
- Храпунов*, 2007 — *Храпунов И. Н.* Древняя история Крыма. Симферополь: Доля, 2007. 272 с.
- Храпунов*, 2016 — *Храпунов И. Н.* Исследования могильника Нейзац в 2011–2015 гг. // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 11–36.
- Храпунов, Стоянова*, 2022 — *Храпунов И. Н., Стоянова А. А.* Люди и собаки в одной могиле:

- жертвенно-поминальный комплекс из могильника Опушки в Крыму // *Stratum plus*. 2022. № 4: Черная и белая магия в древности (с ее полным разоблачением). С. 265–273.
- Цветаева, 1968 — Цветаева Г. А. Сокровища причерноморских курганов. М.: Наука, 1968. 128 с.
- Шмаглий, Черняков, 1970 — Шмаглий Н. М., Черняков И. Т. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра // *Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра*. Одесса, 1970 (Материалы по археологии Северного Причерноморья; Вып. 6). С. 5–90.
- Щепинский, 1987 — Щепинский А. А. Красные пещеры: Долгоруковская яйла. Симферополь: Таврия. 1987. 110 с.
- Day, 1984 — Day L. P. Dog Burials in the Greek World // *American Journal of Archaeology*. 1984. Vol. 88 (1). P. 21–32.
- De Grossi Mazzorin, 2008 — De Grossi Mazzorin J. L'uso dei cani nel mondo antico nei riti di fondazione, purificazione e passaggio // *Uomini, piante e animali nella dimensione del sacro* / Eds. F. D'Andria, J. De Grossi Mazzorin, G. Fiorentino. Bari: Edipuglia, 2008. P. 71–81.
- Dogs, Past and Present, 2023 — Dogs, Past and Present. An Interdisciplinary Perspective / Eds. I. Fiore, F. Lugli. Archaeopress Archaeology, 2023. 502 p.
- Mainoldi, 1981 — Mainoldi C. Cani mitici e rituali tra il regno dei morti e il mondo dei viventi // *Quaderni Urbinati di Cultura Classica*, n. s. 1981. Vol. 8 (37). P. 7–41.

The burial of humans and dogs in the household pit of the Kizil-Koba culture settlement Sarandinakino-2 in the South-Western Crimea

T. V. Sarapulkina, V. P. Vlasov, V. A. Tikhomirov¹²

Keywords: Crimea, Early Iron Age, Kizil-Koba culture, settlement, household pit, human and dog burials

The bearers of the Kizil-Koba archaeological culture (the Taurians) traditionally buried their dead according to the rite of inhumation, placing them in a contracted position on their side in a special funerary structure in the form of a stone box, which served as a collective tomb. In rare cases, the Taurians deviated from this rule, making single burials of people in household pits on the territory of settlements. Even more rarely dogs were placed in household pits. So far, in the only case, a complex with the remains of two people and two dogs, which dates back to the beginning of the 4th cen. BC, has been recorded in the household pit No. 1 of the Sarandinakino-2 settlement in the South-Western Crimea. In general, the practice of burying people and dogs in household pits of settlements emerged and existed among the Taurians at a late stage of their history: in the 6th–5th — early 4th cen. BC. This is an innovation in the Kizil-Koba culture, the reasons for the appearance of which are difficult to explain. It could have arisen convergently or as a result of exterior cultural influence. The conclusion is made that the presence of a man and a woman, as well as dogs in the household pit No. 1 of the Sarandinakino-2 settlement is a collective burial of ritual character, apparently a sacral burial and sacrificial complex, which could be associated with the end of the use of the grain pit.

¹² Tatiana V. Sarapulkina — Sevastopol State University; Sevastopol, Russian Federation; e-mail: sarapulkina@mail.ru. Vladimir P. Vlasov, Vitaly A. Tikhomirov — Institute of Archaeology of Crimea RAS; Simferopol, Republic of Crimea; e-mail: vlasov_vladimir@mail.ru, tihomirov.va1985@gmail.ru.

ИСТОРИЯ НАУКИ

К истории изучения конского снаряжения из меотских памятников Прикубанья¹

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко, А. Н. Ткачѐв²

Аннотация. В статье рассматриваются публикации и монографии, в которых фигурируют предметы конской узды меотов. В разных работах систематизированы и хорошо датированы удила с двудырчатыми псалиями и строгими крестовидными насадками, дискутируются вопросы происхождения и датировки пластинчатых налобников и нагрудников.

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, всадники, конское снаряжение, удила, псалии, налобники.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-45-118-126

Среди широкого круга научных проблем раннего железного века Северо-Западного Кавказа важное место занимают вопросы, связанные с изучением всадничества. В связи с этим представляют несомненный интерес меотские комплексы с принадлежностями конского снаряжения из грунтовых могильников Прикубанья. В погребениях узда представлена множеством функционально разнообразных предметов. Как особо значимые нужно выделить удила и псалии.

Долгое время единственным наиболее полно исследованным меотским памятником оставался Усть-Лабинский могильник 2, раскопанный М. В. Покровским и Н. В. Анфимовым в 1936–1938 гг. (Покровский, 1937; Анфимов, 1951). Среди погребений третьей хронологической группы (III — начало I в. до н. э.) этого могильника известно восемь комплексов с захоронениями лошадей. В шести из них находилось по одному скелету лошади, в двух других — два и четыре. По мнению Н. В. Анфимова, лошади, скорее всего, были верховыми. В погребениях 28/1937 г. и

72/1938 г.³ на лошадиных скелетах лежали кости собак (Анфимов, 1951. С. 189). Однако не все из захороненных лошадей сопровождалось предметами узды. Н. В. Анфимовым было выделено четыре вида железных удил с псалиями разной формы и один — без псалиев: 1-й — удила с крестообразными псалиями, образованными прямыми стержнями, слегка утолщающимися к концу; 2-й — удила с крестообразными короткими псалиями, концы которых крючкообразно загнуты внутрь; 3-й — простые удила без псалиев; 4-й — псалий с двумя отверстиями и слегка загнутыми концами, имеющими утолщение в виде шишек; 5-й — удила с псалиями в виде колесиков. Из других предметов конского убора упоминаются костяная пряжка и крупные бусы из разных материалов, находившиеся, как правило, в области шеи лошади (Там же. С. 184). В трех могилах четвертой хронологической группы (вторая половина I в. до н. э. — II в. н. э.) были найдены железные удила с простой петлей на конце или с добавочным кольцом, причем лежали они не при скелетах лошадей, а среди другого инвентаря (Там же. С. 198).

Результаты раскопок этого памятника, хоть и опубликованные в сильно сжатом виде, дали исследователям возможность оперировать разными категориями предметов материальной культуры меотов, опираясь на выделенные хронологические группы погребений.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РНФ и Кубанского научного фонда «Меотские всадники Кубани VI в. до н. э. — III в. н. э.» (проект № 24-18-20014).

² Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачѐв А. Н. — Кубанский государственный университет; г. Краснодар, Россия; e-mail: limberis2@mail.ru, meot@mail.ru, alexey_tk@mail.ru.

© Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачѐв А. Н., 2024

³ Здесь и далее после номера погребения через косую черту указывается год раскопок.

Специальный раздел отведен железным удилам в работе К. Ф. Смирнова, посвященной материалам из каменной гробницы Северского кургана, захоронение в которой принадлежит представителю меотской знати II — первой половины I в. до н. э. Исследователь первым заметил, что удила с крестовидными псалиями встречаются только на Северном Кавказе, главным образом на Кубани. Приняв во внимание материалы из других (меотских и сарматских) памятников, он выделил три варианта псалиев по форме крестовины: а) с неправильным ромбическим центром и короткими, иногда слегка изогнутыми, крестовинами с расплюснутыми концами; б) с ромбическим центром и большими, прямыми, гладкими крестовинами; в) с большими прямыми крестовинами, но с квадратным центром. Период использования удил с крестовидными псалиями исследователь в целом ограничил III–II вв. до н. э., полагая, что смена их колесовидными произошла не позже самого начала I в. до н. э. (Смирнов, 1953. С. 37–41).

Другим меотским памятником, где в двух комплексах были найдены предметы узды, является Пашковский могильник 3. При конском черепе близ погребения 14/1948 г. находились железные удила со строгими крестовидными насадками и двудырчатыми Г-образными псалиями, у одного из которых длинный конец оформлен в виде копыта (Смирнов, 1958. С. 306, 307).

С 1980-х гг., благодаря начавшимся на меотских памятниках крупным раскопкам, материал стал быстро накапливаться, в том числе и предметы конского снаряжения. Всадническим комплексам, открытым на правобережных меотских памятниках, посвящены публикации разных лет.

По результатам раскопок Краснодарской археологической экспедицией могильника городища 3 у хутора им. Ленина 1982–1983 гг. были опубликованы 14 конских захоронений (в некоторых находилось по 2–4 лошади) начала III — середины II в. до н. э., сопровождавшихся уздой и другим инвентарем. Кости человека в большинстве погребений отсутствовали. Комплексы содержат основные типы железных удил: с псалиями с 8-образным расширением и загнутыми в разные стороны концами; с прямыми крестовидными псалиями; с крестовидными псалиями с загнутыми концами (то есть насадками); с колесовидными псалиями (Лимберис, 1988. С. 51, 53).

Разные виды и типы конской узды встречены в редких для раннемеотского периода всаднических комплексах VI–V вв. до н. э. из могильников

городища 3 у хут. Ленина и Старокорсунского городища 2: железные удила со строгими крестовидными насадками, бронзовыми и железными двудырчатыми псалиями разных типов (Г-образным; с отогнутыми под прямым углом концами; с секировидными концами) и бронзовые уздечные бляхи (Лимберис, Марченко, 2012а. С. 62–64).

В богатое погребение сарматского всадника второй половины I — начала II в. н. э. из могильника Старокорсунского городища 2 было положено семь пар железных удил, из которых четыре имели колесовидные псалии, одна — добавочные кольца. Редким типом являются пластинчатые псалии с двумя наварными петлями. Узда дополнялась серебряными деталями (нагрудным чашевидным фаларом, парой больших фаларов и девятью малыми «львиными» фаларами с позолотой), а также мелкими предметами из железа и бронзы (Лимберис, Марченко, 2012б).

Неординарный всаднический комплекс середины III в. н. э. с уникальным железным умбоном щита из могильника городища Спорное сопровождался двумя захороненными лошадьми с удилами разных типов: с колесовидными псалиями и с добавочными подвижными кольцами (Лимберис, Марченко, 2013).

На Пашковском могильнике 2 открыто всадническое погребение второй половины II — середины III в. н. э., в котором были найдены железные удила с неподвижными колесовидными псалиями (Лимберис, Марченко, 2015).

Уникальный набор узды второй четверти IV — начала III в. до н. э. происходит из могильника Старокорсунского городища 2: железные двусоставные удила со строгими крестовидными насадками и шесть комплектов железных одногрызловых удил с псалием на одном конце и добавочным подвижным кольцом на другом. Псалии двудырчатые, двух типов: ложновитые стержневидные и лопастные с подвесными декоративными деталями. Одногрызловые удила, предположительно, предназначались для обучения молодых лошадей на корде (Лимберис, Марченко, 2022а; 2022б. С. 155, 156).

Комплект из трех пар железных удил с псалиями был обнаружен в погребении второй половины I — начала II в. н. э. на могильнике городища 1 хутора им. Ленина. Две пары имеют «очковидные» псалии разных модификаций, третья — колесовидные (Лимберис, Марченко, 2022в. С. 143–149).

Большую коллекцию конского снаряжения IV — начала III в. до н. э. дал Прикубанский могильник, где было исследовано более 30 погребений

и комплексов с лошадьми в сопровождении разнообразных предметов узды, в том числе бронзовой, выполненной в меото-скифском зверином стиле. Многие железные удила имеют строгие крестовидные насадки и двудырчатые псалии (как железные, так и бронзовые) с 8-образным расширением в средней части: стержневидные, Г-образные и S-видные. На зооморфных пластинах бронзовых псалиев изображены стилизованные рога и головы оленей, волков и грифонов; налобники ажурные или в виде фигуры лежащего волка (*Лимберис, Марченко, 2016. С. 246–248; 2018; 2022б. С. 154, 155*). Такие же наборы узды характерны для конских погребений в синхронном Прикубанскому могильнику Лебеди III (*Каменецкий, 2009; 2011. С. 292, 297*).

Типологически и стилистически близкий материал происходит из раскопанных Н. И. Веселовским в 1913–1917 гг. Елизаветинских курганов начала IV в. до н. э., принадлежавших верхушке меотской знати и сопровождавшихся грандиозными гекатомбами и отдельными жертвоприношениями лошадей с уздечными принадлежностями. Более 20 пар железных удили были снабжены «шипастыми» крестообразными насадками, центром производства которых Л. К. Галанина признает Прикубанье. Выделяются четыре типа двудырчатых псалиев (в основном бронзовые, железные встречаются реже): I — прямые стержневидные; II — S-видные; III — Г-образные; IV — C-видные. Кроме псалиев в коллекции присутствуют бронзовые ажурные налобники, наносники, нащечники и другие предметы конского снаряжения. Специально отмечена находка в кургане 7/1917 г. фрагмента железного колесовидного псалия I в. до н. э. — I в. н. э. (*Галанина, 2005; 2010. С. 107–112*).

Большое значение для изучения меотской конской сбруи имеет материал из степных курганов Прикубанья, так как сарматы использовали местные типы железных удили с псалиями. Их типология и хронология была предложена И. И. Марченко. Тип I — удила со строгими псалиями в виде небольшой крестовины с уплощенными загнутыми шипами (IV — первая половина III в. до н. э.). Тип II — удила с крестовидными псалиями с круглыми и квадратными в сечении крестовинами вариантов 1а, 1б и 2, сменявшими друг друга на протяжении III–II вв. до н. э. Тип III — удила с колесовидными псалиями двух размерных вариантов: «а» (I в. до н. э.) и «б» (I — первая половина III в. н. э.). Типы IV–VI — удила со стержневидными железными и бронзовыми псалиями с 8-образным расширением в центре

второй половины IV в. до н. э. Все выделенные типы удили широко распространены в меотских памятниках, особенно крестовидные, местом возникновения и производства которых является Прикубанье (*Марченко, 1996. С. 72–77, рис. 20а*).

Важный для исследователей материал дали также раскопки левобережных памятников Кубани. Детали конской сбруи были обнаружены в открытом при раскопках Келермесских курганов меотском грунтовом могильнике второй половины VII — начала VI в. до н. э. Узда присутствовала только в двух конских захоронениях из пяти исследованных: один комплект железных удили — с костяными трехдырчатыми псалиями, второй — с железными трехдырчатыми C-видноизогнутыми. Совместно найдены мелкие предметы: бронзовые пронизи и костяные грибовидные столбики (*Галанина, 1985. С. 162, 163*).

В ранней группе Уляпского могильника (VI–V вв. до н. э.) было исследовано 16 конских захоронений, из них 10 — совместные с человеком. Уздечные принадлежности представлены железными удилами и двудырчатыми псалиями с секировидными концами, а также стержневидными с отогнутыми в разные стороны концами. На могильнике IV в. до н. э. обнаружено шесть конских захоронений, три из них — с железными удилами со строгими крестовидными насадками и двудырчатыми псалиями S-видной и Г-образной формы (*Беглова, 1989. С. 143, 145, 149*). Крестовидные псалии III–II вв. до н. э. были найдены в погребении 71 Ново-Вочепшийского грунтового могильника (*Носкова, Кожухов, 1989. С. 128*). В могильнике у хут. Городской лошади из элитных всаднических погребений конца I — II в. н. э. сопровождалась железными удилами с псалиями трех типов, основным из которых являются колесовидные (*Сазонов, 1992. С. 251, 252*).

По мере накопления материала были изданы обобщающие работы по двум меотским памятникам Закубанья. В первой коллективной монографии (*Лесков и др., 2005*) по материалам раскопок Уляпских курганных некрополей VI–III вв. до н. э. кроме публикации комплексов подробно рассмотрен погребальный обряд и выделены три хронологические группы погребений. Вторая коллективная работа (*Лесков и др., 2013*) посвящена богатым святилищам и ритуальным комплексам Уляпского некрополя IV–III вв. до н. э., в которых обнаружено большое количество конской узды и украшений сбруи. Однако, при всей важности опубликованного материала, анализ инвентаря в этих работах практически отсутствует.

Подробная типологическая и хронологическая атрибуция конского снаряжения дается в монографии В. Р. Эрлиха, посвященной святилищам IV в. до н. э. некрополя Тенгинского городища 2, где были исследованы многочисленные захоронения лошадей (Эрлих, 2011. С. 53–62). Здесь, как и в других меотских памятниках, господствует тип железных кольчатых удил с крестовидными строгими насадками. Псалии двудырчатые — железные и бронзовые трех типов (прямые, S-видные и Г-образные), биметаллические S-видные трех вариантов и особый вариант 4 с зооморфными окончаниями. Уздечные украшения представлены бронзовыми зооморфными и антропоморфными налобниками, наносниками, бляхами и пр.

Важным источником по материальной культуре меотов и ее хронологии являются материалы Тенгинского грунтового могильника середины III в. до н. э. — II в. н. э. Несомненным достоинством монографии Е. А. Бегловой и В. Р. Эрлиха (Беглова, Эрлих, 2018) является обстоятельный анализ погребального инвентаря, включающий типологию и хронологию предметов разных категорий, в том числе конской сбруи. Уздечные комплекты разделены на несколько групп: удила с крестовидными насадками-«псалиями», удила с колесовидными псалиями, удила без псалиев, удила с дополнительным кольцом. Также рассматриваются украшения узды, налобники и нагрудник (Там же. С. 156–160).

Интересный материал происходит из кургана, относящегося к могильнику IV–III вв. до н. э. Новолабинского IV городища, где при лошадях были найдены железные удила с разными типами крестовидных насадок и псалиев, а также другие предметы сбруи, включая бронзовые пластинчатые налобники и нагрудники (Раев, Беспальный, 2006).

Большой набор разнообразной узды IV в. до н. э. сопровождал конские жертвоприношения (не менее 15 захороненных на галечной площадке голов) в кургане 30 у аула Нечерзий (Начерзий) в Адыгее. В том числе здесь найдены железные удила со строгими крестовидными насадками и двудырчатые псалии из железа и бронзы разной формы, а также бронзовый пластинчатый налобник (Ждановский, 2006).

Из всего массива меотских удил как наиболее подробно систематизированные и уверенно датированные по находкам амфор нужно выделить железные удила с бронзовыми двудырчатыми псалиями разных типов, характерные, главным образом, для второй–третьей четвертей IV в. до н. э. В состав конских наборов этого вре-

мени, как правило, входили и другие декоративные детали, выполненные в зооморфном стиле (рис. 1, 1, 2). Железные псалии IV–III вв. до н. э. в основном повторяют формы бронзовых.

Материалы из разных меотских памятников убедительно демонстрируют преобладание удил со строгими крестовидными насадками (рис. 1, 3–7), которые использовались с V в. до н. э. и часто дополнялись разного вида псалиями. Базовая классификация крестовидных псалиев (насадок), предложенная К. Ф. Смирновым и дополненная И. И. Марченко, сохранила свою актуальность. В дальнейшем она постепенно уточнялась материалами из раскопок меотских грунтовых могильников. Накопленные данные позволили создать новую, обобщенную, классификацию железных удил со строгими насадками и обосновать их хронологию по узко датированным комплексам. В настоящее время известны насадки четырех вариантов: А — короткие крестовидные с загнутыми заостренными концами (V — начало III в. до н. э.); В — короткие крестовидные, концы раскованы в лопасти с зубцами (вторая четверть IV — первая половина III в. до н. э.); С — квадратные пластины с загнутыми в виде острых шипов углами (вторая четверть IV в. до н. э.); D — длинные крестовидные с небольшими зазубренными выступами (начало III — середина II в. до н. э.) (Лимберис, Марченко, 2019. С. 161–171).

Удила с гладкими крестовидными (рис. 1, 8–10) и колесовидными (рис. 1, 11, 12) псалиями, также очень характерные для меотов и неоднократно публиковавшиеся среди материалов отдельных всаднических комплексов, в целом типологическому и хронологическому анализу практически не подвергались. Другие, редкие, типы железных псалиев (с добавочными подвижными кольцами, двухпетельчатые, «очковидные») представлены в меотских памятниках немногочисленными или даже единичными экземплярами.

Заметной принадлежностью конского снаряжения меотских всадников являются большие пластинчатые налобники, предназначенные для защиты коня в бою. Впервые подобные предметы были обнаружены Д. Г. Шульцем в Закубанье, который и атрибутировал их как «лошадиные налобники» (Отчет ИАК за 1904, 1907. С. 129, 130). Находки таких пластин на черепках лошадей подтвердили это предположение, а их принадлежность долгое время связывалась с кругом кельтерских древностей VII — начала VI в. до н. э. (Пиотровский, 1955. С. 43; Мурзин, Черненко, 1980. С. 156–163). В дальнейшем Л. К. Галанина

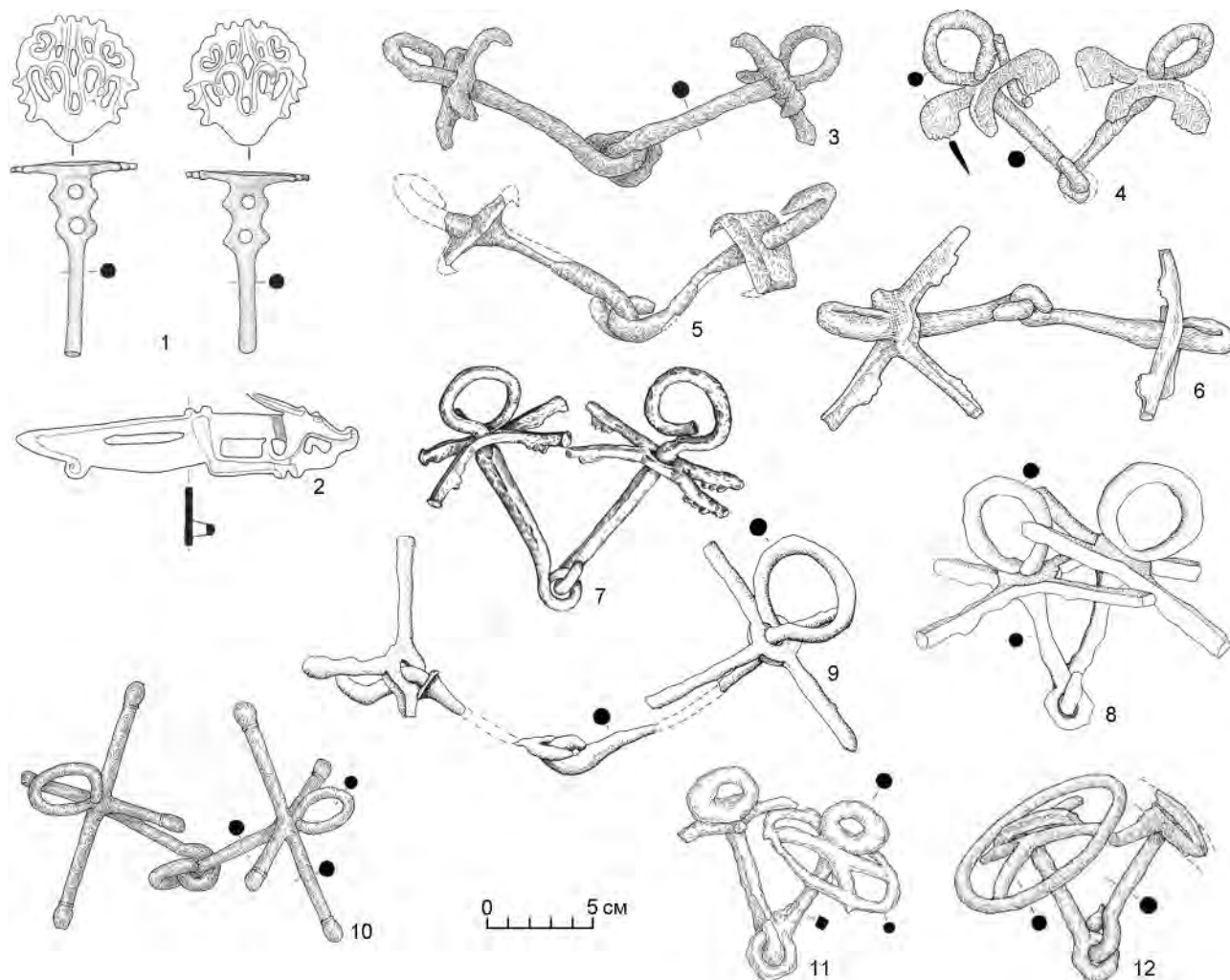

Рис. 1. Предметы конской узды из меотских памятников: 1 — псалии зооморфные; 2 — налобник зооморфный; 3–12 — удила (3–7 — со строгими насадками; 8–10 — с гладкими крестовидными псалиями; 11, 12 — с колесовидными псалиями). Прикубанский могильник: погребение 33 (1–3), погребение 296 (5); могильник Старокорсунского городища 2: погребение 329в (4), погребение 600з (10), погребение 59з (11); могильник городища 3 у хут. Ленина: раскоп VI, погребение 7/1982 г. (8), раскоп III, погребение 2/1983 г. (9); могильник Новолабинского IV городища, погребение 50 (6); Уляпский могильник, курган 6, скопление 11 (7); Пашковский могильник 2, катакомба 1 (12). 1, 2 — бронза; 3–12 — железо

Fig. 1. Items of horse bridle from Maeotian sites: 1 — zoomorphic cheek-pieces; 2 — zoomorphic forehead piece; 3–7 — bits with rigid check-devices; 8–10 — bits with smooth cross-shaped check-devices; 11, 12 — bits with wheel-shaped check-devices. Prikubansky burial ground: grave 33 (1–3), grave 296 (5); burial ground of Starokorsunskoe settlement no. 2: grave 329в (4), grave 600з (10); grave 59з (11); burial ground of Lenin settlement no. 3: excavation VI, grave 7/1982 (8), excavation III, grave 2/1983 (9); burial ground of Novolabinsk IV settlement, grave 50 (6); Ulyap burial ground, barrow 6, set 11 (7); Pashkovskaya burial ground no. 2, catacomb 1 (12). 1, 2 — bronze; 3–12 — iron

и И. И. Марченко опровергли связь налобников из коллекции Шульца с Келермесскими курганами. По новым находкам в меотских комплексах эти предметы были отнесены ко второй половине IV в. до н. э. (Марченко, 1996. С. 77).

В настоящее время на территории Прикубанья известно более 20 экз. защитных пластинчатых налобников из 13 меотских и сар-

матских памятников. Выделяется два основных типа налобников: I — с круглой выпуклой верхней частью, украшенной концентрическими окружностями, и трапециевидной вытянутой нижней (рис. 2, 1, 2); II — с симметричными веерообразно расширенными концами и прогнутыми сторонами (рис. 2, 3, 4). Найдены они в разных комплексах IV — начала III в. до н. э.

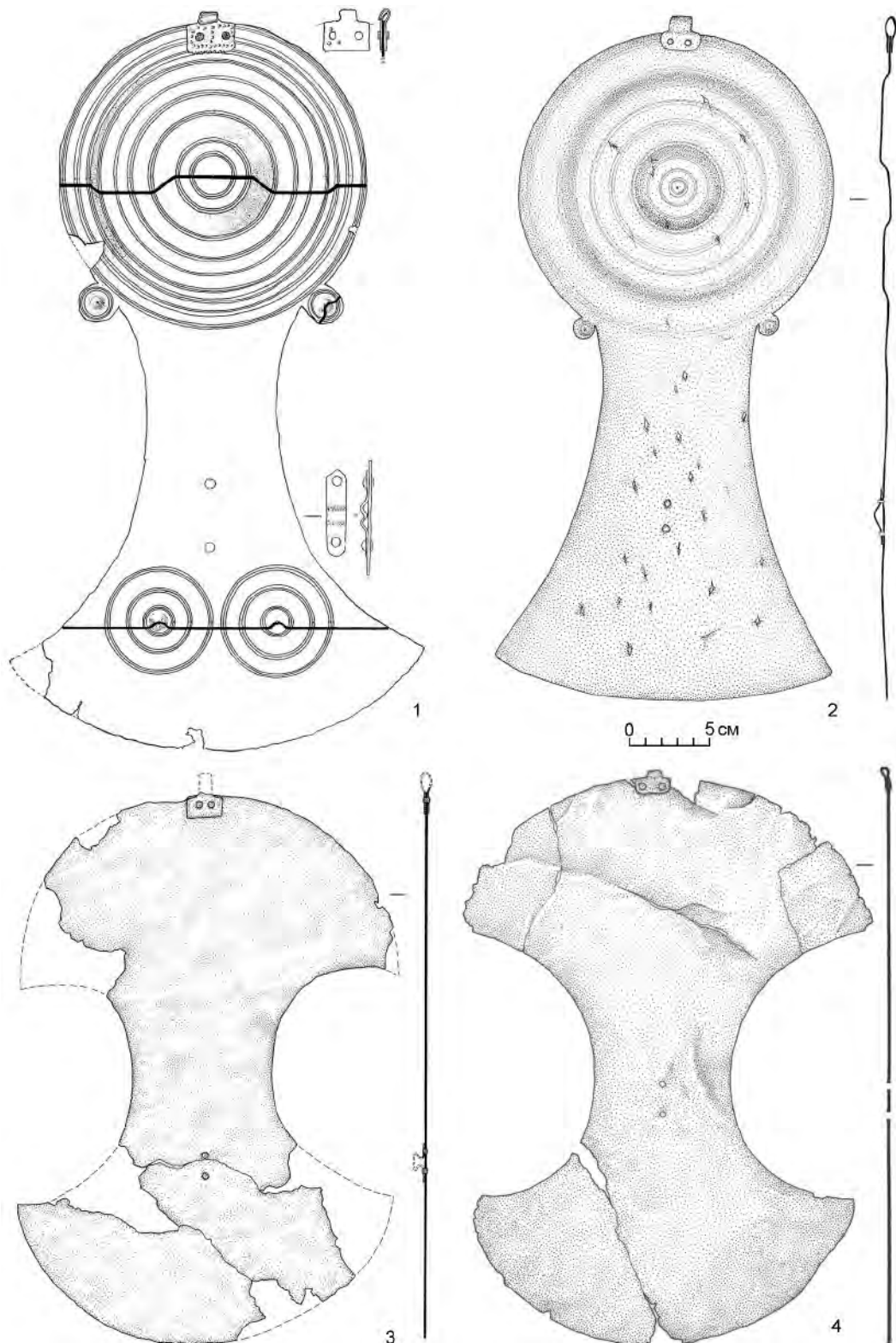

Рис. 2. Бронзовые налобники: 1, 2 — тип I (1 — Краснодарское водохранилище, случайная находка, 2 — Кореновский курган, разрушенное погребение); 3, 4 — тип II (3 — могильник Старокорсунского городища 2, погребение 238в, 4 — Прикубанский могильник, случайная находка)

Fig. 2. Bronze forehead pieces: 1, 2 — type I (1 — Krasnodar water reservoir, casual find, 2 — Korenovsk barrow, destroyed burial); 3, 4 — type II (3 — burial ground of Starokorsunskoe settlement no. 2, grave 238в, 4 — Prikubansky burial ground, casual find)

(в том числе имеющих узкую датировку); есть и случайные находки. Такая концентрация налобников дала возможность предположить их местное, то есть меотское, происхождение (Лимберис, Марченко, 2005; 2006. С. 71, 78; 2023. С. 119, 120; Марченко, Лимберис, 2009).

Е. А. Беглова систематизировала предметы парадного конского убора из меотских и других комплексов, известных на обширной территории южнорусских степей, и предложила классификацию бронзовых пластинчатых налобников и нагрудников, а также их относительную хронологию, включая и другие виды узды, разделив предметы на четыре группы. Типологию и хронологию (IV — начало III в. до н. э.) больших пластинчатых налобников, обоснованную Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко, исследовательница приняла однозначно и продолжила классификацию, добавив третий тип — полукруглые налобники с подвесками, вошедшие в позднюю хронологическую группу конца III — первой половины II в. до н. э. В свою классификацию она включила еще четыре типа, в том числе литые узкие налобники (Беглова, 2008. С. 41–43; 2016. С. 30–48). Но нужно принять во внимание, что большие пластинчатые налобники первых двух типов генетически не связаны с остальными, выполнявшими чисто декоративную функцию (Марченко, Лимберис, 2009. С. 72). Недавно к числу прикубанских налобников I типа была добавлена отдельная находка из окрестностей станицы Чамлыкской (Дударев, Бережная, 2022).

Ю. А. Прокопенко, работая с материалами из памятников Центрального Предкавказья, где защитные налобники, аналогичные типам I и II, также известны в большом количестве (не ме-

нее 15 экз.), расширил период их существования вплоть до II в. до н. э. (Прокопенко, 2009; 2023. С. 129, 130). Однако его аргументация пока не представляется нам убедительной, тогда как прикубанские налобники этих типов имеют вполне обоснованные по узко датированным комплексам рамки бытования. Так что вопрос широкой хронологии налобников остается дискуссионным.

Итак, в настоящее время мы имеем немалое количество публикаций разновременных меотских комплексов, где фигурируют удила с псалиями и налобники. Существует и несколько монографических работ по отдельным памятникам, но не во всех из них анализируются эти части уздечного набора. Есть и отдельные сводные типологии, в которых учитываются аналогичные материалы из разных памятников. Для классифицированных предметов, как правило, довольно хорошо разработана и хронологическая шкала. Непрерывное пополнение базы данных новыми материалами (и не только по этим частям уздечного набора) периодически требует типологической корректировки, а также уточнения датировок в связи с новыми хронологическими разработками. В целом ощущается необходимость создания сквозной классификации и хронологии (особенно узды с псалиями), что даст возможность определить время параллельного бытования разных видов и типов конского снаряжения и проследить их смену на протяжении всего периода существования меотской культуры. Изучение предметов узды важно не только для решения вопросов относительной и абсолютной хронологии, но и для выявления этнополитических контактов меотских и сарматских племен.

Анфимов, 1951 — Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951 (МИА; № 23). С. 155–207.

Беглова, 1989 — Беглова Е. А. Погребальный обряд уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе // Меоты — предки адыгов / Отв. ред. Н. В. Анфимов, П. У. Аутлев. Майкоп: б. и., 1989. С. 140–157.

Беглова, 2008 — Беглова Е. А. Парадный конский набор IV–II вв. до н. э. из Предкавказья и Украины // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа): Тезисы докладов / Отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: б. и., 2008. С. 41–45.

Беглова, 2016 — Беглова Е. А. Парадный конский убор IV–II вв. до н. э. в памятниках Юга России // Археологическая наука: Практика, теория, история: Сб. ст. памяти И. С. Каменецкого / Отв. ред. А. Н. Гей, И. А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2016. С. 30–50.

Беглова, Эрлих, 2018 — Беглова Е. А., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 384 с.

Галанина, 1985 — Галанина Л. К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. № 3. С. 156–165.

Галанина, 2005 — Галанина Л. К. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н. э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским в 1913 г.) // АСГЭ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005.

- Вып. 37: Материалы и исследования по археологии Евразии. С. 97–108.
- Галанина, 2010 — Галанина Л. К. Конское снаряжение из коллекции Елизаветинских древностей, хранящихся в Государственном Эрмитаже (раскопки Н. И. Веселовского 1914, 1915, 1917 гг.) // АСГЭ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. Вып. 38: Материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти Я. В. Доманского посвящается. С. 107–122.
- Дударев, Бережная, 2022 — Дударев С. Л., Бережная В. А. Бронзовый конский налобник из станицы Чамлыкской // XXXII Крупновские чтения. Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации: Материалы Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа, посв. 125-летию раскопок Майкопского кургана (Майкоп, 18–23 апреля 2022 г.) / Ред. М. С. Гаджиев, В. Р. Эрлих. Майкоп: ООО «Качество», 2022. С. 145–147.
- Ждановский, 2006 — Ждановский А. М. Курган № 30 у аула Нечерзий // Раев Б. А., Беспалый Г. Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов на/Д.: Южный НЦ РАН, 2006. С. 87–100.
- Каменецкий, 2009 — Каменецкий И. С. Главное погребение могильника Лебеди III // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Кубанский ГУ, 2009. С. 161–163.
- Каменецкий, 2011 — Каменецкий И. С. История изучения меотов. М.: ТАУС, 2011. 384 с.
- Лесков и др., 2005 — Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья в середине VI — начале III в. до н. э. Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М.: Наука, 2005. 192 с.
- Лесков и др., 2013 — Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья IV–III вв. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М.: Наука, 2013. 184 с.
- Лимберис, 1988 — Лимберис Н. Ю. Конские погребения из могильника городища № 3 у хутора имени Ленина // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа / Редкол.: В. Б. Виноградов, А. В. Гадло и др. Краснодар: Кубанский ГУ, 1988. С. 35–54.
- Лимберис, Марченко, 2005 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Пластинчатые налобники из Прикубанья // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Кубанский ГУ, 2005. С. 162–167.
- Лимберис, Марченко, 2006 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // МИАК. 2006. Вып. 7. С. 70–150.
- Лимберис, Марченко, 2012а — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Традиция, 2012. 316 с.
- Лимберис, Марченко, 2012б — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребение сарматского всадника на некрополе меотского городища // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И. И. Гуциной: Сб. ст. / Отв. ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М.: ГИМ, 2012 (Труды ГИМ; Вып. 191). С. 144–154.
- Лимберис, Марченко, 2013 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Всадническое погребение с умбоном из Среднего Прикубанья // Stratum plus. 2013. № 4: В поисках ойума. «Пути народов». С. 105–115.
- Лимберис, Марченко, 2015 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Две катакомбы позднесарматского времени из Пашковского могильника № 2 // Вестник Волгоградского ГУ. 2015. Т. 20, № 5. С. 126–138.
- Лимберис, Марченко, 2016 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Меотские всадники на восточной границе Боспора // Элита Боспора и боспорская элитарная культура: Материалы международного круглого стола (СПб., 22–25 ноября 2016 г.) / Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ПАЛАЦЦО, 2016. С. 245–250.
- Лимберис, Марченко, 2018 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронология погребений с конской упряжкой в зверином стиле из Прикубанского могильника // Вестник Волгоградского ГУ. 2018. Т. 23, № 3. С. 99–113.
- Лимберис, Марченко, 2019 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Железные удила со строгими насадками из меотских могильников Прикубанья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.). Т. 5: Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД, 2019. С. 159–172.
- Лимберис, Марченко, 2022а — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Комплекс конской узды из меотского погребения на правобережье Кубани // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21, № 1. С. 267–275.
- Лимберис, Марченко, 2022б — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Конская узда V–IV вв. до н. э. из меотских грунтовых могильников правобережья Кубани // XXXII Крупновские чтения... / Редкол.: М. С. Гаджиев, В. Р. Эрлих. Майкоп: ООО «Качество», 2022. С. 154–156.
- Лимберис, Марченко, 2022в — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Меотское погребение с «очковидными» псалиями // Друзей медлительный уход... Памяти Олега Шарова / Ред. М. М. Казанский, А. В. Мастыкова. Кишинев: Stratum Plus, 2022 (Библиотека Stratum). С. 143–151.
- Лимберис, Марченко, 2023 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. О некоторых категориях меотского импорта в раннесарматских погребениях // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур: Материалы IX Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы

- сарматской археологии и истории», посв. памяти А. С. Скрипкина (г. Волгоград, 15–19 мая 2023 г.) / Отв. ред. М. В. Кривошеев. Волгоград: Волгоградский ГУ, 2023. С. 114–127.
- Марченко, 1996 — Марченко И. И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: Кубанский ГУ, 1996. 338 с.
- Марченко, Лимберис, 2009 — Марченко И. И., Лимберис Н. Ю. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3. С. 69–74.
- Мурзин, Черненко, 1980 — Мурзин В. Ю., Черненко Е. В. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ: Сб. науч. работ / Отв. ред. А. И. Тереножкин, Б. Н. Мозолевский. Киев: Наукова думка, 1980. С. 155–167.
- Носкова, Кожухов, 1989 — Носкова Л. М., Кожухов С. П. Меотские погребения Ново-Вочепшийского могильника (по материалам раскопа 1985–1986 гг.) // Меоты — предки адыгов / Отв. ред. Н. В. Анфимов, П. У. Аутлев. Майкоп: б. и., 1989. С. 119–139.
- Отчет ИАК за 1904, 1907 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1904 г. СПб.: Тип. Гл. упр. делов, 1907. 185 с.
- Пиотровский, 1955 — Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур: Результаты раскопок 1951–1953 гг. Т. 3. Ереван: АН Армянской ССР, 1955. 74 с.
- Покровский, 1937 — Покровский М. В. Городища и могильники среднего Прикубанья // Труды Краснодарского гос. пед. ин-та. 1937. Т. VI, вып. I. С. 3–38.
- Прокопенко, 2009 — Прокопенко Ю. А. Особенности предметов конской упряжи из гробниц склеповых могильников Центрального Предкавказья второй половины IV — начала II в. до н. э. // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Кубанский ГУ, 2009. С. 313–316.
- Прокопенко, 2023 — Прокопенко Ю. А. Пластинчатые конские налобники конца IV — начала II в. до н. э. из памятников Центрального Предкавказья // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур... / Отв. ред. М. В. Кривошеев. Волгоград: Волгоградский ГУ, 2023. С. 128–133.
- Раев, Беспалый, 2006 — Раев Б. А., Беспалый Г. Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2006. 110 с.
- Сазонов, 1992 — Сазонов А. А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. Д. Х. Мекулов. Майкоп: Адыгея, 1992. С. 244–274.
- Смирнов, 1953 — Смирнов К. Ф. Северский курган. М.: Госкультпросветиздат, 1953 (Труды ГИМ; Вып. IX). 42 с., ил.
- Смирнов, 1958 — Смирнов К. Ф. Меотский могильник у станции Пашковской // МИАК. 1958. № 64. С. 272–312.
- Эрлих, 2011 — Эрлих В. Р. Святилища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н. э. М.: Наука, 2011. 212 с.

To the History of the Study of Horse Equipment from the Maeotian Sites of the Kuban Region

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko, A. N. Tkachyov⁴

Keywords: Kuban region, Maeotians, horsemen, horse equipment, bits, cheek-pieces, forehead pieces

The article deals with publications and monographs in which Maeotian horse bridle items appear. The different works systematise and well-date the bits with double-holed cheek-pieces and rigid cross-shaped check-devices, and discuss the origin and dating of laminated forehead pieces and breastplates.

⁴ Natalia Yu. Limberis, Ivan I. Marchenko, Alexey N. Tkachyov — Kuban State University; Krasnodar, Russia; e-mail: limberis2@mail.ru, meot@mail.ru, alexey_tk@mail.ru.

Анийские письма Н. Я. Марра из документального наследия В. А. Миханковойⁱ

М. В. Медведеваⁱⁱ

Аннотация. В статье впервые вводится в научный оборот серия писем академика Н. Я. Марра, написанных его учителем, известному востоковеду барону В. Р. Розену из Анийской экспедиции в период с 1892 по 1906 г. Комплекс является частью переписки ученых за 20 лет, подготовленной к печати еще в 1940-е гг. сотрудницей ИИМК АН СССР, заведующей мемориальным кабинетом Н. Я. Марра В. А. Миханковой. В то время издание не состоялось из-за начавшейся борьбы с марризмом. Машинописный вариант рукописи сохранился в собрании научного архива ИИМК РАН и позволяет завершить начатое В. А. Миханковой дело с учетом новых данных. Анийские письма Н. Я. Марра повествуют о бытовой и научной сторонах жизни экспедиции, а также раскрывают исторические обстоятельства, на фоне которых разворачивались полевые работы. Настоящая публикация приурочена к 160-летию со дня рождения академика.

Ключевые слова: Н. Я. Марр, В. Р. Розен, В. А. Миханкова, Анийская археологическая экспедиция, эпистолярное наследие, архивное собрание ИИМК РАН, Русско-японская война, история археологии, кавказоведение.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-45-127-140

В 2024 г. исполняется 160 лет со дня рождения академика Николая Яковлевича Марра (1864–1934) — яркой, но неоднозначной фигуры российской науки (рис. 1, 1). Отношение к научному наследию Н. Я. Марра до сих пор остается противоречивым, а рукописные материалы ученого все еще не полностью введены в научный оборот. Между тем объективная оценка его деятельности возможна лишь на основе комплексного анализа всей совокупности сохранившихся документальных источников.

После смерти Н. Я. Марра его личный архив поступил в Государственную академию истории материальной культуры, где был создан мемориальный кабинет (рис. 1, 2). Подразделением заведовала Вера Андреевна Миханкова (1892–1952), в течение многих лет исполнявшая обязанности

личного секретаря ученого и ставшая со временем его доверенным лицом. Под ее руководством все документы Н. Я. Марра были систематизированы, шифрованы и каталогизированы (Миханкова, 1947). В 1930–1940-х гг. В. А. Миханкова составила биографический очерк о жизни и научной деятельности Н. Я. Марра (Миханкова, 1949), а также активно готовила к публикации его неизданные труды. Значительная их часть так и не вышла из-за начавшейся в 1950 г. кампании антимарризма. Прошли десятилетия, и теперь все же следует завершить начатое В. А. Миханковой дело. В пылу борьбы с марризмом кабинет Н. Я. Марра ликвидировали, а архив академика разделили между собраниями ИИМК РАН и СПбФ АРАН, что затрудняет его комплексное изучение в наши дни (Медведева, 2022). Рукописи и письма Н. Я. Марра в основном находятся в СПбФ АРАН, однако целый ряд материалов, уже практически готовых к печати, сохранился в ИИМК РАН в машинописной версии. Среди них важное место занимает переписка Н. Я. Марра с его учителем, выдающимся востоковедом Виктором Романовичем Розеном (1849–1908) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 158), воспитавшим в конце XIX — начале XX в. целую плеяду блестящих исследователей, работавших в разных областях российского

ⁱ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00354, <https://rscf.ru/project/22-18-00354/>), в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете.

ⁱⁱ Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, РФ; Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет; Москва, РФ; e-mail: marriyam@mail.ru.

востоковедения. Письма двух ученых уже давно привлекли внимание современных специалистов, и некоторые из них уже были не так давно опубликованы (*Рябошлык*, 2009).

В предисловии В. А. Миханкова кратко изложила историю подготовки переписки к изданию. Впервые имя В. Р. Розена она узнала от Н. Я. Марра в начале 1920-х гг.: «Каждый, кому приходилось впервые видеть Н. Я. Марра в его домашней обстановке, не мог не обратить внимания на спартанскую простоту, окружавшую его. Полное отсутствие каких-либо предметов комфорта, тем более роскоши, никаких ваз, картин, портьер и т. п. По всем стенам и во всех комнатах шкафы и, главным образом, полки с книгами. Кабинет ими переполнен. И лишь один портрет, увеличенная фотография, на освобожденном от книг простенке кабинета (рис. 1, 3). Когда я впервые вошла в этот кабинет более четверти века тому назад, то невольно обратила внимание на портрет. Заметив это, Н. Я. Марр сказал: „Это барон Розен, мой любимый и, пожалуй, единственный учитель“. <...> Увидев мое недоумение, Н. Я. вышел в соседнюю комнату, вынес оттуда какую-то брошюру и, дав ее мне, сказал: „Советую познакомиться“. Это было приложение к т. XVIII Записок Восточного отделения, в котором были напечатаны доклады на заседании Отделения 20/XI 1908 г., посвященном памяти барона Розена»ⁱⁱⁱ (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 158. Л. 1).

В дальнейшем В. А. Миханкова неоднократно слышала от Н. Я. Марра, С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда, С. А. Жебелева и других известных представителей академической науки дореволюционного поколения воспоминания об их работе, и «в этих рассказах имя Розена повторялось постоянно, всегда с особым уважением и теплотой» (*Там же*).

В 1931 г., уезжая в заграничную командировку, Н. Я. Марр поручил В. А. Миханковой «привести в порядок накопившиеся за многие годы в его кабинете рукописи и бумаги, в частности, переписку, сказав, что писем он в большинстве случаев не сохранял, а те, которые сохранились, находятся в состоянии хаоса первых дней творения. Так оно и было. И лишь письма Розена лежали в отдельном конверте в верхнем ящике конторки, в котором хранились документы» (*Там же*).

Осенью 1941 г. по совету С. А. Жебелева В. А. Миханкова приступила к обработке переписки Н. Я. Марра с В. Р. Розеном, окончив ее к 1947 г. Всего комплекс содержал 105 писем (из них 40 писем В. Р. Розена и 65 — Н. Я. Марра), которыми ученые

обменивались на протяжении 20 лет, со времени студенчества Н. Я. Марра и почти до самой кончины барона. В момент работы В. А. Миханковой с перепиской письма В. Р. Розена, обращенные к Н. Я. Марру, находились в мемориальном кабинете в ИИМК АН СССР (*Миханкова*, 1947), а ответные письма Н. Я. Марра хранились в рукописном отделе Института востоковедения АН СССР. В настоящее время вся переписка вошла в состав личных фондов Н. Я. Марра и В. Р. Розена в СПбФ АРАН (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 798; Ф. 777. Оп. 2. Д. 262–269).

Изначальная идея В. А. Миханковой заключалась в публикации всей переписки целиком в виде отдельной книги, и хочется надеяться, что когда-нибудь задуманное ею полное издание писем осуществится. Вся корреспонденция по месту отправки подразделяется на несколько групп, и часть писем написана Н. Я. Марром в Ани, средневековой столице Армянского царства, где ученый провел в дореволюционное время 16 полевых сезонов (*Марр*, 1934). Многолетняя Анийская экспедиция и созданный прямо на месте раскопок научно-просветительский музейный центр стали главными плодами археологической деятельности Н. Я. Марра, но большая часть результатов работ бесследно исчезла (*Орбели*, 1934. С. 197; *Тункина*, 2004. С. 686, 687; *Чубинов*, 1918. С. 2).

Письма В. Р. Розену из Ани охватывают период с 1892 по 1907 г.^{iv} В них содержатся интересные сведения по истории региона в эти годы, заметки Н. Я. Марра этнографического характера, его впечатления об общеполитической ситуации в Закавказье на фоне Русско-японской войны и революции 1905 г. Молодой ученый советуется со своим учителем по вопросам полевой методики, рассказывает о бытовых и организационных сложностях, с которыми ему пришлось столкнуться во время экспедиции.

В свете печальной судьбы анийских материалов любая новая информация об исследованиях Н. Я. Марра в Ани имеет существенное источниковедческое значение. Введение в научный оборот анийских писем Н. Я. Марра станет еще одним небольшим шагом в сторону беспристрастного пересмотра научного наследия ученого и таким образом позволит отдать достойную дань памяти основателю и первому председателю Академии истории материальной культуры, предшественнице ИИМК РАН.

^{iv} Здесь публикуются письма 1892–1906 гг. Еще два анийских письма, 1905 и 1907 гг., см.: *Рябошлык*, 2009. С. 497–501.

ⁱⁱⁱ См.: *Памяти...*, 1909.

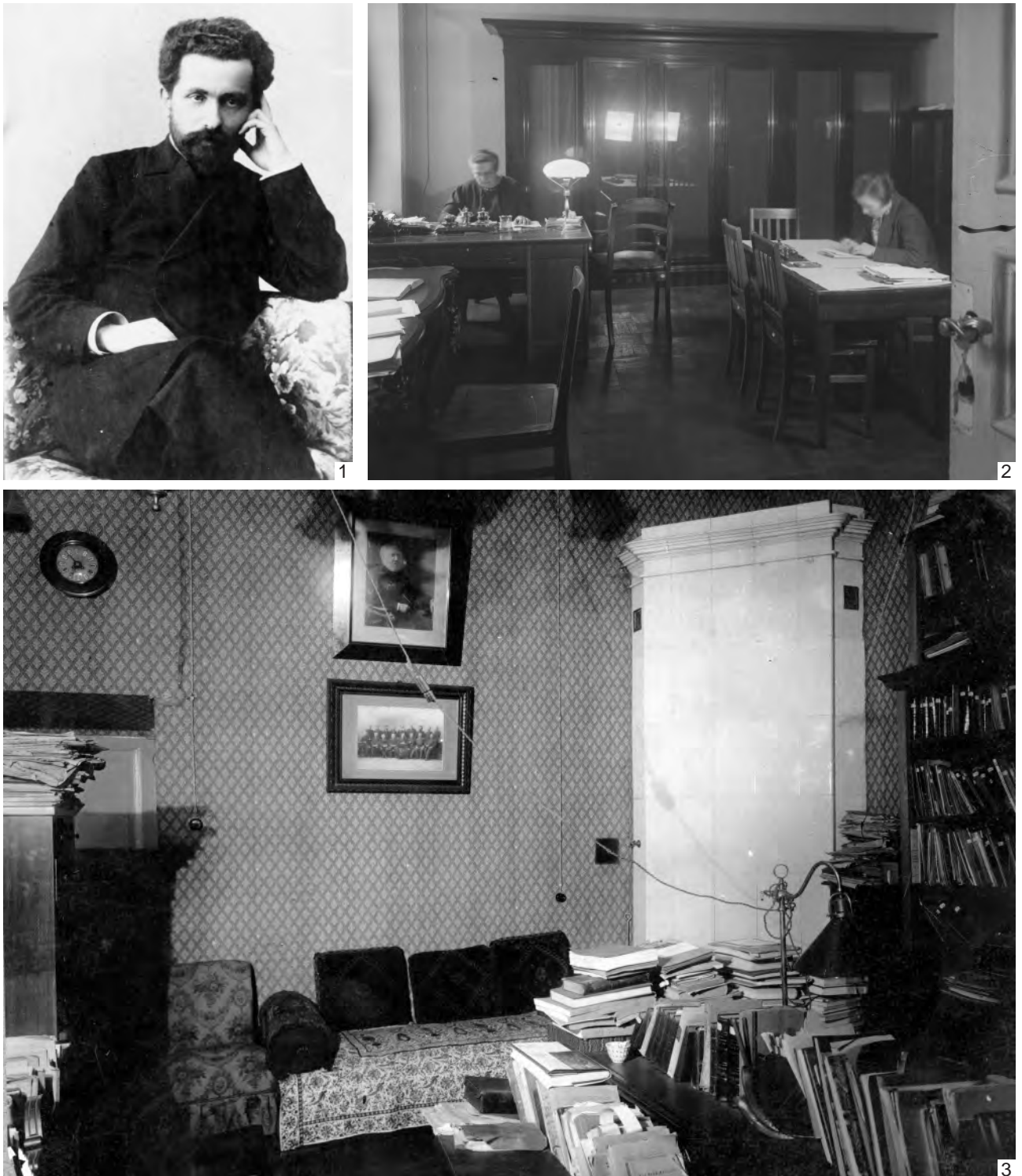

Рис. 1. 1 — Н. Я. Марр, 1906 г.; 2 — работа мемориального кабинета Н. Я. Марра во второй половине 1930-х гг., слева за столом сидит В. А. Миханкова; 3 — стена в домашнем кабинете Н. Я. Марра с портретом В. Р. Розена, 1930-е гг. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1067/14 (1); neg. II 39677 (2); отп. О.1068/42 (3))

Fig. 1. 1 — N. Ya. Marr. 1906; 2 — work of the N. Ya. Marr Memorial Cabinet in the second half of the 1930s, V. A. Mihankova is sitting at the desk on the left; 3 — wall in the home study of N. Ya. Marr with a portrait of V. R. Rosen, 1930s (SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.1067/14 (1); neg. II 39677 (2); print O.1068/42 (3))

Н. Я. Марр. Письма В. Р. Розену

Комментарии В. А. Миханковой,

подготовка к публикации и дополнения к комментариям М. В. Медведевой

1 (23)¹17 июня [1892 г.]²

Многоуважаемый Виктор Романович, вчера минул месяц, как я в Ани³: на днях собираюсь выехать через Багаран и другие места, в Армавир и пр. Работы мои в Ани ограничиваются раскопками и их дневником⁴ (описанием), равно

¹ Здесь и далее номер письма в скобках дается по нумерации рукописи, подготовленной В. А. Миханковой (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 158). Авторские примечания В. А. Миханковой сохранены, дополнены и отредактированы с учетом новых сведений и требований к изданиям; библиография уточнена; орфография и пунктуация приведены к современным нормам правописания с сохранением особенностей стилистики.

² Год не указан, но определяется сведениями о раскопках в Ани, сообщаемыми в этом письме, а также постановлением Совета Университета от II.V.1892 г. о командировании Н. Я. Марра в Армению (Протоколы..., 1892. С. 19). Авторские примечания сохранены, дополнены и отредактированы с учетом новых сведений и требований к изданиям, библиография уточнена; орфография и пунктуация приведены к современным нормам правописания.

³ В 1892 г. Н. Я. Марр приступил к раскопкам в Ани, которые длились с 15 мая по 24 июня. Сообщение о работах в Ани он сделал в Восточном отделении Русского археологического общества 22.XII.1892 г. (ЗВОРАО, 1893. С. VIII). Отчет о раскопках напечатан в Отчете ИАК за 1892 г. (Отчет ИАК за 1892 г., 1894. С. 75–86); полный отчет о раскопках и поездке для осмотра памятников архитектуры находится в архиве ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1892. Д. 33. Л. 115–121, 147–240); черновики дневника раскопок — в кабинете Н. Я. Марра ИИМК: А 783, А 784, А 787, А 1993, А 1940, А 2664. Здесь и далее ссылки на документы из кабинета Н. Я. Марра даются в авторской версии В. А. Миханковой, в настоящее время все упомянутые в переписке дела хранятся в СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1, 2. Рукописи, имеющие в старом шифре литеру «А», можно найти в Оп. 1 с соответствующими номерами; письма, содержащие литеру «Б», представлены в Оп. 2.

⁴ Из рукописей, относящихся к работам лета 1892 г. в Армении (в Ани и окрестностях) кроме указанных в примеч. 2 дневников сохранились его записи о памятниках архитектуры и надписях (А 1827, А 788, А 1385, А 2364).

фотографическими снимками выкопанных предметов⁵. Вещей (денег, орудий etc) никаких не найдено, понятно, я только мог докопать до почвы, чтобы выяснить план здания, а находки могут быть сделаны при дальнейшем копании; раскопки мои обнаружили маленькую расписанную внутри и украшенную снаружи резными орнаментами церковь с кладбищем⁶. Как стенная живопись, так и орнаменты сохранились (первая сильно поврежденная), и мною сделаны снимки; несколько голов святых (они лучше сохранились и не так громоздки) высылаю Археологической комиссии⁷.

Работы меня слишком утомили; одному человеку не по силам вести все то, что требовалось, довериться же тут никому не мог, потому по изучению Ани и окрестностей успел мало и поверхностно. Калмыков⁸, прекрасный малый, но сюда я привез его напрасно; позавчера он выехал из Ани. Здесь много приходилось и приходится терпеть от невежества духовенства; сначала они хотели мне помешать, воспрепятствовать раскопкам. Я нарочно снесся непосредственно с заместителем католикоса, которого знаю лично; хотя мне было известно, что могу с полицейскими властями сделать все, что хочу, но сделай так, мне житья бы тут не было; открыто они не решились бы ни на что, но на каждом шагу имеют возможность гадить: то работников отгонять, суля им то и се и уверяя, что я прибавлю им поденной платы, то отказывая в лошадях (крестьяне в руках здешнего вардапета)⁹ etc. Впрочем, многое происходило и от моей неопытности, но теперь умудрился и знаю, как ве-

⁵ Фотографии и негативы хранятся в фотоархиве ИИМК (в настоящее время НА ИИМК РАН. ФО. Инв. № 54473–54853).

⁶ Церковь Бахтагека XIV в. О ней см.: Отчет ИАК за 1892 г., 1894. С. 78–86, рис. 42, 43; *Марр*, 1934. Табл. XV–XVIII, рис. 42–46; *Сычев*, 1912.

⁷ Хранятся в отделе Востока Гос. Эрмитажа (см.: *Драмлян*, 2018. С. 234).

⁸ Студент университета, слушатель Н. Я. Марра.

⁹ Вардапет — в современном употреблении архимандрит, в древности — монах, известный своей ученостью (см.: *Марр*, 1899. § 432; 1903. С. 34–38; 1904. С. 0143–0144; 1915. С. 39 и другие работы, в том числе: *Марр*, 1892).

сти с ними дело. Остаются теперь раскопки в двух местах (Багаран¹⁰ и Армавир¹¹) и описание более 20 церквей¹². Более месяца не продлится (или 1 ½ месяца) мое существование в Армении: во-первых, деньги подходят к концу, во-вторых, как выше я сказал, условия притом тут прескверные, все норовят на каждом шагу обобрать, а удобств в смысле питания никаких, большей частью сыр и хлеб, лишь в Ани кормят курой, и то за сравнительно высокую цену (обед обходится в рубль) микроскопическими порциями. Пока, впрочем, я здоров.

Почтительнейший поклон Ольге Феодосьевне¹³.

С глубоким к Вам уважением,

Н. Марр

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 158. Л. 191–193.

Машинопись с рукописной правкой)

2 (25)

Ани. 17 июня 1893 г.

Многоуважаемый Виктор Романович, я уже третий день в Ани¹⁴, получил сегодня из Александрополя¹⁵ заказанные там орудия для раскопок, но работы не начинал за отсутствием рабочих. Ныне страдная пора, и соглашаются работать лишь за 80 к[опеек]. Эта плата чуть ли не в три раза больше прошлогодней (30 к[опеек]). Если не удастся подговорить рабочих по 40 к[опеек], принужден буду отказаться от раскопки большого бугра около

¹⁰ О работах в Багаране см.: Отчет ИАК за 1892 г., 1894. С. 82–84. О багаранских надписях см. также: Марр, 1893, 1894а. С. 69, 90–97; ср.: Орбели, 1914. С. 126–130.

¹¹ О работах в Армавире см.: Отчет ИАК за 1892 г., 1894. С. 84.

¹² См.: Отчет ИАК за 1892 г., 1894. С. 81, 82, а также дневник поездки Н. Я. Марра (А 1940). Докладные записки Н. Я. Марра в ИАК о работе экспедиции в 1892 г. см.: Пескарева, Баликян, 1981а.

¹³ Жена В. Р. Розена, дочь историка военно-морского флота Ф. Ф. Веселаго.

¹⁴ О раскопках Н. Я. Марра в Ани в 1893 г. (II.VI–II.VII) см.: Отчет ИАК за 1893 г., 1895. С. 33–36; Марр, 1934. С. 13, 32, 54. Подлинный отчет, напечатанный в Отчете ИАК со значительными сокращениями, находится в архиве ИИМК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1893. Д. 61. Л. 149–184). Дневник раскопок 1893 г. хранится в кабинете Н. Я. Марра ИИМК (А 2961). Дневник поездки по Армении летом 1893 г. хранится там же (А 2901). Докладные записки Н. Я. Марра в ИАК о работе экспедиции в 1893 г. см.: Пескарева, Баликян, 1981б.

¹⁵ Ныне Лениканан (в настоящее время Гюмри).

минарета, требующего продолжительной работы.

В ожидании рабочих занят снимками надписей; способом ак[адемика] Радлова¹⁶ получаются эффектные снимки, но требуют ужасно много времени: две надписи в 7–8 строк сегодня заняли целый день. Результаты не всегда блестящие, иногда просто-таки неудовлетворительные. Много, конечно, зависит от сноровки. Это первые опыты, сделанные мною. Многому приходится учиться при самой работе, так как в имеющейся у меня в руках брошюре W. Radloff, *Eine neue Methode zur Herstellung von Abklatschen etc* (Radloff, 1892)¹⁷ часто не нахожу указаний по пустячным вопросам (может быть, или наверное, так как они пустячны), напр., какой силы и как заготовить гуммиарабик¹⁸.

Жизнь тут, нельзя сказать, дешевая или дорогая: тут нет ничего или почти ничего. Я запасаюсь из Петербурга русскими недорогими консервами и ими пробавляюсь, и то через день; прочие дни питание — чай и сыр; сыр здесь вечно молодой, как молоко, без всякого вкуса. Здесь, действительно, дешево кислое молоко, но я не любитель; сыр же фунт 15–25 коп[еек]. Хлеба на месте также нет: крестьяне питаются печеньем в форме продолговатого овала толщиной в 1 см или менее, это называется у них «лаваш», но никакого сравнения с тифлисским лавашем. Здешний лаваш — это нечто вроде кожи. Немного лучше «бокон»: это род печенья в форме кольца; горячий, только что испеченный, он вкусен, но как остынет, замечается, что не допечен. Город в 30–40 верстах, не

¹⁶ Радлов Василий Васильевич (1837–1918) — академик, тюрколог, этнограф, археолог.

¹⁷ О способе эстампирования академика В. В. Радлова см., кроме того: Радлов, 1893. Способ этот очень интересовал Н. Я. Марра. В письмах его в Археологическую комиссию еще до выезда в Ани 23.III он просит заказать в типографии Академии потребный набор инструментов (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1892. Д. 33. Л. 111–112); в 1893 г. Н. Я. Марр пишет в Комиссию, что клинообразную надпись в Кульджане он сфотографировал, но хочет еще раз поехать туда, чтобы сделать снимок способом акад[емика] Радлова (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1893. Д. 61. Л. 27об.).

¹⁸ В ответном письме В. Р. Розен пишет, что «способ Радлова, действительно, требует сноровки и довольно большого персонала. Если Вы один будете все операции производить, то едва ли много снимков сделаете» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 158. Л. 200). Комплекс эстампажей анийских надписей и орнаментов в настоящее время хранится в научном архиве ИИМК РАН.

всегда есть возможность обращаться туда. В Ани и окрестностях мясного ничего нельзя достать или невозможно пользоваться мясным: имеются барашки, но, если купите — барашек 2–3 р[убля], к следующему дню портится. Кур мало: только что оперившиеся молодые по 15 к[опеек] штука. Возвращаясь к надписям, я должен заметить, что большой признательности заслуживают монахи, собравшие в начале этого столетия и издавшие здешние армянские надписи. В настоящее время значительная часть попорчена: исчезли камни, выветрились и т. п. Новых надписей важных не находил. Нашел я лишь надпись 667 г. (1228 г. по Р. Хр.) на камне, служившем основанием креста резного. Содержание шаблонное (просьба молиться о поставившем крест).

При первой возможности попрошу выслать мне сюда (Александрополь в Эриванской губ., начальнику Шурагельского участка кап. Надеждину для передачи Н. Я. Марру) 60 р[ублей] из моего жалования июньского, остальное же, будьте так добры, направьте вместе с июльским одновременно в Эчмиадзин (Эриванской губ., Эчмиадзин (Вагаршапат), Н. Я. Марру до востребования) по оставленному мною адресу, повторяемому тут.

Прошу извинить за беспокойство. Погода стоит хорошая: днем жарко, но не особенно; в комнате 18° по R¹⁹; ночью холодно.

Прошу передать мой почтительный поклон Ольге Феодосьевне.

С глубоким к Вам уважением,
Н. Марр

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 158. Л. 197–199.
Машинопись с рукописной правкой)

3 (27)

Ани. 28.VII [1893]²⁰

Многоуважаемый Виктор Романович, за высылку денег благодарю; получил их (60 р[ублей]) вчера. Относительно статьи Такайшвили²¹ я сам рад, что она поспела вовремя, мне самому очень хочется привлечь его к сотрудничеству в «Записки»²²: у него много интересных

материалов, да и находится в его руках библиотека (Общества распространения грамотности), скрывающая в себе, можно сказать, а priori²³ немало жемчужин. Я получил от него письмо, которое сообщает, что приготовил к печати варианты к «Истории Варлаама и Иоасафа» по четырём рукописям²⁴. Приехал в Тифлис Хаханов²⁵ и наведалься у него (Такайшвили); по-видимому, пишет по этому поводу Такайшвили, нуждается в новых «материалах» для своих статей. Радловский способ не только требует сноровки, терпения и времени (всего этого можно достичь), но, оказывается, еще известных условий. Не всякая надпись может быть снята способом акад[емика] Радлова, так, ни одной из выкопанных мной надписей не подходит он: камень мягкий или размякший, буквы портятся при прикосновении и, во всяком случае, не выносят ударов щетки. Я собираюсь на днях в Багаран для снимков древней надписи Бута (известной Вам по статье в «Записках» (Марр, 1893)²⁶) способом Радлова. Я очень хотел получить удачный снимок этой древней надписи именно способом Радлова, дающим, действительно, прекрасные результаты при хороших условиях. Кстати, В. В. Радлов в день моего отъезда из Петербурга говорил мне, что Академия наук дала бы средства, если нашлись бы рукописи армянские в продаже. Мне приходится у отдельных лиц видеть хотя и не древние, но интересные

²³ Лат.: заранее.

²⁴ Напечатана под редакцией Е. Такайшвили на грузинском языке в Тифлисе в 1895 г. Рецензию Н. Я. Марра на эту работу см.: Марр, 1897.

²⁵ Хаханов (Хаханашвили) Александр Соломонович (1866–1912) — этнограф, литературовед, историк. Профессор грузинской литературы в Лазаревском институте восточных языков и Московском университете. (О нем и его взаимоотношениях с Н. Я. Марром см.: НА ИИМК РАН. РО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 158. Л. 118–120; Богданов, 1912; Джавахов, 1912.)

²⁶ В статье «Новые материалы по армянской эпиграфике» Н. Я. Марр отмечает, что в нее не вошло издание Багаранской надписи с именем Бут, снимки с которой он предполагает сделать вторично летом 1893 г. «лучшим способом», то есть способом Радлова (Марр, 1894а. С. 69). Об этом же он пишет 19.IV.1893 г. Л. 3. Мсерьянцу: «от опубликования самой надписи [Багаранской] воздерживаюсь и в печатаемом выпуске надписей (опять Зап[иски] Вост[точного] Отд[еления]), так как хочу свое чтение вторично проверить и, если будет возможно, сделать оттиск хотя бы нескольких небольших букв надписи» (Б-46, Л. 3). Намерение Н. Я. успехом не увенчалось <...>.

¹⁹ Градус Реомюра, 22,5° по Цельсию.

²⁰ Год не обозначен, но определяется без труда по связи с предыдущими письмами.

²¹ Такайшвили (Такайшвили) Эвгиме (Евфимий) Семенович (1863–1953) — историк, филолог, археолог, один из основоположников музейного дела в Грузии; общественный деятель.

²² Записки Восточного отделения Российского археологического общества.

рукописи, приобретение которых было бы очень желательно. Я обратился по этому поводу письмом к акад[емику] Радлову, прося исходатайствовать у Императ[орской] академии наук на это дело сумму в 60–100 р[ублей]. Сейчас я видел рукопись XIV в. с иллюстрациями св. Афанасия патриарха, приобщения Христом учеников под видом хлеба, распятия: рукопись сама (она in 40, небольшая) содержит лишь богослужение армянское, но из-за времени (XIV в.) и иллюстраций (образчик XIV в.) стоило бы приобрести и за ту сумму, которую запросил собственник (13 р[ублей]).

Раскопки в Ани нынешнего года нельзя считать неудачными, сравнительно с прошлогодними я их нахожу более удачными по одному тому, что обнаруженная раскопками стена (собственно часть стены городской 964 г.) дает хорошо ориентироваться по вопросу о старом и новом (позднейшем) Ани²⁷. Кроме того, надписей сравнительно много; в прошлом году была выкопана одна, в нынешнем — около десяти (все дефектные, но за исключением двух-трех во всех восстанавливаются существенные части содержания)²⁸.

Командировка моя продлилась, как Вам уже известно²⁹; раскопки могильника (Ворнакского³⁰, по Дебеда-чаю, притоку Куры), [идут] легко, но все же едва ли буду в Петербурге до 20 сентября. 10 августа оставляю Ани и окрестности, еду через Эчмиадзин в Двин³¹ и Баш-Гарни³², откуда через

Эривань и опять Эчмиадзин (где к 20 авг[уста] буду ждать остаток июньского и июльского жалованья) по восточному склону или, вернее, подножию Алагеза в Дилижан и к Дебеда-чаю: это составит 200 верст верхом.

О Жуковских³³ не имею никаких сведений, из Вашего письма узнаю, что В. Ал. [Жуковского] нет в Петербурге. Приходится еще раз побеспокоить Вас. Жена моя возвратится, по всей вероятности, раньше, в августе, и в таком случае доверенность на получение августовского жалованья для передачи ей пришлю Вам.

Здесь страшная жара, особенно с 10 ½ до 2 ½ (до 39° по R)³⁴, и на раскопках в это время сущее наказание; впрочем, английская каска прекрасно предохраняет голову.

Диссертация моя застряла совсем; получаю корректуры, но совсем не имею времени для занятий³⁵. К лекциям готовлюсь в свободное время. Хочу прочесть в этот семестр историю Ани как введение к чтению историков Ани, назначенному в это или следующее полугодие (весной)³⁶. Кажется, порядок требует, чтобы при запаздывании объявлялось, когда кто начнет чтение лекций. А может быть, будет новый охотник учиться хайскому языку³⁷, и, не видя никого и не зная, будет ли кто преподавать, оставит доброе намерение. Извещением от факультета (не знаю, как это делается) можно и эту случайность предотвратить.

Прошу передать мой почтительный поклон Ольге Феодосьевне.

нимали участие также архитектор К. К. Романов и студент Н. Н. Тихонов, фотограф экспедиции (*Тревер*, 1953. С. 34).

³³ Жуковский Владимир Алексеевич (1858–1918) — иранист, профессор Императорского Санкт-Петербургского университета, брат жены Н. Я. Марра. Жуковская Варвара Ивановна, урожд. Карлошева, — жена В. А. Жуковского.

³⁴ Почти 49° по Цельсию.

³⁵ Магистерская диссертация была закончена только в 1899 г., опубликована в трех томах. «Сборники притч Вардана», т. II и III, вышли в 1894 г. (*Марр*, 1894б; 1894в), предисловие ко II т. было написано 26.V.1893 г., к т. III — 1.XII.1893 г., т. I вышел в 1899 г. (*Марр*, 1899).

³⁶ План лекций и материалы к ним хранятся в кабинете Н. Я. Марра ИИМК: А 886 — Археологические материалы из армянских источников, А 1110 — Армянские источники о постройках, А 2669 — История Ани. В дальнейшем эти лекции были переработаны в соответствии с результатами раскопок в Ани и составили первую часть обобщающей монографии (*Марр*, 1934).

³⁷ Древнеармянский язык.

²⁷ См. отчет о работах в Ани в 1893 г. (Отчет ИАК за 1893 г., 1895. С. 33–36), а также в архиве ИИМК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1893. Д. 61. Л. 149–153).

²⁸ См. там же, а также материалы о работах в Ани в 1893 г. в рукописях, хранящихся в кабинете Н. Я. Марра ИИМК (А 2961, А 1907, А 2901).

²⁹ По ходатайству Археологической комиссии срок командировки Н. Я. Марра, разрешенный университетом на три месяца с 10.V по 10.VIII, был продлен до 20.IX <...>.

³⁰ О раскопках в Ворнаке см.: Отчет ИАК за 1893 г., 1895. С. 36, а также рукописный отчет о раскопках (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1893. Д. 61. Л. 174–184) и в кабинете Н. Я. Марра ИИМК (А 2994), а также дневник раскопок в Ворнаке за время 24.IX–1.X.1893 г. в кабинете Н. Я. Марра ИИМК (А 2927).

³¹ О поездке в Двин см.: Отчет ИАК за 1893 г., 1895. С. 35.

³² Гарни — село недалеко от Еревана. В 1893 г. Н. Я. Марр осматривал там развалины языческого храма. В 1909 г. РАО приступило к большим исследованиям храма, возложив на Н. Я. Марра руководство ими. Работы производились в 1909, 1910 и 1911 гг. при ближайшем участии Я. И. Смирнова. В них при-

Обстоятельства принудили меня обратиться в Археологическую комиссию за теми деньгами, которые она в прошлом году определила выдать мне в счет передержки³⁸. В сравнительно короткое время (всего за два месяца) я износил уже три пары сапог. Мне не хочется задолжать тут, а денег Комиссии едва хватает на выполнение программы. Хотя молва о здешних скорпионах, фалангах, тарантулах и змеях значительно преувеличена, но все же спокойнее, когда человек защищен от всяких случайностей. Змею всего-навсего за это время видел два раза; скорпионов больше, особенно когда приходилось делать снимки фотографий и устанавливать камень орнаментированный или надписи, часто под ними оказывались 2–3 скорпиона, но они большей частью маленькие, не больше вершка длиной.

Статья моя уже подвергается критике или, точнее, рецензии в одном из июльских номеров армянской (тифлисской) газеты «Ардзаганк»³⁹, но я не читал; пока не получил я и экземпляров статьи моей.

С глубоким к Вам уважением,

Н. Марр

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 158. Л. 201–205.

Машинопись с рукописной правкой)

4 (98)

Городище Ани. 1904.6.13 [13.VI 1904]

Глубокоуважаемый Виктор Романович, уже девятый день, как я в Ани⁴⁰, неделя, как веду

раскопки. Последние в этом году будут иметь значение, по-видимому, лишь для топографии, нет пока ни надписей, ни орнаментов, и, пожалуй, можно теперь сказать, что их не предвидится, если на раскапываемой площади не окажется более двух саженой наносной земли⁴¹. Явление для Ани неожиданное, тем более что холм, мною раскапываемый, — из крупных, наиболее крупный в древней части Ани⁴².

Погода здесь отличная, если бы не ветер, по временам с выкапываемой золой и пылью, причиняющий большое раздражение. Климат сухой, жарко, но ночь и утро холодные (до 8 ч. утра я одеваюсь на раскопки в шубу). Жизнь на развалинах Ани теперь значительно сноснее, чем 11 лет тому назад. Архимандрит хозяйственный, и он кормит достаточно хорошо, по крайней мере, есть что есть. Само помещение несколько сырое, но большую часть суток мне приходится быть на воздухе.

Что очень неприятно, так это разговоры о войне и сильное повсеместное недовольство, можно сказать, молчаливая война между населением и администрацией. Здесь ежедневно от 20 до 50 посетителей наезжают, и несмотря на то что не имею лично ни с кем никакого сношения, и времени нет, и избегаю, все доходит до меня, все слышу, стоя у работы. Я очень рад, что не получаю никаких газет. На вопрос о войне я отвечаю, что у меня никаких вестей нет. Иногда, впрочем, сами сообщают о настоящих и будущих поражениях

³⁸ На работы в Ани и на осмотр памятников Армении в 1892 г. Археологическая комиссия ассигновала 1000 р. Перерасход в сумме 120 р [рублей] был возмещен Н. Я. Марру в сентябре 1893 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1893 г. Л. 30, 32, 45).

³⁹ «Ардзаганк» («Эхо») — армянская газета, издававшаяся в Тифлисе. В № 83 от 21.VII.1893 г. была помещена заметка о работе Н. Я. Марра «Новые материалы по армянской эпиграфике» (Марр, 1894а).

⁴⁰ В 1904 г. Н. Я. Марр возобновил прерванные с 1893 г. раскопки в Ани <...> Раскопки 1904 г. продолжались с 7.VI по 15.VII. Отчет о раскопках напечатан в Известиях ИАК (Марр, 1906а). Полный текст отчета, помещенного в Известиях ИАК в сокращенном виде, в кабинете Н. Я. Марра ИИМК (А 2923 — копия, сделанная А. А. Марр). В Археологическую комиссию Н. Я. сдал дневник с тремя приложениями: а) список предметов, найденных при раскопках, б) расположение предметов в музее, в) рисунки предметов из раскопок 1904 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1904. Д. 79. Л. 18–33об.). Фотографии хранятся в фотоархиве ИИМК АН СССР (НА ИИМК РАН. ФО. Альбом

Q 559). Докладные записки Н. Я. Марра в ИАК о раскопках в Ани в 1904–1907 гг. см.: Пескарева, Баликян, 1981в; письма Н. Я. Марра об анийских исследованиях 1904–1917 гг. из хранения Национального архива Армении см.: Мирзоян, 1979.

⁴¹ Раскопки 1904 г., действительно, дали много ценных материалов для топографии города, в частности, был открыт квартал, заселенный беднейшей частью городского населения. Об этих жилищах Н. Я. пишет в отчете: «в обществе и среди ученых интерес существует преимущественно, если не исключительно, к праздничному, нарядному Ани... Но не надо забывать, что как ни мал Ани, но в нем жили и простые смертные, рабочие, ремесленники, мелкие торговцы, вообще трудящийся люд. Изучение их быта, как бы скромно и неприглядно он ни был, их непритязательных помещений и обихода, словом, будничного, повседневного Ани, представляет для нас не меньший общественно-исторический интерес» (Марр, 1906а. С. 83).

⁴² О находках надписей в 1904 г. см.: Марр, 1906а. С. 90–94; о других находках — Там же. С. 89.

русских. Грузины, армяне, турки — все одинаково горят желанием полного разгрома России и победы Японии. Начиная с Тифлиса, я уже ни одного искреннего сочувствия не слышал ни в одном кружке России, ни одного здравого суждения. Все ослеплены успехами японцев, все злорадствуют «глиняной мощи» России. В Грузии сложили уже стихи (народная песня) о русских в Манчжурии; она везде распевается. Ни одна попойка не обходится без нее. Тифлиссские «гамены» (кинто)⁴³ острят вслед офицерам и солдатам на местных языках. В лавках, торгуясь и не соглашаясь на цену лавочника, солдат слышит: «ступай, ступай, закуски японца». На обедах самая плоская шутка, простой намек на Японию вызывает дружный хохот. Не стесняются даже присутствием офицеров, особенно если они не русские. Более того, в самой администрации и не местные, так, напр[имер], поляки, не скрывают радости, не стесняются перед незнакомым говорить откровенно о симпатиях японцам.

В этом отношении любопытная была у меня беседа с одним приставом: я ушам не верил. Стражники (созданные Голицыным⁴⁴ охранители мира) и те объясняли мне, что России конец. Когда я спросил, почему они недовольны русскими, наверное, и они встречали хороших русских, осетин-стражник в присутствии товарищей ответил: «У нас не бывает, нас русские терпеть не могут. Известно, черт черта любит». В Александрополе мне сообщили о предсказании, имеющемся будто бы у Иоанна или у какого-то пророка, что Россия погибнет от народа, который появится с востока (Япония). Администрация чувствует, многое знает, но ничего не понимает и еще более вызывает своими действиями недовольство⁴⁵. Вообще я не узнаю края. И народ, и администрация стоят на ложном пути, и столкновение неизбежно, если во главе Кавказа не будет поставлен человек, действительно знающий край и

⁴³ Мелкие уличные торговцы фруктами и овощами вразнос.

⁴⁴ Голицын Григорий Сергеевич (1838–1907) — государственный и военный деятель, генерал-адъютант, князь, с 1897 по 1904 г. главноначальствующий на Кавказе.

⁴⁵ Ср. характеристику, данную Н. Я. Марром в брошюре «Из гурийских наблюдений и впечатлений». Говоря о заигрывании правительства с некоторой частью армянской и грузинской буржуазии, Н. Я. называет его «бессильной, деморализованной администрацией, глазеющей, но ничего не видящей, слышащей, но ничего не понимающей» (Марр, 1905. С. 10).

здравомыслящий⁴⁶. О местных порядках можно судить хотя бы по такому случаю: из военного склада с караульными в Александрополе украли полмиллиона патронов. Захватили лишь где-то на границе, да не все. Патроны были проданы!! В Карсе застрелился пристав (князь какой-то); занимался вымогательством у армян, страша обыском и доносом. Сослуживец, повздоривший с ним, донес. О степени распространенности брожения можно судить по тому, что в Александрополе обыск был даже у городского головы (он же остается городским головою). Вообще, приходится слышать ужасные вещи, о которых уже не пишу, так как слышу не из первоисточников.

Получил я из дому письмо, из которого узнаю, что местность оказалась чудной, дача великолепной, жизнь дешевой и вообще условия прекрасными. На даче, где жена, оказывается, два года жил А. М. Жданов⁴⁷. Жалуются лишь на холод (выше 14 гр. не поднималась температура). Дети, однако, чувствуют себя отлично.

Здесь слух дошел, что убито сотни две русских офицеров. Ужасно неприятное состояние. Ничем их образумить нельзя, все свое твердят, все ссылаются на бесконечные нарушения законов со стороны администрации, и приходится прекращать разговоры. Они не верят ничему, что с хорошей стороны может осветить русских. Японцы — другое дело. «В двадцать лет они сделались образованнее, могущественнее России. Сами японцы так не могли успеть, их бог вывел, чтобы наказать» и т. д. и т. д. Такого остервенения никогда не встречал. В Ани я свободен хоть от споров и вообще решил ничего не говорить. Выводят из терпения.

Ольге Феодосьевне почтительнейший мой поклон.

С глубоким к Вам уважением,

Н. Марр

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 158. Л. 374–378.

Машинопись с рукописной правкой)

⁴⁶ Одной из причин, вызвавших всеобщее на Кавказе возмущение правительственной политикой, Н. Я. тогда считал то обстоятельство, что русская администрация не знала и не хотела знать истории народов Кавказа, и позабыла, что для «рабочего и крестьянского населения Грузии протест против социальной несправедливости в форме открытого народного неповиновения виновникам не являлся нисколько новинкою» (Марр, 1906б. С. 49).

⁴⁷ Жданов Александр Маркеллович (1858–1914) — астроном, профессор университета, ректор Императорского Санкт-Петербургского университета в 1903–1905 гг.

5 (99)

Городище Ани. 1904.6.20 [20.VI.1904]

Глубокоуважаемый Виктор Романович, со мной здесь находится диакон Смбат Тер-Аветисян⁴⁸, окончивший наш факультет в этом году. В Петербурге я ему выхлопотал (из армянской церкви) средства для поездки в Ани и в Персию для ознакомления с надписями и рукописями⁴⁹. В Персии имелось в виду исключительно описание армянских коллекций монастыря Первомученика Стефана, где, по слухам, должны быть интересные экземпляры. Такое же дело, описание рукописей, ему, о. Смбату, было поручено, когда он еще был студентом: он ездил (тогда от факультета восточных языков) в Джульфу, где также в окрестностях им было найдено, впервые приведено в известность и описано почти 600 рукописей (что-то около 586 или 588)⁵⁰. По получившимся здесь сведениям, рукописи должны быть не только в самом монастыре Св. Стефана, но и в окрестностях, в деревнях Азербайджана. Для объезда этих деревень понадобится немало времени, и потому необходимо не откладывать эту поездку⁵¹. Я сначала думал, что он поедет туда осенью, когда и рассчитывал выхлопотать от какого-либо общества или учреждения командировку. О желательности или полезности предприятия не приходится говорить, это так ясно. Средства не нужны, они имеются. Вопрос лишь в том, чтобы Смбат располагал официальным удостоверением задач или задачи, которую он преследует. Поэтому я обращаюсь к Вам с убедительнейшей просьбой, если это возможно, дать диакону Смбату Тер-Аветисяну, окончившему факультет восточных языков, возможность беспрепятственно обследовать армянские коллекции рукописные Азербайджана и, главным образом, армянского монастыря Св. Стефана Первомученика в Персии, выхлопотав

⁴⁸ Тер-Аветисян Смбат Вартанович (1875–1943) — арменист, археолог, этнограф, ученик Н. Я. Марра.

⁴⁹ Переписка по этому делу в кабинете Н. Я. Марра ИИМК (Б-10. Л. 1–6).

⁵⁰ В курсе «История армянской литературы» Н. Я. Марр пишет: «Парно известная Джульфинская коллекция армянских рукописей была описана летом 1902 г. студентом факультета восточных языков, Смбатом Тер-Аветисяном. Описание составлено подробно, всегда обстоятельно и тщательно» (А 1342. Л. 38).

⁵¹ Почти одновременно с письмом Н. Я. Марр отправил В. Р. Розену телеграмму с той же просьбой о командировке С. В. Тер-Аветисяна (кабинет Н. Я. Марра ИИМК. Б-10. Л. 6).

для него командировку (без денег) от Археологического общества (Восточного отделения) или какого-либо иного учреждения (Академии наук). За надежность о. Смбата я головою ручаюсь, а умение справляться с описанием рукописей им уже доказано. Быть может, от Археологического общества можно будет устроить командировку, не дожидаясь заседания. Я уверен, что Восточное отделение ничего не будет иметь против, если выполнимо назначение подобной командировки от Археологического общества формально. Приходится теперь беспокоить Вас потому, что о. Смбат с сентября или октября намерен вернуться в Петербург для продолжения специальных занятий (церковь ему обещала или уже определила поддержку). Смбат Тер-Аветисян в Персию собирается в последних числах июля или в начале августа.

Если моя просьба исполнима, то адрес для пересылки бумаги о командировке следующий: «Эчмиадзин (Эриванской губ.) Диакону Смбату Тер-Аветисяну». Я здесь останусь еще недели две, и затем путь в Батумскую обл. через Карс — Ардаган — Артанудж⁵². Совершенно случайно я узнал позавчера, что последняя партия украденных («купленных у офицера») в Александрополе 500 000 патронов доставлена по назначению (в Турцию армянам) две недели тому назад. Оказывается, захвачены были экземпляры совершенно иного происхождения (также «краденые»), и те в ограниченном количестве. Источник мой непосредственный. Об убийстве Бобрикова⁵³ я узнал раньше, чем получились газеты (их выписывает студент Московского университета, желающий переехать к нам в Петербургский университет). Здесь все узнают и знают без газет. Дело, конечно, не обходится без преувеличения, впрочем, совершенно так же, как в газетах. Если будет у Вас досуг для открытки с сообщением о командировке Смбата, мой ближайший адрес: Артвин (Батумск. обл.), Н. Я. Марру до востребования.

С глубоким к Вам уважением

Н. Марр

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 158. Л. 379–380а. Машинопись с рукописной правкой)

⁵² В 1904 г. Н. Я. Марр предпринял поездку на «Грузинский Синай», в Шавшию и Кларджию в связи с подготовкой к печати «Жития Григори Хандзтийского». Дневник поездки напечатан в: *Марр*, 1911. Рукопись дневника находится в кабинете Н. Я. Марра ИИМК (А 2122).

⁵³ Бобриков Николай Иванович — финляндский генерал-губернатор (1898–1904), в июне 1904 г. был смертельно ранен в Гельсингфорсе.

6 (103)

Александрополь. 06.7.13 [13.VII.1906]

Глубокоуважаемый Виктор Романович, перед отъездом я рассчитывал повидаться с Вами утром в день Вашего отъезда, но, когда я пришел, Вы оказались выехавшими. На похоронах покойного Пл[атона] Мих[айловича]⁵⁴ также не пришлось встретиться: я ехал из церкви, спеша к поезду, когда Вы спешили в церковь. Я виноват, особенно с корректурами⁵⁵. Я думал сегодня отправить из Александрополя, куда я приехал на день по делу из Ани, по крайней мере, сегодня, но и здесь не удалось закончить, и неделю-другую придется продержаться в Ани, где располагаю временем лишь в обеденный перерыв раскопок. К вечеру устаю так, что и пяти минут не выдерживаю за корректуру, засыпаю. Впрочем, для статьи, особенно для издания, только лучше, так как замечаю массу опечаток и недосмотров как в русском, так особенно в грузинском тексте. Должно быть, я до конца жизни не смогу устроить так, чтобы печататься со второй, даже хотя бы с третьей корректуры. В Тифлисе кое-что успел, осмотрел относительно статьи, приобрел одну брошюру, в которой оказался текст, показавшийся мне неизданным, текст одной версии Жития Нины, и соответственно на 323-й стр. вставка в 10 печатных строк (моих рукописных 15 строк)⁵⁶; так как через две, три страницы, именно на 326-й стр. свободное место, то вставку эту можно сделать без переверстки вне пределов 323–326-й стр., число страниц моей статьи останется то же, и таким образом она не может мешать набору следующих статей, разве вопрос о шрифте. Во всяком случае я сделаю последнее усилие, чтобы в обещанный теперь срок непременно вернуть корректуру. О работах своих ничего особенного не могу написать, все по-прежнему в раскопках⁵⁷, моя теория о «храме»

⁵⁴ Мелиоранский Платон Михайлович (1868–1906) — востоковед, профессор Императорского Санкт-Петербургского университета. Специалист в области тюркских языков.

⁵⁵ Корректур работы: Марр, 1907а.

⁵⁶ Действительно, на с. 323 имеется примечание-ссылка на житие св. Нины (в 10 строк) (Марр, 1907а. С. 323).

⁵⁷ Раскопки в Ани 1906 г., когда Н. Я. располагал уже помощниками из числа его учеников, дали весьма значительные результаты. Предварительный отчет о работах издан в 1907 г. (Марр, 1907б). Поэтому обычный рукописный отчет в Археологическую комиссию за 1906 г. сдан не был.

(против Стржиговского) оправдывается⁵⁸; отмечу разве появление статуи царя Гагика I⁵⁹.

О политических делах не хочется ничего писать, противно и то, что слышу, хотя времени нет читать, да и не читаю, стараюсь не читать. Страна, в которой Рамишвили⁶⁰ играет роль, выступает спикером социал-демократической партии, невежественный нахальный Рамишвили, такая страна не внушает никаких приятных мыслей, по крайней мере, о ближайшем будущем. Роспуск Думы не обрадовал меня, не опечалил. Пожалуй, лучше, в том смысле, что что-либо должно было случиться, кроме тошных словоизлияний, и роспуск — все же событие, факт, а не разговоры.

Впрочем, я должен оговориться, что по поводу роспуска здесь ликуют крайние партии, как правая, так и левая. Последняя получает новую пищу

⁵⁸ Теория о храме Гагика против Й. Стржиговского (1862–1941) была изложена Н. Я. в докладе о работах в Ани в 1905 г. (ЗВОРАО, 1907. С. XXVII), а в предварительном отчете за 1906 г. повторена им в следующих словах: «вопреки теории Стржиговского, который в его (храма Гагика) архитектуре видел нечто <...> „армянское“, однако лишь настолько вопреки этой теории, насколько автор под термином „армянский“, судя по всему, понимал или давал другим повод понимать национально обособившуюся христианскую культурную среду, т. е. насколько анахронистически в ту эпоху невольно переносил сильную национализацию церковного учения, восторжествовавшего впоследствии целиком в Армении: антихалкедонитства» (Марр, 1907б. С. 2, 3). Более подробно Н. Я. развивал свои взгляды в лекциях о раскопках в Ани, сохранившихся в рукописи (А 1147. Л. 40–68), где он приходит к следующим выводам: «подобно обаянию традиционно понимаемой национальной гордости и громкая слава, великодушно предоставляемая армянскому искусству..., не должна служить соблазном, отвлекая наше внимание от бесспорно высокой чести, которая обеспечит за древней Арменией раскрытие истинного значения подлинных памятников ее сложной реальной жизни. И лишь в этом скрытии истинного их значения, в упрочении их настоящего имени, пусть негромкого, единственное призвание нашей науки».

⁵⁹ При раскопках 1906 г. была найдена статуя строителя храма, царя Гагика; у царя на груди большой крест-складень, а на голове — чалма. О статуе Гагика см.: Марр, 1907б. С. 18–46.

⁶⁰ Рамишвили Ной Виссарионович (1881–1930) — политик, революционер, меньшевик. В 1918 г. возглавил социал-демократическое правительство Грузинской Демократической Республики, после провозглашения в Грузии советской власти эмигрировал, застрелен в Париже в 1930 г.

для пропаганды. Очень подавлено здесь офицерство. Александрополь — город военных при чисто армянском населении. Население, по современной терминологии, «буржуазно» настроенное и с большим опасением смотрит на брожение в войске (войск здесь масса: бакинский полк, саперный, кабардинский, а также драгуны и др.). Кабардинский полк считается черносотенным, и нижние чины бакинского и саперного полков бьют не только нижних чинов, но и офицеров-кабардинцев, где только их встречают. Извозчики отказываются возить офицеров, так как солдаты нападают и избивают с офицерами и извозчиков. Дисциплина подрывается, судя по многим фактам, подорвана в корне. Достаточно сказать, что солдаты не отдают честь офицерам, встречаясь на улице, и вообще в городе с офицерами солдаты держат себя настолько непринужденно, что офицеры стараются не замечать их, уходят в прогулки и т. п. Офицеры очень подавлены роспуском Думы, так как, только ссылаясь на нее, им удавалось еще кое-как удерживать солдат от полного увлечения пропагандистами. Положение русских офицеров, действительно, отчаянное. Вся пропаганда построена на возбуждении розни между офицерами и солдатами. Вчера я читал прокламацию местного отдела «военного Союза», обращение к солдатам: через каждые пять строк повторяется «эти подлецы офицеры», кровопийцы и пр. Офицеры страшно возбуждены, даже армяне-офицеры и те настолько возбуждены против авторов прокламаций (конечно, не военных, ясно до очевидности по стилю), что один из них говорил: «хотя я знаю, что армянское население не ви-

новато, хотя я сам армянин, хотя у меня в городе живут родные, это мой, можно сказать, родной город, но эти мерзкие прокламации настолько меня возмущают, что я пальца о палец не ударю, не буду даже родного защищать, если беспорядки в войсках завершатся разгромом города и истреблением мирных жителей».

— А разве возможен здесь погром? Ведь войска сами революционно настроены, по крайней мере, саперы и бакинцы, — спросил я.

— Да, конечно, революционное движение сильно, солдаты революционно настроены, но, во-первых, их революционное настроение уживается с враждебным отношением к инородческому населению, к местному населению, во-вторых, пока революционное настроение их выражается в том, что они выходят из повиновения офицерам, а когда офицеры потеряют совершенно власть и влияние на них, солдаты представят сборище, стадо грозное, которое никаким революционерам не удастся сдержать, и достаточно будет одного голоса, одного «роspитого» склада с вином, чтобы смели весь Александрополь в несколько минут или несколько часов.

Сегодня же я выезжаю обратно в Ани, где работы у меня на 5 недель⁶¹. Там тишина и благодать.

Почтительнейший привет Ольге Феодосьевне. Поклон и Виктору Викторовичу.

С глубоким к Вам уважением,

Н. Марр

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 158. Л. 388–391. Машинопись с рукописной правкой)

⁶¹ Раскопки в Ани продолжались с 7.VI по 29.VIII.1906.

**НА ИИМК РАН
РО. Ф. 1. Оп. 1.**

1892. Д. 33: Дело ИАК о командировании г. Марра в Русскую Армению для производства там археологических розысканий. 240 л.

1893. Д. 61. Дело ИАК о продолжении г. Н. Я. Марром производства археологических розысканий в Русской Армении. 189 л.

1904. Д. 79. Дело ИАК о раскопках г. Н.Я. Марра в Карской обл., Кутаисской, Черноморской и Эриванской губ. в 1904–1911 гг. 145 л.

РО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 158. Переписка Н. Я. Марра с В. Р. Розеном. 396 л.

ФО. Ф. 23. Инв. № 54473–54853. Коллекция Н. Я. Марра. Раскопки в Ани в 1892–1893 гг. и поездка по Армении (негативы).

ФО. Альбом Q 559/1–28. Фотографии раскопок в Ани в 1904 г.

СПбФ АРАН

Ф. 777. Оп. 2. Д. 262–269. Письма Н. Я. Марра В. Р. Розену.

Ф. 800. Оп. 1. Фонд Н. Я. Марра. Рукописи. В кабинете Н. Я. Марра в ИИМК АН СССР в шифрах дел с рукописями перед цифрами добавлялась буква «А».

Ф. 800. Оп. 2. Фонд Н. Я. Марра. Письма Н. Я. Марра за 1884–1934 гг. В кабинете Н. Я. Марра в ИИМК АН СССР в шифрах дел с письмами перед цифрами добавлялась буква «Б».

Ф. 800. Оп. 3. Д. 798. Письма В. Р. Розена Н. Я. Марру. 40 писем. 68 л.

Богданов, 1912 — Богданов Вл. Александр Соломонович Хаханов [некролог] // Этнографическое обозрение. 1912. М.: Тип. Моск. университета, 1912. № 1–2. С. 287–288.

- Джавахов*, 1912 — Джавахов А. Н. А. С. Хаханов и его деятельность в области кавказоведения // Этнографическое обозрение. 1912. М.: Тип. Ф. Я. Пригорина, 1913. № 3-4. С. 18-49.
- Драмлян*, 2018 — Драмлян И. Р. К истории изучения средневековой армянской фресковой живописи // Вестник СПбГУ. Искусствоведение. 2018. Т. 8, вып. 2. С. 232-257.
- ЗВОРАО, 1893 — Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. VII. 1892 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1893. VIII, 400 с.
- ЗВОРАО, 1907 — Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. XVII. 1906 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1907. XLIII, 207, 363 с.
- Марр*, 1892 — *Марр Н. Я.* Вардапет // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Типо-литография И. А. Ефрона, 1892. Том V^A (10). Вальтер-Венути. С. 515.
- Марр*, 1893 — *Марр Н. Я.* Имя Бут или Буд в армянской надписи VII века по Р. Х. // ЗВОРАО. Т. VII. 1892 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1893. С. 322-325.
- Марр*, 1894а — *Марр Н. Я.* Новые материалы по армянской эпиграфике (Ани.— Аламан.— Мрен.— Багаран.—Ервандакерт.—В. Талын) // ЗВОРАО. Т. VIII. 1893-1894 гг. СПб.: Тип. Имп. АН, 1894. С. 69-105.
- Марр*, 1894б — *Марр Н. Я.* Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы. Ч. III. Приложения: описание 10 эчмиадзинских рукописей с указателем; арабский и дополнительные армянские тексты; армянский текст с переводом сказки «Лиса и волк в западне». СПб.: Тип. Имп. АН, 1894. Т. X [1], 202 с.
- Марр*, 1894в — *Марр Н. Я.* Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1894. Ч. II [1], XVI, 344 с.
- Марр*, 1897 — *Марр Н. Я.* [Рецензия:] Мудрость Балавара под редакцией Е. Такайшвили (на груз. языке) // ЗВОРАО. Т. X. 1896. СПб.: Тип. Имп. АН, 1897. С. 211-213.
- Марр*, 1899 — *Марр Н. Я.* Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы. Ч. I. Исследование. СПб.: Тип. Имп. АН, 1899. XLI, [3], 594 с.
- Марр*, 1903 — *Марр Н. Я.* [Рецензия:] Месроп Тер-Мовсисян. История перевода библии на армянский язык. СПб.: Пушкинская скоропечатня, 1902. [2], X, 290 с. // Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Кн. V: Н. Марр. Критика и мелкие статьи. СПб.: Пушкинская скоропечатня, 1903. С. 29-63.
- Марр*, 1904 — *Марр Н. Я.* [Рецензия:] Аннинский А. История армянской церкви (до XIX века). Кишинев: Тип. М. Я. Сливака, 1900. XII, 306, VI с. // ЗВОРАО. Т. XV. 1908-1903. СПб.: Тип. Имп. АН, 1904. С. 0137-0150.
- Марр*, 1905 — *Марр Н. Я.* Из гурийских наблюдений и впечатлений (по поводу бакинских событий). СПб.: Ал. Арабидзе, 1905. 30 с.
- Марр*, 1906а — *Марр Н. Я.* Раскопки в Ани в 1904 г. // Известия ИАК. Вып. 18. СПб.: Тип. Имп. АН, 1906. С. 78-94.
- Марр*, 1906б — *Марр Н. Я.* История Грузии (культурно-исторический набросок). По поводу слова прот. И. Восторгова о груз. народе. СПб.: «Амиран» Ал. Арабидзе, 1906. 88 с.
- Марр*, 1907а — *Марр Н. Я.* Деяния трех святых близнецов мучеников Спесипа, Еласипа и Меласипа // ЗВОРАО. Т. XVII. 1906. СПб.: Тип. Имп. АН, 1907. С. 285-344.
- Марр*, 1907б — *Марр Н. Я.* О раскопках и работах в Ани летом 1906 года (предварительный отчет). СПб.: Тип. Имп. АН, 1907 (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии; Кн. X). IV, 64 с., 18 ил., 17 л. ил.
- Марр*, 1911 — *Марр Н. Я.* Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандзтийского. Грузинский текст / Введ., изд., пер. Н. Марра, с «Дневником поездки в Шавшию и Кларджию». СПб.: Тип. Имп. АН, 1911 (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии; Кн. VII). 451 с. разд. паг., ил., 59 л. ил.
- Марр*, 1915 — *Марр Н. Я.* Кавказский культурный мир и Армения. Пг.: Сенатская тип., 1915. 53 с.
- Марр*, 1934 — *Марр Н. Я.* Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л.; М.: Соцэкгиз, 1934. XII, [2], 133 с.
- Медведева*, 2022 — *Медведева М. В.* Армения в работах предшественников К. Х. Кушнарёвой: судьба архива академика Н. Я. Марра // Записки ИИМК РАН. 2022. Вып. 27. С. 27-39.
- Мирзоян*, 1979 — *Мирзоян С.* Письма Н. Я. Марра об археологических раскопках в Ани (1904-1917 гг.) // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1979. № 12 (144). С. 93-108.
- Миханкова*, 1947 — *Миханкова В. А.* Работа кабинета Н. Я. Марра за 1936-1944 гг. Доклад на объединенном заседании ИИМК АН СССР и ЛГУ в Ленинграде, посв. памяти Н. Я. Марра // КСИИМК. 1947. Вып. XV. С. 77-87.
- Миханкова*, 1949 — *Миханкова В. А.* Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 555 с.
- Орбели*, 1914 — *Орбели И. А.* Багаванская надпись 639 г. и другие армянские ктиторские надписи VII в. // Христианский восток. СПб.: Тип. Имп. АН, 1914. Т. II, вып. I. С. 105-142.
- Орбели*, 1934 — *Орбели И. А.* Блестящая страница в истории археологии // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л., 1934. Вып. 9/10. С. 195-197.
- Отчет ИАК за 1892 г., 1894 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1892 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1894. 173 с.

- Отчет АК за 1893 г., 1895 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1893 г. СПб.: Тип. Гл. упр. делов, 1895. 121 с.
- Памяти..., 1909 — Памяти барона Виктора Романовича Розена. Сообщения, читанные в заседании Отделения 20 ноября 1908 г., и список трудов барона В. Р. Розена: Приложение к XVIII тому ЗВОРАО. СПб.: Тип. Имп. АН, 1909. 48 с.
- Пескарева, Баликян, 1981а — Пескарева К. С., Баликян О. С. Докладные записки Н. Я. Марра о раскопках в Ани (1892 г.) // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1981. № 5. С. 100–110.
- Пескарева, Баликян, 1981б — Пескарева К. С., Баликян О. С. Докладные записки Н. Я. Марра о раскопках в Ани (1893 г.) // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1981. № 6. С. 98–114.
- Пескарева, Баликян, 1981в — Пескарева К. С., Баликян О. С. Докладные записки Н. Я. Марра о раскопках в Ани (1904–1907 гг.) // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1981. № 10. С. 100–114.
- Протоколы..., 1892 — Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского Университета за весеннее полугодие 1892 г. № 46. СПб.: Типо-лит. В. М. Вольфа, 1892. 35 с.
- Радлов, 1893 — Радлов В. В. О новом способе приготовления эстампажей с надписей на камнях // ЗВОРАО. Т. VII. 1892 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1893. С. 169–183.
- Рябошлык, 2009 — Рябошлык Е. И. Переписка Н. Я. Марра и барона В. Р. Розена (из архивного наследия В. А. Миханковой) // Христианский Восток. Новая серия. М.: Индрик, 2009. Т. 5 (XI) (2003–2008). С. 454–502.
- Сычев, 1912 — Сычев Н. П. Анийская церковь, раскопанная в 1892 году // Христианский восток. Т. I, вып. II. СПб.: Тип. Имп. АН, 1912. С. 212–219.
- Тревер, 1953 — Тревер К. В. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э. — IV в. н. э.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 294, XXIV с., 42 л. ил.
- Тункина, 2004 — Тункина И. В. Академик Н. П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 641–766.
- Чубинов, 1918 — Чубинов Г. Б. Отчет о деятельности Анийского музея древностей за 1916 г. // Анийские древности. Пг.: Тип. А. Ф. Дресслера, 1918. Вып. III. 28 с., XII табл.
- Radloff, 1892 — Radloff W. Eine neue Methode zur Herstellung von Abklatschen von Steininschriften. Von Radloff // Mélanges asiatiques. T. X; Livraison 2. St.-Petersbourg: de l'Imprimerie de l'Academie Impériale des Sciences, 1892. P. 257–270.

N. Ya. Marr's Anian letters from the documentary heritage of V. A. Mikhankova

M. V. Medvedeva^v

Keywords: N. Ya. Marr, V. R. Rosen, V. A. Mikhankova, Ani archaeological expedition, epistolary heritage, archival collection of IHMC RAS, Russo-Japanese war, history of archaeology, Caucasian studies

Academician Nikolai Yakovlevich Marr (1864–1934) is a bright and ambiguous figure in the history of Russian scholarship. His preserved documentary heritage is important for an adequate assessment of his contribution to the formation of Russian archaeology, but many materials still remain unpublished. The article introduces for the first time six letters of N. Ya. Marr written to his teacher, the famous orientalist Baron V. R. Rosen from the Ani expedition from 1892 to 1906. The selection is part of a twenty-year correspondence of scholars from the time of Marr's student years until the Baron's death. The letters were prepared for publishing in the late 1940s by V. A. Mikhankova, a staff member of the Institute of the History of the Academy of Sciences of the USSR and head of the N. Ya. Marr Memorial Cabinet. It was planned to publish the entire correspondence (105 letters) as a separate book, but the idea could not be realized because of the struggle against Marrism that began in 1950. The typewritten version of the manuscript is preserved in the collection of the Scientific Archive of the IHMC RAS and makes it possible to continue the work started by V. A. Mikhankova, taking into account new data. A small part of the letters has already been published in 2009, and among them are two letters from Ani. The present publication is timed to the 160th anniversary of the academician and covers all other Ani letters sent by him to V. R. Rosen. In these letters, the young scholar tells about the difficulties of organizing the expedition, writes about the process and methodology of fieldwork, and shares his thoughts on the political situation in the Caucasus.

^v Maria V. Medvedeva — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russian Federation; Moscow State University of Civil Engineering; Moscow, Russian Federation; e-mail: marriyam@mail.ru.

А. С. Уваров в Санкт-Петербурге: учеба и служба (по материалам петербургских архивов)¹

И. Л. Тихонов²

Аннотация. Статья посвящена жизни в Санкт-Петербурге одного из основоположников отечественной археологии А. С. Уварова и на основе архивных материалов освещает годы его учебы в Санкт-Петербургском университете и служебной деятельности в Министерствах иностранных и внутренних дел и Кабинете Его Императорского Величества.

Ключевые слова: А. С. Уваров, Петербургский университет, история археологии, архивные материалы.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-45-141-149

В 2024 г. исполнилось 200 лет со дня рождения выдающегося русского археолога графа Алексея Сергеевича Уварова (1824–1884). Его имя как основателя Московского археологического общества и Исторического музея на Красной площади ассоциируется прежде всего с Москвой, но больше половины своей жизни — 33 года — он был жителем столицы Российской империи. В Санкт-Петербурге он получил образование, начал свою научную и служебную деятельность. В Российском государственном историческом архиве сохранились дела о службе А. С. Уварова в Министерстве внутренних дел и Кабинете Его Императорского Величества (далее — Кабинет), которые наряду с материалами других петербургских архивов уточняют и дополняют, а в некоторых случаях и открывают новые эпизоды биографии одного из основоположников отечественной археологии.

Алексей Уваров родился 28 февраля 1824 г.³ в доме 21 по Малой Морской улице. Этот дом в 1811 г. был приобретен его матерью — Екатериной

Алексеевной Разумовской, в замужестве Уваровой (Бройтман, Краснова, 2019. С. 214). Отец будущего ученого, Сергей Семенович Уваров, в это время уже был президентом Императорской Академии наук, директором департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов и управляющим Государственными заемным и коммерческим банками. В семье было три старшие дочери, Алексей стал последним ребенком четы Уваровых. Они были прихожанами находящегося совсем рядом Исаакиевского собора, и там мальчик был крещен 16 марта 1824 г. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 213. Л. 42). Сестры были значительно старше, и он впоследствии рассказывал жене, что рос одиноким, несмотря на любовь и заботу матери и большое внимание к его воспитанию и образованию со стороны отца (Уварова, 2005. С. 38).

С. С. Уваров в 1832 г. стал товарищем (заместителем) министра народного просвещения, а в следующем году занял и министерское кресло. Семья переехала в большую квартиру в здании министерства на Фонтанке у Чернышёва моста. В их доме постоянно бывали ученые, литераторы, профессора университетов, и Алексей Уваров получил блестящее домашнее воспитание и образование, находясь с детства в кругу высокообразованных людей. Еще в ранние годы ему довелось послушать лекции некоторых университетских профессоров в домашней обстановке.

В 1841 г. он поступил на отделение общей словесности философского факультета Императорского

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда (грант № 23-28-10296 «Санкт-Петербургский университет — центр подготовки элиты российского общества (1819–1917)»).

² Санкт-Петербургский государственный университет; С.-Петербург, РФ; e-mail: I.Tikhonov@spbu.ru.

© Тихонов И. Л., 2024

³ Во многих изданиях и интернет-источниках ошибочно указываются 1825 и даже 1828 г.

Санкт-Петербургского университета (так тогда именовался историко-филологический факультет). Выбор факультета был несколько необычен для представителя «золотой молодежи», которая обычно предпочитала юридический. Юридическое образование считалось универсальным, открывающим возможности любой государственной службы. «Видимо, что знания, необходимые для гражданской службы, в обществе находят более одобрения, нежели знания, сопряженные преимущественно со службою ученой», — не без некоторой горечи замечал ректор университета филолог П. А. Плетнёв на торжественном акте 1840 г. (Слова и речи..., 1841. С. 6). Подобный выбор факультета свидетельствовал, что глубокий интерес к истории у Алексея Уварова появился еще в ранние юношеские годы, и он сознательно вступал на путь «службы ученой».

Благодаря ежегодно издаваемым обзорениям преподавания мы можем установить, какие лекции студент Уваров слушал, сохранилось даже расписание занятий по дням недели. Российскую словесность и историю русской литературы преподавали профессора П. А. Плетнёв и А. В. Никитенко, греческую словесность — Ф. Б. Грефе, римскую — Ф. К. Фрейтаг, русскую историю — Н. Г. Устрялов, древнюю и средневековую — М. С. Куторга, политическую экономию — В. С. Порошин, философию — А. А. Фишер, богословие — протоиерей А. И. Райковский (Объявление..., 1841. С. 8–16).

В фонде Уваровых в отделе письменных источников Государственного исторического музея сохранились конспекты лекций по русской истории Н. Г. Устрялова, по римским древностям Э. Е. Шлиттера, записи некоторых лекций профессора государственного благоустройства и благочиния Н. Ф. Рождественского, антиковеда Ф. Б. Грефе (Стрижова, 1998. С. 88; ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 166–168). Сам А. С. Уваров впоследствии утверждал, что наибольшее влияние на него оказал профессор и академик Петербургской академии наук Грефе (Анучин, 1886. С. III). С ним он, скорее всего, был знаком с детства, так как этого филолога-классика очень ценил Сергей Семёнович Уваров, бравший у Грефе уроки древних языков. Вероятно, этим влиянием объяснялись и будущие первые шаги начинающего ученого в археологии, связанные с изучением причерноморских древностей. Несмотря на тесные связи с семьей Уваровых, строгий профессор никакого снисхождения юному студенту не оказывал, и единственные не отличные оценки

у Алексея Уварова были как раз по его предметам. Тему выпускного сочинения, необходимого для получения степени кандидата, Алексей Уваров выбрал из русской истории — «Исследование, в какой степени дополняются сведения о первом самозванце актами, изданными Археографической комиссией». Руководителем был профессор Устрялов, представивший хвалебный отзыв об этой работе. Он писал: «Рассмотрев сию диссертацию, написанную студентом Императорского С. Петербургского университета Алексеем Уваровым, для получения степени кандидата, я считаю за особенное удовольствие свидетельствовать перед факультетом, что молодой автор сего сочинения, принял на себя нелегкий труд рассмотреть и сообразить современные документы, доступные единственно зрелой опытности, исполнив свои намерения с надлежащим старанием, похвальной внимательностью и строгою отчетливостью; что все слова свои и предположения он подкрепляет ссылками и что многие замечания и выводы его сделали бы честь и более опытному писателю. Посему, если студент Уваров удовлетворит требованиям предстоящих экзаменов (в чем нельзя и сомневаться, судя по отличным его успехам в продолжении всех четырех курсов университетского учения), то он в полной мере заслужит ученую степень кандидата, как своим трудом, так и любовью к наукам» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 9. Д. 57. Л. 1).

По итогам сданных экзаменов и зачетного кандидатского сочинения 14 июля 1845 г. ему был выдан диплом кандидата Санкт-Петербургского университета, который подписали ректор П. А. Плетнёв и за декана факультета ординарный профессор М. С. Куторга. По богословию и церковной истории, философии, русской словесности, всеобщей и русской истории, истории и литературе славянских наречий, энциклопедии филологических наук, российским гражданским и уголовным законам, немецкому языку в нем были отличные оценки и только по греческой и латинской словесности и древностям — хорошие (ОПИ ГИМ. Ф. 17).

О студенческих годах А. С. Уварова известно очень немного. Тем интереснее представляется находка, сделанная в фондах Литературного музея Института русской литературы РАН (Пушкинского дома). Там сохранился любительский альбом с рисунками Александра Алексеевича Бобринского (1823–1903) — отца будущего председателя Археологической комиссии. Он учился в те же самые годы на юридическом факультете

Петербургского университета вместе со своим братом Владимиром Алексеевичем (1824–1898) — будущим министром путей сообщения. Рисунки, в основном, посвящены жизни и быту студенческих корпораций (ЛМ ИРЛИ РАН. ПД И-6159. Л. 6–29).

Из Дерпта в столичный университет Российской империи пришли нравы и обычаи немецкого студенчества, где корпорации играли очень значительную роль в жизни молодых людей, учившихся в университетах. Членами корпораций были студенты дворянского происхождения, многие из которых проводили годы учебы не столько за лекциями и книгами, сколько за дуэлями и пирушками — комершами и кнейпами. Деятельность корпораций состояла из множества обычаев и ритуалов, так, например, студенты первого курса, именуемые фуксами, должны были прислуживать старшекурсникам — буршам, или сеньорам: набивать им трубки табаком, наливать вино, выполнять поручения по делам корпорации. На общих собраниях корпорации — комершах — студенческие песни исполнялись в строгом порядке под определенные напитки. Кнейпом называлась вечеринка в более узком кругу. Непременным делом в жизни корпорантов были дуэли на шпагах, повод для которых мог быть самым ничтожным, и они практически никогда не заканчивались серьезными ранами. Наносить можно было только рубящие удары, поскольку колющие были намного более опасными.

Сын Александра Алексеевича Бобринского — Алексей Александрович (1852–1927) в свою бытность студентом Петербургского университета в начале 1870-х гг. по рассказам отца и дяди составил реферат под названием «Студенты 40-х годов студентам 70-х годов», в котором описал жизнь и нравы студенческих корпораций первой половины 1840-х гг. Из этого источника мы можем узнать, что студент А. С. Уваров также был членом корпорации «Рутения». Его фамилия фигурирует в описании коллективной дуэли сеньоров «Рутении» с сеньорами вновь учрежденной немецкой корпорации: «Назначили день и место — на даче в Лесном корпусе. Русские сеньоры взяли себе в секунданты лучших бойцов, да и в публику таковых пригласили. Чтоб в случае, что дело пойдет плохо, спасти честь Рутении. Съехались. Купили мы новые клинки с золотыми украшениями, так как простых в продаже не было, а старые в продолжение зимы успели отупеть и испортиться. Первая дуэль Беклешова с Гротом кончилась раной Грота. Грот ушел в другую комнату и уже

не выходил оттуда. Брат его вышел со словами “Eduard fon Grot hat satisfaction”. На это Уваров, секундант Беклешова, заметил, что вряд ли это правильно. Если Грот не может биться, то пусть выйдет и докажет это. Брат Грота возразил, что если кто сомневается в том, что он сказал, то будет иметь дело с ним! За что Уваров его и вызвал. После этого началась вторая дуэль между Зевтингенном и нашим Тучковым. Она кончилась тем, что на толстом носу Тучкова появилась кровавая черта, и после этой раны дуэль была прекращена» (Тихонов, 2017. С. 73).

В своих рисунках А. А. Бобринской изобразил цвета, фуражки и символы обеих корпораций, сцены комершей и дуэлей между их членами. На отдельном листе есть изображение участников вышеупомянутой дуэли, в том числе и студента Уварова со шпагой в руках (ЛМ ИРЛИ РАН. ПД И-6159. Л. 26).

Вскоре после окончания университета А. С. Уваров поступил на службу в Министерство иностранных дел. Уже 24 октября 1845 г. он был зачислен в департамент внутренних сношений, а 23 января 1846 г. «определен третьим переводчиком» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 35. Ед. 353. Л. 4об.). Функции этого подразделения были весьма обширны, в сферу его деятельности входили торговые отношения, юридические, консульские, карантинные вопросы, дела иностранных подданных в России и российских — за рубежом. Количество сотрудников доходило почти до 100 человек, из них 40 — переводчики, которые делились на три разряда (Полное собрание..., 1840. С. 56). Таким образом, несмотря на высокое положение отца, Алексей Уваров был зачислен в Министерство иностранных дел рядовым чиновником и занял одну из низших должностей, получив чин X класса — коллежского секретаря. Право на этот чин ему давала степень кандидата Санкт-Петербургского университета. Значительно более высокий статус был им получен в апреле 1849 г. с присвоением придворного звания камер-юнкера, которое соответствовало V классу Табели о рангах. Особо обременительной служба не оказалась, и уже в июне 1846 г. он получил отпуск за границу на четыре месяца, продленный с разрешения императора еще на три месяца. В 1850 г. он также получал отпуск на четыре месяца (РГИА. Ф. 1284. Оп. 35. Ед. 353. Л. 5–6об.).

1 марта 1846 г. Сергей Семёнович Уваров за свою службу на посту министра народного просвещения был возведен в графское достоинство «с потомством», соответственно, графский

титул получил и его сын — Алексей Сергеевич. Согласно записям в его формулярном списке о службе в 1847 г. юный граф был «командирован к старшему советнику министерства тайному советнику Струве» (*Там же*. Л. 4об.). Генрих Антонович Струве (1772–1851) был известным российским дипломатом и минералогом, занимавшим с 1843 г. в Гамбурге пост чрезвычайного посланника при ганзейских городах. Свое пребывание в Германии молодой чиновник использовал для продолжения образования и некоторое время посещал лекции в Берлинском и Гейдельбергском университетах (*Формозов*, 1994. С. 9).

Служба в МИД не помешала А. С. Уварову осуществить по заданию Археолого-нумизматического общества поездку для знакомства с археологическими памятниками Северного Причерноморья летом и осенью 1848 г. Эта экспедиция осуществлялась с разрешения самого императора, поэтому время, проведенное в ней, было зачтено в служебную деятельность Уварова⁴.

В 1849 г. положение его отца, С. С. Уварова, на посту министра народного просвещения заметно осложнилось. К тому же он овдовел и перенес инсульт, приведший к частичному параличу. Хорошо понимая, что его министерство и влиятельное положение при дворе заканчивается, 22 октября он обратился с личным письмом к Николаю I, в котором писал: «Позвольте мне, Всемилостивейший Государь, открыть, в последний может быть раз, мое сердце перед Вами, и с благоговейной доверенностью изложить сокровенную просьбу, которую и на краю гроба я мысленно простираю к Вашему Величеству. Позвольте от глубины сердца всеподданнейше просить Вас об обращении великодушного внимания на будущую судьбу моего сына, который (смею думать) по душевным и умственным качествам, по благородным началам и правильному образованию, заслужит, уповательно со временем, дальнейшее покровительство Вашего Величества. Не скрываю от себя, что подобное ходатайство, обращенное не столько к Монарху, сколько к Отцу, может казаться нескромным; но твердо уповаю, что и нескромность моя найдет лучшее свое оправдание в собственных чувствах Вашей Высокой души»

⁴ В этой статье автор не затрагивает деятельность А. С. Уварова в Русском археологическом обществе, поскольку этой теме будет посвящена статья в сборнике материалов конференции «Граф А. С. Уваров в истории археологии и музейного дела: к 200-летию со дня рождения», прошедшей в Москве в апреле 2024 г.

(РГИА. Ф. 472. Оп. 33(137/974). Ед. 54. Л. 1–1об.). По распоряжению императора это письмо было передано министру иностранных дел К. В. Нессельроде. В итоге Алексей Уваров был назначен чиновником по особым поручениям при министре, но дипломатическая служба его явно не привлекала, и он решил полностью посвятить себя археологии.

Начиная с 1830-х гг. контроль за сохранностью памятников старины и сбор сведений о них осуществляло Министерство внутренних дел. С 1841 г. его возглавлял меценат и любитель старины граф Л. А. Перовский (1792–1856), приходившийся дядей А. С. Уварову, поскольку был единокровным братом его матери. По поручению министра были начаты раскопки Сарая-Берке и ряда других археологических памятников. К началу 1850-х гг., замышляя крупные археологические исследования, Перовский собирает группу «чиновников по археологической части» в рамках своего министерства. Одним из наиболее заметных членов этой группы и предстояло стать 26-летнему графу Уварову.

В ноябре 1850 г. он подает прошение министру внутренних дел: «Имея усердное желание служить под начальством Вашего Сиятельства, осмеливаюсь покорнейше просить о причислении меня к Министерству Внутренних дел и потому благоволить сделать с кем следует надлежащее сношение». Алексея Уварова зачисляют «чиновником особых поручений при министре внутренних дел в звании камер-юнкера и титулярного советника» VIII класса (РГИА. Ф. 1284. Оп. 35. Ед. 353. Л. 1, 3). Зная об интересе Николая I к отечественным древностям, Л. А. Перовский предлагает племяннику заняться изучением Новгорода. Однако Уваров пишет министру рапорт, высказывая предложение заняться изучением древностей хорошо знакомой ему Владимирской земли и начать с Суздаля и его окрестностей. Там же содержались и конкретные предложения по организации работ. Министром этот рапорт был передан императору, который наложил резолюцию: «Исполнить, употребив на предмет археологических разысканий две тысячи пятьсот рублей из Государственного казначейства» (Граф Алексей Сергеевич Уваров..., 1910. С. 25).

В мае 1851 г. А. С. Уваров был командирован во Владимирскую и Ярославскую губернии для производства археологических разысканий близ города Суздаля и реки Сити. В помощь ему направили также состоящего при МВД надворного советника А. И. Пискарёва (1818–1868),

известного своими исследованиями древностей Рязанской земли (РГИА. Ф. 1284. Оп. 35. Ед. 353. Л. 12). Началась эта поездка в Новгороде, откуда Уваров отправился в Кирилло-Белозерский монастырь. Обследовав там ризницу и две комнаты, занятые собранием оружия, он пришел к выводу, что наиболее интересные предметы уже утрачены или испорчены. В письме Л. А. Перовскому от 2 июня уже из Суздаля он сообщал, что помимо этого по распоряжению прежних настоятелей монастыря были разобраны самые древние башни и самая замечательная церковь, находившаяся в первой ограде монастыря, а это место было засеяно рожью ради ежегодного дохода в 200 руб. (РГИА. Ф. 1021. Оп. 2. Д. 57. Л. 3–5).

В Министерстве внутренних дел А. С. Уварову пришлось заниматься не только археологией. Так, в декабре 1851 г. он был назначен делопроизводителем и членом комиссии, состоящей из чиновников нескольких министерств и депутатов Эстляндского дворянства. Комиссия была создана для предварительного рассмотрения и внесения проекта нового уложения об эстляндских крестьянах (РГИА. Ф. 1284. Оп. 35. Ед. 353. Л. 17). В мае 1852 г. Уваров был переведен на должность чиновника VI класса и вновь направлен в Суздаль для археологических исследований.

В сентябре 1852 г. прусский посланник в Петербурге сообщил, что прусский король пожаловал А. С. Уварова орденом Красного орла 3-й степени. Вероятно, это награждение было связано с его прежней дипломатической службой в МИД. По существующим правилам принять эту награду можно было только с «Высочайшего соизволения», которое и было получено (*Там же*. Л. 21–23). Российских орденов за свою службу в это время он не получал, так же как и жалованья на всех своих должностях. Впрочем, в нем не было особой нужды, поскольку семейство Уваровых владело почти 15 000 крестьянских душ в нескольких губерниях Российской империи.

В августе 1852 г. Л. А. Перовский покинул МВД и был назначен на пост министра уделов и управляющего Кабинетом. В следующем году последовало высочайшее повеление «керченский музей, археологическую в Риме комиссию и все археологические работы считать при кабинете» (200-летие Кабинета..., 1911. С. 422). Одиннадцать «чиновников по археологической части, состоявшие на сверхштатных должностях при МВД или Кабинете, были все причислены к Кабинету Е.И.В.» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 14. Д. 1. Л. 10, 17, 28). Приказом императора 15 апреля 1853 г.

в состав Кабинета был переведен и А. С. Уваров (РГИА. Ф. 468. Оп. 2. Ед. 754. Л. 8).

Сформированный таким образом коллектив археологов приступил к реализации намеченной программы. Помимо продолжения раскопок древнерусских курганов во Владимирской губернии, осуществляемых А. С. Уваровым и П. С. Савельевым, были начаты раскопки скифского Александропольского кургана на Украине, порученные первоначально А. В. Терещенко, а затем П. С. Савельеву и А. Е. Люценко. В том же 1853 г. Перовский поручил А. С. Уварову провести археологические исследования в Ольвии, Херсонесе и Неаполе Скифском, а князю А. А. Сибирскому — в Феодосии. К этим работам был привлечен и московский профессор П. М. Леонтьев, проводивший исследования в Нижнем Подонье. Всего в 1853 г. была выделена довольно крупная сумма в 56 051 руб. на раскопки в различных губерниях, приобретение покупкой древностей, издания и содержание Керченского музея, который тоже перешел в ведение графа Перовского, а новый директор А. Е. Люценко был причислен к Кабинету. По результатам раскопок 1853 г. было издано специальное «Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г.» (Извлечение..., 1855) — роскошная книга с крупным и редким шрифтом, богато и качественно иллюстрированная. Несколько экземпляров, предназначавшихся непосредственно императору и высшим чиновникам, были изготовлены в бархатной обложке с тисненным золотом переплетом.

Книга состояла из трех разделов. В первом приводились сведения о случайных археологических находках по губерниям, в основном монетных или вещественныхкладах. Примерно с одинаковой степенью информативности перечислялись огромный клад, состоящий из более 14 тысяч золотоордынских серебрянных монет XIV в., найденный в Екатеринославской губернии близ села Воскресенска, находка в Киеве медной византийской монеты (без указания времени) или клад серебрянных копеек времени Петра I, не представляющий никакой исторической ценности. Второй раздел содержал сведения о древностях, приобретенных покупкою в Турции, Египте, Крыму. Оба эти раздела представляли собой скорее чиновничий отчет, чем научное описание предметов. Основная, третья, часть, именуемая «Местности, на которых проводились археологические розыскания», имела более научный характер, так как содержала описание раскопок и найденных вещей. Например, при описании исследований

Владимирских курганов, проведенных П. С. Савельевым, приводились рисунки наконечников копий и стрел, фибул, шумящих подвесок, височных колец, шейных гривен, перстней и т. д. — находок, столь типичных для этих памятников (Извлечение..., 1855. С. 33–37).

Нетрудно заметить, что уже в этом издании была выработана форма и стиль подачи материала, которых в дальнейшем стала придерживаться в своих «Отчетах» Императорская археологическая комиссия. В самом издании автор указан не был, а в каталогах некоторых библиотек оно приписывается Л. А. Перовскому. Между тем не вызывает сомнения, что основная работа по подготовке этой книги была проведена по поручению министра А. С. Уваровым. В его архиве сохранился более полный рукописный вариант этого текста, адресованного императору от имени министра Перовского, и он был издан в 1910 г. (Граф Алексей Сергеевич Уваров..., 1910. С. 58–125).

Во время раскопок в Херсонесе Уваров открыл большую базилику в северо-западном углу городища, в южном нефе которой оказался великолепный мозаичный пол хорошей сохранности. Было принято решение перевезти его в Эрмитаж, и эта непростая задача была поручена графу летом 1854 г. Он договорился с местным начальством об использовании солдат и унтер-офицеров с оплатой по 35 копеек серебром в день, и 20 июня работы по извлечению мозаики начались. Для ее транспортировки был заключен контракт с перекопским купцом 3-й гильдии Елизаром Большёвым, который за 2500 руб. взялся доставить 93 ящика подводами в Москву, а оттуда они по железной дороге отправились в Петербург. Вся же эта операция обошлась казне в сумму более 5500 руб. (РГИА. Ф. 515. Оп. 3. Ед. 166. Л. 1, 29; Ед. 167. Л. 1–9). В условиях войны сделано это было очень своевременно, поскольку уже в середине июля англо-французский флот обстрелял Севастополь, а во время обороны и оккупации города базилика значительно пострадала.

Служба А. С. Уварова в Кабинете прервалась весной 1855 г., когда он вступил в Подвижное ополчение Владимирской губернии и был зачислен в чине капитана в дружину № 122. Обучался он военному делу вместе со своими муромскими крестьянами, которых вооружил за свой счет, но принимать участие в боевых действиях графу не пришлось. После смерти отца он был вынужден просить об увольнении и уже в декабре этого же года покинул военную службу, вернувшись в Кабинет. «За отличную и ревностную службу

в ополчении» ему было разрешено носить на груди крест ополчения без ленты, даже и по увольнению в отставку (РГИА. Ф. 468. Оп. 2. Ед. 754. Л. 28–69).

В память об отце А. С. Уваров в 1856 г. учредил премии, которые присуждались Вторым отделением Петербургской академии наук за научные и драматические произведения по русской истории. Для этого он стал ежегодно выделять по 3000 руб. Премии вручались с 1857 до 1917 г., и их лауреатами в разные годы были: историки Д. И. Иловайский, А. Ф. Гильфердинг, В. И. Герье, И. Е. Забелин, Д. И. Багалей, Е. Ф. Шмурло, С. Ф. Платонов, Н. Д. Чечулин, В. Н. Бенешевич; филологи А. Н. Пыпин, А. Н. Афанасьев, И. А. Бодуэн де Куртене; искусствоведы Д. А. Ровинский, С. А. Геденов, С. П. Дягилев; драматурги А. Н. Островский, А. Ф. Писемский и многие другие. Сам же А. С. Уваров в 1856 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук по отделению русского языка и литературы, а через год — ее почетным членом.

В 1872 г. Петербургский университет также почтил своего выпускника избранием почетным доктором русской истории. В своем представлении профессор И. И. Срезневский писал: «...взвешивая научную ценность его трудов, никак нельзя не уважать его как одного из самых важных археологических исследователей наших. Позволю себе думать, что удостоением его степени Доктора мы исполним только наш долг признательности к заслугам ученого, преданного науке и каждым новым трудом ее обогащающего» (Срезневский, 1873. С. 18). Говоря сегодня об оценке научной деятельности А. С. Уварова, очень трудно согласиться с мнением А. А. Формозова, причислявшего его к категории «дворян-дилетантов» в истории русской археологии (Формозов, 2006. С. 21, 22). Дело в том, что Формозов автоматически относил к «дилетантам» людей, которые не жили за счет доходов от своей научной деятельности. Алексей Сергеевич же, наоборот, обладал немалыми возможностями вкладывать собственные средства в развитие исторической и археологической науки и имея, соответствующее образование, работал вполне на уровне профессиональной науки своего времени.

Последние годы жизни в Петербурге А. С. Уварова связаны с домом 48 по Большой Морской улице (современный адрес). В начале 1852 г. он приобрел его за 75 000 руб. у Анны Алексеевны Андро, урожденной Олениной, — дочери президента Академии художеств А. Н. Оленина

(Санктпетербургские сенатские объявления..., 1852. № 32. С. 53). Новый владелец дома занялся его благоустройством, решил проложить «чугунную трубу для провода чистой воды», благо другим фасадом дом выходил на Мойку. Кроме того, в 1857 г. он подал прошение о перестройке дома, приложив к нему проект архитектора А. В. Петцольда. Согласно этому проекту, фасад двухэтажного дома представлял бы собою подобие древнерусского терема с башнями по сторонам и затейливым оформлением вокруг окон (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 174. Л. 18–20). Однако этот проект не получил высочайшего утверждения, и на нем появилась резолюция императора «фасад никуда не годится, переделать и в сумасбродство не вдаваться», а графу Уварову было рекомендовано «представить проект менее затейливый и более изящный» (*Бройтман, Краснова, 1997. С. 156*). В скором времени А. С. Уваров в связи с переездом в Москву продал этот дом, во всяком случае в 1863 г. у него уже был другой владелец.

Причины, побудившие графа Уварова покинуть Петербург, были весьма прозаичными — в ноябре 1856 г. скоропостижно скончался Л. А. Перовский, являющийся его непосредственным начальником и всячески покровительствующий археологическим занятиям графа. Через пару недель после его смерти последовал указ Александра II министру императорского двора: «Заведование археологическими разысканиями, поступившими ныне в состав Министерства императорского Двора, возлагаем на члена Государственного Совета, Генерал-Адъютанта Генерала от кавалерии Графа Строганова 1-го под ведением Вашим» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 14. Д. 1. Л. 2). В начале 1857 г. все дела об археологических разысканиях из канцелярии министра уделов и Кабинета были переданы С. Г. Строганову, под его же начало должны были перейти и лица, служащие по этой части в Кабинете, Керченском музее и Римской археологической комиссии. После смерти патрона группа, созданная Перовским, фактически распалась, помогать Строганову остался только П. С. Савельев и сотрудники Керченского музея древностей.

В семье же Уваровых Строганов был персоной *non grata*, поскольку являлся закоренелым врагом и конкурентом С. С. Уварова, постоянно конфликтовавшим с министром на посту попечителя Московского учебного округа. Служить и дальше работать под началом врага своего отца Алексей Сергеевич никак не мог, поэтому уже в марте 1857 г. он подает прошение об отпуске в Германию

и Францию сроком на шесть месяцев, предоставив свидетельство от врача о том, что ему необходимо лечение минеральными водами и морскими ваннами. 30 марта отпуск был разрешен самим императором, и Уваров отбыл за границу. Вскоре в Кабинет поступило письмо министра народного просвещения А. С. Норова с сообщением о том, что Уваров обратился с просьбой о перемещении его на службу по этому министерству. В итоге 4 июня 1857 г. последовало распоряжение императора о назначении А. С. Уварова помощником попечителя Московского учебного округа (РГИА. Ф. 468. Оп. 2. Ед. 754. Л. 70–89). Эту должность граф занимал до начала января 1859 г., когда вынужден был обратиться с личным письмом к императору и подать в отставку, чтобы пресечь распускаемые недоброжелателями слухи о том, что Уваров якобы пытался настраивать студентов против попечителя Московского учебного округа (*Багалей, 1905. С. 370, 371*). По воспоминаниям графини П. С. Уваровой, первое время Алексея Сергеевича московское общество воспринимало как «приезжего петербуржца», который там мало кого знал (*Уварова, 2005. С. 35*).

Путь в существовавшее в Москве Общество истории и древностей российских для него также был закрыт, поскольку председательствовал в нем все тот же С. Г. Строганов. Оставалось только одно — создавать новое научное общество, что Уваров блестяще и реализовал в 1864 г. учреждением Московского археологического общества, которое изначально стало рассматриваться в качестве альтернативы учрежденной Строгановым в 1859 г. Императорской археологической комиссии. Таким образом, начальной точкой многолетней конкуренции и неприязни между петербургскими и московскими археологами были личностные отношения между С. Г. Строгановым и семейством Уваровых (*Тихонов, 2006*). Но в то же время научный авторитет А. С. Уварова — выпускника Петербургского университета, члена-основателя Русского археологического общества, создателя и руководителя Московского археологического общества, создателя Исторического музея и инициатора Археологических съездов в России — был одинаково признаваем в обеих столицах и позволял ему обоснованно претендовать на роль лидера российской археологии.

После переезда в Москву А. С. Уваров бывал в Петербурге только эпизодически. Так, в 1871 г. он принимал активнейшее участие в подготовке и проведении Второго археологического съезда, открывшегося 7 декабря в Санкт-Петербурге

и посвященного 25-летию Русского археологического общества. Предварительный комитет по устройству съезда предложил Уварову должность своего председателя, но он отказался даже номинально занять это пост, поскольку, «имея постоянное пребывание в Москве, не может оставаться на долгое время в Петербурге» (Труды..., 1881. С. VII). В итоге он согласился быть помощником председателя комитета и съезда — секретаря общества академика В. В. Вельяминова-Зернова, а также возглавил секцию по первобытным древностям. Во время заседаний съезда граф выступил с докладом о том, «могут ли вещи, находимые в курганах, быть этническими признаками и как можно определять границы между племенами, обитавшими на Руси». Этот доклад был напрямую связан с подготовкой монографии о Владимирских курганах. Еще один доклад был посвящен архитектуре первых деревянных церквей на Руси и был напечатан в трудах съезда (Уваров, 1876). А. С. Уваров постоянно упоминался в протоколах заседаний как один из активнейших участников прений по самым различным вопросам. Поднимал он вопрос и о преподавании археологии в русских университетах. В ито-

ге съезд решил обратиться к университетам через их представителей на съезде с предложением об открытии кафедры археологии и как можно большем введении в круг преподавания русской археологии (Труды..., 1881. С. 66).

В начале 1876 г. А. С. Уваров приезжал в Петербург для чтения лекций по археологии великим князьям. В архиве Уваровых сохранилась «Программа пяти лекций, читанных Вел. князьям Сергею и Павлу Александровичам в январе–феврале 1876 года» (Стрижова, 1998. С. 95). В продолжение этих занятий к лету 1878 г. граф разработал маршрут путешествия великих князей по городам Северо-Западной России, включавший посещение и знакомство с памятниками Новгорода и Пскова. В рамках этого путешествия были проведены и раскопки курганной группы на берегу реки Великой в Псковской губернии.

Преждевременная смерть Алексея Сергеевича Уварова в 60-летнем возрасте в конце декабря 1884 г. невольно поспособствовала усиливающейся розни между археологическими сообществами двух столиц и стала огромной потерей для отечественной науки.

ЛМ ИРЛИ РАН. ПД. И-6159. Альбом А. А. Бобринского. 48 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 14. Д. 1: О назначении генерал-адъютанта графа С. Г. Строганова заведующим археологическими разысканиями в России. 1856–1858. 111 л.

ОПИ ГИМ

Ф. 17. Диплом А. С. Уварова.

Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 166: Лекции по русской истории. 180 л.; Ед. хр. 167: Конспекты лекций по истории древнего мира. 89 л.; Ед. хр. 168: Конспекты лекций по истории средних веков. 65 л.

РГИА

Ф. 1021. Оп. 2. Д. 57: Письмо археолога гр. А. С. Уварова Л. А. Перовскому о состоянии исторических и архитектурных памятников в Кирилловском монастыре. 7 л.

Ф. 1284. Оп. 35. Ед. 353: Об определении чиновником особых поручений VIII класса при министре внутренних дел в звании камер-юнкера титулярного советника графа Уварова. 40 л.

Ф. 468. Оп. 2. Ед. 754: О причислении к Кабинету Его Величества надворного советника камер-юнкера графа Уварова. 98 л.

Ф. 472. Оп. 33(137/974). Ед. 54: По письму Действительного Тайного Советника Графа Уварова на имя Госу-

даря Императора об обращении Всемилостивейшего внимания на будущую судьбу сына его. 3 л.

Ф. 515. Оп. 3. Ед. 166: Книга для записи прихода и расхода денежных сумм по командировке графа Уварова в Таврическую губернию. 89 л.

Ф. 515. Оп. 3. Ед. 167: Документы к приходно-расходной книге по командировке графа Уварова. 171 л.

ЦГИА СПб

Ф. 14. Оп. 9. Д. 57: Уваров А. Диссертация «Исследования, в какой степени дополняются сведения о первом самозванце актами, изданными Археографической комиссией». 50 л.

Ф. 19. Оп. 111. Д. 213: Метрические книги церковью Санкт-Петербурга. 563 л.

Ф. 513. Оп. 102. Д. 174: Чертежи дома на участке, принадлежавшем Уварову, В. А. Грейгу, В. М. Маркусу по Б. Морской ул., 48, и наб. р. Мойки, 93. 81 л.

Анучин, 1886 — Анучин Д. Н. Граф Алексей Сергеевич Уваров. Биографический очерк // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса: Тип. А. Шульце, 1886. С. III–XX.

Багалеи, 1905 — Багалеи Д. И. Материалы к биографии гр. А. С. Уварова // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков: Тип. Губернского правления, 1905. Т. 16. С. 370–374.

- Бройтман, Краснова*, 1997 — *Бройтман Л. И., Краснова Е. И.* Большая Морская улица. СПб.: Папирус, 1997. 221 с.
- Бройтман, Краснова*, 2019 — *Бройтман Л. И., Краснова Е. И.* Малая Морская улица. СПб.: Алетейя, 2019. 228 с.
- Граф Алексей Сергеевич Уваров..., 1910 — Граф Алексей Сергеевич Уваров. Сборник. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. Издан ко дню 25-летия со дня кончины / Под редакторством Гр. П. С. Уваровой. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1910. Т. III. 374 с.
- Извлечение..., 1855 — Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 году. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1855. 189 с.
- Объявление..., 1841 — Объявление публичного преподавания наук в Императорском С. Петербургском университете на 1841–1842 академический год, от ректора и совета. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1841. 32 с.
- Полное собрание..., 1840 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIV. Отделение второе. 1839. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собственной е. и. в. канцелярии, 1840. 511 с.
- Санктпетербургские сенатские объявления..., 1852 — Санктпетербургские сенатские объявления по судебным, распорядительным, полицейским и казенным делам. № 32. Понедельник, Апреля 21 дня 1852 года.
- Слова и речи..., 1841 — Слова и речи, произнесенные на торжественном акте Императорского Санкт-Петербургского университета 25 марта 1840 года. СПб., 1841. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1841. 154 с.
- Срезневский*, 1873 — *Срезневский И. И.* Записка об ученых трудах графа А. С. Уварова // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1871–1872 академического года. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1873. № 6. С. 14–18.
- Стрижова*, 1998 — *Стрижова Н. Б.* Архив А. С. и П. С. Уваровых в отделе письменных источников Государственного исторического музея // Очерки истории отечественной археологии / Отв. ред. А. А. Формозов, И. С. Каменецкий. М.: Богородский печатник, 1998. С. 85–103.
- Тихонов*, 2006 — *Тихонов И. Л.* «Как поссорились Сергей Григорьевич и Алексей Сергеевич...» (к вопросу об истоках конфликта между Археологической комиссией и Московским Археологическим обществом) // In situ: к 85-летию профессора А. Д. Столяра / Отв. ред. А. А. Никонова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 358–371.
- Тихонов*, 2017 — *Тихонов И. Л.* Студенческие корпорации Санкт-Петербургского университета в описании графа А. А. Бобринского // КЛИО. 2017. № 10 (130). С. 66–76.
- Труды..., 1881 — Труды Второго археологического съезда в Санкт-Петербурге. Вып. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1881. 369 с.
- Уваров*, 1876 — *Уваров А. С.* Об архитектуре первых деревянных церквей на Руси // Труды Второго Археологического съезда в Санкт-Петербурге. Вып. 1; Отд. IV. А. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1876. С. 1–24.
- Уварова*, 2005 — *Уварова П. С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 296 с.
- Формозов*, 1994 — *Формозов А. А. А. С. Уваров и его место в истории русской археологии* // Уваровские чтения-II (Муром, 21–23 апреля 1993 г.). М.: ИВФ Антал, 1994. С. 7–23.
- Формозов*, 2006 — *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. М.: Знак, 2006. 344 с.
- 200-летие Кабинета..., 1911 — 200-летие Кабинета Его Императорского величества. 1704–1904. Историческое исследование. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильберг, 1911. XX, 526, 149 с.

A. S. Uvarov in St. Petersburg: studies and service (on the materials of the St. Petersburg archives)

I. L. Tikhonov⁵

Keywords: A. S. Uvarov, St. Petersburg University, history of archaeology, archival materials

The article is devoted to the St. Petersburg period of life of one of the founders of Russian archaeology A. S. Uvarov. The author on the base of archival materials covers the years of Uvarov's studies at St. Petersburg University and his official activity in the Ministries of Foreign and Internal Affairs and the Cabinet of His Imperial Majesty.

⁵ Igor L. Tikhonov — Saint Petersburg State University; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: I. Tikhonov@spbu. ru.

**«...Нам нужно больше, гораздо больше надписей,
и все-таки сыты не будем»¹: материалы о проекте создания
Русского археологического института в Афинах
(из архивных собраний Санкт-Петербурга)²**

Н. А. Павличенко, О. В. Григорьева, В. А. Горончаровский³

Аннотация. Во второй половине XIX в. в России возникла идея создания Русского археологического института в Афинах, по примеру иностранных учреждений. Этот проект так и не удался, но попытки его реализации можно проследить по архивным документам. Во-первых, он отразился в хранящейся в СПбФ АРАН и РО РНБ переписке антиковедов Ф. Ф. Соколова и И. В. Помяловского с молодыми исследователями, учениками Ф. Ф. Соколова. Во-вторых, удалось выявить отдельную группу эстампажей надписей из материковой и островной Греции, находящуюся в научном архиве ИИМК РАН. Сопоставление архивных материалов позволило определить происхождение и время изготовления этих эстампажей. Авторы приходят к выводу, что они были сделаны в Греции в 1880–1890-е гг., в рамках проекта создания Русского археологического института в Афинах.

Ключевые слова: древнегреческая эпиграфика, эстампажи, проект Русского археологического института в Афинах, В. В. Латышев, В. К. Ернштедт, Г. А. Янчевецкий, А. В. Прахов, С. С. Абамелек-Лазарев, Д. Н. Корольков, А. В. Никитский, Ф. Ф. Соколов, И. В. Помяловский.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-45-150-163

В научном архиве Института истории материальной культуры РАН хранится крупнейшая в России коллекция эстампажей надписей на камне и металле (НА ИИМК РАН. РО. Р-П. Оп. 1. Д. 1–473), которая насчитывает более пяти тысяч листов различного происхождения. Коллекция сформировалась главным образом в результате

деятельности Императорской археологической комиссии (ИАК) в 1859–1918 гг. и Российской / Государственной академии истории материальной культуры (РАИМК/ГАИМК) в 1919–1937 гг. После революции 1917 г. часть документов поступила из ликвидированных научных учреждений, например, Русского археологического общества (РАО) и Русского археологического института в Константинополе (РАИК).

Основное ядро коллекции (не менее 4,5 тыс. листов) составляют эстампажи античных надписей, более трети которых не были ранее должным образом атрибутированы. В ходе реализации исследовательского проекта «Эпиграфические памятники Греции и Малой Азии в коллекции эстампажей научного архива ИИМК РАН (атрибуция, комплексное изучение и создание электронной базы данных)» началось обстоятельное изучение этого огромного массива факсимильных копий эпиграфических документов.

В коллекции древнегреческих эстампажей выделены отдельные группы. Первая группа —

¹ Труды Ф. Ф. Соколова. СПб.: Тип. М. А. Александра. 1910. С. 645.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 24-18-00202, <https://rscf.ru/project/24-18-00202/> «Эпиграфические памятники Греции и Малой Азии в коллекции эстампажей Научного архива ИИМК РАН (атрибуция, комплексное изучение и создание электронной базы данных)» в ИИМК РАН.

³ Павличенко Н. А., Григорьева О. В., Горончаровский В. А. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, РФ; e-mail: nat.pavlichenko@gmail.com, sigrid@yandex.ru, goronvladimir@yandex.ru.

© Павличенко Н. А., Григорьева О. В., Горончаровский В. А., 2024

эстампажи надписей из Северного Причерноморья, которые в основном опубликованы в корпусе В. В. Латышева *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini*, подготовленного в 1885–1916 гг. (IOSPE. Vol. I–IV. Petropoli, 1885–1916). Вторая группа — эстампажи античных надписей Балканского полуострова и Восточного Средиземноморья, сделанные сотрудниками РАИК во время археологических экскурсий по Малой Азии, в Македонии и во время экспедиции Ф. И. Успенского в Сирию (*Басаргина*, 1999. С. 40–42). Третья группа — значительный массив эстампажей надписей из материковой и островной Греции, среди которых имеются отписки декретов, священных законов, строительных счетов, проксений, манумиссий, эпитафий (из Атики, Олимпии, Дельф, Эпидавра, Мегар, с островов Делос, Милос и Кеос). Значительная их часть была опубликована или использована в работах В. В. Латышева, В. К. Ернштедта, Д. Н. Королькова, А. В. Никитского, Н. И. Новосадского, С. А. Селиванова, А. Н. Щукарева, Р. Х. Лепера, выпускников Петербургского историко-филологического института (ПИФИ) и историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, командированных в Грецию в 1880–1890-е гг. Министерством народного просвещения. Предлагается возможным утверждать, что именно эти эстампажи обязаны своим появлением несостоявшемуся проекту создания в Афинах Русского археологического института.

В середине XIX в. в Афинах появляются первые иностранные археологические институты, проводившие раскопки в Греции: Французская археологическая школа (*École française d'Athènes*) (1846 г.); Афинское отделение Немецкого археологического института (*Deutsches Archäologisches Institut (DAI), Abteilung Athen*) (1874 г.); американская *American School of Classical Studies at Athens* (1881 г.) и британская *British School at Athens* (1886 г.) школы. Подобную русскую школу в Афинах предложил организовать дипломат и известный коллекционер П. А. Сабуров, находившийся в 1870–1879 гг. в Греции в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра (СПА 2021. С. 663). В соответствии с резолюцией Александра II решение вопроса было передано министру просвещения — Д. А. Толстому, но по предложению директора ПИФИ и члена Совета министра народного просвещения К. В. Кедрова эту идею сочли хотя и полезной, но преждевременной.

В докладе Министерства народного просвещения «По предположению об учреждении

Русского Археологического Института в Афинах» от 14 августа 1879 г. отмечалась нехватка ученых, которые занимаются классической филологией, и недостаток средств на его организацию. Для того чтобы подготовить достаточное количество ученых сотрудников для подобного учреждения, было предложено для начала послать в Грецию двух молодых выпускников Историко-филологического института или Санкт-Петербургского университета, «выразивших желание заниматься греческими древностями» (Сборник постановлений..., 1883. Стлб. 1184–1187). «При успехе дела» их число могло быть увеличено, а для руководства первыми командированными учеными предлагалось отправить экстраординарного профессора ПИФИ Ф. Ф. Соколова⁴ (Там же), известного знатока античных надписей, с конца 1870-х проводившего со студентами практические занятия по эпиграфике. Современники неоднократно отмечали чрезвычайную погруженность этого ученого в предмет его занятий. Б. В. Варнеке вспоминал, что Соколов, как и Ключевский, «оба видели живым прошлое, дышали его духом и сливались с тогдашними интересами вплотную» (*Варнеке*, 2013. С. 125).

В числе первых в 1880 г. отправился в Афины его ученик Василий Васильевич Латышев. Об успешности и продуктивности его пребывания в Греции свидетельствуют более десятка статей в Журнале Министерства народного просвещения (*ЖМНП*), *Bulletin de Correspondance Hellénique* (ВСН) и *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung* (MDAIAA), вышедших за два года командировки и сразу по возвращении. Поводом для некоторых из этих статей послужили его собственные находки надписей, например, о письмах императора Антонина жителям Фисбы и Коронеи (*Латышев*, 1881. С. 305–313; *Latyshev*, 1881) и *senatus consultum* из Нарфакия (*Латышев*, 1882; *Latyshev*, 1882. Р. 356–387, 580–590). Почти все статьи этого периода выходили на двух языках — по-русски в ЖМНП и дублировались по-французски в ВСН или по-немецки в MDAIAA⁵.

⁴ Ф. Ф. Соколов описывает свое пребывание в Афинах в письмах к В. К. Ернштедту (СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 194. Л. 1–4; *Жебелев*, 1909. С. 63). Об организации заграничных поездок выпускников ПИФИ см. также: ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195; *Гицевич*, 2022. С. 81–84; *Колышиницина, Ланцов*, 2023. С. 903–906.

⁵ Ср. с приводимым Ф. Ф. Соколовым (правда, в связи с его собственной статьей, которую он хотел

Вот как объяснял В. В. Латышев в письме профессору историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета И. В. Помяловскому от 31 июля 1882 г., почему статья о *senatus consultum* из Нарфакия была опубликована в ВСН раньше, чем в ЖМНП: «Дело в том, что почтенный г. Фукар⁶ — страстный любитель эпиграфических новинок, и превратил свой *Bulletin de correspondance hellénique* почти в специально-эпиграфический сборник. Как только узнает он, бывало, что у меня есть что-нибудь новенькое, сейчас пристает с просьбами — дай да дай ему для *Bulletin'a*. И вот я, бывало, напишу статью по-русски, отправлю ее Федору Федоровичу [Соколову] для Журнала М. Н. Пр., а потом жена⁷ переведет ее на французский, я проредактирую и отдаю Фукару. Так появились в *Bulletin*: список пританов, письма Антонина и S.C., последний даже раньше, чем по-русски. Фукар так торопил меня, что я должен был отдавать статью по частям, и она немедленно печаталась, тогда как редакция Ж.М., получив ее в начале марта, задержала до июля. По-французски статья о S.C. появилась почти в том же виде, как и по-русски, только в двух местах выпущены некоторые подробности» (РНБ. ОР. Ф. 608. Оп. 1. Ед. хр. 928. Л. 4–5об.).

Одновременно с В. В. Латышевым был командирован в Афины Виктор Карлович Ернштедт. Он не имел такой склонности к изучению эпиграфи-

ческих памятников, как Латышев, областью его научных интересов являлись палеография и текстология. По словам А. В. Никитского, Ернштедт к этому времени был уже вполне сложившимся исследователем, и поэтому в афинской командировке «он был в известной степени пленен в этой области» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1921 г. Д. 7. Л. 92; Переписка... 2023. С. 177). Тем не менее, одна из его статей этого периода, историко-филологическое исследование «Саламинская битва», возможно, написана именно благодаря пребыванию в Греции (Ернштедт, 1882)⁸.

Ф. Ф. Соколов и И. В. Помяловский неоднократно обсуждали с В. К. Ернштедтом и В. В. Латышевым, а также с теми молодыми учеными, кто приезжал в Афины после них, кандидатуры для следующих командировок в Афины. Система командировок в Грецию была устроена таким образом, чтобы вновь прибывший стипендиат приезжал тогда, когда его предшественник еще оставался в Греции и мог помочь новобранцу устроиться и направить его научные занятия. Очевидно, что мнение молодых исследователей учитывалось при выборе новых кандидатур для поездки в Грецию (см., например: СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 55. Л. 12об., письмо Ф. Ф. Соколова А. В. Никитскому от 10 июня 1884 г.).

В письме Ернштедту от 15 мая 1881 г. Соколов подробно разбирает достоинства и недостатки возможных претендентов на поездку в Грецию. Первым он упоминает Григория Андреевича Янчевецкого (1846–1903), выпускника Киевского университета Св. Владимира, который в 1871–1881 гг. преподавал древние языки в гимназиях Киева и Риги (Исаков, 2006. С. 192). О нем Соколов пишет: «Много думал я, кого бы послать в Афины. Долго не оказывалось никого подходящего. Кого послать, кто был бы достоин первой моей *συνωρίς*⁹! Да и теперь нет у меня прочного выбора. Янчевецкий, которому хотелось поехать еще в прошлом году, приезжал в Петербург, был у Кедрова и у меня. Он оставляет недурное впечатление. Он хороший человек, хохол. Перевел Ксенофонта и Павсания. Знание Павсания очень

опубликовать на немецком языке) высказыванием Т. Моммзена: «Моммзен говорит про нас [—] русских, хорватов, венгров, румынов и прочих варваров, пишущих статьи на своих языках, — *Quod publici iuris faciunt id ipsi densa caligine obtuunt*» (То, что они публикуют, они сами закрывают густым дымом (лат.). — Здесь и далее перевод Н. А. Павличенко) (СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 194. Л. 42об.). На то, что *Rossica non leguntur*, указывал и французский антиковед Ж. До, который писал, что большинство трудов А. В. Никитского, крайне важных для всех, занимающихся дельфийскими надписями, остаются труднодоступными, так как написаны по-русски (Daux, 1936. P. 68).

⁶ Фукар Поль-Франсуа (Paul-François Foucart, 1836–1926), выдающийся французский археолог и эпиграфист, директор Французской археологической школы в Афинах в 1879–1890 гг. В очерке о своих преподавателях в ПИФИ Б. В. Варнеке рассказывает, что в курсе «Сакральные древности» Ф. Ф. Соколов из новой литературы больше всего ссылался на «своего любимца Фукара» (Варнеке, 2013. С. 125).

⁷ Латышева (урожд. Бессмертная) Наталия Адриановна (1862–?).

⁸ См. также письма Ф. Ф. Соколова В. К. Ернштедту, в которых обсуждается работа над этой статьей. Соколов был не согласен с мнением Ернштедта о причине победы афинян и значении дела Фемистокла (СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 194. Л. 25, 25об., 26об.–27, 28об.–29 об.).

⁹ *συνωρίς* (древнегреч.) — букв. «пара лошадей, упряжка из двух лошадей».

годится для афинской командировки. Он до того хотел бы заниматься научно, что хотел бы даже бросить службу на один год, чтобы хоть год заняться на свободе. Это хорошо. Но вот какие за ним водятся drawbacks¹⁰: во-первых, ему лет 35, он женат и имеет троих детей. Тут мне припоминается изречение добрейшего отца архимандрита Анатолия¹¹, чтобы не посылать женатых. Янчевецкий говорит, что ему довольно 1800 рублей бумажных в год. Ну а все-таки. Во-вторых, он, кажется, греческую историю и греческие древности нетвердо знает. Он интересуется более всего культурную историю. Политическую не интересуется. Историей искусств никогда не занимался. Не читал ни одного сочинения по истории искусств. Зная Ваше желание, чтобы был кто-нибудь по искусству, говорил я ему об этом. Он интересуется и обещает заниматься памятниками искусства, но этого еще очень мало. Он даже ни одного учебного атласа древней архитектуры и скульптуры не видал, не знает даже Куглера и Шнааза¹² и говорит: «Ну Вы мне дадите инструкцию, я буду все исполнять». Какую к черту я могу дать ему инструкцию, если он ни малейшего понятия не имеет? И чего он добьется в два года в Афинах посреди массы рельефов и статуй? Так как у него усердие есть, то в наилучшем случае он достигнет того, что будет понимать статьи ученых археологов, будет видеть на рельефах, статуях и зданиях то, что вычитает из их статей. И это еще сомнительно. Но я убежден, что в такие лета и с таким отсутствием всякой подготовки он и через три года не в состоянии будет ни одной самостоятельной статьи написать. Итак, хотя мне жаль немножко его, но, положив руку на сердце, не могу рекомендовать его на эту командировку» (СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 194. Л. 17об., 18).

Несмотря на такой негативный отзыв, в ноябре 1881 г. Янчевецкий все же был командирован в Грецию, но только на полгода. В дальнейшем и вплоть до конца жизни он исполнял должность инспектора и директора в гимназиях Риги и Ревеля, в 1888–1900 гг. был издателем журнала «Гимназия», в котором печатались статьи по всем

предметам гимназического курса. Поездка в Грецию не нашла отражения в его публикациях, очевидно, она носила скорее ознакомительный характер. К числу наиболее известных его работ относятся переводы греческих авторов Феокрита, Ксенофонта, Павсания.

Следующий претендент, которого обсуждали Соколов и Ернштедт, являлся куда более значительной фигурой. Рассматривалась кандидатура художника, археолога и историка древнего искусства Адриана Викторовича Прахова (1846–1916).

«Говорили Вы о самом Прахове. Это, конечно, было бы прекрасно. Наша Ρωσική ατοκία¹³ в Афинах была бы тогда поставлена ὀρθῶ ἐπὶ σφύρῳ¹⁴. Я научился ценить знания и энергию Адриана Викторовича (хотя он любит пошарлатанить). Он действительно сумел бы поставить дело. Но он может быть директором школы, не иначе. Откуда же мы возьмем ему денег? Он сказал мне, что поехал бы в Афины с удовольствием, что он не был никогда в Греции, что остался бы, пожалуй, на год. Но, конечно, не за нашу стипендию. Он человек самостоятельный и с апломбом. Он по своему некоторому проекту тотчас пошел к бывшему — Verflössener¹⁵ — Сабурову и carried him in storm¹⁶, так что Сабуров долго толковал об этом свидании и о проекте Прахова. А проект этот [—] изучение памятников древнего русского искусства, продолжительное и широкое, с большими командировками в Россию и с поручением двойным, от университета и от археологического общества. Если Прахов вздумает бросить этот проект и двойную командировку, ему ничего не стоит пойти и к Николаи¹⁷, новому нашему ὑπουργὸς τῆς παιδείας¹⁸, взять штурмом Николаи и добиться афинской командировки. Я отнюдь не буду мешать, буду рад, но сам к министрам до сих пор не хаживал и не умею (кроме министра — тоже Verflössener —

¹³ Ρωσική ατοκία (древнегреч.) — «русская колония».

¹⁴ ὀρθῶ ἐπὶ σφύρῳ (древнегреч.) — «на правильном основании». Имеется в виду выражение ὀρθῶ ἕστασας ἐπὶ σφύρῳ из 7-й «Истмийской оды» Пиндара — «ты прочно (букв. на правильном основании) поставил» (Pind. I. 7 (6). 13).

¹⁵ Verflössener (нем.) — «бывший».

¹⁶ Carried him in storm (англ.) — «взял его наскоком».

¹⁷ Николаи Александр Павлович (1821–1899) — российский государственный деятель, министр народного просвещения (24 марта 1881 — 16 марта 1882).

¹⁸ ὑπουργὸς τῆς παιδείας (древнегреч.) — «попечитель образования (букв. воспитания)».

¹⁰ Drawbacks (англ.) — «недостатки».

¹¹ Архимандрит Анатолий (Станкевич) (1821–1903) — настоятель русской посольской церкви в Афинах в 1879–1886 гг.

¹² Имеются в виду классические труды немецких историков искусства — Ф. Куглера (Franz Kugler) (Куглер, 1869) и К. Шнааза (Karl Schnaase) (Schnaase, 1843–1879).

Маврокордато¹⁹ — да эти греческие ύπουροί²⁰ не так страшны) к ним лезть. А в самом деле! Как это я смею полезть к Маврокардато! Вот значит не страшно, когда маленькое такое королевство. Итак, результат обсуждения о Прахове: его командировка могла бы состояться тогда, если бы наша École Russe d'Athènes (см. статью Фукара в Bulletin de c[orrespondance] h[ellénique] 1881, février, p. 71)²¹ действительно заслуживала этого названия и этих больших букв, то есть если бы дали больше денег на директора, на раскопки, на поездки и проч. А при теперешних обстоятельствах трудно, мне кажется, даже невозможно рассчитывать на это. Я счел бы успехом большим и был бы сердечно рад, если бы удалось нашу αποκία продлить на нынешнее тяжкое и ужасное время²² хотя бы в виде тоненького ручейка.

¹⁹ Греческий министр народного просвещения, которого в ноябре 1880 г. сменил Папамихалопуло. См. письмо Ф. Ф. Соколова В. К. Ернштедту от 6 ноября 1880 г. (СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 194. Л. 12).

²⁰ ύπουροί — «попечители».

²¹ В статье о находке в Херсонесе декрета в честь Диофанта П. Фукар упоминает, что Latiche, membre de l'École Russe d'Athènes («Латышев, член Русской школы в Афинах» (фр.)), перевел для него на французский язык статью Юргевича об этой надписи (Foucart, 1881. P. 71; Юргевич, 1881).

²² Это письмо было написано Ф. Ф. Соколовым 15 мая 1881 г. Речь в данном случае идет о событиях весны 1881 г., когда 1 (13) марта 1881 г. был убит император Александр II, а 3 (15) апреля 1881 г. казнены участвовавшие в покушении на него народовольцы. 15 (27) мая 1881 г. состоялась коронация Александра III. Ф. Ф. Соколов несколько раз мельком упоминает об этих событиях. В конце данного письма (СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 194. Л. 19 об., 20 об.) он пишет «...Вы политикой не занимаетесь, и я не буду ни слова говорить о ней. Одно скажу, что была для меня мука страшная в нынешнем году. Руки опустились совсем. Ревел я в марте месяце каждый день раз по десяти. Тяжко, мерзко, тошно <...> Теперь на душе у меня стало полегче, ἔχομεν γὰρ βασιλέα γενναῖον καὶ κρατερὸν καὶ μεγάλοφρονα, βίαιός σέλιμα σεμνὸν ἤμενον. Q. V. F. F. Q. S. populo Russico...» («ибо мы имеем царя благородного, сильного, и великодушного, мощно воссевшего на величественном троне»). Пусть это послужит русскому народу для блага, счастья, благополучия, удачи (древнегреч., лат.). Имеется в виду цитата из «Агамемнона» Эсхила «δαμόνων δέ που χάρις βίαιος σέλιμα σεμνὸν ἤμένων» — сурова же милость богов, восседающих на величественном троне (Aesch. Ag. 183). — Примеч. Н. П.). Аббревиатура QBFFQS раскрывается как

Пошлем одного — и то будет μέγα κέρδος²³. Потом, бог даст, поправятся русские дела, найдутся и люди, и охота, и деньги» (СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 194. Л. 18–19).

Несмотря на то что первые научные работы выпускника историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета А. В. Прахова были исследованиями по истории античной скульптуры, в начале 1880-х гг. он активно занялся изучением памятников древнерусского искусства. Результаты поездок по русским городам, изучение мозаик и фресок древних киевских храмов он довольно скоро представил в двух публикациях — статье «Открытие фресок Киево-Кирилловской церкви XII века, исполненное в 1881 и 1882 гг.» и каталоге «Киевское искусство X, XI и XII века» (Прахов, 1883а; 1883б). От древнерусского «проекта», о котором упоминается в письме, Прахов не стал отказываться. Но, как справедливо писал Соколов, командировка Прахова в Афины в качестве директора или сотрудника будущей Русской школы вряд ли была возможна (СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 194. Л. 19; СПА 2021. С. 632, 633). В 1881–1882 гг., во время путешествия на Восток вместе с С. С. Абамялек-Лазаревым и В. Д. Поленовым, Прахов посетил в том числе и Афины. По словам И. В. Помяловского, «Греция не произвела на него [на Прахова. — Примеч. Н. П.] неизгладимого впечатления, может быть потому, что в ней он пробыл недолго и прибыл в нее из М[алой] Азии» (СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 169. Л. 7, 7об., письмо И. В. Помяловского В. К. Ернштедту от 17 мая 1882 г.).

Со своей стороны Прахов предложил еще одну кандидатуру, Семена Семеновича Абамялек-Лазарева, о котором Соколов отозвался весьма неоднозначно: «Спрашивал я Прахова, нет ли у него ученика. Оказывается — нет. Назвал он лишь одного Абамялека, который постоянно занимался под моим руководством и записался на специальность древней истории, и кандидатскую диссертацию мне подал²⁴. Одним словом, назвал моего ученика. Абамялек мальчик не глупый, хочет заниматься, любит древнюю историю и историю древнего искусства, но он, конечно, не годится в члены Русской Афинской школы, потому что богат страшно! Богатство не порок, но все-таки делает Абамялека не подходящим по весьма

q[ue] b[onum], f[austum], f[elix] f[ortunatum]q[ue] s[it] (см., например, Cic. de div. I. 102. 4).

²³ μέγα κέρδος (древнегреч.) — «великая выгода».

²⁴ Абамялек-Лазарев, 1880.

понятным причинам. Он поедет осенью в Египет и хочет захватить в Афины» (СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 194. Л. 19, 19 об).

Абамелек-Лазарев был последним прямым представителем княжеского рода Абамелеков и одним из богатейших людей предреволюционной России. В 1882 г., во время путешествия по Средиземноморью и Ближнему Востоку, он провел раскопки в Пальмире, где открыл надпись на арамейском и древнегреческом языках — знаменитый Пальмирский таможенный тариф 137 г. н. э., хранящийся в настоящее время в Эрмитаже (*Абамелек-Лазарев*, 1884. С. 41–54).

Говоря о Пальмирском таможенном тарифе в письме Ернштедту, Помяловский называет его находкой, «сделанной им и Абамелеком», в то время как в историографии находка этой надписи всегда связывается с именем только Абамелек-Лазарева (СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 169. Л. 7, 7 об., письмо И. В. Помяловского В. К. Ернштедту от 17 мая 1882; *Шифман*, 1980. С. 36, 37; *Жебелев*, 2017. С. 173). Как писал сам Абамелек-Лазарев, он настолько утомился, делая эстампаж, что греческий текст надписи с камня списывал Прахов (*Абамелек-Лазарев*, 1884. С. 42), но качество его копии явно было невысоким. После своего возвращения в Петербург Прахов и Абамелек рассказали Соколову о своей находке. По мнению Прахова, речь в ней шла о ὑπόδος ἀφρίκος, а по мнению Абамелика — о ὑπόδος ἀρρίκος (СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 194. Л. 30). На самом деле в надписи упоминается ὑπόδος καρρίκος (букв. «повозочный груз») (*Абамелек-Лазарев*, 1884. С. 43).

Ранее, еще находясь в Пальмире, сразу после находки таможенного тарифа, Абамелек-Лазарев обращался с просьбой о переводе этой надписи по сделанному им эстампажу во французскую Académie des inscriptions et belles lettres к М. Де Воюэ (*Waddington*, 1882. Заседание 5 мая 1882 г.; *Vogüé*, 1883). Судя по едкому замечанию Латышева в письме Помяловскому, о том, что «юная отрасль княжеского рода Абамелеков... очень лебезил передо мной за то, что я помог ему проверить по эстампам его пресловутую Пальмирскую надпись» (РНБ. ОР. Ф. 608. Оп. 1. Ед. хр. 928. Л. 7–8 об., письмо от 23 марта 1883), его знания древних языков были все же недостаточны для занятий эпиграфикой. Сам Абамелек отмечал, что ему не удалось бы представить такого полного текста надписи, если бы в чтении и разборе эстампажа ему не помогал Латышев, «посвятивший на эту тяжелую работу несколько дней» (*Абамелек-Лазарев*, 1884. С. 43). С конца 1880-х гг.,

после смерти отца, Абамелек-Лазарев оставил занятия археологией и сосредоточился на управлении принадлежащим ему горнорудным комплексом в Пермском крае.

Еще одним выпускником ПИФИ, о котором упоминает Соколов в переписке, был Дмитрий Николаевич Корольков: «Вам в ученики и подражатели назначаем мы Королькова, кончившего ныне курс в Институте. Он очень хороший молодой человек. Жаль только, что у него здоровье не совсем хорошее. И бывали у него в прежнее время припадки τῆς ἱερᾶς νόσου²⁵. Но, впрочем, об этом прошу держать секрет. И я узнал, когда уже назначение состоялось. Даст Бог, эта болезнь совсем прошла и не вернется! Что делать! Вот не могли мы никого приготовить второго, да и этот не совсем здоров. Я уже писал Вам, что не приравниваю нового к первой посланной паре. Откуда нам взять таких! Однако я надеюсь, что Корольков, если будет здоров, потом когда-нибудь и приблизится к знаменитой паре: он очень даровитый человек и древние языки хорошо знает. Немножко семинарист²⁶, но ведь это не беда» (СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 194. Л. 22, 22 об., письмо от 13 октября 1881 г.).

Корольков (1858–1942) был командирован в Грецию на два года с 1 января 1882 г. Так же, как и Латышев, он окончил ПИФИ (1881), был учеником Соколова, принимал участие в работах Германского археологического института и избран его членом-корреспондентом. По итогам афинской командировки опубликовал статьи в ЖМНП и MDAIAA о надписях из Мегар и Акрефии, о раскопках в Элевсине (*Корольков*, 1883а; 1883б; *Korolkow*, 1883; 1884). Эстампажи этих надписей выявлены в коллекции научного архива ИИМК РАН, среди них, например, мегарское посвящение феоров Аполлону Простатерию III в. до н. э. (НА ИИМК РАН. РО. Р-II. Оп. 1. Д. 304. Л. 4–5; IG VII. 39, SEG 64. 315) (рис. 1).

В Афинах Корольков принимал участие в работе над вторым томом Corpus Inscriptionum Atticarum Ульриха Кёлера (1883), в частности, над addenda ко 2-му fasciculu этого тома, включающему материалы из раскопок Афинского археологического общества на восточном склоне

²⁵ τῆς ἱερᾶς νόσου (древнегреч.) — «священной болезни», то есть эпилепсии. Об именовании эпилепсии «священной болезнью», см., например: Hippocr. De morbo sacro. 1–18.

²⁶ Среднее образование Корольков получил в Орловской духовной семинарии.

Рис. 1. Эстампаж мегарского посвящения феоров Аполлону Простатерию (III в. до н. э.), сделанный Д. Н. Корольковым в 1882–1884-е гг. (IG VII. 39, SEG 64. 315): А — оборотная сторона эстампажа; Б — зеркальное отражение. НА ИИМК РАН. РО. Р-II. Оп. 1. Д. 304. Л. 5

Fig. 1. The squeeze of the Megarian dedication of theoroi to Apollo Prostaterios. 3rd cen. BC, produced by D. N. Korolkov in 1882–1884s (IG VII. 39, SEG 64. 315): А — the reverse side of the squeeze; Б — a mirror image. SA IHMC RAS. Man. Dep. P-II. In. 1. F. 304. Sh. 5

Акрополя и в Елевсине, что было особо отмечено У. Кёлером в предисловии к этому выпуску (CIA. Vol. II, 2. P. I)²⁷.

19 марта 1884 г. Ф. Ф. Соколов писал Никитскому, что Корольков, которого он в письмах дружески называет Димитрием Полиоркетом, «всех пленил в Петербурге» докладами о найденных им в Греции надписях и собирается защищать в Петербурге магистерскую диссертацию (СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 55. Л. 10об.). Однако после возвращения из Греции Корольков был вынужден на некоторое время прервать научную деятельность из-за болезни глаз, вызванной, возможно, длительной работой с надписями на ярком солнце. В дальнейшем отошел от эпиграфики и в последующие годы, в том числе и после революции, занимался преподаванием древних и новых языков. Имя Королькова обычно связывают с латинско-русским словарем, над составлением которого он работал вплоть до самой смерти²⁸.

²⁷ В предисловии к CIA перепутано его имя, он назван *Basilius Korolkow instituti philologo-historici Petropolitani alumnus*, то есть «Василий Корольков, воспитанник Петербургского историко-филологического института». Возможно, Кёлер перепутал его с другим выпускником ПИФИ — Василием Латышевым. Эта ошибка попала в последующие эпиграфические обзоры и справочники, см. например: *Chabert*, 1906. P. 158; *Larfeld*, 1914. S. 59.

²⁸ Первое издание словаря вышло под двумя фамилиями — Д. Н. Королькова и его сотрудника

Одним из самых выдающихся учеников Соколова являлся Александр Васильевич Никитский. В его личном фонде (Ф. 84), хранящемся в СПбФ АРАН, находится переписка²⁹, содержащая много сведений о его пребывании в Греции в качестве стипендиата Министерства народного просвещения. Перед поездкой Соколов объясняет ему, как лучше подготовиться к этой командировке: «... Музей Одесский открыт для публики до 3 часов. Каждый может заниматься в музее. <...> Теперь читайте то, что у Вас найдется в Одессе, изучайте старый *Corpus [Inscriptionum Graecarum]*³⁰ и *Corp[us] Inscr[iptionum] Atticarum*³¹ и издания

И. Х. Дворецкого (Латинско-русский словарь. Составил И. Х. Дворецкий и проф. Д. Н. Корольков. М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1949). В последующих изданиях Дворецкий опускал фамилию своего старшего коллеги. См. также биографию Королькова: URL: <http://www.rusalbom.ru/articles/default/korolkov.html> (дата обращения 29.10.2024).

²⁹ О переписке Ф. Ф. Соколова и А. В. Никитского см.: *Кулишова*, 2024.

³⁰ *Corpus Inscriptionum Graecarum* — свод древнегреческих надписей, издание которого было начато А. Бёком (Philipp August Böckh, 1785–1867) по поручению Прусской академии наук (Vol. I–IV. Berolini, 1828–1859), указатель (Berolini, 1877).

³¹ *Corpus Inscriptionum Atticarum* — свод надписей Аттики, изданный В. Диттенбергером (W. Dittenberger), А. Кирхофом (A. Kirchhoff), И. Кирхнером (J. Kirchner), У. Келером (U. Koehler) (Vol. I–III, Berolini, 1873–1895).

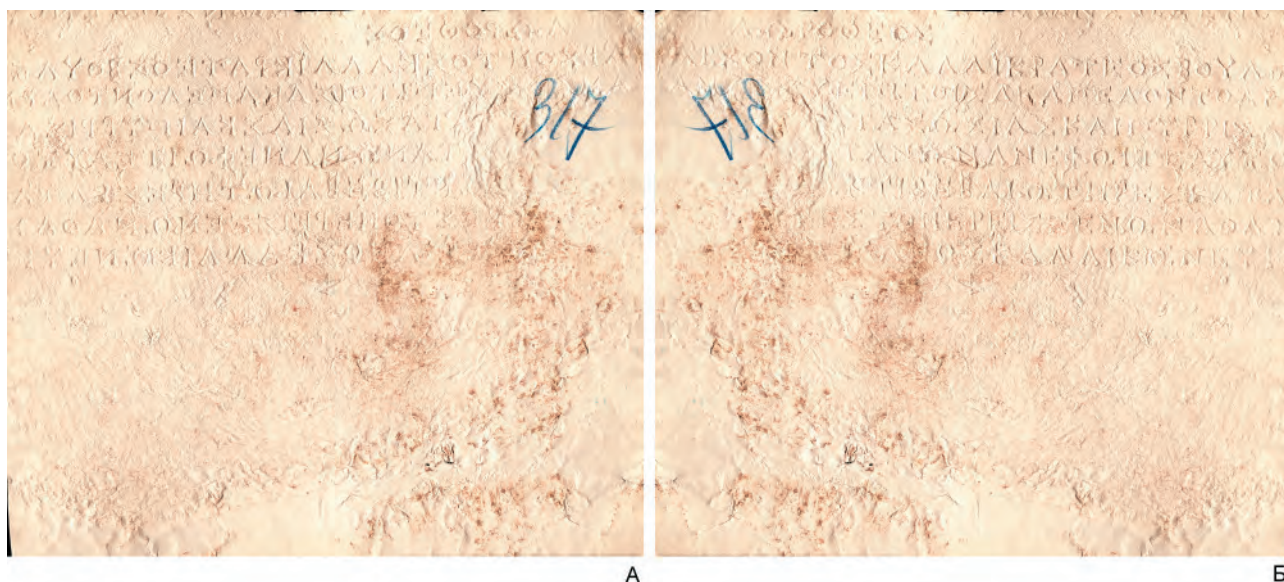

Рис. 2. Эстампаж дельфийской манумиссии, данной Сосию и Пиррисе (189 г. до н. э.), сделанный А. В. Никитским в 1883–1885-е гг. (SGDI II. 1982): А — оборотная сторона эстампажа; Б — зеркальное отражение. НА ИИМК РАН. РО. Р-II. Оп. 1. Д. 438. Л. 139

Fig. 2. The squeeze of the Delphian manumission given to Sosias and Pyrrisa. 189 BC, produced by A. V. Nikitsky in 1883–1885s (SGDI II. 1982): A — the reverse side of the squeeze; Б — a mirror image. SA IHMC RAS. Man. Dep. P-II. In. 1. F. 438. Sh. 139

Одесского общества. И в этих книгах Вы имеете уже очень много для подготовки. Затем упражняйтесь в списывании надписей — это Вам пригодится. Может быть, в Одессе найдется даже что-нибудь новое, может быть, что-нибудь пришлют из Крыма или откуда-нибудь. Вас[илий] Вас[ильевич] Латышев приедет в Одессу весной 1883 для списывания надписей. Вы можете помочь ему, и беседы с ним будут для Вас очень полезны» (СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 55. Л. 1, 1об., письмо от 7 ноября 1882 г.).

Как видно из следующих писем, корпуса Бёка в одесских библиотеках не оказалось, и чтобы избежать потери времени, Соколов советует: «...Пока у Вас нет сборников надписей, изучайте древних авторов, читайте одного за другим. Чем больше будете их знать, тем лучше. Начитанность в древних авторах — главнейшее основание для всяких занятий наукой древности. Одолеете классических, читайте авторов позднего времени, христианских апологетов. Все пригодятся» (Там же. Л. 4, письмо от 21 декабря 1882 г.).

Первая эпиграфическая публикация Никитского в Афинах была посвящена надписи, найденной в 1880 г. немецкими археологами в Олимпии. Из-за плохой сохранности она оставалась непро-

читанной. Ему удалось разобрать ее и установить, что это почетный декрет в честь Августа, который помог восстановить город после землетрясения (СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 51. Л. 68, 68об.; Никитский, 1884)³². Далее последовали и другие статьи в ЖМНП, MDAIAA и Ἐφημερίς Ἀρχαιολογική, посвященные вновь найденным надписям.

Судя по инструкции, данной Соколовым Никитскому перед поездкой в Афины в 1883 г. (СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 55. Л. 6–6об.) (см. приложение), последний был совершенно свободен в выборе предмета своих исследований. В качестве темы магистерской диссертации он выбрал эпиграфические памятники Дельф, и Соколов поддержал эту тему (Там же. Л. 23). В магистерском сочинении «Дельфийские эпиграфические этюды» (Никитский, 1894/95) помимо полного пересмотра всего имеющегося материала он подробно рассмотрел и в некоторых случаях предложил новое чтение для надписей южной полигональной стены Дельф, а также составил списки дельфийских

³² Эта публикация осталась неизвестной В. Диттенбергеру, издавшему в 1896 г. корпус надписей Олимпии (Dittenberger, 1896. P. 109, № 53).

архонтов. Соколов, оппонировав докторскому сочинению Никитского «Исследования в области греческих надписей», посвященному также дельфийским надписям (Никитский, 1901), определил его научный метод как «самое точное, самое внимательное изучение надписи, самое полное знание всех других надписей, подходящих к изучаемой... самое полное знание древних авторов, наилучшее, возможно, знание греческого языка...» (Соколов, 1910. С. 610, 611). Эти и другие сочинения Никитского снискали ему европейскую известность. Выдающийся французский эпиграфист Ж. До замечал, что мнением этого русского исследователя никогда не следует пренебрегать (Daux, 1936. Р. 68). К счастью, сделанные Никитским эстампажи надписей из Дельф сохранились (рис. 2) и попали в собрание научного архива ИИМК РАН (см., например: НА ИИМК. РО. Р-II. Оп. 1. Д. 337–339, 420, 438).

30 июня 1883 г. Латышев писал о нем Помяловскому: «С Никитским познакомился в Одессе, он симпатичный молодой человек, но очень еще юн. Сообщенное Вами известие насчет учреждения русской школы душевно меня порадовало, но скажу Вам откровенно, что я не особенно глубоко верю в их будущность. Туда надо посылать не Корольковых и Никитских, а Ернштедтов, то есть людей, уже поработавших, заявивших о себе, знающих, куда и зачем они идут и умеющих работать самостоятельно, а зеленым юношам следует еще учиться под хорошим руководством, а не без всякой указки, иначе может выйти бесцельное шатание из стороны в сторону. У французов великолепно организованная школа, хороший руководитель, а посмотрите-ка, что иной раз имеют в своем Bulletinе, срам читать, а все от того, что едут туда прямо со студенческой скамейки. Впрочем, это мое личное мнение, быть может, я и ошибаюсь. Посмотрим, как кончится миссия Д. Н. Королькова, он малый дельный и с хорошей головой, так что по нему можно будет достаточно верно судить о результатах» (РНБ. ОР. Ф. 608. Оп. 1. Ед. хр. 928. Л. 25об.).

Академическая карьера Никитского убеждает, что прав оказался не Латышев, а Соколов, полагавший, что лучше посылать того, кто еще не определил тематику будущих занятий, «хотя и мало сведующего, но усердного и даровитого», которого можно «скоро научить умозрению» (СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 194. Л. 16, письмо от 12 января 1881 г.). Такими были командированные в Грецию «со студенческой скамейки» А. Н. Щукарев и Н. И. Ново-

садский³³, которые впоследствии успешно занимались изучением античных надписей и достигли немалых высот на этом поприще³⁴. Возможно, если бы не состояние здоровья, Корольков также продолжил бы удачно начатые занятия греческой эпиграфикой.

Зримым доказательством заслуженного уважения, высказываемого по отношению к молодым русским ученым их коллегами из французской и немецкой археологических школ, было избрание в 1881 г., уже в первый год их пребывания в Афинах, Латышева и Ернштедта членами-корреспондентами Германского археологического института. 7 февраля 1882 г. Соколов писал Ернштедту: «...Мы гордимся вами обоими. В самом деле, наши русские ученые, наша *συνωρίς*, поехавшая в Афины, сразу поставила себя великолепно... Тем более желательно, чтобы дело, столь прекрасно начатое, продолжилось» (СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 194. Л. 26).

В разные годы в Грецию командировались выпускники ПИФИ В. В. Латышев (1880–1882), Д. Н. Корольков (1882–1884), А. В. Никитский (1883–1885), Н. И. Новосадский (1884–1886), С. А. Селиванов (1890–1892) и учившиеся в Университете, но также участники *privatissima* Ф. Ф. Соколова В. К. Ернштедт (1880–1882), А. Н. Щукарев (1886–1888) и Р. Х. Лепер (1892–1894). К сожалению, после Лепера практика греческих командировок прекратилась. Может быть, одним из обстоятельств, мешавших основанию археологической школы в Афинах, явилось убеждение некоторых ученых, полагавших, что в отличие от Константинополя, в Афинах Русская школа будет всегда на вторых ролях после французских и немецких археологов (Жебелев, 1929. С. 53, 54). Например, А. Н. Щукарев писал, что «почетней начать дело на новом месте, нежели являться поздним пришельцем в Риме или Афинах»

³³ О греческой командировке Н. И. Новосадского см.: Белоусов, 2018. С. 35–39. Инструкция, которую дал ему Ф. Ф. Соколов перед поездкой в Грецию, отложилась в личном фонде Новосадского в АРАН (Ф. 611. Оп. 2. Д. 2).

³⁴ Вот как Соколов отзывался о А. Н. Щукареве: «Есть у меня очень дельный человек, преданный всей душой классической науке, занимающийся уже давно списыванием и изучением надписей, притом человек со средствами, но он студент Университета — Александр Никол[аевич] Щукарев — славный человек» (СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 55. Л. 12об., письмо от 10 июня 1884 г.).

(Шукарев, 1894. С. 171; СПА 2021. С. 836). Попытки организации такой школы предпринимались и позже. В 1900 г. эту идею снова высказывал российский посланник в Афинах М. К. Ону, который предложил учредить Афинское отделение Русского археологического института в Константинополе и предпринял ряд действий в этом направлении. Затем в 1904 г. аналогичные попытки предпринимала Академия наук, а в 1909–1910 гг. — РАО, но и на этот раз эти проекты не осуществились (Записки классического отделения Императорского Русского археологического общества. Т. VI. 1910. С. 202; Басаргина, 2008. С. 206–208; Жебелев, 2017. С. 64).

Все командированные в Грецию исследователи должны были регулярно представлять отчеты о своих занятиях. По возвращении в Петербург они привозили с собой эстампажи, в результате чего образовалась значительное собрание факсимильных оттисков греческих надписей. Вероятно, уже после революции сложными путями эта коллекция попала в ГАИМК. С. А. Жебелев, бывший преподавателем ПИФИ в 1909–1920 гг., отмечает в своем учебнике «Введение в археологию» (опубликованном в 1923 г.), что у него в разряде археологии Эллады и Рима в ГАИМК хранятся выполненные А. В. Никитским эстампажи дель-

фийских и других надписей, а в университетском Музее древностей — эстампажи, выполненные А. Н. Шукаревым (Жебелев, 1923. С. 157). Можно предполагать, что Жебелев, пытаясь сохранить эстампажи, забрал их в ГАИМК. Это могло произойти или в 1918–1919 гг., после реорганизации ПИФИ в Педагогический институт (когда была кардинально изменена программа преподавания), или в 1922 г., во время ликвидации института и присоединения его к Петроградскому университету (Тункина, 1999. С. 176, 218). Шукаревские эстампажи скорее всего попали в ГАИМК позднее, вероятнее всего в начале 1930-х гг., когда Музей древностей прекратил свое существование (Тихонов, 2016. С. 220, 221).

К сожалению, Русская археологическая школа в Афинах не состоялась, но этот неудавшийся проект отразился живыми дискуссиями в переписке ученых, в статьях и монографиях учеников Ф. Ф. Соколова, с которыми он связывал надежды на основание этой школы. Наконец, благодаря этому проекту появилось богатейшее собрание эстампажей древнегреческих лапидарных надписей, пережившее все потрясения российской истории XX в. Его сохранение в фондах научного архива ИИМК РАН является большой удачей для всех антиковедов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Инструкция г. Никитскому, командируемому в Грецию на два года, с 1 июля 1883 года

Специальность г.³⁵ Никитского [—] греческая история, греческие древности и эпиграфика. Уже в Одессе г. Никитский занялся списыванием надписей, для приобретения навыков в этом деле. В Афинах он будет иметь множество камней разных периодов, так что легко может познакомиться с признаками, по которым определяется время эпиграфического памятника. Г. Никитскому рекомендуется продолжать и в Афинах упражнения в копировании надписей, причем следует выбирать такие, которые читаются с трудом, и потом сверять сделанную копию с изданиями надписи. Г. Никитский не упустит случая списать всякую вновь открываемую надпись, до которой доступ будет ему возможен. В Афинах всего легче узнать, в какой части Греции можно надеяться отыскать новые, еще неизданные надписи. Г. Никитский посетит Фессалию, и, если возможно, Эпир.

Желательно, чтобы он нашел время для ознакомления с памятниками Делоса.

Изучение и объяснение надписей, изучение истории и древностей, изучение языка — одна и та же наука, чем полнее будет у г. Никитского знание древней литературы, чем основательнее знание языка, тем лучше будет он понимать надписи. Но всего важнее в деле эпиграфики знакомство с теми эпиграфическими сокровищами, которые скоплены уже в настоящее время, — с изданиями надписей. В Афинах находятся самые полные библиотеки для изучения греческих древностей и эпиграфики: библиотека Афинского университета, немецкого института, французской школы. В высшей степени важно сохранить и поддержать те добрые отношения к греческим, французским и немецким ученым, которые завязаны г. Латышевым, Ерншtedтом и Корольковым. Можно надеяться, что греческие, немецкие и французские ученые встретят г. Никитского с тем же великодушным, искренним сочувствием, какое они

³⁵ Буква «Г» с точкой (г.) перед фамилиями означает слово «господин».

оказали предшественникам г. Никитского. Советы и содействие г. Королькова будут полезны г. Никитскому как в этом деле, так и в научных работах всякого рода и в научных поездках.

Г. Никитскому ставится в обязанность представлять г. Директору Императорского С.-Петербургского Историко-филологического Института отчет о своих занятиях каждые полгода, к 1 января и 1 июля каждого года. Содержанием отчетов может быть изложение научных работ и открытий последнего времени или, вместо того, самостоятельные исследования и издания собственных эпиграфических открытий. Конечно, г. Никитскому не ставится в обязанность открывать новые надписи, это в значительной доле зависит от случая. Поэтому как *minimum* требований от отчета ставится изложение новейших открытий и исследований, принадлежащих ученым разных национальностей, работающим в Элладе. Но Конференция Института вполне уверена, что г[осподин] Никитский найдет довольно предметов для самостоятельных работ, причем рекомендуется г[осподину] Никитскому заблаговременно отделять исследования по каким-либо близким по содержанию и однородным предметам для сочинения, которое могло бы быть диссертацией на степень магистра. Г. Никитский совершенно свободен в выборе как предметов отдельных исследований, так и тем для магистерской диссертации. Но невольно приходит на память то, что недавно в Афинах найден целый клад отлично сохранившихся Митрадатских³⁶ монет, зарытых совсем новыми, скоро после чеканки, в землю. Руд[ольф] Вейль (*das Bündniss der Athener mit Mithradates, Mitteilungen VI, 315–337*)³⁷ догадыва-

³⁶ Здесь и далее в тексте написание дано по оригиналу. — *Примеч. Н. П.*

³⁷ Имеется в виду статья: Weil R. *Das Bündnis der Athener mit Mithridates* // *MDAIAA*. 1881. Т. 6. С. 315–337.

ется, что этот клад зарыт во время осады Афин Суллою. Переход Афин на сторону Митрадата представляет большой интерес по самой странности и неожиданности события, ввиду всегдашнего страха перед именем римлян, ввиду той безусловной покорности, которую мы встречаем раньше и позже этого времени. От II и I века до Р.Х. мы имеем массу надписей афинских и других городов Эллады. Об этих двух столетиях мы можем узнать еще очень много нового, и даже в изданных уже надписях кроется еще много такого, чем ученые недостаточно воспользовались, торопясь изданием. Г. Никитский может обработать историю Митрадата Великого и Эллады во время Митрадатских войн в связи с эпиграфическими и нумизматическими документами конца II и начала I века. Для этой темы можно ожидать некоторых научных прибавок и от предпринятого г. Латышевым труда собрания найденных в России надписей. В своей прекрасной студенческой работе г. Никитский имеет прочное основание для предполагаемой диссертации.

Очень желательны и при самостоятельных исследованиях краткие рефераты о новейших раскопках, открытиях и исследованиях, происходящих в Греции.

Г. Никитский, кроме официальных отчетов, будет уведомлять о ходе своих занятий профессором Соколова письмами.

Предшественники г. Никитского, воспитанники Императорского С.-Петербургского Историко-филологического института Латышев и Корольков начали дело будущего русского института в Афинах с честью для русской науки и к полному удовольствию конференции. Труды их послужат наилучшим примером и образцом г. Никитскому.

Ф. Соколов

(СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–2об.

Текст — автограф писарским почерком. Подпись — автограф Ф. Ф. Соколова)

АРАН

Ф. 611. Оп. 2. Д. 2: Инструкция Н. И. Новосадскому, командируемому в Грецию на два года с ученой целью, выданная историко-филологическим институтом. 4 л.

НА ИИМК РАН. РО

Р-П. Оп. 1. Д. 304: Надписи с памятников из Мегар (Греция). 5 л.; Д. 337: Копии надписей с фрагментов, хранящихся в Дельфийском музее. 31 л.; Д. 338: Копии с памятников из Дельфийского музея (Греция). 28 л.; Д. 339: Надписи с памятников из Дельфийского музея (Греция). 17 л.; Д. 420: Копии с памятников

из Дельфийского музея (Греция). 4 л.; Д. 438: Копии с памятников из Дельфийского музея (Греция). 195 л. Ф. 2. Оп. 1. 1921 г. Д. 7: Стенографические отчеты открытых заседаний Совета РАИМК. 116 л.

РНБ. ОР

Ф. 608. Оп. 1. Ед. хр. 928: Латышев Василий Васильевич, филолог, акад. Письма Ивану Васильевичу Помяловскому. 100 л.

СПбФ АРАН

Ф. 84. Оп. 1. Д. 38: «Инструкция г. Никитскому, командируемому в Грецию на два года, с 1 июля 1883 года» за подписью Ф. Ф. Соколова. 2 л.; Д. 51:

- Никитский А. В. Черновики его писем Ф. Ф. Соколову, К. В. Кедрову в Департамент Министерства народного просвещения, В. В. Латышеву. 137 л.; Д. 55: Соколов Федор Федорович. Письма его А. В. Никитскому. 34 л. Ф. 733. Оп. 2. Д. 169: Помяловский Иван Васильевич, филолог-классик, проф. Петербургского университета, чл.-кор. Письма его В. К. Эрнштедту и Л. И. Эрнштедт. 41 л.; Д. 194: Соколов Федор Федорович, историк древнего мира, филолог-классик, чл.-кор. Письма его В. К. Эрнштедту и к Л. И. Эрнштедт. 42 л.
- ЦГИА СПб.**
Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195: Предложение об учреждении Русского археологического института в Афинах и о командировании в Грецию профессора Соколова, Эрнштедта, Латышева, Королькова, Никитского, Новосадского, Щукарева, Селиванова, Лепера.
- Абамелек-Лазарев*, 1880 — *Абамелек-Лазарев С. Фе-рейские тираны* // ЖМНП. 1880. Ч. 211, сентябрь. С. 351–402.
- Абамелек-Лазарев*, 1884 — *Абамелек-Лазарев С. Пальмира. Археологическое исследование князя С. Абамелека-Лазарева, действительного члена Императорского Русского Археологического Общества.* СПб.: Тип. Имп. АН, 1884. 120 с.
- Басаргина*, 1999 — *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе (очерки истории). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 244 с.
- Басаргина*, 2008 — *Басаргина Е. Ю.* Проекты создания русских археологических институтов за рубежом // ВДИ. 2008. № 4. С. 205–213.
- Белоусов*, 2018 — *Белоусов А. В.* Николай Иванович Новосадский (1859–1941) — основатель кафедры древних языков исторического факультета МГУ: жизнь и труды по материалам Архива РАН // Труды кафедры древних языков. Вып. V: Кафедре древних языков исторического факультета МГУ — 80 лет. М.: Индрик, 2018. С. 28–57.
- Варнеке*, 2013 — *Варнеке Б. В.* Старые филологи / Вступительная статья, подготовка текста, публикации и комментарии И. В. Тункиной // ВДИ. 2013. № 4. С. 123–155.
- Гицевич*, 2022 — *Гицевич Е. С.* Заграничные командировки антиковедов, их содержание и модели построения маршрутов в конце XIX — начале XX в. // Вестник Томского ГУ. 2022. № 478. С. 80–86.
- Ернштедт*, 1882 — *Ернштедт В.* Саламинская битва // ЖМНП. 1882. Ч. 220, март. С. 105–127.
- Жебелев*, 1909 — *Жебелев С. А. Ф. Ф. Соколов (некролог)* // ЖМНП. Классическое отделение. 1909. Вып. XXIII, сентябрь. С. 17–64.
- Жебелев*, 1923 — *Жебелев С. А.* Введение в археологию. Ч. 2: Теория и практика археологического знания. Пг.: Наука и школа, 1923. 172 с.
- Жебелев*, 1929 — *Жебелев С. А. Ф. И.* Успенский и Русский археологический институт в Константинополе / Памяти академика Федора Ивановича Успенского. 1848–1928: Сб. ст. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 53–66.
- Жебелев*, 2017 — *Жебелев С. А.* Русское археологическое общество за третью четверть своего существования. 1897–1921: исторический очерк. Библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред. И. В. Тункина. М.: Индрик, 2017. 670 с.
- Исаков*, 2006 — *Исаков С. Г.* Русские общественные и культурные деятели в Эстонии: материалы к биографическому словарю. Таллинн: Русский музей Эстонии, 2006. 192 с.
- Кольишницина, Ланцов*, 2023 — *Кольишницина Н. В., Ланцов С. Б.* Заграничные командировки выпускников Императорского историко-филологического института // ВДИ. 2023. Вып. 4. С. 902–928.
- Корольков*, 1883а — *Корольков Д. Н.* Несколько неизданных мегарских надписей // ЖМНП. Вып. 229. 1883. Сентябрь. С. 57–75.
- Корольков*, 1883б — *Корольков Д. Н.* Новые раскопки в Элевсине // ЖМНП. 1884. Ч. 232, апрель. С. 88–101.
- Куглер*, 1869 — *Куглер Ф.* Руководство к истории искусства / Пер. с нем. Е. Ф. Корша: В 2 т. Т. 1 — М.: Типография Грачова и К, 1869. 610 с., Т. 2 — М.: Изд. К. Т. Солдатенкова, 1870. 633 с.
- Кулишова*, 2024 — *Кулишова О. В.* Из истории отечественной эпиграфики: переписка Ф. Ф. Соколова с А. В. Никитским // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XXVIII (2): Чтения памяти профессора И. М. Тронского. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 2104–2113.
- Латышев*, 1881 — *Латышев В. В.* Эпиграфические этюды. III // ЖМНП. 1881. Ч. 216, июль. С. 305–313.
- Латышев*, 1882 — *Латышев В. В.* Эпиграфические этюды. IV // ЖМНП. 1882. Ч. 222, июль. С. 271–310.
- Никитский*, 1884 — *Никитский А. В.* Одна из неизданных надписей Олимпии // ЖМНП. 1884. Ч. 235, сентябрь. С. 1–15.
- Никитский*, 1894/95 — *Никитский А. В.* Дельфийские эпиграфические этюды. I–VI. Одесса: Типография штаба округа, 1894/95. 368 с.
- Никитский*, 1901 — *Никитский А. В.* Исследования в области греческих надписей. Юрьев: Типография К. Матиссена, 1901. 290 с.
- Переписка...* 2023 — *Переписка А. В. Орешникова и В. В. Латышева. 1886–1920 / Вступительные статьи, составление, ред. П. Г. Гайдукова и Н. А. Павличенко; автор комментариев Н. А. Павличенко, при участии Е. В. Захарова.* М.: ИА РАН, 2023. 298 с.
- Прахов*, 1883а — *Прахов А. В.* Открытие фресок Киево-Кирилловской церкви XII века, исполненное в 1881 и 1882 гг. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1883. 13 с.

- Прахов*, 1883б — *Прахов А. В.* Киевское искусство X, XI и XII вв.: каталог выставки копий с памятников искусства в Киеве X, XI и XII вв., исполненных А. В. Праховым в течение 1880, 1881 и 1882 гг. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1883. 46 с.
- Сборник постановлений... 1883 — Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7: Царствование императора Александра II. 1877–1881. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1883. 1242 с.
- Соколов*, 1910 — *Соколов Ф. Ф.* Александр Никитский. Исследования в области греческих надписей. Юрьев, 1901 // Труды Ф. Ф. Соколова. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. С. 610–615.
- СПА 2021 — Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века. В 3 т. Т. II: Л–Я / Отв. ред. А. К. Гаврилов. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. vi + 434 с.
- Тихонов*, 2016 — *Тихонов И. Л.* Музей древностей и изящных искусств Санкт-Петербургского университета // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2016. Вып. 16.1. С. 209–226.
- Тункина*, 1999 — *Тункина И. В.* В. В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Ред. И. П. Медведев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 172–288.
- Шифман*, 1980 — Пальмирский пошлинный тариф / Введение, перевод и комментарий И. Ш. Шифмана. М.: Наука, 1980. 335 с.
- Шукарев*, 1894 — *Шукарев А. Н.* Археологические хроники эллинского востока // Филологическое обозрение. 1894. Т. 6, кн. 2. С. 159–172.
- Юргевич*, 1881 — *Юргевич В. Н.* Псефизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора // Записки Одесского общества изучения древностей. Вып. 12. Одесса, 1881. С. 1–48.
- Chabert*, 1906 — *Chabert S.* Histoire sommaire des études d' épigraphie grecque en Europe // Revue archéologique. Quatrième série. Т. 7 (janvier-juin). 1906. P. 145–164.
- CIA — Corpus inscriptionum Atticarum. Vol. II, 2. Berolini, 1883.
- Daux*, 1936 — *Daux G.* Delphes au IIe et au Ier siècle, depuis l'abaissement de l'Étolie jusqu'à la paix romaine, 191–31 av. J.-C. (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome, fasc. CXL). Paris: E. de Boccard, 1936. 745 p.
- Dittenberger*, 1896 — Olympia: die Ergebnisse der von dem Deutschen Reich veranstalteten Ausgrabung. Bd. 5: Die Inschriften von Olympia / Hrsg. von W. Dittenberger, K. Purgold. Berlin: A. Asher, 1896. 918 S.
- Foucart*, 1881 — *Foucart P.-Fr.* Décret de la ville de Chersonésos en l'honneur de Diophantos, général de Mithridate // BCH. 1881. Vol. 5. P. 70–87.
- IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I–IV. Petropoli, 1885–1916.
- Korolkow*, 1883 — *Korolkow D.* Megarische Inschriften // MDAIAA. 1883. Bd. 8. S. 181–191.
- Korolkow*, 1884 — *Korolkow D.* Inschriften von Akraiphia // MDAIAA. 1884. Bd. 8. S. 5–14.
- Larfeld*, 1914 — *Larfeld W.* Griechische Epigraphik. München: C. H. Beck, 1914. 536 S.
- Latyshev*, 1881 — *Latyshev V. V.* Lettres de l'empereur Antonin aux habitants de Thisbé et de Coronée // BCH. 1881. Vol. 5. P. 452–461.
- Latyshev*, 1882 — *Latyshev V. V.* Sénatus-consulte relatif aux habitants de Méliée et de Narthakion // BCH. 1882. Vol. 6. P. 356–387, 580–590.
- Schnaase*, 1843–1879 — *Schnaase K.* Geschichte der bildenden Künste. Bd. 1–8. Düsseldorf, 1843–1879. Bd. 1 — 1843. 460 S. Bd. 2 — 1843. 534 S.; Bd. 3 — 1844. 558 S.; Bd. 4.1. — 1850. 418 S.; Bd. 4.2. — 1854. 594 S.; Bd. 5. — 1856. 808 S.; Bd. 6. — 1861. 642 S.; Bd. 7. — 1864. 712 S.; Bd. 8. — 1879. 596 S.
- Vogüé*, 1883 — *Vogüé de M.* Inscriptions palmyréniennes inédites // Journal Asiatique. 1883. I. P. 231–245.
- Waddington*, 1882 — *Waddington W. H.* Lettre du prince Lazarew sur une inscription datée de Palmyre // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1882. 26e année, № 2. P. 79–81.

**“...We need more, much more inscriptions, and still, we will not be fed up“:
documents on the project of the establishment of the Russian Archaeological
Institute in Athens (from the archival collections of St. Petersburg)**

N. A. Pavlichenko, O. V. Grigorieva, V. A. Goroncharovsky³⁸

Keywords: Greek epigraphy, squeezes, project of the Russian Archaeological Institute in Athens, V. V. Latyshev, V. K. Ernsted, G. A. Yanchevetsky, A. V. Prakhov, S. S. Abamelek-Lazarev, D. N. Korolkov, A. V. Nikitsky, F. F. Sokolov, I. V. Pomyalovsky

³⁸ Natalia A. Pavlichenko, Olga V. Grigorieva, Vladimir A. Goroncharovsky — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: nat.pavlichenko@gmail.com, sigrid@yandex.ru, goronvladimir@yandex.ru.

In the late 1870s, the diplomat and eminent collector P. A. Saburov advocated for the establishment of a Russian archaeological school in Athens, emulating the French and German archaeological institutes; however, this proposal was deemed premature. To prepare scholars for such an institution, it was suggested that two young graduates of the St. Petersburg Historical and Philological Institute or the Faculty of History and Philology of St. Petersburg University be dispatched to Greece. The selected individuals were V. V. Latyshev and V. K. Ernstedt. Throughout the 1880s and 1890s, D. N. Korolkov, A. V. Nikitsky, N. I. Novosadsky, S. A. Selivanov, A. N. Shchukarev, and R. Kh. Leper were sent to Greece as fellows of the Ministry of Public Education. All researchers assigned to Greece were mandated to submit regular reports concerning their activities and maintain ongoing correspondence with F. F. Sokolov and I. V. Pomyalovsky. These correspondences consistently addressed inscriptions from the collections of Greek museums or those uncovered during excavations. Upon their return to St. Petersburg, these researchers brought with them squeezes, culminating in a substantial collection of facsimile prints of Greek inscriptions. The analysis of correspondence, articles authored by these scholars in *Journal of the Ministry of Public Education*, *Bulletin de Correspondance Hellénique*, *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts*, and *Ἐφημερίς Ἀρχαιολογική* in the 1880s — 1890s, alongside their subsequent publications and squeezes of inscriptions from mainland and island Greece housed in the NA IHMC RAS, facilitated the determination of the origin and production timeline of these squeezes. The majority were produced in Greece during the 1880s and 1890s as part of the initiative to establish a Russian archaeological school in Athens.

ХРОНИКА

Междисциплинарный научный симпозиум «Монументальность и монументальная скульптура эпохи палеометалла и раннего железного века в горно-степном поясе Евразии»¹

М. Т. Кашуба, В. П. Власов²

Ключевые слова: Евразия, Причерноморье, Крым, эпоха бронзы, ранний железный век, монументальность, археологические культуры, сооружения и объекты, скульптура, междисциплинарные исследования.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-45-164-167

26–27 апреля 2024 г. в Симферополе Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН) и Институт археологии Крыма РАН (ИА Крыма РАН) при партнерстве Центрального музея Тавриды в рамках мероприятий, приуроченных к 300-летию Российской академии наук, совместно организовали и провели Междисциплинарный научный симпозиум нового цикла. Первое из научных мероприятий, которые планируется сделать периодическими, было посвящено 100-летию обнаружения Н. Л. Эрнстом стелы эпохи бронзы в дер. Бахчи-Эли (современный г. Симферополь) в Крыму.

Монументальность — специфическая характеристика профанного и сакрального в древней культуре. Монументальная архитектура — погребальные комплексы, фортификации, культовые сооружения, инфраструктурные объекты и пр. — позволяет судить об уровне сложности социаль-

ного устройства, персональном статусе умерших, развитии военного дела и ритуальных практиках. Благодаря монументальной скульптуре можно проследить процессы миграций людей и идей, трансевропейские и евроазиатские коммуникации, технико-технологический уровень древних мастеров, а также идеологические представления и степень развития художественного мастерства.

Среди основных направлений цикла научных симпозиумов — монументальность в архитектуре (технологические аспекты строительства монументальных сооружений; контекст; интерпретация культовых и погребальных сооружений, древнейших фортификационных систем); монументальность в скульптуре и малых формах (культурно-хронологическая атрибуция изваяний, антропоморфных рельефов, плит и столбов и др.); семантика; технология изготовления; проблемы копирования (создание 3D-моделей) и экспонирования в музеях и на открытом воздухе; история исследования в различных регионах.

В работе симпозиума приняли участие представители научных, музейных и образовательных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Симферополя и Севастополя. Симпозиум собрал более 40 участников. Всего было представлено 15 докладов, из которых 13 устных, один заслушан онлайн, также были обсуждены два постерных. Важно отметить присутствие на заседаниях и участие в работе научного мероприятия молодых ученых. К началу симпозиума была выпущена расширенная программа с аннотациями докладов.

¹ Кашуба М. Т. выполнила свою часть работы (подготовку статьи и проведение научного мероприятия) в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Кашуба М. Т. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, РФ; e-mail: mirga-k@yandex.ru. В. П. Власов — Институт археологии Крыма РАН; Симферополь, Республика Крым; e-mail: vlasov_vladimir@mail.ru.

© Кашуба М. Т., Власов В. П., 2024

Работа симпозиума. Открытие Междисциплинарного научного симпозиума состоялось 26 апреля в зале библиотеки ИА Крыма РАН, в доме М. С. Воронцова, расположенном в Ботаническом саду им. Н. В. Багрова (Симферополь). На открытии присутствовали директор и заместитель директора ИА Крыма РАН д-р ист. наук В. В. Майко и канд. ист. наук Э. А. Хайрединова, директор НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета (КФУ) им. В. И. Вернадского, профессор, д-р ист. наук А. И. Айбабин и директор Центрального музея Тавриды канд. филолог. наук А. В. Мальгин.

После приветственных слов В. В. Майко (ИА Крыма РАН, Симферополь) и М. Т. Кашубы (ИИМК РАН, Санкт-Петербург) симпозиум начал свою работу. В докладах поднимались вопросы критериев монументализма в разных его проявлениях, а также датировки, семантики, копирования и экспонирования изваяний (рис. 1, 1). Проблема монументальности рассматривалась его участниками на примерах монументальной скульптуры энеолита — Средневековья, а также погребальной и бытовой архитектуры эпохи бронзы — раннего железного века.

В докладе А. Е. Кислого (ИА Крыма РАН, Симферополь) речь шла о проблемах культурологической интерпретации и датировок антропоморфных стел энеолита — бронзового века Евразии. Исследователь отметил, что обстоятельства их обнаружения (в редчайших случаях *in situ*) порождают разноплановость мнений о хронологии и принадлежности стел к той или иной археологической культуре. Благодаря распространению на евразийских просторах близких по стилю изваяний можно изучать проблемы культурных связей, происхождения и миграций древнейшего населения Евразии.

Периоды распространения каменной скульптуры в кочевнических культурах Саяно-Алтая в широком временном диапазоне — от эпохи бронзы до Средневековья — прослежены в докладе М. Е. Килуновской (ИИМК РАН, СПб.; онлайн). Исследовательница подчеркнула, что существенный разрыв между этими явлениями не дает возможности четко выявить единую традицию на уровне преемственности культур: в эпоху бронзы появляются первые каменные изваяния (чемурчская и окуневская культуры); далее, в начале I тыс. до н. э., в степном поясе Евразии широко известны оленные камни (с центрами возникновения в Монголии, Туве и на Алтае); наконец, во второй половине I тыс. н. э. каменные изваяния устанавливаются на памятниках древних тюрков.

История изучения крымских изваяний разных археологических культур эпохи бронзы и железного века была детально освещена в докладе А. А. Волошинова (ИА РАН, Москва). Автор отметил наиболее важные работы начиная с 1960-х гг., связанные с именами А. А. Формозова, А. А. Щепинского, П. Н. Шульца, С. Г. Колтухова, А. Е. Кислого, В. С. Ольховского, Г. Н. Тощева и др. На полуострове известно около 35 стел эпохи бронзы, шесть изваяний предскифского времени, около 40 скифских изваяний (включая около восьми баз к ним), а каменная варварская скульптура римского времени представлена 140 изваяниями (антропоморфными стелами и рельефами, менгироподобными изваяниями, основаниями-базами, жертвенными камнями и плитами).

Несколько выступлений касались непосредственно стелы из Бахчи-Эли, к 100-летию находки которой приурочен Междисциплинарный симпозиум. «История» бахчи-элинской стелы в докладе М. Т. Кашубы (ИИМК РАН, СПб.), Ю. М. Свойского (НИУ ВШЭ, Москва) и Е. В. Романенко (Лаборатория RSSDA, Москва) представлена сквозь призму посвященных ей публикаций и осмысления имеющихся на стеле образов. Задача передачи высеченных на плите изображений, поставленная еще ее открывателем Н. Л. Эрнстом, стимулировала новые исследования стелы, которые были проведены фотограмметрическим способом Ю. М. Свойским и Е. В. Романенко. Созданная трехмерная полигональная модель этой скульптуры позволяет не только полноценно ее документировать, но также дает возможность распознать все искусственные изображения.

Изображения на стеле из Бахчи-Эли были проанализированы в трех докладах: в двух выступлениях рассмотрены их иконографические особенности, а в третьем — морфологический аспект.

Опираясь на явные образы оружия (топоры в боевом и перевернутом положении) и находящиеся в противостоянии две мужские фигуры, А. В. Мальгин (Центральный музей Тавриды, Симферополь) и А. Е. Кислый (ИА Крыма РАН, Симферополь) обратились к достаточно распространенному эпическому сюжету борьбы. По их мнению, имеется почти прямая библейская аналогия, когда находящийся в противостоянии и получивший божественное обещание Земли обетованной братнаследник устанавливает камень-жертвенник и совершает на нем возлияния.

Иконография стелы с применением методов когнитивистики, в том числе когнитивной семантики, рассмотрена в докладе Ю. В. Кожуховской (КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь).

Рис. 1. Первый Междисциплинарный научный симпозиум «Монументальность и монументальная скульптура...» (26–27 апреля 2024 г., Симферополь): 1 — заседание в зале библиотеки ИА Крыма РАН; 2 — участники возле обновленной экспозиции стелы из Бахчи-Эли в Центральном музее Тавриды; 3, 4 — участники на выставке «Таврида археологическая. 2014–2024» в выставочном зале Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский»

Fig. 1. The First Interdisciplinary Scientific Symposium “Monumentality and Monumental Sculpture...” (April 26–27, 2024, Simferopol): 1 — meeting in the library hall of the Institute of Archaeology of Crimea of the RAS; 2 — participants near the updated exhibition of the stele from Bakhchi-Eli in the Central Museum of Taurida; 3, 4 — participants at the exhibition “Archaeological Taurida. 2014–2024” in the exhibition hall of the Historical and Archaeological Museum-Reserve “Naples Scythian”

Исследовательница выделила наиболее значимые идеограммы, широкие и узкие плоскости, связанные с верхом/низом, «злом»/«добром» и т. п.

А. Е. Кислый (ИА Крыма РАН, Симферополь), Р. А. Чикин и С. В. Горбунов (КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь), исходя из «формального» морфологического метода, распознали на стеле верхний, средний и нижний ряды знакового повествования с заглавием и окончанием.

В докладе Л. Н. Водолажской (КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь) охарактеризована плита с лунками из раскопок 1980-х гг. Северо-Крымской археологической экспедиции. На основании архивных данных сделан вывод о принадлежности плиты к ямной культуре, а применение вычислительных методов позволило высказать предположение о том, что лунки на плите соответствуют разметке аналемматических солнечных часов.

Доклад М. Ю. Меньшикова и И. В. Рукавишниковой (ИА РАН, Москва) был посвящен серии

памятников со сходной каменной архитектурой в курганах эпохи бронзы Керченского полуострова, выявленной благодаря масштабным охранным раскопкам последних лет. В основе таких объектов — наземные площадки, оконтуренные квадратной изгородью из вертикально поставленных каменных плит с забутованным основанием (в центральной части одного из таких комплексов зафиксировано ограбленное погребение). Позднее на их месте были сформированы земляные курганы, окруженные каменным кромлехом, в которые уже были впущены погребения самого финала бронзового века. Речь может идти о культовых сооружениях, функционирующих здесь в эпоху бронзы на протяжении нескольких веков и использующихся представителями разных археологических культур.

В докладе А. В. Куликова и Д. В. Бейлина (ИА Крыма РАН, Симферополь) было уделено внимание археологическому контексту находки каменной антропоморфной стелы, имеющей близкое

сходство с известными тиритакскими изваяниями. Особенность тиритакских антропоморфов, отличающая их от находок подобного рода в Таврике и Северном Причерноморье, — это парные изображения, сделанные рукой одного мастера.

В постерных докладах сотрудников КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь) проблема монументализма рассмотрена в двух совершенно разных аспектах. О. А. Грива представила его как выражение трансцендентного в древнем религиозном искусстве, а Т. Н. Смекалова — как пример крупных хозяйственных сооружений эпохи бронзы в Северо-Западном Крыму.

В ряде докладов проблема монументальности рассматривалась на примерах конструкций погребальных сооружений. Н. А. Берсенева (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург) продемонстрировала ее на синташтинских древностях конца III — начала II тыс. до н. э. Монументальные могильные ямы и связанные с ними жертвенные комплексы, очевидно, сопряжены с социальным статусом, а также возрастом и полом погребенных. В. А. Тихомиров (ИА Крыма РАН, Симферополь) обратил внимание на наличие таких редких среди традиционных кизил-кобинских погребальных сооружений Крыма (каменных ящиков) элементов, как стелы и/или менгиры.

Вопросы, связанные с использованием воинских стел римского времени из позднескифского могильника Заветное (Юго-Западный Крым) в качестве изобразительного источника и их археологическими реалиями в погребальных комплексах, подняты в совместном докладе А. А. Волошинова (ИА РАН, Москва) и В. В. Масыкина (ИА Крыма РАН, Симферополь).

Завершил симпозиум доклад А. А. Стояновой (ИА Крыма РАН, Симферополь), который основан на итогах раскопок могильника I в. до н. э. —

IV в. н. э. Опушки и посвящен уникальному для синхронных памятников горной Таврики каменному склепу. Исследовательница детально проанализировала особенности его конструкции, вероятно, указывающие на особый статус этого сооружения.

В дискуссиях по итогам заслушанных докладов приняли участие более 40 человек. Важным действием была передача внучкой Н. Л. Эрнста в научный архив Института археологии Крыма РАН ранее неизвестного портрета ученого и некоторых его личных материалов, поступлению которых всемерное содействие оказал С. Б. Ланцов (ИА Крыма РАН, Симферополь).

Участники симпозиума посетили две выставки: «Таврида археологическая. 2014–2024», подготовленную сотрудниками историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский» (рис. 1, 3, 4), а также обновленную экспозицию, посвященную стеле из Бахчи-Эли, в Центральном музее Тавриды, где выставлен сам археологический памятник, а также экспонируется его цифровой образ (рис. 1, 2). Научное мероприятие широко освещалось в сети Интернет на официальных сайтах организаторов³, а также в социальных сетях Телеграмм и ВКонтакте.

Участники и слушатели симпозиума отметили его плодотворную работу, а также актуальность избранной тематики и поддержали идею периодического проведения последующих научных форумов по этой проблематике. По итогам мероприятия запланировано издание совместного (ИИМК РАН и ИА Крыма РАН) сборника трудов.

³ Программа и аннотации докладов: URL: <https://www.archeo.ru/events/conferences/monumentalnost-i-monumentalnaya-skulptura-ep-b7f44/monumentalnost-i-monumentalnaya-skulptura-ep-09343> (дата обращения 24.11.2024).

Interdisciplinary scientific symposium “Monumentality and monumental sculpture of the Paleometal and Early Iron Age in the mountain-steppe belt of Eurasia”

М. Т. Kashuba, V. P. Vlasov⁴

Keywords: Eurasia, Black Sea region, Crimea, Bronze Age, Early Iron Age, monumentality, archaeological cultures, structures and objects, sculpture, interdisciplinary research

⁴ Maya T. Kashuba — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: mirra-k@yandex.ru. Vladimir P. Vlasov — Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences; Simferopol, Republic of Crimea; e-mail: vlasov_vladimir@mail.ru.

Институт истории материальной культуры РАН в 2023 г.

В 2023 г. сотрудниками ИИМК РАН были продолжены исследования в рамках шести тем государственных заданий на 2022–2024 гг. (список тем см.: *Ткач Е. С.* ИИМК РАН в 2021 г. // *Археологические вести*. Вып. 37. 2022. С. 298), а также начаты работы по новой теме — «Древнерусский Торопец и его округа» (2023–2024 гг.) под руководством канд. ист. наук И. И. Еремеева.

Началась реализация новых грантов Российского научного фонда. В рамках конкурса на проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами поддержку получили проект канд. ист. наук А. В. Фрибуса «Погребальный обряд и хронология „малых некрополей“ протогородского центра эпохи бронзы Гонур-тепе (Туркменистан)» и проект канд. ист. наук А. А. Малютиной «Традиции косторезного производства в арктической зоне Фенноскандии в неолите и бронзовом веке». В конкурсе на проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами победителем стал проект д-ра ист. наук В. А. Лапшина «Формирование ранней городской структуры и культурного ландшафта Северной Руси на материале археологического комплекса Старой Ладogi».

В рамках президентской программы исследовательских проектов РНФ победителями конкурсов на проведение исследований научными группами под руководством молодых ученых стали канд. ист. наук А. А. Бессуднов («Палеолит Костёнок в общеевропейском контексте: развитие культуры в свете новой хронологии», продление) и канд. ист. наук К. Н. Степанова («Технологические новации среднего и верхнего палеолита как критерии для уточнения периодизации и индустриальной вариативности»). Проект канд. ист. наук Е. С. Ткач «На границе двух миров: культурные традиции Центральной и Восточной Европы в позднем каменном веке Калининградской области» победил в конкурсе на проведение

исследований научными группами под руководством молодых ученых.

Поддержку Русского географического общества получили проекты канд. ист. наук М. Е. Килуновской «Комплексная археолого-географическая экспедиция в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС в Республике Тыва» и канд. ист. наук Т. Р. Садыкова «Азиатская номадическая экспедиция».

В рамках поддержки проведения международных и общероссийских мероприятий фонда «История Отечества» победителем стал проект «Международная научная конференция „Поющие“ стрелы Маодуня: хунну от неизвестности до империи, посвященная 75-летию со дня рождения С. С. Миняева (1948–2020)».

Полевые исследования

Археологические экспедиции ИИМК РАН в 2023 г. охватили памятники всего хронологического диапазона археологической науки — от раннего палеолита до начала XX в.

Древнейшие этапы заселения человеком Евразии исследовались Российско-Армянской экспедицией под руководством д-ра ист. наук Е. В. Беляевой и Таманской экспедицией (руководитель — д-р ист. наук С. А. Кулаков). Изучение среднего палеолита продолжено Верхнедеснинской и Нижневожжской экспедициями (руководитель — канд. ист. наук А. К. Очередной). На базе Верхнедеснинской — проведена экспериментальная экспедиция, нацеленная на изучение древних технологий по археологическим источникам палеолитической эпохи (руководитель — канд. ист. наук К. Н. Степанова). Новейшие данные по исследованию памятников Костёнковско-Борщёвского региона получены усилиями Костёнковской археологической экспедиции (руководители — кандидаты ист. наук А. А. Синицын и А. А. Бессуднов).

Изучение первоначального появления человека за полярным кругом проводилось на территории Якутии (руководитель — д-р ист. наук В. В. Питулько) и на Кольском полуострове (руководитель — д-р ист. наук Е. М. Колпаков).

Памятники бронзового и железного веков исследовались на территории Тувы и Южной Сибири. Под руководством директора Южносибирского филиала ИИМК РАН канд. ист. наук И. П. Лазаретова продолжены работы Саянской экспедиции, а под началом канд. ист. наук М. Е. Килуновской изучались разновременные памятники Тувы. В рамках этих экспедиций были созданы несколько отрядов, возглавляемых молодыми учеными института (В. С. Бусовой, В. М. Лурье, В. Б. Трубниковой). В Туве под руководством канд. ист. наук Т. Р. Садыкова велись исследования кургана Туннуг.

На территории Крыма изучение античного периода продолжалось силами Порфмийской (руководитель — Е. В. Четвёркина) и Таманской (руководитель — С. В. Кашаев) экспедиций и совместной с Государственным Эрмитажем подводной археологической экспедицией на Акре (руководители — кандидаты ист. наук В. В. Вахонеев и С. Л. Соловьёв). В 2023 г. завершены археологические исследования Античной комплексной экспедиции (руководитель — канд. ист. наук С. Л. Соловьёв) в границах объекта археологического наследия «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический».

Памятники различных периодов исследовались на Северо-Западе России. Стоянки каменного века изучались Северо-Западной неолитической (руководитель — канд. ист. наук Е. С. Ткач) и Ленинградской областной (руководитель — А. Ю. Городилов) экспедициями. Мониторинг состояния выявленных памятников археологии проводился канд. ист. наук Ст. А. Васильевым и С. А. Семёновым. Исследования в границах Санкт-Петербурга осуществлены Городской археологической экспедицией (руководитель — канд. ист. наук Н. Ф. Соловьёва).

Продолжены работы на ключевых для региона памятниках Средневековья — Старой Ладоге в Ленинградской области (руководитель — д-р ист. наук В. А. Лапшин) и Рюриковом городище в Новгородской (руководитель — д-р ист. наук Н. В. Хвоцинская).

В рамках спасательных работ велись исследования в Калининграде (руководитель — канд. ист. наук Н. А. Боковенко) и Калининградской области (руководитель — канд. ист. наук А. В. Субботин), Твери и Тверской области (руководитель — К. В. Хлуднев), а также в Республике Дагестан (руководитель — канд. ист. наук А. В. Субботин). Центром спасательной археологии продолжены работы по проведению историко-культурной

экспертизы в зонах хозяйственного освоения (подготовлено более 300 экспертиз).

Совместно с Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН на территории Туркменистана под руководством канд. ист. наук А. В. Фрибуса проведена международная экспедиция.

Международная деятельность

Продолжены исследования по проекту международного департамента Министерства науки и высшего образования РФ «Комплекс мероприятий по сохранению объекта всемирного наследия “Site of Palmyra” № 23bis („Археологические памятники Пальмиры“) Триумфальная Арка (Сирия)» (руководитель — канд. ист. наук Н. Ф. Соловьёва). В августе 2023 г. получено заключение ICOMOS по представленному проекту восстановления Триумфальной арки Пальмиры.

В рамках сотрудничества со Школой археологии Цзилиньского университета создана Лаборатория доказательной интерпретации (руководитель — канд. ист. наук Е. Ю. Гиря).

Публикационная активность

Продолжены издания двух журналов, входящих в список ВАК, — «Археологических вестей» (также входит в список RSCI) и «Записок ИИМК РАН».

В № 28 журнала «Записки ИИМК РАН» опубликованы материалы Круглого стола «От Херсонеса до Боспора», проведенного в 2022 г. и посвященного памяти Е. Я. Рогова. Также в этом номере представлены результаты исследований нового ашельского местонахождения на Тамани и археологические и нумизматические находки из памятников раннего Нового времени. № 29 состоит из двух блоков. Первый приурочен к юбилею П. Е. Нехорошева — известного исследователя памятников эпохи среднего палеолита, во втором представлены доклады конференции «Современные исследования памятников эпохи палеометалла», посвященной памяти исследователя Сибири М. Н. Пшеницыной.

Вышли в свет четыре выпуска журнала «Археологические вести». В выпуске 38 представлены статьи, подготовленные на основе докладов симпозиума «Развитие металлопроизводства и культурный прогресс в эпоху палеометалла на Кавказе и сопредельных территориях», посвященного 125-летию со дня рождения А. А. Иессена. Выпуск 39 (памяти д-ра ист. наук А. И. Саксы) объединил статьи по исследованию средневековой

археологии России, Финляндии и сопредельных территорий. В выпуске 40, в разделе «Новые открытия и исследования», впервые вводятся в научный оборот материалы археологических памятников от каменного века до Средневековья в широком географическом диапазоне, рассматриваются вопросы методики изучения, классификации и интерпретации различных категорий археологических находок. В специальный раздел выпуска вошли работы по актуальным проблемам археологии на материалах памятников Евразии разных эпох, касающиеся как теоретических аспектов, так и широкого круга социально-исторических и культурно-хронологических вопросов. В одной из статей описываются работы ИИМК РАН по созданию трехмерного моделирования христианских ранневизантийских храмов Сирии, проводимые с целью сохранения объектов культурного наследия международного значения. Выпуск 41 посвящен памяти известных ученых Е. И. Леви (1903–1996) и А. Н. Щеглова (1933–2009) и представляет результаты археологических работ на территории Крыма по изучению памятников от бронзового века до позднего античного периода.

В 2023 г. вышли в свет два выпуска журнала «Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований». В первый включены статьи по результатам конференции «На стыке Европы и Азии» (сентябрь 2022 г., Алматы, Казахстан), во втором представлен специальный раздел «Бифасы в палеолите», в основу статей которого положены доклады на конференции, состоявшейся в Санкт-Петербурге в декабре 2022 г.

Продолжена публикация монографий, подготовленных сотрудниками института. Издан двухтомник И. И. Еремеева «Славяне и норманны к северу от Днепра до начала X века. Начальные этапы славяно-скандинавских этнокультурных взаимодействий», посвященный славянизации Северо-Запада России во второй половине I тыс. н. э. и зарождению здесь протогосударственных социально-политических институтов.

Две коллективные монографии («Неизданный каталог ноин-улинской коллекции. Архивные материалы. 1920–1930-е гг.» и «Аккерманская крепость: командировка Е. Ч. Скржинской в сентябре 1947 года») основаны на материалах научного архива ИИМК РАН. Полевые материалы довоенных исследований опубликованы в коллективной монографии «Античное поселение Варваровка I в Нижнем Побужье: материалы раскопок 1938–1939 гг.».

В 2023 г. вышли из печати монографии Н. В. Леонтьева и А. В. Полякова «Памятники карасукского времени на территории Минусинского района Красноярского края (по материалам раскопок 1965–2006 гг. из фондов Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова)» и К. А. Михайлова «Михаил Константинович Каргер (1903–1976): Биографические очерки».

Совместно с Институтом археологии РАН издана коллективная монография «Переписка А. В. Орешникова и В. В. Латышева. 1886–1920».

Также увидели свет сборник в честь В. Н. Пилипко «От Копетдага до Окса. Исследуя древнюю Центральную Азию», посвященный археологии и истории Центральной Азии, и книга «Профессор Дмитрий Глебович Савинов. Сводная и тематическая библиография», посвященная обзору печатных работ крупнейшего российского специалиста в области археологии, истории и этнографии скотоводов и кочевников Сибири и Центральной Азии.

Результаты археологических исследований объектов культурного наследия Санкт-Петербурга и его окрестностей, а также других регионов России, которые были осуществлены центром спасательной археологии ИИМК РАН в сотрудничестве с другими научными, образовательными и государственными организациями в 2018–2023 гг., представлены в выпуске 14 «Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология)».

К двум конференциям приурочено издание их материалов («„Поющие стрелы Маодуня“: хунну от неизвестности до империи: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения С. С. Миняева (1948–2020)» и «Искусство и погребальный обряд позднего каменного века: Материалы симпозиума (Самара, 24–26 апреля 2023 г.)»).

Сотрудники института продолжали печатать свои исследования в журналах различного уровня. Д-р ист. наук В. В. Питулько вошел в рейтинг самых цитируемых ученых мира по версии Scopus.

Научные конференции

В 2023 г. ИИМК РАН выступил организатором и соорганизатором 22 конференций различных уровней.

Значительным событием для евразийской общественности стала международная конференция «„Поющие стрелы Маодуня“: хунну от неизвестности до империи», посвященная 75-летию со дня рождения С. С. Миняева. В рамках данного

мероприятия был организован научный семинар «Ноин-Ула сквозь столетие», посвященный 100-летию с начала работы Монголо-Тибетской экспедиции под руководством П. К. Козлова.

Отделом археологии Центральной Азии и Кавказа организована новая научная площадка для взаимодействия ученых разных областей знаний — «Полевая археология Южной Сибири (ПАЮС)». В рамках семинара проведен симпозиум «Современные исследования памятников эпохи палеометалла. Памяти М. Н. Пшеницыной (1937–2022)».

Институтом проведены две традиционные конференции по исследованию материалов каменного века Евразии: «Время переходов: смена эпох и культур в палеолите» и «Искусство и погребальный обряд позднего каменного века». В 2023 г. в честь 50-летия создания экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН проведена международная конференция «Дни трасологии в Санкт-Петербурге. К 50-летию создания лаборатории С. А. Семёнова».

Прошла серия мероприятий, на которых были представлены наработки по изучению античного периода: «Северное Причерноморье в древности. Традиционные подходы и новые открытия», «М. В. Фармаковский (1873–1946). Антиковед у истоков отечественной археологической технологии», «Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, вопросы, дискуссии».

Древнерусский этап истории обсуждался на конференциях «Древнерусский город: архитектура и материальная культура», «Старая Ладога 2023: архивы, полевые исследования, интерпретации», а также на семинаре «Археология средневековой фортификации», организованном совместно с Институтом археологии РАН.

Новым для института в 2023 г. стало участие в качестве соорганизатора III Всероссийской школьной археологической конференции.

Развитие методов естественных наук

В радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН продатированы 88 образцов угля, дерева, почвы и торфа. Сотрудниками проведен изотопный анализ 485 образцов. В рамках археозоологических исследований определены и описаны в общей сложности более 300 000 костных фрагментов. Велись исследования по полиполяризационному анализу керамических изделий, гранулометрическому анализу строительных материалов и растворов (выполнено более 600 анализов).

Музейная и выставочная деятельность

Институт выступил соорганизатором выставки «Археология Петербурга. Начало», открытой в Петропавловской крепости. Материалы из научного архива ИИМК РАН были представлены на выставках «Сокровища Аланского царства: к 1100-летию крещения Алании», «Рахманинов. Колыбель гения. К 150-летию со дня рождения». В Херсонесе Таврическом проведена выставка археологических материалов, полученных в ходе исследований 2021–2023 гг. Сотрудники института также принимали участие в организации выставок в различных частях России — от Старой Ладоги до Тувы.

На сайте ИИМК РАН представлено несколько фотовыставок: «Полевые работы Николая Анатольевича Боковенко в фотографиях», «Фотографии из поездок Е. Ч. Скржинской в Крым. 1924–1929 гг.», «Николай Николаевич Воронин и Гали Фёдоровна Корзухина. Неофициальная фотоистория», «К 120-летию Михаила Константиновича Каргера (1903–1976)». Все выставки доступны для просмотра онлайн.

Преподавательская деятельность

На кафедре археологии в Институте истории Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) сотрудниками ИИМК прочитаны курсы по различным направлениям археологической науки: палеолиту (канд. ист. наук К. Н. Степановой), основам археологического рисунка (канд. ист. наук А. К. Очередным), эпохам бронзы и энеолита (В. С. Бочкарёвым), археологии Сибири (д-ром ист. наук А. В. Поляковым), славяно-финской археологии (д-ром ист. наук Н. И. Платоновой), теоретической археологии (В. С. Бочкарёвым, д-ром ист. наук Е. М. Колпаковым). Лекции по использованию ГИС-технологий прочли канд. ист. наук Ст. А. Васильев и Е. К. Блохин. На других факультетах СПбГУ лекторами были канд. ист. наук М. Н. Желтова, д-р ист. наук И. Ю. Шауб, Н. С. Курганов, канд. ист. наук В. П. Никоноров.

Сотрудники ИИМК РАН (д-р ист. наук А. В. Курбатов, канд. ист. наук В. П. Никоноров) продолжают входить в состав Государственной экзаменационной комиссии Института истории СПбГУ по защите выпускных квалификационных работ.

В университетах Санкт-Петербурга также преподавали канд. ист. наук О. А. Щеглова (Высшая школа экономики), канд. ист. наук Вл. А. Семёнов (Санкт-Петербургская академия художеств), канд. культурологии А. Ф. Покровская (Санкт-Петербургский университет культуры).

Сотрудники читали курсы лекций в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (канд. ист. наук В. В. Вахонеев), Севастопольском государственном университете (канд. ист. наук В. В. Вахонеев, канд. культурологии А. Ф. Покровская), Казанском федеральном университете (канд. ист. наук Н. Н. Скакун, В. В. Терёхина), Тувинском государственном университете (канд. ист. наук М. Е. Килуновская), Тюменском государственном университете (канд. ист. наук В. С. Кулешов).

Совместно с Государственным Эрмитажем, Европейским университетом в Санкт-Петербурге, Школой искусств и культурного наследия при Европейском университете ИИМК РАН была организована программа «Курируя археологию», в рамках которой слушатели смогли ознакомиться со способами представления археологических знаний широкой общественности. Лекции от института читали В. С. Бусова и Е. К. Блохин.

Полевую археологическую практику студенты Санкт-Петербургского университета проходили на базе Костёнковской и Верхнедеснинской экспедиций, студенты Ленинградского университета им. А. С. Пушкина — на базе Староладожской экспедиции. Также в 2023 г. в институте проводилась архивная практика для студентов СПбГУ и музейная — для студентов Санкт-Петербургского университета культуры.

Традиционно сотрудники института В. Б. Трубникова и В. М. Лурье читали лекции для школьников в Санкт-Петербургском городском Дворце творчества юных.

Диссертационный совет

В рамках работы диссертационного совета 24.1.066.01 (ранее Д 002.052.01) по защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора исторических наук по специальности 5.6.3. Археология (ранее 07.00.06 — Археология) успешно прошли три защиты: две кандидатские — Н. С. Батуевой «Традиции отбора сырья и составления формовочных масс керамических сосудов у населения Среднего Предуралья в эпоху неолита» и А. А. Малютиной «Производство и функции изделий из твердых органических материалов в неолите Днепро-Двинского междуречья», одна — докторская, А. Ю. Тарасов представил работу по теме «Материальное производство и обмен в Северо-Восточной Европе периода позднего неолита / энеолита (на примере индустрии орудий русско-карельского типа)».

Стажировки и прикрепления

В 2023 г. 16 человек начали стажировку в ИИМК РАН, из них по шесть человек в экспериментально-трасологической лаборатории и отделе Центральной Азии и Кавказа. Прикрепления для написания кандидатских диссертаций оформили два человека (в отделы истории античной культуры и Центральной Азии и Кавказа).

Ученый совет

Всего проведено 12 заседаний ученого совета, из которых пять были расширенными. Совместно с отделом палеолита проведены заседания к юбилею канд. ист. наук В. И. Беляевой и 90-летию со дня рождения д-ра ист. наук С. Н. Астахова; с отделом Центральной Азии и Кавказа — к юбилею канд. ист. наук В. П. Никонорова; с отделом истории античной культуры — к 90-летию со дня рождения д-ра ист. наук А. Н. Щеглова. На расширенном заседании ученого совета ИИМК РАН при участии сотрудников Государственного Эрмитажа и Московского архитектурного института был представлен проект реставрации Триумфальной арки Пальмиры.

Популяризация науки

22 апреля 2023 г. в стенах института состоялось «Археолекторий» — научно-популярное мероприятие, задачей которого является просвещение широкой общественности по вопросам, связанным с археологической наукой и работой археологов. Участникам были представлены как лекции, так и мастер-классы по различным направлениям работы института.

Был продолжен и цикл научно-популярных лекций, начатый в 2022 г. Д-р ист. наук Е. М. Колпаков выступил с докладом «Жизнь в каменном веке в древних картинках», В. Б. Трубникова представила доклады «Китайский иероглиф: между археологией и искусством» и «Страна утренней свежести на заре: с чего начиналась Корея», канд. ист. наук М. Е. Килуновская — «Солнечные олени, боевые колесницы и бык Сарсаон: сюжеты и композиции в наскальном искусстве Саяно-Алтая». В двух частях слушателям была представлена лекция канд. ист. наук Н. Н. Николаева «Археология хунну: становление, современность, перспективы».

Доктором ист. наук Ю. А. Виноградовым подготовлена и издана научно-популярная монография «Боспор Киммерийский и Великая степь».

Ученый секретарь ИИМК РАН Е. С. Ткач

Список сокращений

- АВ — Археологические вести
АВЕС — Археология Восточно-Европейской степи
АН — Академия наук
АО — Археологические открытия
АРАН — Архив Российской академии наук
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии
ВДИ — Вестник древней истории
ВНК — Всероссийская нумизматическая конференция
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГАСО — Государственный архив Саратовской области
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГУ — государственный университет
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ИА — Институт археологии
ИАК — Императорская археологическая комиссия
КРС — крупный рогатый скот
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФУ — Крымский федеральный университет
ЛМ ИРЛИ — Литературный музей Института русской литературы
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани
МИС — морские изотопные стадии
МНК — материалы научной конференции
МРС — мелкий рогатый скот
НА — научный архив
НАО ГМЗ ХТ — научно-архивный отдел Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический»
НИЦ — научно-исследовательский центр
НОА — научно-отраслевой архив
НЦ — научный центр
ОПИ — отдел письменных источников
ПИФИ — Петербургский историко-филологический институт
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры
РА — Российская археология
РАИК — Русский археологический институт в Константинополе
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РАН — Российская академия наук
РАО — Русское археологическое общество
РГИА — Российский государственный исторический архив

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- РНБ. ОР — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей
РО — рукописный отдел
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СДП — современная дневная поверхность
СОМК — Саратовский областной музей краеведения
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ТДС — тезисы докладов и сообщений
УрО — Уральское отделение
ФО — фотографический отдел
ХГИАЗ — Херсонский государственный историко-археологический заповедник
ХКВК — хвалынская культура валиковой керамики
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЮНЦ РАН — Южный научный центр Российской академии наук
BSH — Bulletin de Correspondance Hellénique
CIA — Corpus inscriptionum Atticarum
IA НАН — Інститут археології Національної академії наук
ICAZ — International Council for Archaeozoology
IG — Inscriptiones Graecae
ИМЦ РАН — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences
MDAIAA — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
SA — Scientific Archive
SEG — Supplementum epigraphicum Graecum
SGDI — Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 45**

Главный редактор: Н. В. Хвоцинская
Корректор: О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191181, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, лит. А, каб. 307
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-36836 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ299 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 30.11.2024. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 48. Тираж 300 экз. Заказ 631.
Дата выхода: 30 декабря 2024 года

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67, пом. БМ10737

Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 45 —

